Андрэй
Макаёнак

АНДРЭЙ
МАКАЁНАК

ЗБОР ТВОРАЎ

Андрэй Макаёнак

ЗБОР ТВОРАЎ У ПЯЦІ ТАМАХ

Рэдакцыйная калегія:

АЎСЯННІКАЎ Г. С.
БЫКАЎ В. У.
ДЗЯЛЕЦ М. І.
ЛАЎШУК С. С.
МАКАЁНАК Л. І.
МАКАЁНАК С. А.
ШАМЯКІН І. П.

Андрэй Макаёнак

ТОМ
ТРЭЦІ

КІНАСЦЭНАРЫІ

МІНСК
«МАСТАЦКАЯ ЛІТАРАТУРА»
1989

ББК 84Бел7
М 15

Укладанне і каментарыі
С. С. Лаўшука

В третьем томе Собрания сочинений Андрея Макаенка читатели познакомятся с кинодраматургией. Предлагаются литературные сценарии фильмов «Твой хлеб», «В единой семье», «Счастье надо беречь», «Кондрат Крапива», «Рогатый бастион», «После ярмарки», «Большая опасность» и «Не оставишь меня».

М $\frac{4702120203-053}{М302(03)-89}$ 95—89

ISBN 5-340-00096-6

© Выдавецтва «Мастацкая літаратура», 1989.

Кінасцэнарыі

ТВОЙ ХЛЕБ

СЦЭНЫ СЕЛЬСКАГА ЖЫЦЦЯ

На лузе. У азярыне каля дарогі Сямён з Хведарам ловяць таптухай рыбу. Паднялі таптуху, і твары ў абодвух заззялі. Хведар выцягнуў ладнага шчупака. Але радасць была нядоўгай: шчупак вертануў хвастом і выслізнуў у ваду. Сямён накінуўся на напарніка:

— Эх ты, разявень! Табе толькі курэй шчупаць і то каб хто злавіў.

— Чорт яго ведаў...— мірна апраўдваецца Хведар.

— Пад жабры, пад жабры трэба было браць. А ты...— гарачыцца Сямён,— цюха-мацюха!

— Цьфу! — плюнуў напарнік і вылез на бераг.— Не столькі той рыбы, колькі крыку.

— Куды ты, чорт цыбаты? Лезь назад, можа, зловім яго.

— Лаві сам,— пакрыўдзіўся Хведар.

Сямён паглядзеў на Хведара, прыгадаў яго ціхую ўпартасць і таксама вылез з вады. Міма праязджае воз з сенам.

— Сабе вязеш ці ў калгас?

— Сабе. Працэнты,— тлумачыць фурман.

Сямён і Хведар абмяняліся сур'ёзнымі позіркамі: «Бачыў?»

Хведар скінуў з плячэй торбу з уловам і вывернуў рыбу.

— Дзялі,— загадаў Хведар.

— Што тут дзяліць? У адзін кацёл ды зварым юшку...

— Навошта ў адзін кацёл? — запярэчыў Хведар.— Ты любіш у катле, а я, можа, на скавародцы. Не, дзялі!

Крычаць драчы. Мітуслíва праляцелі спалоханыя качкі.

Каля дзвюх кучак падзеленага ўлову Сямён і яго напарнік — Сямён выбірае з адной кучкі большага шчупака.

— Ты такога выпусціў?

— Бадай, большага,— нічога не падазраючы, адказвае Хведар.

— Ну, дык вось, гэты — мне, а твой — там,— Сямён паказаў на азярыну,— сваіго на волю выпусціў. Падрасце — возьмеш.

— Ну, што ж, хай расце,— Хведар нават не раззлаваўся на напарніка.

Сямён і Хведар валакуць таптуху. У зубах цыгаркі, а прыкурыць няма чым: запалкі падмоклі.

— Эх ты, бусел цыбаты! Не мог у шапку запалкі схаваць,— лаецца Сямён.

— Ну, забыўся. Махорку схаваў, а запалкі...— апраўдваецца Хведар.

Узбоч сцежкі ўзгорачак, густа ўсыпаны суніцамі. Буйнымі, ярка-чырвонымі. Рыбакі спыніліся, збіраюць ягады. Сямён набраў букецік сцебялькоў з суніцамі.

Міма праязджае воз з сенам.

— Эй, сусед! — аклікнуў фурмана Сямён.— Аганёк ёсць?

— Нешта не помню такога суседа,— адказвае фурман.— Ёсць аганёк.

— Мы з «Чырвонай паляны».

— Ад чаго гэта яна пачырванела? Ці не ад суніц? — пажартаваў фурман.

— Ад патугі,— падтрымаў жарты Сямён.— Косім, косім траву, а яна стаіць.

— Ды яно відаць, як вы косіце,— фурман кіўнуў на таптуху.

Прыкурылі.

— На працэнты ці ў калгас? — цікавіцца Сямён.

— На працэнты,— адказвае фурман.

— Чуў, Хведар? — пытае Сямён напарніка.

— Чуў.

— Ну, будзь здароў! — развітаўся Сямён з «суседам».— Пайшлі, Хведар.

Рыбакі пайшлі далей. Праз некаторы час зноў сустракаюцца вазы.

— На працадні? — пытае ўжо Хведар.

— На працадні,— весела адказваюць фурманы.

— Чуў, Сямён? — пытае Хведар.

— Чуў,— адказвае Сямён.

— Пойдзем браць за жабры свайго старшыню,— прапанаваў Хведар.

— Возьмем! — рашуча заявіў Сямён.— Закон — для ўсіх закон.

Лагер калгаса «Чырвоная паляна» на лузе. Звычайныя буданы. Непадалёку ад іх — вогнішча, дзе гатуецца вячэра. Каля аднаго будана старшыня калгаса Цесля і дырэктар МТС Хамякоў.

— Скора за жніво трэба брацца, а ў цябе палавіна лугоў стаіць. Ох і намыляць табе шыю ў райкоме,— прыгразіў Хамякоў.

Цесля чухае патыліцу.

— Народ у мяне такі, што... Другому хоць кол на галаве чашы — не ідзе на работу, і ўсё. А калі і пойдзе, дык робіць як мокрае гарыць,— шукае апраўдання Цесля.

— Не кол трэба часаць, а... Гэтым не апраўдаешся.

Падышлі Сямён і Хведар і перапынілі Хамякова пытаннем.

— Што такое закон, таварыш старшыня? — спытаў Сямён.

Цесля і Хамякоў недаўменна пераглянуліся.

— Ты што? Закон... ёсць закон,— няўпэўнена адказаў Цесля.

— А не дышла!

— Ты, Сямён, ізноў нешта мудрагеліш...

— Не я мудрагелю, а ты, таварыш Цесля. Чаму ў людзей працэнты выдаюць, а ў нас не?

— Якія працэнты?

— Растлумач, Хведар, яны забыліся, не помняць.

— Перад сенакосам вы ж самі праводзілі ў нас сход і чыталі пастанову. Тлумачылі: «Дзесяць працэнтаў скошанага сена выдаваць на працадні. З кожнага ўчастка»,— папракнуў Хведар.

— Савет Міністраў пастанавіў. Закон! — пагрозліва напомніў Сямён.

Адзін за другім падыходзяць касцы і жанчыны з граблямі.

Цесля пайшоў у наступ:

— Не магу. Хоць і закон, а не ма-гу! Для калгаснай жывёлы не хапае кармоў. Зразумеў? Раздаць сена на працадні, а фермы пакінуць без корму? Га?

— А маю карову можна пакінуць без сена? Га?

— Не-е да-ам! Прадай сваю карову.

— А дзецям малако дзе ўзяць?

— Хведара падоіш,— Цесля сказаў і раскаяўся. Зразумеў, што перагнуў.

Хмурыя, нават злыя позіркі Сямёна і Хведара скрыжаваліся на твары Цеслі.

— Чуў, Сямён? Будзеш сведкам,— пакрыўдзіўся Хведар.

— Чуў. Вось што, старшыня, ты можаш жартаваць з Ганнай, а тут гаворка сур'ёзная.

— Сур'ёзная? Калі фермы на зіму застануцца без сена, дык мне не толькі вымовы не мінуць,— мне суда не мінуць! Ясна? У мяне галава баліць за калгасную жывёлу. А пра сваю карову — сам думай. Тут хай твая галава баліць,— адрэзаў Цесля.

— Чуў Хведар?

— Чуў...

— Значыцца, падзяліў?

— Урозь, значыць,— удакладніў Хведар.

— Ну, калі ўрозь, калі аддзяліў мяне ад калгаса... Кацярына! Збірай манаткі. Пайшлі дахаты,— скамандаваў Сямён.

— Як? А...— Хведар не асмельваўся на такі круты паварот.

— Старшыня сам будзе касіць, зграбаць і стагаваць,— растлумачыў Хведару Сямён.

— Сямён! Не гарачыся! — папярэдзіў Хамякоў.

— Пайшлі, хлопцы, па хатах! — Сямён адчуў сябе атаманам.

Сямён, Хведар і яшчэ той-сёй з калгаснікаў, сабраўшы свае манаткі, ускінуўшы косы на плечы, збіраюцца ісці дахаты. Цесля разгублена глянуў на Хамякова.

— Хведар! — гукнуў Хамякоў.

Сямён і яго хаўруснікі чакаюць Хведара.

— У мяне, таварыш старшыня, таксама галава баліць.— Хведар, адчуўшы падтрымку калгаснікаў, не збаяўся дырэктара.

Цесля падышоў да Сямёна і скрозь зубы працадзіў:

— Ты што, Сямён? Сабатаж арганізоўваеш? Ты ведаеш, чым гэта пахне?

У вачах Цеслі блішчыць нядобры, злы агеньчык.

— Не палохай! — Сямён хацеў пайсці, але вярнуўся і дадаў:— Не я закон парушаю, а ты!

Воддаль згрудзіліся мужчыны і жанчыны. Яны гоманам і спрэчкамі праводзяць Сямёна, Хведара і другіх калгаснікаў, якія рушылі дахаты. Толькі дачка Сямёна, Кацярына, стаіць і не ведае, на што рашыцца: ці то падацца следам за бацькам, ці то застацца тут.

— Кацярына! Каму я кажу! — Сямён строга зыркнуў на дачку.

Кацярына вачыма шукае парады: слухаць бацьку ці не? Да яе падыходзіць Хамякоў.

— Кацярына! Ты — камсамолка! — напомніў Хамякоў.— Не слухай яго.

— Рвачы і сабатажнікі!..— Цесля аж пабялеў.— Не, я вам...

— І не рвачы, і не сабатажнікі... Праўда ўсё-такі на іх баку. І не гразі ім! — паківаў пальцам Хамякоў і адвярнуўся.

— Не праўда, а ты на іх баку. Працэнты ім аддай, а кармавы баланс...

— А ў «Дружбе» што? Фермаў няма? Твой сусед...

— Што ты мне ім вочы колеш? — перапыніў Цесля.— Ён гэтымі працэнтамі сваім калгаснікам патурае і маіх разлагае. Патурае прыватніцкім настроям і разлагае дысцыпліну. А ты — патураеш. Будуць мне загрывак мыліць, я не змоўчу.

Ён і сапраўды не змоўчаў. Назаўтра ў кабінеце старшыні райвыканкома Шугаева Цесля «каціў бочку» на суседа, ды спатыкнуўся.

Шугаеў. Значыць, працоўную дысцыпліну ў тваім калгасе разлагае старшыня перадавога калгаса?

Цесля. Таварыш Шугаеў...

Шугаеў. Бязглуздзіцу ты гародзіш, таварыш Цесля.

Цесля. Не магу я выдаваць гэтыя працэнты, Пётр Мікалаевіч. Не ма-гу! Ну памяркуйце самі. У мяне ёсць такі калгаснік Хведар. Усю зіму ён не злазіў з печы, усю вясну не выходзіў на работу, а на сенакос — пайшоў. Чаму? Восенню бульбу капаць таксама пойдзе. Ізноў — чаму? Працэнтамі чалавек жыве. Яму выгадна на працэнты жыць. Паразітаў мы разводзім гэтымі працэнтамі.

Шугаеў. Дык праз нейкага Хведара ты і чэсных калгаснікаў крыўдзіш? Тут, дарагі ты мой, разабрацца трэба.

Цесля. Дапамажыце разабрацца.

Шугаеў. Значыць, палавіна лугоў не скошана. Дзесяць працэнтаў эканоміш, а ўсе сто траціш?

Цесля. Не страчу. Пётр Мікалаевіч, пазваніце Хамякову, і за два-тры дні ўсё сена загатуем.

Шугаеў. Я не дыспетчар МТС. Сам дамаўляйся.

Цесля. Бачыце, таварыш старшыня, у мяне з Хамяковым...

Шугаеў. Што? Раней адмовіўся ад трактарных касілак. Не хацеў лішняй натуралаты здаваць. Эканоміў. А цяпер прыйшла каза да воза. Бяда мне з табой. *(Бярэ тэлефонную трубку.)* Мне дырэктара МТС, Хамякова. Хамякоў?

Кабінет дырэктара МТС Хамякова. Жэня перадае яму тэлефонную трубку, папярэдзіўшы шэптам:

— Старшыня райвыканкома.

Хамякоў падняў тэлефонную трубку.

— Я. Добры дзень, Пётр Мікалаевіч. *(Слухае.)* Ага-а! Ён жа адмовіўся. Прыпёрла? Ведаю. Гэта якраз пры мне было...

У кабінет заходзяць Міця і Юрка.

Міця. Таварыш дырэктар!..

— Ціш-ш,— сыкнула на іх Жэня.— Старшыня райвыканкома гаворыць.

Хамякоў. Цесля сам вінаваты. Абазліў людзей... Добра, я сёння ж пашлю яму трактарныя касілкі і стагамятацель... Ды хлопцы там *(глянуў на Міцю і Юрку)* — арлы. *(Хамякоў мякка паклаў тэлефонную трубку.)*

— Во такія — арлы? — здзівілася Жэня.

— Вось што, хлопцы! Сёння ж перавесці на луг трактары. За тры дні каб сена ўбралі,— распарадзіўся Хамякоў.

— Не магу. Дайце запчасткі. Яго трактар,— Міця паказаў на Юрку,— другі дзень загарае на полі.

— Ні тпру, ні ну... Як укопаны... Юрка нават паціснуў плячамі.

— Ох, гэтыя мне запчасткі...— цяжка ўздыхнуў Хамякоў.— Добра. Пайшлі на склад.

Міця падміргнуў Юрку. Юрка падміргнуў напарніку: ты, маўляў, ідзі, а я тут на хвіліну затрымаюся. Міця глянуў на Жэню, усміхнуўся і пайшоў следам за Хамяковым.

Жэня стаіць, абапёршыся рукамі на стол і патупіўшы долу вочы, нібы чакаючы нечага ад Юркі. Ён падыходзіць і асцярожна, пяшчотна накрывае сваёй рукой руку Жэні. Яна хавае свае рукі за спіной. Тады Юрка спрабуе абняць

Жэню, але тая ўпёрлася рукамі яму ў грудзі і, глыбока дыхаючы, са страхам прашаптала:

— Юрка! Юрка! Ты што, здурэў! Сярод бела дня? Увойдзе хто...

І якраз у гэты час нехта пастукаў у дзверы. Юрка і Жэня спалохана азірнуліся на дзверы. Стук у дзверы паўтарыўся больш настойліва. Юрка адпускае Жэню, заходзіць за стол і садзіцца ў крэсла дырэктара МТС.

— Калі ласка! — дазваляе Жэня зайсці.

У пакой уваходзіць маладая, прыгожая дзяўчына, апранутая па-гарадскому.

— Можна? — пытае яна.

— Вы да каго? — цікавіцца Жэня.

— Я хацела бачыць дырэктара МТС,— тлумачыць дзяўчына, пераводзячы позірк з Жэні на Юрку.

— Я дырэктар МТС,— маніць Юрка.— Што вам трэба, барышня?

— Я не барышня... Я — аграном,— дзяўчына падала Юрку паперу.

Жэня стрымлівае сваю ўсмешку.

— Та-ак...— разыгрывае з сябе дырэктара Юрка, уважліва чытае паперу.— Сапраўды аграном. А куды б вы хацелі, каб вас прызначылі? У кантору ці ў калгас?

— У калгас, вядома,— сур'ёзна адказвае дзяўчына.

— Цудоўна. А ў які калгас? Адсталы ці перадавы?

— Гэта ўжо ваша справа.

— Цудоўна, цудоўна,— хваліць Юрка дзяўчыну.— Ну, Жэня, дык, можа, у «Чырвоную паляну» накіруем? Горшага калгаса не прыдумаеш. Гэта такі калгас...

— Справа ваша,— уздыхнула дзяўчына.

— Што калгас такі — справа не толькі наша...— глыбакадумна зазначыў Юрка.— І яшчэ той-сёй вінаваты...

Вяртаецца Хамякоў разам з Міцем.

Юрка паспешна пакідае дырэктарскае крэсла.

— Я толькі на адну хвіліну замяшчаў вас, таварыш дырэктар,— апраўдваецца Юрка перад начальствам. А дзяўчыне тлумачыць: — Я — трактарыст. Працую ў «Чырвонай паляне». Выбачайце,— і прадстаўляе дырэктару дзяўчыну.— Гэта, Павел Сцяпанавіч, новы аграном.

— Юлія Андрэеўна Шыбан,— перадала дзяўчына тую ж паперку сапраўднаму дырэктару МТС, а Юрку сказала:— А з вамі, спадзяюся, хутка спаткаемся.

— Ужо прызначаеце спатканне? — падкалоў Юрка.

— Не, гэта я прызначаю. Будзеце разам працаваць у «Чырвонай паляне».

— Ну, пайшлі, Юрка. Запчасткі ёсць,— пазваў Міця.

Юрка і Міця, развітаўшыся, выходзяць.

* * *

На лузе. Цесля стаіць на пагорку і ў бінокль назірае за работай калгаснікаў і трактарыстаў.

Касец мянташыць касу.

Група касцоў кладзе пакосы.

Праязджае на трактары Міця. Каця, какетліва ўсміхаючыся, праводзіць яго вачыма.

Цесля вельмі задаволены. Работа спорыцца. Ён паварачваецца і глядзіць туды, дзе ў хмызняку па-над Дняпром каля вогнішча, гатуючы касцам абед, завіхаецца над катламі Ганна — паўнагрудая, яшчэ даволі свежая жанчына. Вочкі ў Цеслі масляцца, твар маладзее, і Ягор Пракопавіч, падправіўшы вусы, павольна рушыў да шалаша.

Ганна заўважыла Цеслю, і твар яе з ямачкамі на шчоках заззяў прыветлівай усмешкай.

— Ягор Пракопавіч, ці не пара вам паснедаць? — не спытала, а, бадай, прапела кухарка.

— Ды яно, бадай, так,— згадзіўся Цесля, усаджваючыся на калодачку.— Ну, цяпер, здаецца, пайшло на лад.

— Калі ласка, Ягор Пракопавіч,— кухарка паставіла перад Цеслем сняданак, нахіліўшыся так, што ледзь не вывалілася з-за пазухі ўсё яе багацце. Цесля, абхапіўшы яе за талію, прыгарнуў да сябе.

— Ой, што вы, Ягор Пракопавіч! — палахліва азірнулася па баках Ганна і... супакоілася,— яшчэ ўбача хто.

— А ты баішся каго?

— А каго мне баяцца? Я — удава,— яўна заігрываючы, прапела кухарка.— А вось ва-ам... Перасуды пойдуць, жонцы дапясуць.

— Жонка далёка адсюль.

— А чаму вы сваю сям'ю не перавозіце ў калгас?

— Мала сэнсу,— сур'ёзна адказаў Цесля.— Надакучыла вазіцца з калгаса ў калгас.— І, перайшоўшы на жартаўлівы тон, дадаў: — Ды і ты б тады стала пабайвацца.

— Я не з баязлівага дзесятка,— какетліва бліснула вачыма Ганна.

— І чаму ты замуж не выходзіш? — зжаваўшы кавалак мяса, пацікавіўся Цесля.

— Заму-уж? — уздыхнула кухарка і нібы жартам растлумачыла.— Не мела б я тады такой увагі вашай, Ягор Пракопавіч.

Цесля зарагатаў.

«Газік» з Хамяковым і Жэняй імчыць па палявых дарогах; паабапал каласуе жыта і пшаніца. «Газік» спыніўся каля поля рослай пшаніцы. Хамякоў вылез, любуецца збажыной.

— Добры старшыня ў «Дружбе»,— падумаў услух Хамякоў.

— І зусім не добры. Малады, а сярдзіты, сур'ёзны,— па-свойму ацаніла Жэня.

— Па ўраджаі відно, што сур'ёзны. Гаспадар. Не тое, што Цесля...

Жэня разглядае «Огонек». Раптам яна выпырхнула з машыны і падбегла да Хамякова.

— Павел Сцяпанавіч! Глядзіце! Брат Міці Каўко.

На развароце «Огонька» фотанарыс: «Выходной день шахтера Сергея Кавко». Фотонарыс Хамякоў прагледзеў без асаблівага захаплення і ўздыхнуў:

— Быў нядрэнным трактарыстам, ды... збег. За доўгім рублём пагнаўся.

«Газік» імчыцца між кустоў. Вось ён выскачыў з лесу, і перад Хамяковым і Жэняй адкрыліся шырокія прасторы заліўных прыдняпроўскіх лугоў. Недзе далёка спяваюць дзяўчаты.

Цесля і група калгаснікаў каля стогамятацеля. Да іх пад'язджае на «газіку» Хамякоў.

— Ну, бачыў, што твае хлопцы наварочалі? — з захапленнем гаворыць Цесля, трасучы руку Хамякову і паказваючы на сціргы сена.

Стракатым матыльком пырхае па лузе Жэня. Яна бяжыць да трактара, на якім працуе Юрка. Яе заўважаюць дзяўчаты, што паблізу ад Юркі варочаюць сена.

— Дзевачкі! Паглядзіце! Хто гэта? — звярнула ўвагу адна з іх.

— Юркава сакратарка,— прыставіўшы да лба далонь казырком, угадала другая.— Бач, засумавала, седзячы ў канторы.

— Дзевачкі! Ану, пяхай параўнуе! А? — прапанавала трэцяя.

Міма на трактары з касілкай па прычэпе праязджае Юрка.

— Юрка! Юрка! — спыняюць яго дзяўчаты.

— Ну, чаго там яшчэ, лялькі? — спыняе трактар Юрка.

— Глядзі! Што гэта? — падманваюць хлопца дзяўчаты, паказваючы ўніз.

Юрка падыходзіць да дзяўчат. Тыя хапаюць яго і валяць у сена. Доўга валтузяцца, жартуюць, Жэня бачыць усё гэта. Засмуціўся яе заўсёды вясёлы тварык, патускнелі ад крыўды яе вочкі, якія дагэтуль наіўна і з захапленнем успрымалі акаляючае хараство.

Дзяўчаты не адпускаюць Юрку. Ён заўважыў Жэню і стараецца вырвацца ад дзяўчат. Юрка пачынае злавацца. А дзяўчаты пяюць:

Ах ты, Юрачка!
Што не жэнішся?
Усе дзеўкі выйдуць замуж,—
Дзе ты дзенешся?

Нарэшце з рогатам дзяўчаты адпускаюць Юрку.

Юрка падыходзіць да Жэні. Твар ягоззяе радасцю.

— Жэня! Вось не чакаў...

— Бачу, што не чакаў...

Юрка апраўдваецца:

— Яны самі прычапіліся... Наўмысля, каб пасмяяцца.

— З каго?

— З мяне.

— Вось дажыў!..

— Э-эй! Трактарыст! Вечарам любезнічаць будзеш, а цяпер касіць трэба! — крычаць дзяўчаты.

Юрка не без злосці глянуў у іх бок.

— Ты надоўга сюды? Заставайся на вечар, Жэня. Тут так хораша...

— Пагляджу... Калі пасміхацца не будуць... з цябе.

— А мне пачхаць...

Да іх далятае залівісты смех дзяўчат.

Жэня як бы на злосць дзяўчатам вельмі прыветліва згаджаецца:

— Абавязкова астануся, Юрачка... А дзе Міця?

Удзячны Юрка паказаў, дзе гуркоча трактар Міці.

Жэня тым жа стракатым матыльком бяжыць да Міці; абмінае Кацю, якая варочае сена. Тая спыняецца, ацэнь-

вае Жэніна пляцце і зноў энергічна раскідае граблямі сена. Раптам Каця насцярожваецца: гул трактара заціх. Каця быстра павярнула галаву.

Каля Міці — Жэня. Вось ён саскочыў з трактара, падбег да Жэні, прывітаўся.

На твары Каці расце трывога, у вачах бліснуў нядобры агеньчык.

Хаваючы за спіной «Огонек», Жэня патрабуе:

— Патанцуй — аддам!

Міця спрабуе абняць Жэню.

— Жэнечка, павалю і адбяру!..

Дзяўчына адбіваецца.

— Міця, Міця! Перастань! *(Адпіхнула яго.)* Як табе не сорамна?! — і аддала яму «Огонек».

Каця адвярнулася і неахвотна стала варочаць сена.

Хамякоў і Цесля наглядаюць за працай Юркі. Ён праязджае міма і на хаду крычыць:

— Ну, старшыня, на вячэру паўлітра! Праз паўгадзіны канчаю.

Цесля, вельмі задаволены, звяртаецца да Хамякова:

— Ну і малайцы! А то б загараў. Жніво на носе. А тут было... ф-фу-у!..

Ён выцер лысіну, нібы стаміўся, нібы ён сам скасіў луг...

Сонца хаваецца за лес. Панарамай пейзаж.

Лепш не напішаш, як у Гогаля: «Чуден Днепр при тихой погоде...» Недзе спяваюць дзяўчаты. І ў песні гучыць сум. Не той сум, што агортвае душу жалем, а той, які выказвае тайну нараджэння кахання ў дзявочым сэрцы. Кліча гэта песня, заманьвае...

Ля кастра заканчваюць вячэру Цесля, Хамякоў, Міця, Юрка і Жэня з кухаркай.

Цесля, наліўшы ў стаканы, запрашае:

— Прыгубім!.. Ну, хлопцы! Па апошняй! Вялікае вам дзякуй за... Ды што гаварыць. Арлы вы, хлопцы. Будзьце здаровы!

Усе чокаюцца:

— На здароўе.

— А цяпер, хлопчыкі, ідзіце адпачываць,— праяўляе клопат старшыня.

— Дзе там адпачываць? — пасміхаецца Хамякоў.

Міця, зразумеўшы намёк, таксама ўсміхнуўся, падміргнуў Цеслі, падняўся, закасаў вышэй рукавы белай сарочкі і рушыў ад кастра. За ім падняліся Юрка і Жэня.

Жэня, адышоўшы крыху ад кастра, папрасіла Юрку:

— Спяваюць як! А? Пойдзем туды.

— Жэня, пабудзем лепей самі...

— Будзем маўчаць і сумаваць?

— З табою і маўчаць прыемна, і сумаваць весела...

— Э, не! Сумаваць не згодна. Бяжым?

І пабегла туды, дзе спяваюць дзяўчаты. За ёю пабег і Юрка.

Над Дняпром, каля сігнальнага ліхтара, звесіўшы ногі з круч, сядзяць дзяўчаты і спяваюць. Каля дзяўчат некалькі хлопцаў: хто сядзіць, а хто прылёг.

Па рацэ плыве пасажырскі параход з агнямі.

Панарамай: дзяўчаты над кручай. Тут і Жэня. На ўзлакотках каля яе ляжыць Юрка. Дзве дзяўчыны, пашаптаўшыся, перамігнуліся. Адна з іх тайком ушчыпнула Юрку. Юрка азірнуўся і, не пазнаўшы гарэзніцу, адсунуўся.

А ў другім месцы, за кустамі — Міця і Каця адасобіліся ў зацішку каля капы сена. Ён ляжыць, а яна сядзіць побач, з замілаваннем варушыць яго валасы. А ён — нібы тоўі кот на прыпеку.

— Сёння дзень мне здаўся такім до-оўгі-ім... А вечар праляціць, і не заўважыш...— Каця млела.

Міця прыгарнуў да сябе дзяўчыну і пацалаваў.

* * *

Падпімаецца над вёскай ранняе летняе сонца. Шчабечуць вераб'і. Кукарэкнуў певень і скочыў з плота. Дружна курадымяць коміны. Ля калодзежа дзве жанчыны. Яны заўважылі Юлю.

— Глядзі ты! А наша аграномша — ранняя птушка,— здзівілася адна.

— Абзавядзецца ўхажорам, ды як прасядзіць да зоркі, то не ўскруціцца так рана.

Юля, праходзячы каля іх, павіталася. Жанчыны ветліва адказалі ёй.

Юля выходзіць на поле.

На роснай траве след ад яе ног. Гэта яе першы выхад у поле. Выхад не на прагулянку, не. Гэта — першыя са-

мастойныя крокі маладога спецыяліста пасля падакучлівых лекцый у інстытуцкіх аўдыторыях, пасля экзаменацыйных сесій, абароны дыплома. Колькі светлых мар, светлых надзей і колькі шчасця свеціцца на яе мілым твары. Гэта яе поле, яе зямля, яе шчасце, надзея і мара. Лёгкі ветрык забаўляецца яе валасамі і стракатай шаўковай касынкай і так пяшчотна ласкоча яе шчокі. Заліваецца серабрыстай песняй жаваранак.

Юля і не заўважыла, што даўно ідзе па полі і па яе нагах ніжэй калена сцёбаюць ячменныя каласкі на маленькіх, кволенькіх, недарослых сцяблінках. Юля спыняецца, і на яе твары відно, як адно пачуццё змяняецца другім: недаўменне, здзіўленне, потым насцярожанасць, непакой і, нарэшце, трывога. Яна павольна апускае галаву, глядзіць сабе пад ногі. Прысела. Асцярожна і далікатна дакранаецца да кволенькіх сцебялькоў ячменю.

Так, напэўна, маці дакранаецца да свайго хворага дзіцяці. Юля абдымае рукамі некалькі каласкоў і пяшчотна гладзіць іх знізу ўгору.

І сумна, сумна стала на полі. Нават жаваранак змоўк.

Потым Юля паднімаецца, і яе твар робіцца суровым, рашучым. Яна энергічна пайшла па полі. Не шкадуе кволых сцебялькоў ячменю: жаласлівасць прапала. Вось яна заўважыла свірэпку, са злосцю вырвала яе з коранем.

— Перагной і торф трэба...— шэпча яна.

Заўважыла васілька, скруціла яму блакітную галоўку.

— Чулыя рукі трэба...

Заўважыла кусцік хвашчу, вырвала і парвала на шматкі.

— Вапна трэба...

Сямён з кустоў назірае за Юляй...

Юля крочыць хутка, размашыста. Вось яна выйшла на дарогу і накіравалася ў вёску. Юля сарвала з шыі касынку і, сціснуўшы яе ў кулаку, ідзе, размахваючы рукамі, шпарка, часам пераходзячы на подбег.

Юля праходзіць міма кустоў і не заўважае Сямёна, які арудуе там сярпом: жне траву і складае ў мяшок. Сямён заўважыў Юлю, выходзіць з кустоў ёй насустрач.

— Пабачыла наша поле? — пытае ён.

— Пабачыла,— абыякава адказвае яна.

— А вось, пабач, суседняга калгаса, «Дружбы»,— Сямён паказаў на поле цераз дарогу.— Гаспадар там...

Юля маўчыць, гледзячы на рослую пшаніцу суседняга калгаса.

— Ідзі паснедай,— ласкава гаворыць Сямён.— Там жонка чакае. А то прастыне ўсё.

Юля глядзіць на серп у руках Сямёна, на мяшок з травой. Сямён перахапіў яе позірк і тлумачыць:

— К зіме сена гатую...

— Сярпом?

— А з касой тут не размахнешся.

— А ці толькі тут?

Сямён уздыхнуў:

— Старшыня сказаў: «Не дам». І не дасць — ён такі.

Юля ідзе па вёсцы. Падыходзіць да праўлення. Старая жанчына, прыбраўшы ў памяшканні, змятае ўжо смецце з ганка.

— Старшыня дома? — пытае ў яе Юля.

— Ды не. Ён сёння тут не начаваў. Можа, да жонкі паехаў. А можа...— жанчына хітравата, нават яхідна ўсміхнулася,— можа, у той начаваў, у Ганны. Не ведаю, галубка.

Вясковая вуліца. Вароты і веснічкі Ганнінага двара. Адчыняецца калітка, і высоўваецца галава Ганны. Глянуўшы ў адзін канец вуліцы і ў другі, яна выпускае з двара Цеслю. Ён таксама азірнуўся па баках і пайшоў праз пляцень. Калі Цесля схаваўся за паваротам, Ганна выйшла на вуліцу, пацягнулася і пазяхнула, як сытая кошка. Да яе падыходзіць Юля.

— Скажыце, вы не бачылі старшыню? — спытала Юля.

— А ці я яго пасу, мілая? Што ён мне, кум ці сват, што вы ў мяне пытаеце?

Юля крышачку пастаяла, нядобра глянула на Ганну і пайшла. Ганна правяла яе вачыма і, ціха пасмяяўшыся, таксама схавалася за каліткай.

Юля сядзіць за сталом у хаце Сямёна. Яго жонка, Марфа, ставіць снядакак перад Юляй.

— Ты маладая, табе здароўя трэба. Нельга так — нашча ў поле,— па-мацярынску ўшчувае яна Юлю.

Жанчына прысела на лаўцы і склала рукі. Каля жанчыны прыніклі двое малых: дзяўчынка гадоў сямі, хлапчук гадоў пяці. Яны з цікавасцю разглядаюць кватарантку.

— Ты налівай, налівай малако,— запрашае Юлю гаспадыня.

Юля бярэцца за гладышык з малаком і падносіць да кружкі. Дзеці праводзяць вачыма гладышык. Юля заўважыла гэта. Заўважыла і маці. Яна шлёпнула адно і другое, праганяючы іх.

— А вы пайшлі прэч!

Юля адстаўляе гладышык з малаком убок.

— Дзякую, цётка...

— Ды што ж ты? Ты на іх не глядзі, яны не галодныя.

— Дзякую, дзякую. Я пад'ела. Пайду.

Сямён заходзіць на двор і вытрасае з мяшка траву.

З хаты выходзіць Юля. З вуліцы заходзіць на двор Каця.

У хаце дзеці кідаюцца да стала, дзе стаіць не даедзеная Юляй яешня.

Каця. Тата! Сёння поїдзеш прычэпшчыкам на трактар. Брыгадзір загадаў.

Сямён. Не пайду! Пыл глытаць? А за што? Бачыў, што расце на полі...

Юля. А на каго ж вы спадзяецеся? На бога?

Каця. То я пайду за цябе.

Сямён. Ідзі, ідзі. А што сеяць будзеце? Унука ці ўнучку?

На полі ідзе трактар. Арэ папар. На трактары за рулём сядзіць Каця. Поруч з ёй Міця. Каця вучыцца вадзіць трактар.

— Стоп! — крычыць Міця.— Хопіць.

Трактар спыняецца. Шчаслівая Каця павярнулася да Міці.

— Ну, што? Умею трошкі?

— Як бог! — жартуе Міця.— А цяпер, Кацюша, ідзі па плугі. Ды глыбока не пускай. Перарасход гаручага.

Каця цалуе Міцю ў шчаку.

Трактар рушыў з месца значна шпарчэй, чым вяла яго Каця. Адвалы трактарных плугоў выварочваюць шырокія і тонкія скібы зямлі.

Трактар праязджае міма Юлі, якая набірае зямлі ў банку.

— Што гэта вы калдуеце, Юля Андрэеўна? — пытае Міця.

— Трэба праверыць глебу на кіслотнасць. Для лабараторыі. Мел трэба вазіць на поле. Хвашчу многа...

— Ну, ну...

Міця спыняе трактар. З радыятара шугае пара, як з паравоза. Верхам на кані пад'язджае Цесля.

— Што такое? Чаму стаў?

— К чортавай мацеры такія парадкі. Па паўдня вады чакаю.

Старшыня зразумеў, што за парадкі лаюць яго, і здзівіўся:

— А дзе Хведар? Няўжо не прывозіў?

— Стары пяхцер!..

На трактары стаіць Каця і ўглядаецца ўдаль.

— Вунь ён, здаецца, вязе! — нарэшце крычыць яна.

Міця і Цесля глядзяць туды, куды паказала Каця.

Міця рашуча адабраў у старшыні паводдзе:

— Дайце мне каня!

Па дарозе, адбіваючыся ад надакучлівых сляпнёў і ваднёў, скубучы прыдарожную траву, ледзь переастаўляе ногі кабылка, запрэжаная ў двухкалёсную бочку з вадой. Прымасціўшыся каля бочкі, клюе носам цыбаты Хведар. Кабыла час ад часу спыняецца, каб грызнуць сябе за бок — адагнаць сляпня.

Пад'язджае Міця. Саскочыў з каня. Зачапіў паводдзе. Асцярожна здымае вядро з бочкі. Вымае шпунт. Налівае ў вядро ваду. Падыходзіць да Хведара, паглядзеў, падумаў і выплеснуў яму на галаву паўвядра вады. Кабыла спынілася. Хведар прачнуўся, павольна выцерся і, павярнуўшыся да Міці, сказаў:

— От бандзіт! — і нечакана для Міці сцёбнуў яго пугай.

Да трактара пад'язджаюць з бочкай Міця і Хведар.

— Ваду вазіць не буду,— катэгарычна заяўляе Хведар Цеслі.— Хуліганства.

Цесля смяецца. Каця таксама пырскае ад смеху.

Хмуры і пакрыўджаны Хведар глядзіць услед Міцю, потым пераводзіць позірк на баразну — вельмі ж яна мелкая. Прысеў, памераў — на палец. Устаў, азірнуўся наўкола. Заўважыў Юлю. Рушыў да яе.

На гэты ж участак разам з Хведарам пераходзіць Юля. Яна вымярае глыбіню ворыва, і твар яе становіцца хмурым, нават злым. Прайшла далей і зноў прамерала.

Яна рашуча накіроўваецца насустрач трактару. Падпімае і апускае руку, загадваючы Міцю спыніць трактар.

— Спыніцеся! — крычыць яна.

Трактар стаў. Міця заглушыў матор.

— Вы што робіце? Што вы робіце?! — сур'ёзна, з сілай і цвёрдасцю ў голасе пытае яна Міцю.

— Ды вось, ад нечага рабіць Кацю катаю па полі,— з яўнай насмешкай адказвае Міця.

— Што гэта за ворыва? — у голасе Юлі гучыць металічная цвёрдасць.

— Папар. Чорны папар,— тлумачыць Міця. Гэта злуе Юлю:

— Хто вам дазволіў так псаваць зямлю?

— Чаму вы такая сур'ёзная? Маладая і сур'ёзная...— кпіць Міця.

— Міця! Кінь дурня строіць! — умяшалася Каця.

— А я хацеў яе сёння вечарам на танцы запрасіць,— павярнуўшыся да Каці, жартуе Міця.

Каця, нібы ўсур'ёз, пляснула Міцю рукой па адной шчацэ і па другой.

— А цяпер не буду,— папрасіўся Міця.

Да трактара падыходзяць Цесля і Хведар.

— Гэта шкодніцтва, а не работа. Штрафаваць трэба за такую работу,— заключыла Юля і села пісаць акт.

— Ух, якая строгая. Як міліцыянер. Свістка толькі не хапае,— здзекуецца Міця.

— Нечага зубы скаліць! Табе дзела гавораць! — ушчувае Хведар.

— Дзядзька Хведар! Ідзі ты... паспі вунь там пад бочкай,— агрызнуўся Міця.— Тут не твая справа.

— Як не мая справа?! Як не мая справа?! — нечакана для ўсіх грозна закрычаў на Міцю Хведар, пасунуўся да трактарыста.— Праз такіх, як ты, чарцей паласатых поле лысае. Ці ж гэта работа?!

— Ша! Ша! Работнік! — агрызаецца Міця.— Чыя б кароўка мычала, а твая б маўчала. Можа, праз такіх гультаёў, як ты, поле лысае. Ты ж на хаду спіш. І хочаш, каб я за цябе рабіў.

Пачуўшы скандал, сюды падыходзяць Юрка і Сямён.

— Ты за сябе рабі! Табе тэхніку далі, машыну не для таго, каб глуміць зямлю,— шуміць Хведар.

— Ты машыну не чапай, Хведар. Яна тут ні пры чым,— перапыняе Хведара Цесля.

— Як ні пры чым? — усхапіўся Сямён.— Мы за гэту тэхніку чорт ведае колькі натуроплаты здаём. Дык хай апраўдвае сябе.

Юля піша: «Акт».

— Правільна! — хваліць Юлю Хведар.— Не на кулака батрачыць!

На твары ў Міці збянтэжанасць. Знік яго гонар.

— Падпішыце акт,— Юля падае паперку Цеслі, і той падпісвае. Юля перадае акт Міцю.— Падпішыце.

Міця ўзяў акт і не ведае, што рабіць: падпісваць ці не.

— Давядзецца за свой кошт перааараць,— рэзюміруе Цесля.

— А-а, прыпякло! — зларадпічае Хведар.— Не на таго нарваўся.

Бездапаможны Міця глядзіць на Юрку і потым падпісвае акт і вяртае яго Юлі. Потым заводзіць трактар, ставіць на большую глыбіню плугі, садзіцца за руль. Трактар натужна зароў і рушыў з месца. Плугі выварочваюць тоўстыя скібы зямлі.

— Вось гэта работа,— усклікнуў Сямён.

Юля ідзе з поля. Каля нізкарослага ячменю яе даганяе Юрка.

— Юлія Андрэеўна!

— А-а, «дырэктар».

— Крыўдуеце?

— Ну, што вы. Я таксама люблю жарты.

— А... Няпраўда. Вы злая.

— Вы так думаеце?

— Скажыце, вы сур'ёзна... думаеце перадаць акт начальству?

Юля спынілася:

— А-а-а... А што?

— Міця — харошы хлопец. Крыху напужалі, і хопіць. Ён болей не будзе.

— Не, Юра, тут справа сур'ёзная. Сам разумееш.

— Юлія Андрэеўна! Не падводзьце хлопца, я вас прашу. Колькі мы тут заробім, яшчэ невядома, а вылічаць з яго столькі, што... А ён збіраецца жаніцца.

— На Kaці?

— На Kaці.

— Юра, у вас вельмі чулая душа і вы добры друг, але... Паглядзіце,— яна паказала на нізкарослы ячмень.— Вось яго работа. А што Каця заробіць? Зразумей, Юрка, не мне гэта трэба, а людзям. Абавязкова перадам акт. Іначай не магу, Юра.

— Я ж казаў — злая.

— Вы мяне крыўдзіце, Юра.

— Што сказаў праўду?

— Юра! Вы прасіце ў мяне што хочаце, толькі не гэта.

Юрка паглядзеў ёй у вочы і ўбачыў: хадайнічаць за Міцю больш нельга. Юля мае рацыю.

* * *

Кабінет дырэктара МТС Хамякова. Ён гаворыць па тэлефоне.

— Ды зразумейце вы: уборачная пачынаецца, а ў мяне дванаццаць трактароў стаяць як укопаныя. Што значыць: не крычы? Тут ваўком выць трэба. Як сабе хочаш, а я еду. Што? Выйдзе. У абком пайду. Сакратар вам паможа шукаць! Алё! Алё! База! *(Пахукаў у трубку і кінуў яе на апарат.)* От бюракраты!

У кабінет заходзіць Юля.

— Таварыш дырэктар, прашу вас, паедзем у «Чырвоную паляну».

— Не магу. Я еду ў вобласць.

— Але ж там бяда. Там няшчасце.

— А што там такое?

— На полі... ячмень... Вось такі ячмянёк. (Юля аж прысела, каб паказаць.) Вы б толькі глянулі...

— ...і ён бы стаў вось такім? — Хамякоў падняў руку вышэй галавы.

— Павел Сцяпанавіч! Там не да жартаў,— папракнула Юля.

— Я і не жартую. У мяне большы клопат ёсць. Запчасткі! — Хамякоў пакіраваўся да дзвярэй.

— А ўраджай? — Юля не пускае яго, загарадзіўшы выхад.

— Дарагая Юлія Андрэеўна! Нам даведзены план уборкі. І калі мы яго не выканаем, мне сківіцу звернуць на патыліцу і скажуць, што так было. Дванаццаць трактароў стаіць. Запчастак чакаюць. Перад самай уборкай. Вы разумееце гэта?

— А што ж там убіраць? Пра ўраджай думаеце?

Хамякоў здзівіўся яе смеласці і напорыстасці.

— О-а! Пра ўраджай? А... а... Па гэтай лініі, дарагая Юлія Андрэеўна, вы мая правая рука, так сказаць, мой першы памочнік у калгасе. Вы ж участковы агранам, вам такія правы дадзены, што... І навуку далі... Так што дзейнічайце ваўсю... А як жа?.. Мне запчасткі, а вам ураджай! — Сказаўшы гэта, ён абышоў Юлю і ўжо ў дзвярах выгук-

нуў: — Па ўраджаю — вы мой першы намеснік... у сваім калгасе...

— Я — намеснік? Тады вось...— Юля перадае Хамякову акт.— Прымайце меры.

Хамякоў бярэ ў Юлі акт і прабягае яго вачыма.

— Да-а... Па закону, відаць, штрафаваць трэба? — пытае Хамякоў.

— Вы паслухалі б, што калгаснікі пра МТС кажуць...

— От пягоднік... А лічыўся перадавіком... Эканомія гаручага... І ўсё-такі нельга штрафаваць.— Хамякоў цяжка ўздыхнуў.

— Чаму?

— Збяжыць. Кіне трактар, і ўсё. Дзе я зараз знайду трактарыста?

— Значыць...

— Нічога не значыць! Я з ім пагавару. А вы там не давайце ім спуску,— Хамякоў, адчыніўшы дзверы ў суменжны пакой, гукнуў: — Жэня! Нясі зводкі.

Заходзіць Жэня з папкай папер. Хамякоў акунаецца ў іх. Адны падпісвае і адкладвае ўбок, а другія кладзе сабе ў палявую сумку.

Юля выходзіць з кабінета.

Жэня сочыць, як матылёк б'ецца аб шкло ў акне. Нарэшце Жэня пашкадавала гэтае бездапаможнае стварэнне і, расчыніўшы акно, выпусціла матылька на волю.

Да канторы пад'ехала «Пабеда». З машыны вылез Сяргей. Жэня войкнула, пазнаўшы Сяргея, ці то ад нечаканасці, ці то ад захаплення і радасці.

Хамякоў, адарваўшыся ад папер:

— Што з табой? Накалолася?

Жэня з захапленнем:

— Ён!

— Хто? — зацікавіўся Хамякоў.

У кабінет заходзіць Сяргей. Ён, відаць, рады сустрэцца з былым сваім начальнікам.

— Павел Сцяпанавіч! Можна?

— О-о! Сяргей! Ну заходзь, шахцёр, заходзь.

Сяргей вітаецца з Хамяковым. Шчыра трасуць адзін другому рукі.

— Не забываеш землякоў. У водпуск? Даўно?

— Толькі што еду.

— На сваёй «Пабедзе»?

— Сваім ходам.

— Чытаў, чытаў я, брат, пра цябе. Герой?А?

— Які там герой. Ну, а як у вас тут?

— «У вас»? Бач ты! У нас па-старому: аром, сеем, жнём, малоцім.

— Ну, а як тут Міцька наш?

— Брат? Трэба было б праехаць туды, ды няма калі. У вобласць спяшаюся, па запчасткі. Вось, на, пачытай. Пагавары там з ім,— Хамякоў падаў шахцёру акт.

Сяргей уважліва чытае акт і хмурыць лоб.

— Камандзіроўку не забудзьце, Павел Сцяпанавіч,— напамінае Жэня.

Хамякоў *(хаваючы ў кішэню паперу, да Сяргея)*. Ты яшчэ не ажаніўся?

Сяргей. Пакуль што не.

Хамякоў. Аставайся тут. Мы цябе ўраз ажэнім. Брыгаду трактарную дам такую, што...

Сяргей. Не, Павел Сцяпанавіч. Ад дабра дабра не шукаюць.

Хамякоў *(глянуўшы на гадзіннік)*. Толькі, Сяргей, глядзі, не ўздумай зманьваць маіх трактарыстаў на свае шахты. Ну, я паехаў. Будзь здароў. Прыязджай заўтра, пагутарым, а сёння, выбачай, дыхнуць няма калі.

Сяргей праводзіць Хамякова да яго «казла». Хамякоў сеў на машыну і паехаў.

Жэня з акна пазірае на Сяргея.

Сяргей. Колькі ўжо год яму няма калі дыхнуць...

Жэня. Вы зараз дадому?

Сяргей. Без перасадкі.

Жэня. А можна мне з вамі пад'ехаць?

Сяргей *(змерыўшы яе, ацаніўшы)*. Калі ласка! А мы не заблудзім з вамі?

Жэня. Не. А што, вы за тры гады дарогу забылі?

Сяргей. Забыць не забыў, а выпадкова збочыць не на той прасёлак магу.

Па прасёлачнай дарозе, міма бярозак і кустоў, імчыцца «Пабеда». Поруч з Сяргеем Жэня.

— А я ў «Огоньку» чытала пра вас. І фота там былі.

Сяргей задаволены. Дастае металічны сундучок з манпансье:

— Прашу.

— Дзякую! — Жэня ахвотна частуецца цукеркамі.

Машына вільнула задам і схавалася ў кустах.

Па дарозе ў лесе Юля. Яе даганяе «Пабеда».

— Аграномша з «Чырвонай паляны»,— папярэдзіла Жэня Сяргея.

— Гэта яна на Міцю акт напісала?

— Яна.

Машына наязджае на Юлю. Юля саступае ўбок, але машына зноў на яе наязджае і спыняецца. Сяргей высоўваецца з дзверак.

— Сядайце, падвязём, таварыш агроном.

Юля не рашаецца.

— Па дарозе. Мы таксама ў «Чырвоную паляну».

Юля заўважыла побач з Сяргеем Жэню і садзіцца ў машыну.

— Вы хоць бы пазнаёмілі нас,— звяртаецца Сяргей да Жэні.

— Гэта — брат Міці,— знаёміць Жэня.

— У мяне сваё імя ёсць: Сяргей. А вас? Юлія Андрэеўна Шыбан?

— Адкуль вы ведаеце? — натуральна здзівілася Юля.

— Чытаў ваш акт на Міцю.

Машына фыркнула і паехала.

Да трактара Міці на полі едзе «Пабеда». Спыняецца. З машыны вылазяць Сяргей, Жэня і Юля. Міця заўважыў і пазнаў брата. Спыняе трактар і скочыў з радасным крыкам:

— Сяргей!

Браты абнімаюцца, цалуюцца, а пасля з нейкай няёмкасцю і шчырай цікаўнасцю аглядаюць адзін другога.

— А гэта — Каця...— нарэшце гаворыць Міця і, не чакаючы дагаварваючы, ізноў паўтарае, каб Сяргей сам дагадаўся.— Каця...

Сяргей разглядае Кацю, якая крыху збянтэжылася ад такога знаёмства. Нарэшце, задаволены агледзінамі, Сяргей ветліва і па-сваяцку вітаецца:

— Ну, здарова, Каця,— і паціскаюць рукі.— Якая вырасла!

Міця ажывіўся пасля труднага знаёмства сваёй нявесты з братам, падыходзіць да Жэні, паціскае руку, павяртаецца да Юлі і... не вітаецца, не падае рукі. Яны пасярожана глядзяць адно другому ў вочы. За імі сочаць Сяргей, Каця і Жэня. Чакаюць, што ж будзе. Нарэшце Каця, якая стаяла за спіной Міці, тайком тыцкае кулаком яму ў бок. Міця падае руку Юлі:

— Добры дзень.

Юля ўсміхнулася, падала руку, але заўважыла:

— Мы з вамі сёння бачыліся...

Міця на нейкі момант разгубіўся, але ўспомніў:

— Але не віталіся.

Сяргей падыходзіць да баразны, вымярае і рэзюміруе:

— Глядзі ты! Памагло, значыць? А? — і смяецца.

— Ужо і табе нагаварыла? — пытае Міця.

— Не. Яна нічога мне не гаварыла. Мне Хамякоў акт паказаў,— растлумачыў Сяргей, каб Міця не думаў, што наябеднічала Юля. Міця сярдзіта паглядзеў на Юлю.

— Толькі без скандалу,— папярэдзіў Сяргей.— А то сапсуеш нам сёння вечар. Запрашаю і вас,— звярнуўся да Юлі Сяргей,— і вас, Каця, і абавязкова вас, Жэня.

— А мяне? — падбег Юрка і ветліва вітаецца з Сяргеем.

— Ну, якая вечарынка без Юркі?

І калі сонца схавалася за небасхіл...

Калі светлы вечар спусціўся над вёскай...

Скрозь расчыненыя насцеж вокны лілася мелодыя старой шахцёрскай песні. Баян расказваў, як:

Маладога канагона
Нясуць з разбітай галавой...

Калі падысці бліжэй да хаты, разгарнуць пышныя кусты вяргіняў у палісадніку і зазірнуць у акно, дык можна ўбачыць, што на стале ўжо мала засталося закускі, што бутэлькі апарожнены, а Сяргей іграе на баяне шахцёрскую песню. Жэня, як зачараваная, глядзіць на Сяргея і слухае плач баяна. Юрка заўважыў гэта і занепакоіўся. Ён выглянуў у акно і ўбачыў залітую срэбрам Сяргееву «Пабеду». І зашчымела Юркава сэрца. Ён нахіліўся да Жэні і прашаптаў:

— Жэня! Выйдзем на вуліцу. Паглядзі, як там хораша!

— Пачакай,— адказала Жэня, не адводзячы вачэй ад Сяргея.

А Сяргей кончыў іграць.

Уздыхнула і спытала ціха:

— А, відаць, страшна ўсё такі ў шахце пад зямлёй?.. А раптам абваліцца...

Сяргей усміхнуўся.

— Не, Жэнечка, гэта старая песня. Цяпер на шахце парадкі другія. Там цяпер такая тэхніка і такая... мебліроўка, што... не шахта, а падземны палац. Туды такія капіталы ўкладаюць...— Сяргей падміргнуў.

— Відаць, здорава зарабляюць шахцёры, а? — наперад ведаючы адказ, спытаў Міця.

— Не ўкраў жа я сабе «Пабеду». Шахцёрам, брат, чэсць і пашана. Не абы-што дабываем, а хлеб для прамысловасці.

— І калі ўжо нам будзе такая ж чэсць і пашана? — спытала Каця.

І тое, што сказала гэта Каця, было нечаканасцю для ўсіх прысутных. Каця, як бы апраўдваючыся, дадала:

— Мы ж таксама не абы-што, для людзей хлеб дабываем.

— Будзе, Кацюша, будзе і нам чэсць і пашана. Пачакай,— абняўшы Кацю, сказала Юля.

Сяргей усміхнуўся, сціснуў баян, і ён жаласліва войкнуў.

Па дарозе бяжыць грузавік з чырвоным палотнішчам: «Лепшы хлеб — дзяржаве!» Праязджаюць фурманкі з поўнымі мяхамі. Насустрач — вазы са снапамі.

Паабапал дарогі — даспяваючыя збажына, бабкі, копы.

Жніво ў разгары.

Недзе рытмічна махаюць крыллямі-граблямі жняяркі.

Услед за жняяркамі кланяюцца жанчыны — вяжуць снапы.

Хведар едзе на возе са снапамі. Выязджаючы з поля на дарогу, крыва пакладзены воз яго перакуліўся ў кювет. Крэкчучы, падняўся Хведар, ад злосці плюнуў і вылаяўся. Адной рукой пашкроб патыліцу, а другой пачухаў спіну і шпурнуў выспяткам адзін, другі сноп, нібы яны былі вінаватыя ў яго бядзе.

Да няўдачніка Хведара падыходзіць Цесля.

— Што ты робіш? Што ты робіш, расцяпа! — накінуўся ён на Хведара.— Колькі таго дабра, дык і тое хочаш раструсіць па дарозе. Як ты возіш?

— Скажы дзякуй, што і гэтак важу,— хмура адказаў Хведар.

— Ты каму возіш? Чорту лысаму ці сабе? — крычыць Цесля.

— То-та што чорту лысаму,— бурчыць Хведар.

— А потым будзеш гарлаціць: «Чаму хлеба мала па працадзень выдаюць?»

— А то не? Хваробу тут атрымаеш, а не хлеб. З чаго? З гэтага? — Хведар падхапіў невялічкі снапок нізкарослага ячменю і ледзь не тыцнуў ім пад нос Цеслі.

— Паразіт ты, вось хто ты! Ты і гэты ўжо абмалаціў. Цьфу! — разгневаўся Цесля і пайшоў ад Хведара.

Следам за жняяркамі вяжуць снапы Марфа, Ганна і другія жанчыны.

Ганна працуе ляніва, нібы адбываючы павіннасць. Вось яна звязала сноп і, вялая, разморапая ад спёкі, пайшла к другому. К снапу, вязанаму Ганнай, падыходзіць Юля і заўважае шмат каласоў, рассыпаных каля снапа. Юля нагінаецца, збірае каласы. Потым падыходзіць да Ганны са жменяй каласоў у руцэ. Правярае: на новым месцы Ганна пакінула каласоў не менш.

— Паглядзіце, што пасля вас астаецца на полі,— стрымліваючы хваляванне, гаворыць Юля, паказваючы каласы.

Ганна разгінаецца і, цераз плячо глянуўшы на Юлю, пагардліва пытае:

— Ну?

— Каго ж вы абкрадаеце? Вы ж сябе абкрадаеце,— з нейкім болем у голасе ўшчувае Юля Ганну.

Жанчыны, унюхаўшы сварку, збіраюцца каля Юлі і Ганны.

— Ну, сябе. А табе што, мілая? — ізноў з той жа пагардлівасцю адказвае Ганна.

— На квадратным метры ў вас па восем каласоў. На гектары астаецца па два цэнтнеры хлеба,— спакойна тлумачыць Юля.

Ганна крута павярнулася да Юлі і змерыла яе ад галавы да ног варожым позіркам. Юля ўжо звяртаецца да другіх жанчын:

— Калі па ўсім полі будзем так раскідацца каласамі, мы страцім каля трох тысяч пудоў хлеба,— і, павярнуўшыся да Ганны, запытала: — Што вы па працадзень атрымаеце?

— Мілая! Не твой гэта клопат. Ты сваю зарплату ўсё роўна будзеш мець.— Ганна адвярнулася ад Юлі, выказваючы гэтым поўную пагарду да дзяўчыны, Юля нават сумелася. Нібы шукаючы падтрымкі, яна глянула на Марфу.

— Не, мая рыбка, наш гэта клопат! — ваяўніча ўмяшалася Марфа.— На сваім гародзе як хочаш, а тут...

Зашумелі, загаманілі жанчыны, беручы пад абарону Юлю.

Воддаль стаіць Цесля і, пасміхаючыся, пазірае за жанчынамі. Ён рашыў не ўмешвацца... Бараніць яе — перад людзьмі грэх. А паўшчуваць перад жанчынамі — сам потым пашкадуеш, бо страціш ласку яе — грахаводніцы. Так і пайшоў у поле, нібы нічога не чуў.

* * *

Стаіць трактар Юркі. Стаіць на прычэпе да трактара і камбайн. Юрка корпаецца ў машыне. Падыходзіць Юля. Нарэшце, перапэцканы, Юрка павярнуўся і паказвае Юлі незразумелую ёй і невядомую нейкую дэталь ад машыны.

— Ну, вось і ўсё. Будзем стаяць,— сказаў ён і пхнуў трактар, як жывую істоту.— У-у, старая бандура.

— А я так спадзявалася, што сёння кончым гэты ўчастак. Узаралі б пад азімыя. Каторы год севазварот парушаецца.

Невясёлы Юрка стаіць і разглядае на руцэ дэталь.

— А без яе трактар не можа пайсці? — наіўна спытала Юля.

— Не,— усміхнуўся Юрка яе наіўнасці.

— Можа, у майстэрні запасныя ёсць?

— Наўрад,— сумняваецца Юрка.

— А ўсё ж такі трэба было б з'ездзіць. А можа, і ёсць,— нясмела сказала Юля.— З'ездзі ў МТС, Юра,— параіла яна.

Юрка паглядзеў на Юлю, успомніў, што там у МТС Жэня, уздыхнуў і згадзіўся:

— Добра, паеду.

— Вазьмі мой веласіпед,— прапанавала яму Юля.

Жанчыны вяжуць снапы. Міма Ганны праходзіць Марфа і коса пазірае на ржышча: ці не пакідае за сабой Ганна каласы. Ганна заўважыла гэта; у гэтую хвіліну яна нечым вельмі нагадвае раззлаваную кошку.

— Праўяральшчыца! — іранічна кідае Ганна.

Марфа моўчкі праходзіць міма, а на твары ўсмешка.

Юрка едзе на веласіпедзе па дарозе ў МТС.

У кабінеце дырэктара МТС каля акна стаіць Жэня. Раптам яна заўважае Юрку на веласіпедзе. Ён пад'язджае да канторы. Жэня захінулася за сцяну, каб не трапіць на вочы Юрку. А потым палахліва азірнулася кругом і схавалася ў куце паміж сцяной і шафай з паперамі. Адчыняюцца дзверы. Заходзіць Юрка. Агледзеў пакой, пастаяў хвілінку і выйшаў. Нарэшце Жэня з палёгкай уздыхнула.

На двары каля майстэрні Хамякова акружылі трактарысты і ўчастковыя механікі. Кожны з іх патрабуе ад дырэктара той ці іншай дэталі. Відаць, хлопцы зусім вывелі яго з раўнавагі. Побач стаіць трактар на рамонце. Каля яго сядзіць сумны трактарыст.

— Ну, дзе я вам вазьму, дзе я вазьму вам запчасткі. Наце, разбярыце, развінціце мяне на запчасткі. Ліміт увесь зрасходвалі. Дакапаецеся, без нажа вы мяне зарэжаце! — крычыць раз'юшаны Хамякоў.

Да яго падыходзіць Юрка.

— Павел Сцяпанавіч! — звяртаецца да яго Юрка.

— Ну, што табе?

— Мне трэба рэле. І трактар, і камбайн стаяць.

Хамякоў, даведзены да адчаю, апусціў рукі.

— Цябе яшчэ не хапала?! Дзе я табе вазьму рэле? Дзе? — крычыць ён.

— А дзе я вазьму?

— Дзе хочаш вазьмі! Знайдзі, купі!

— Куплю! Дзе?

— Украдзь! — грыміць Хамякоў.

Юрка абвёў вачыма ўсіх прысутных. Яго позірк на хвіліну спыніўся на трактары, што стаіць побач. Вочы яго сашчурыліся, па твары мільганула ўсмешка.

Хамякоў пакрочыў да канторы. За ім пацягнуліся і трактарысты.

Юрка падышоў да трактара, накорпаўся там, затым, сунуўшы нешта ў кішэнь, хуценька сеў на веласіпед і драпануў.

Вечар.

На лавачцы перад палісаднікам Сяргей іграе на баяне лірычны матыўчык. Тут жа сядзяць Міця і Юля з Кацяй. Толькі Юрка і Жэня адасобіліся. У іх зараз вельмі сур'ёзная размова. Збянтэжаная, апусціўшы долу вочы, стаіць Жэня перад Юркам.

— Ну, Жэня, што ты скажаш мне? — пытае ён, і голас у яго ад унутранага напружання крыху ахрып.

— Ну, як ты, Юра... Ну, што ты, Юра... Я проста... Ты толькі...— заблыталася ў словах Жэня.— Я не ведаю.

— Ты падумай і скажы... Толькі не доўга думай.

— Ну, якія мы... Рана мне яшчэ замуж, Юра...

— Пойдзем адсюль, Жэня,— просіць Юрка.— Пойдзем пагаворым.

— Не, я не пайду. Пасяджу тут,— і яна хуценька пайшла да лавачкі.

Залівае месячык вёску халодным святлом. Свеціць, а не грэе. І ў душы Юркі знікла цяпло.

А Юля заспявала... заспявала чыста, мякка, задушэўна.

Стаіць Юрка, абапёршыся на палісаднік, слухае песню і раз-пораз уздыхае. Пакуль Юля спявала, Сяргей падышоў да Жэні і прапанаваў шэптам, таямніча:

— Жэнечка! Давай з табою сядзем у машыну і праедзем.

Здзівілася Жэня яго прапанове і ўзрадавалася. Прамільгнула на яе тварыку вінаватая ўсмешка.

— Куды? — спытала яна.

— Проста ў ноч,— сказаў ён.

Жэня доўга і сур'ёзна глядзела Сяргею ў вочы. Потым страсянула сваімі кудзеркамі і, нібы перад нырцом, заплюшчыла вочы.

— Паехалі! — нарэшце адважылася яна.

Пакуль пела песню Юля, Сяргей і Жэня селі ў машыну. І калі Юля скончыла пець, машына фыркнула і паехала. Юрка заўважыў профіль Жэні ў машыне. Нейкая сіла адштурхнула Юрку ад палісадніка, але ногі былі нібы прыпаяныя да зямлі.

Юля схапіла Юрку за руку і папрасіла:

— Сядзь каля мяне, Юра. Крыху пасядзім і пойдзем. Ты ж правядзеш мяне?

Юрка бязвольна апусціўся на лавачку.

І Міця з Кацяй пераглянуліся. Учапілася яна ў Міцеву руку і заціхла, нібы чакаючы пейкага крыку.

А Юрка пасядзеў крыху і сказаў Юлі:

— Пойдзем. Я вас праваджу.

І яны падняліся з лавачкі і пайшлі.

Юрка і Юля моўчкі ідуць па вуліцы. Раптам ён спыніўся і ціха сказаў:

— Як яна магла? — і ў гэтых словах вялікі сум пакрыўджанага кахання.

— Не трэба аб гэтым... Не варта,— сказала Юля і, па-

маўчаўшы крыху, дадала: — Глядзі, як дрыжаць зоркі... Вунь адна паляцела.

Раптам пачуўся сігнал, і з-за павароту выбліснулі фары аўтамашыны. Юрку аж перадзёрнула. Юля заўважыла гэта. Міма праехаў грузавік.

Усю дарогу яны не праранілі ні слова. І толькі калі падышлі да дома, Юля сказала:

— Ну, вось мы і дома. Заўтра рана ўставаць. Будзем дабываць хлеб для людзей.

А Юрка маўчаў.

— Ну, Юрка,— падала на развітанне руку Юля.— Ідзі і спакойна спі.

— Харошы вы чалавек, Юлія Андрэеўна! — з удзячнасцю сказаў Юрка.

— А не злая? — прыгадала Юля Юркавы словы.

Юрка вінавата ўсміхнуўся, шчыра паціснуў ёй руку і паплёўся дахаты.

Доўга не мог заснуць у тую ноч Юрка. Круціўся, варочаўся з боку на бок, уздыхаў, нават плакаў. Горкі камок крыўды захрас у горле, душыў, не даваў пракаўтнуць слязу. Нарэшце хлопец заснуў.

І прысніўся яму надзіва рэальны сон. Нібыта ён ідзе па нейкім балоце, па мутнай вадзе. Густая, высокая трава сцёбае яго па твары. Юрка спяшаецца, бо чуе: недзе там, наперадзе, плача дзяўчына, адбіваецца, просіцца. Нарэшце Юрка выбіраецца на круты бераг шырокай ракі і бачыць, як на тым баку Сяргей камячыць Жэню. У яе распушчаныя валасы, аголеныя ногі, расшпіленая кофтачка.

— Пусці, пусці, Сярожа! — з апошніх сіл супраціўляецца Жэня. Але Сяргей прыпаў да яе вуснаў і прагна цалуе дзяўчыну.

— Пусці! Гад! — Юрка хоча крыкнуць на ўсю моц, але голасу яго не чуваць. Замест крыку чуваць толькі хрыплы стогн.

Нарэшце Сяргей адпускае дзяўчыну. Яны азіраюцца на Юрку і ніколькі не бянтэжацца. Наадварот, Жэня нават папракнула Юрку:

— І не сорамна табе падглядаць?

Юрка папоўз у траву... Услед яму ляцеў нейкі непрагодны смех — падобны на курынае квохтанне.

Юрка спаў на сенавале.

Нехта побач патрывожыў курэй на куросадні.

Ранне. Яшчэ толькі ўзышло сонца.

Міця выносіць з хаты вядро вады і, скінуўшы майку, пачынае мыцца.

З сенавала выходзіць Сяргей.

Міця. Ты што так рана?

Сяргей. Прывычка... Міця!

Міця. Ну?

Сяргей *(як бы не адважваючыся спытаць)*. Ты Жэню добра ведаеш? Як яна?.. Ну... *(Не знаходзячы слоў, ён быццам бы нешта ўзважвае на руцэ.)*

Міця. Дзяўчына нішто сабе.

Сяргей. І я так думаю.

Міця. Юрка наш сохне па ёй. Жаніцца хоча. Восенню, відаць, вяселле згуляем. Як толькі на працадні з калгасаў атрымаем.

Сяргей. Наўрад.

Міця. Што?

Сяргей. Не пойдзе яна за яго.

Міця. За Юрку? За Юрку любая дзяўчына пойдзе.

Сяргей. Любая, а яна не.

Міця. А табе адкуль гэта вядома?

Сяргей. Чуў. Усе сарокі стракочуць... Дый вяселле вам не будзе за што спраўляць.

Міця. Слухай, Сяргей. Не вельмі задавайся сваімі заработкамі.

Сяргей *(абыякава)*. А вам і пазадавацца няма чым. Быў я на палях вашага калгаса.

З калгаснага свірна выходзяць Цесля і Шугаеў, а пасля і Юля.

— Ну і калі ж ты закончыш хлебаздачу? — пытае Шугаеў у Цеслі.

— Думаю, што...— хацеў нешта сказаць Цесля, але Шугаеў перапыніў.

— Ты не думай, а здавай хлеб.— І, азірнуўшыся, каб не пачула Юля, дадаў: — Хай думае конь. Даю табе апошні тэрмін — два дні.

Цесля на гэта толькі плячамі паціснуў. Шугаеў і Цесля пайшлі да «Масквіча».

Пад'язджае грузавік да свірна. На бартах чырвонае палотнішча. З машыны злазіць Сямён. Ён цягне мех з буханкамі хлеба.

— Дзе вы так позна былі, Сямён? Ужо можна было дру-

гі рэйс адправіць. Цераз вас мяне тут начальства лае,— накінуўся Цесля на Сямёна.

— Ды цябе, таварыш старшыня, кругом лаюць... затрымаліся во чаму,— Сямён паказаў на мех з буханкамі хлеба.— З горада хлеб возім... абратным рэйсам.

Падыходзіць Хведар і пытае ў Сямёна:

— Узяў?

Сямён дастае з мяшка дзве буханкі і аддае Хведару.

— Ты чаму аванс па працаднi не выдаеш? — строга пытае Шугаеў у Цеслі.— Што гэта за парадкі?!

— Днямі буду выдаваць. Ведамасць склалі,— паабяцаў Цесля.

Сямён выняў пару буханак хлеба і перадаў дзяўчынцы:

— Нясі дамоў.

Каля калгаснага свірна група калгаснікаў і адна-дзве падводы. Калгаснікі атрымліваюць збожжа. Тут жа стаіць і Цесля. Каля Цеслі Юрка і Міця.

— Трактарыстам чэсць і пашана,— гаворыць Цесля і падае ім ведамасць. Калгаснікі ахвотна ўступаюць ім сваю чаргу.

— Распісвайцеся ў ведамасці і насыпайце ў мяхі,— распараджаецца Цесля.

Міця правярае ведамасць, а Юрка, глянуўшы ў засек, ківае ўбок галавой і пытае:

— Што насыпаць? Гэта?

— Тое, што ўсім.

— Не, гэта мы браць не будзем! — катэгарычна заявіў Юрка.

Міця падышоў к засеку, набраў у прыгаршчы зярнят і выйшаў к дзвярам, каб пры святле разглядзець збожжа.

— Да-абро-о! — іранічна прамовіў ён.— Не, таварыш старшыня, гэта — не плата.

— Не за гэта мы цэлае лета пякліся на сонцы, глыталі пыл, моклі пад дажджом,— Юрка пачаў злавацца.

— Няма за што распісвацца! — згадзіўся Міця.

— Ніхто вас не прымушае,— спакойна заўважыў Цесля.— Можаце не браць. Толькі майце на ўвазе — другога ў мяне няма. Ці гэта, ці ніякага.

— Ах, так?! Міця! — клікнуў Юрка і, зняўшы з галавы шапку, загадаў: — Сып у шапку, едзем к дырэктару МТС!

Міця высыпаў прыгаршчы зярнят у шапку раз, зачэрпнуў яшчэ раз, і хлопцы амаль пабеглі з кладовай.

Яны выйшлі на вуліцу. Міма праязджае грузавая машына. Хлопцы яе спыняюць, улазяць у кузаў.

Машына газанула, фыркнула сізаватым дымком і сарвалася з месца.

Не зводзячы вачэй з хлопцаў, Цесля выйшаў з кладовай. Да яго падыходзіць Ганна.

— Мне атрымліваць ці пачакаць? — хітравата пытае яна.

— Паспееш...— адмахнуўся Цесля і адышоў.— Не спяшайся.

Каля канторы МТС стаіць «газік». Хамякоў садзіцца ў машыну і кідае на хаду адпаму з трактарыстаў:

— Потым, потым разбяромся. Прыеду з райвыканкома, тады...

Пад'язджае грузавік, на якім прыехалі Юрка і Міця. Кратаецца з месца «газік» Хамякова.

Юрка і Міця саскочылі з машыны і спяшаюцца да дырэктара, баючыся, што той зараз паедзе.

— Стой! Стой! — крычыць Міця.

— Таварыш дырэктар! — крычыць Юрка.

Яны падбягаюць да машыны Хамякова. «Газік» спыніўся.

— Ну, што такое? — незадаволена пытае Хамякоў.

— Вось! — паказвае Юрка.

— Паглядзіце! — гаворыць Міця.

— Ну, што там? — моршчыцца Хамякоў.

— Якая нам плата за работу? — Юрка трасе шапкай са збожжам перад носам Хамякова. Хамякоў глядзіць у шапку.

— Гэта Цесля так?— пытае Хамякоў.

— Цесля,— пацвердзіў Міця.— К чортавай мацеры такую...

— Ціха, не хулігань! — перапыніў Хамякоў і, паглядзеўшы на хлопцаў, спытаў:— Ну, што? — і ўздыхнуў.

— Што? — перапытаў Міця.— Вы нас пасылалі туды рабіць, з вас і спрос!

Хамякоў яшчэ раз глянуў на аднаго, потым на другога і энергічным жэстам запрасіў у машыну:

— Сядайце! Едзем у райвыканком!

Хлопцы не чакалі, каб іх запрашалі другі раз, хуценька селі ў машыну, і «газік» ірвануўся з месца.

Кабінет старшыні райвыканкома. На стале кіпы папер — поўная неразбярыха. Старшыня размаўляе з некім па тэлефоне.

— Што ў цябе за апарат такі, калі вы своечасова зводку не можаце скласці? Слухай, ты мне зубы не загаварвай! Ясна? Як жа можна аператыўна працаваць, калі пад рукамі лічбы за мінулую пяцідзёнку? Якраз і ў лічбах справа! Зводка — наш манометр! Манометр! Вобласць збіраецца рапартаваць аб заканчэнні, а мы, наш раён, не можам дабраць якую сотню тон... Ну-ну, пабачым... Так бы раней. *(Кладзе трубку.)*

У дзверы пастукалі.

— Заходзьце! — дазваляе старшыня.

У кабінет заходзяць Хамякоў, а за ім Юрка і Міця. Заходзяць, вітаюцца.

— От, бунтуюць хлопцы,— паўжартам сказаў Хамякоў.

— Як бунтуюць? — нічога не разумее старшыня.

— Пакрыўдзіў іх Цесля. Бачыце, што выдае на працадні механізатарам,— Хамякоў узяў шапку са збожжам і падсунуў старшыні.

— Так...— старшыня нічога дзіўнага не заўважыў у шапцы.

— Год рабілі як валы, і вось — плата...— з абурэннем сказаў Юрка.

— Дзе вы рабілі? — проста спытаў старшыня.

Хлопцы здзіўлена пераглянуліся.

— Як дзе? На полі,— адказаў Міця.

— У «Чырвонай паляне»,— дадаў Юрка.

— Так... І што, Цесля і калгаснікам такое ж дабро выдае на працадні? — дапытваецца старшыня райвыканкома.

— Усім,— адказвае Юрка.

— Значыць, што? Дрэнны ўраджай быў? — цікавіцца старшыня.

— Нікудышны,— адказвае Міця.

— Значыць?..— пытае старшыня.

Хлопцы недаўменна пераглянуліся. А старшыня стаў тлумачыць. І ў голасе яго загучалі ноткі непрыязні.

— Значыць, дрэнна рабілі. Значыць — нізкая якасць палявых работ у механізатараў. Вы падводзіце і калгаснікаў. Дзе ж вам Цесля возьме лепшага хлеба? Які вырасцілі, такі і спажывайце.

— І гэта ўсё? — памаўчаўшы крыху, пытае Міця.

— Усё,— адказвае старшыня.— Цесля тут не вінаваты.

— Ну, дык вось, таварыш дырэктар! Можаш даваць нам

разлік. На чорта мне такая работа, што не дае карысці ні мне, ні людзям? Не хачу таўчы ваду ў ступе. Вунь брат мой, Сяргей, тры гады папрацаваў у шахце і — сваю «Пабеду» мае. А я што маю? Скулу? Пайшлі, Юрка! — Міця насунуў на лоб шапку і пайшоў да дзвярэй. Юрка няпэўна топчацца на месцы, пазіраючы то на дырэктара, то на старшыню райвыканкома.

— Вось, таварыш Хамякоў, якая свядомасць у тваіх механізатараў! — папракнуў старшыня.

— Свядомыя таксама есці хочуць,— кінуў з парога Міця.

— Можаце ісці! — абарваў старшыня, і хлопцы выйшлі з кабінета.

Па вуліцы ідуць Міця і Юрка.

— Куды гэта? — пытае Юрка, паказваючы на шапку з зярнятамі.

— Сып вунь курам!

Юрка высыпаў зярняты туды, дзе ўзбоч дарогі корпаліся куры. Тыя зараз жа пачалі разграбаць смецце, выбіраючы з пяску зярняты.

— Сяргей праўду казаў, што нам не будзе па што вяселле справіць,— успомніў Міця.

А ў кабінеце старшыня райвыканкома адчытваў Хамякова.

— Аб чым гаворыць такі факт? Аб тым, што выхаваўчая палітычна-масавая работа сярод механізатараў вашай МТС наладжана з рук вон. І ты нечага варты! Прывёў! Што ў мяне тут — кладовая? Патураеш шкурніцкім настроям, а не патрабуеш якасці работ.

— З такімі парадкамі — да якасці рукі не даходзяць,— хмура апраўдваецца Хамякоў.

— З якімі парадкамі? — пытае старшыня.

— А з такімі, што дзень і ноч кручуся, шукаючы запчастак. Усе мае клопаты толькі аб тым, каб трактары хоць не стаялі.

— Мала! Не ведаеш ты сваёй галоўнай функцыі.

— Ведаю, Пётр Мікалаевіч, ды... З мяне патрабуюць і выканання трактарных работ па ўсіх відах, і агратэхнікі... Патрабуюць, а забяспечыць запчасткамі — ніхто не дадумаецца.

— Та-ак... Мелка, мелка бярэш. Не ведаеш сваёй галоўнай функцыі.— Шугаеў глыбакадумна паківаў галавой.— Твая задача — даць дзяржаве сельскагаспадарчую пра-

дукцыю. Узяць з поля і перадаць дзяржаве. У-зяць! Вось за што нам зарплату выдаюць.

— Таварыш Шугаеў! Пашліце мяне назад у калгас. Там я дакажу, што...

— Дазволь нам самім ведаць, куды цябе пасылаць, а куды не пасылаць,— суха перапыніў Шугаеў.

Хата Сямёна. Каля акна за сталом сядзіць Юля і складае план работы агратэхнічнага гуртка.

Жонка Сямёна сядзіць на ложку і неразборчыва мурлыча калыханку, калышучы за почапку люльку з малым.

Адчыняюцца дзверы, і ўваходзіць Сямён: ён нясе на плячах мех са збожжам. Каця ззаду дапамагае бацьку. Сямён скінуў з плячэй мех, выйшаў на двор і праз хвіліну прынёс другі.

— Ну, от і ўвесь наш заработак...— Сямён падышоў да калыскі, нахіліўся над малым.— Ну, што, не спіцца?

Юля сочыць за Сямёнам. Сямён скінуў шапку на лаўку, падыходзіць да Юлі і моўчкі глядзіць ёй у вочы. Відаць, ён хоча нешта сказаць.

— От так, таварыш аграном... Зараз пакажу, якім хлебам дзяцей гадаваць будзем...

Сямён развязаў мяшок, набраў прыгаршчы зярнят і высыпаў перад Юляй на стол. Грубыя пальцы мазолістай, абветранай рукі не гнуцца, разгортваючы па стале дробныя маршчыністыя зярняткі, перамешаныя са смеццем.

Юля, пакусваючы карандаш, хмура глядзіць на кучку зярнят на стале, потым пераводзіць сумныя вочы на мазолістую далонь Сямёна. На хвіліну яна ўспомніла, і перад яе вачыма яскрава паўстала карціна: яна ідзе па нізкаросламу ячменю.

— Каторы ўжо год вось так... Робіш, робіш ад зімы да зімы, спіны не разгінаеш, а прыйдзе восень — от што на працадзень атрымаеш...— Сямён высыпаў зярняты на стол.— Дзе ж тут будзе ахвота рабіць?

— Ураджай у нас вельмі нізкі,— з сумам у голасе сказала Юля.

— А чаму суседзі вунь ураджаі бяруць, як на Кубані. А што ў іх, зямля лепшая? Такая ж, як у нас. Толькі ў гаспадарскіх яна руках. А ў нас што?..— спытаў, разгарачыўшыся, Сямён, а потым зразумеў, што крычаць на Юлю па меншай меры неразумна. І ён загаварыў па-другому: у голасе яго чулася скарга і крыўда.— От і пракармі сям'ю на гэты заработак... Толькі і жывеш, што з агарода... У су-

седзяў вунь — толькі грашыма па пяць рублёў на працадзень...

— А нам яшчэ і сена купляць трэба... Не хопіць на зіму,— папярэдзіла жонка.

Рыпнулі дзверы, і ў хату ўваліліся Юрка і Міця.

— От тут мы і закурым. Праўда, дзядзька Сямён? — падміргнуўшы Каці, звярнуўся Міця да Сямёна. І той моўчкі палез у кішэню, дастаў капшук з самасадам і газету.

А вечарам у Сямёнавай хаце схіліліся над сталом Сямён, Юрка, Міця і Юля. На стале перад імі спісаны ліст паперы. Пры лямпе яны пішуць нейкае пісьмо. Сямён дыктуе, Юрка піша.

— І гэтак каторы год падрад. А старшыня нашага калгаса таварыш Цесля не жыве калгасам, а служа пры ім. У яго галава мала баліць аб тым, як жывуць калгаснікі. Пры такіх парадках гаспадарка занепадзе, а ў калгаснікаў рукі апускаюцца... Напісаў?

Міця. Напісаў.

Сямён. Так парушаюць у нашым калгасе галоўны закон сацыялізму.

Міця. Які?

Сямён. Галоўны. У брашуры Сталіна вычытаў. І закончым так: падпёрла нам пад самае горла і што далей так нельга.

Да іх падыходзіць жонка Сямёна і сварліва гаворыць:

— Ну, канчайце, грамацеі! Вячэра даўно астыла, чуеце?

— Зараз,—адмахнуўся Сямён.

Юрка вырывае з сшытка двайны ліст паперы і просіць Міцю:

— Бяры ты перапішы, твой почырк лепшы.

Міця бярэ паперу, макае пяро ў чарніліцу і акуратна, старанна піша: «Масква, Крэмль...»

— Ну, калі і з гэтага нічога не выйдзе, я кідаю МТС,— грозіць Юрка.

З вуліцы пачуўся сігнал аўтамашыны. Юрка выглянуў у акно і заўважыў: побач з Сяргеем у машыне сядзіць Жэня.

Кабінет дырэктара МТС Хамякова. Перад Хамяковым Сяргей і Жэня.

— Дык мы просім вас, Павел Сцяпанавіч, сёння ж к нам... Ну, на наша вяселле,— нарэшце прагаварыў Сяргей.

— Вяселле? Ваша? — здзівіўся Хамякоў.— А як жа Юрка? — павярнуўся ён да Жэні, і тая яшчэ ніжэй апусціла галаву, а чырвань густа заліла яе твар. Хамякоў зразумеў недарэчнасць і бястактнасць свайго пытання, зразумеў пачуццё няёмкасці дзяўчыны і, штучна засмяяўшыся, жартаўліва дадаў:

— Э, дык ты ўсё-такі, Сяргей, звозіш мае кадры. Як жа я абыдуся без сакратара? А? Я ж прасіў цябе, каб ты не зманьваў маіх работнікаў.

— А я не зманьваў,— апраўдваецца Сяргей.— Яна сама...

— Дык, значыць, ты сама? — пытае Жэню Хамякоў.

— Сама...— яшчэ больш чырванеючы, яшчэ ніжэй апускаючы галаву, ледзь чутна прагаварыла Жэня.

На Сямёнавым двары Міця і Каця, апранутыя па-святочнаму. Яны запрашаюць Юлю на Сяргеева вяселле.

М і ц я. Дык вы прыйдзеце, Юля Андрэеўна?

Ю л я. Не ведаю.

М і ц я. Сяргей прасіў. Усё-такі — вяселле ў яго...

Ю л я. Перадайце яму: дзякуй, але... відаць, не прыйду.

М і ц я *(да Каці)*. Можа, і Юрку паззваць?

Ю л я *(рэзка павярнулася да Міці)*. Нельга так, Міця.

М і ц я. А што?

Ю л я. Нічога. *(І Юля адвярнулася.)*

Міця пацiснуў плячыма і, узяўшы пад руку Кацю, пайшоў.

Сонца схавалася за небасхіл, і вечар павольна ахінае вёску.

Юля выйшла на вуліцу, прыслухалася. Недзе ў другім канцы вёскі заліваецца гармонік, чуваць мелодыі вясельных песень. Але не да іх прыслухоўваецца Юля. Скрозь пералівы гармоніка і вясельных песень прарываецца далёкае гурчанне трактара на полі.

— Гуркоча...—сказала яна сама сабе.

На трактары Юрка. Здаецца, ён увесь аддаўся працы. Здаецца, уся ўвага яго, увесь слых яго скіраваны на работу трактара. Ён углядаецца ў цемру. Але гэта толькі здаецца. Час ад часу вецер даносіць урыўкі вясельных мелодый і пералівы гармоніка. Юрка насцярожваецца, прыслухоўваецца. Вось ён страсянуў кудрамі, каб адагнаць ад сябе тое, што прыносіць вецер. Але мелодыя вясельных песень гучыць больш поўна і ярка.

Нарэшце Юрка не вытрымлівае, спыняе трактар, глушыць матор і бяжыць насустрач ветру.

Юля насцярожылася. Гул трактара змоўк.

Міма хат, паўз плятні і палісаднікі па вуліцы крадзецца Юрка. А вясельная музыка ўсё расце і шырыцца. Яна глушыць Юрку. Вось ён асцярожна прабіраецца каля палісадніка. Юля яго заўважыла ў той момант, як ён, адхінуўшы кусты вяргіняў, зазірае ў акно, дзе, узняўшы чаркі, п'яныя хорам крычаць:

— Горка! Горка!

І Сяргей цалуе Жэню.

Юркавы рукі сутаргава камячаць крывава-чырвоныя кветкі вяргіняў. Буйнымі кроплямі падаюць на зямлю чырвоныя пялёсткі...

Юрка палахліва азірнуўся і, сарваўшыся з месца, пабег. Вось ён пераскочыў цераз плот і з усёй сілы пабег у поле.

Юрка бяжыць па полі. А ў кулаку заціснута чырвоная вяргіня.

Хлопец садзіцца на трактар, заводзіць яго. Свірэпа завыў матор, ірвануўся з месца трактар. Не чуваць больш музыкі, не перасіліць ветру гэты раз'юшаны гул матора.

Раптам перад трактарам у пучку святла мільганула дзявочая фігура. Гэта ўразіла Юрку. Ён рэзка затармазіў.

Спыніўся трактар.

Змоўк матор.

Да Юркі падыходзіць Юля.

— Гэта ты? — ці то здзівіўся, ці то раззлаваўся Юрка.

— Гэта я... прыйшла...— разгубілася Юля.— Я хачу з табой... Я ні разу ноччу на трактары не ездзіла... Можна?— просіць яна.

Юрка доўга і недружалюбна глядзіць на Юлю, так доўга, што Юля не вытрымала і апусціла галаву. Юрка з палёгкай уздыхнуў і проста сказаў:

— Можна.

Недзе далёка палыснула па небе маланка.

А назаўтра каля хаты Сяргея стаяла «Пабеда» з адкрытым багажнікам. На скорую руку справіўшы вяселле, Сяргей і Жэня збіраліся ад'язджаць.

У багажнік ставяць кошыкі з яблыкамі, чамаданы і кладуць розныя пакупкі і пакупачкі.

* * *

А ў той час каля акна сядзіць Юрка і глядзіць на адваротны бок фотакартачкі, дзе напісана рукою Жэні:

Калі любіш — храні,

А не любіш — парві.

Ён перавярнуў картачку і глядзіць на мілы какетлівы твар Жэні.

Па вуліцы праехала «Пабеда» з Сяргеем і Жэняй. Жэня ехала, апусціўшы галаву ўніз, каб, крый бог, не сустрэцца вачыма з Юркам.

Юрка заўважыў іх, але нават і не зварухнуўся, толькі вачыма правёў машыну.

Нізка гойдаюцца шэрыя лахманы хмар на вераснёўскім небе. Сонца рэдка выглядвае з-за хмар, зрэдку прабяжыць па полі светлая палоска, і зноў усё наўкола сыра і шэра. На дарозе лужыны і размешаная машынамі, вазамі і трактарнымі плугамі гразь.

Развярнуўшыся каля дарогі, праходзіць трактар, вывар очваючы пласты сырой зямлі. На трактары Юрка.

Непадалёку Міця сваім трактарам цягне бульбакапалку. Поруч з Міцем Каця. Яна вучыцца вадзіць трактар. Следам ходзяць жанчыны і носяць бульбу ў кошыках к капцу, каля якога тупае Хведар.

На ўскраіне лесу гарыць касцёр.

Шырокае поле зялёнай руні. Па полі ідуць Юля і Цесля. Юля правярае ўсходы азімых. Вось яна нагнулася і выцягнула з карэннем кусцік руні, разглядае сама і паказвае Цеслю.

— Вось бачыце, што значыць ранняя сяўба азімых?

— Кгм...— адкашляўся без патрэбы Цесля.

— А вы гаварылі...— злёгку папракнула Юля.

— На тое вы і аграном...— Цесля глянуў на поле і скептычна зазначыў:— Цяпер-та густа... толькі... пабачым налета, каб не было пуста.... Куранят, як кажуць, увосень лічаць.

Да іх пад'язджае Юрка на трактары. Ён спыняецца і, не глушачы матора, падыходзіць да Цеслі і Юлі.

— Ну, як? — пытае ён.

— Як бачыш,— гаворыць Юля.

— Ну, я пайду туды, к капцам,— сказаў Цесля і пайшоў.

— І ахвота вам, Юля Андрэсўпа, хадзіць на полі ў такую слякаць...— задушэўна і ласкава папракнуў Юрка, глянуўшы на запэцканыя Юліны боты і запырсканае знізу граззю асенняе паліто.

— Вельмі сумна адной дома сядзець.

— Замёрзлі? — спагадліва пытае Юрка.

— А што? — адказвае пытаннем Юля, а ў вачах яе ўдзячнасць.

— Вунь там мы касцёр расклалі... Прыходзьце пагрэцца. Дарэчы, на печаную бульбу паспееце.— Юрка пайшоў да трактара.

— Дзякую, Юра,— паўшэптам прамовіла Юля.

Па дарозе, распырскваючы гразь, імчыць «Масквіч». Вялікая брудная лужына перагарадзіла яму дарогу. Машына спыняецца перад лужынай. Аб'ехаць па ўзараным полі немагчыма. У машыне Пётр Мікалаевіч Шугаеў.

«Масквіч» фыркнуў і з адчаем рынуўся ў лужыну: была не была. Яшчэ злей загурчаў маласільны матор, бездапаможна закруціліся колы ў гразі: засела машына, захліпнуўся матор.

Пётр Мікалаевіч з маўклівым дакорам глядзіць на маладога шафёра.

К «Масквічу» падыходзіць Цесля. Заглядае ў машыну і пазнае Пятра Мікалаевіча. Вітаецца.

— Заселі? Зараз выручым,— абяцае Цесля і азірнуўся ў той бок, дзе каля падводы завіхаюцца жанчыны, нагружаючы ў кош бульбу. Каля воза Сямён і Хведар.

— Гэй, мужчыны! Давайце сюды! — крычыць Цесля.

На яго крык азірнуліся Сямён і Хведар.

— Што там такое? — пытае Сямён.

— Відаць, нейкае начальства ў лужу села,— выказаў сваю здагадку Хведар.

— Начальства? Госць рэдкі — трэба дапамагчы,— сказаў Сямён і разам з Хведарам, не спяшаючыся, накіраваўся да машыны.

І калі, нарэшце, «Масквіча» выцягнулі на сухое месца, Пётр Мікалаевіч вылез з машыны. Прывітаўшыся за руку з усімі, ён па-дзелавому заўважыў Цеслю:

— Ну і гаспадар! Няўжо нельга направіць дарогу?

— Тут хоць бы паспець да замаразкаў бульбу выкалупаць з зямлі. Дарога пачакае,— сказаў Цесля.— Не выходзяць на работу, і ўсё... Другому хоць ты ў лоб страляй.

— А чаму? — спытаў яхідна Сямён.

Пётр Мікалаевіч глянуў на Сямёна і ў яго спытаў:

— А чаму?

— Чаму? — перапытаў Сямён.— Тут механіка простая. Хто ў праўленні засядае? Брыгадзір, кладаўшчык, загадчык фермы, старшынёў намеснік — яны на сталай рабоце. Капае ён бульбу ці не капае, а працадні ідуць. І жонкі іхнія дома сядзяць. Дык ім не хочацца выдаваць працэнты, скажам, яму,— Сямён кіўнуў пальцам на Хведара,— ці мне. Ім жа самім тады на працадні меней перападзе. Вось чаму. Яны, значыцца, дома сядзяць ці на сталай рабоце, а я — капай бульбу, калупайся вось тут у гразі. А ты кажаш, у лоб страляй,— закончыў Сямён, звярнуўшыся да Цеслі.

— А ты хочаш працэнтамі жыць? — акрысіўся на Сямёна Цесля.

— Я хачу за сваю працу плату палучаць! — цвёрда і чотка адказаў Сямён.

— Ваша прозвішча Каліна? Сямён Каліна? — спытаў Пётр Мікалаевіч.

— Каліна. Ну дык што? — насцярожыўся Сямён.

— Так... А вы можаце ісці, таварыш...— адпусціў Хведара Шугаеў. І калі Хведар адышоўся, Пётр Мікалаевіч зноў павярнуўся да Сямёна.— Гэта вы пісалі ў Маскву, у Крэмль?

— Я пісаў,— не струсіў Сямён.

— Разам з трактарыстамі?

— Разам,— з верай у сваю праваду адказаў Сямён.

— Так... А дзе гэтыя... механізатары? — Пётр Мікалаевіч павярнуўся да Цеслі.— Далёка?

— Тут яны. Вунь зараз сюды пад'едуць,— Цесля паказаў на адзін трактар з аднаго боку дарогі і на другі трактар на бульбянішчы.

Па бульбянішчы ідзе Хведар. Раптам ён спыніўся, павёў носам, прынюхаўся і павярнуў да кастра. Падышоў, пагрэў рукі над полымем, пацёр імі. Расхінуў полы пінжака, пагрэў жывот, павярнуўся к полымю спіной. Потым падняў качаргу, пакалупаўся ў вуголлі, выгарнуў печаную бульбіну. Перакінуў яе з рукі ў руку, пацёр аб палу, здзьмухнуў з яе попел і, разламаўшы папалам, пачаў есці сопкую, апетытную бульбу.

Каля «Масквіча» Пётр Мікалаевіч канчае гутарку з Сямёнам, Юркам і Міцем. Непадалёку стаяць Каця і Юля.

Трымаючы ў руках канверт, Пётр Мікалаевіч ушчувае хлопцаў.

— Вы толькі загружаеце цэнтральныя органы сваёй пісанінай,— і, павярнуўшыся да Цеслі, распарадзіўся: — А наконт выдачы дзесяці працэнтаў бульбы калгаснікам ты таго... Не мудруй, калі не хочаш, каб на зіму бульба не засталася на полі. Чуеш, таварыш Цесля? Заўтра каб арганізаваў выдачу!

— А як жа рашэнне праўлення? — нясмела запярэчыў Цесля.

— Я адмяняю. Табе гэтага мала?! — строга запытаў Пётр Мікалаевіч.— Ці ты хочаш, каб табе асабіста з Крамля дырэктыва прыйшла?

— Я што... Я не супраць...— неахвотна згадзіўся Цесля.

— А вам,— Пётр Мікалаевіч глянуў на Юрку і Міцю,— не паперу псаваць трэба, а добрасумленна працаваць, калі хочаце атрымліваць на працадзень. Нізкі ўраджай — ваша віна. Ясна? Другога адказу не чакайце. Масква мне даручыла разабрацца і даць вам адказ,— Пётр Мікалаевіч накіраваўся да машыны.

Юрка і Міця абмяняліся позіркамі.

Юрка. Ясна...

Міця. Таварыш старшыня райвыканкома! Вы міма МТС паедзеце?

Пётр Мікалаевіч. Ну?

Міця. Перадайце там нашаму дырэктару, каб шукаў на наша месца трактарыстаў.

Пётр Мікалаевіч змерыў поглядам Міцю, затым, нічога не сказаўшы, з сілай зачыніў дзверцы «Масквіча». Машына кранулася і паехала.

Юрка. Міця, пайшлі бульбу есці. Юля Андрэеўна, Каця! Пайшлі грэцца.

І яны накіраваліся да кастра.

А каля кастра канчае трапезу Хведар. Перад ім лушпаек і корак ад з'едзенай бульбы цэлая куча. Вось Хведар пачуў гоман Міці, Юркі і дзяўчат. Хведар цераз плячо крадком глянуў на іх, потым падняўся і, ссутуліўшыся, пасунуўся ад кастра. Пайшоў, не азіраючыся.

Да кастра падыходзіць Міця, Юрка, Каця, Юля.

Убачыўшы лушпайкі, Юрка і Міця пераглянуліся і не-

чакала зарагаталі. Смяяліся да слёз. Нават Каця і Юля заразіліся весялосцю. Раптам хлопцы сціхлі, і Міця сказаў:

— Ну і шукай пасля гэтага праўду на зямлі...

Юрка выняў з кішэні папяроску, прыкурыў ад галавешкі, хвіліну пастаяў, падумаў, потым са злосцю кінуў галавешку ў касцёр і сказаў:

— Усё! Паеду! К чортавай мацеры!..

— Куды ты паедзеш? — спакойна спытала Каця.

— Куды вочы глядзяць, у горад, на будоўлю, завярбуюся куды-небудзь,— выпаліў Юрка.

— Была б шыя, а хамут знойдзецца,— заспачыў Міця.

— Я не горшы за другіх,— Юрка павярнуўся ад кастра і пайшоў да трактара. За ім рушыў і Міця.

Каця і Юля пераглянуліся.

Каця. Ён такі, можа з'ехаць у белы свет.

Юля *(з трывогаю)*. Ты думаеш?

Каця. Ты пагавары з ім, Юля...

Юля накіравалася да Юркавага трактара.

Юля з Юркам каля трактара.

Юля. Значыць, рашыў?

Юрка. Рашыў.

Юля. Я думала, я спадзявалася, што ты мяне... паслухаеш... *(Юля з дакорам глянула на Юрку і намерылася пайсці.)*

Юрка *(памкнуўся за ёй)*. Юля, паслухай!.. Юля, я цябе вельмі, вельмі паважаю, але...

Юля *(спынілася)*. Ах, паважаеш!.. *(Рэзка павярнулася і пайшла.)*

Юрка. ...вы ж самі бачыце: задарма працую...

Юля. Бяжы, уцякай, кідай... Поле хай бур'яном зарастае...

Юрка. Пачакай!

Юля. Я таксама магла збегчы, магла ўстроіцца дзе-небудзь у горадзе, у канторы... А не ўцякла, засталася... *(Раптам спынілася, павярнулася да Юркі.)* Помніш нашу сустрэчу ў МТС? «Дырэктар»... Я дала сабе слова, як бы цяжка ні было, я буду разам з... Разам з табой памагаць калгасу... *(Пайшла.)*

Юрка. Юля, ці ж я табе раўня? Ты атрымліваеш зарплату, а я...

Юля. Ах, вось як!..

Юля не стала больш размаўляць і хутка пакрочыла ад Юркі. Ён спыніўся, пастаяў і, апусціўшы галаву, паплёўся да трактара.

Двор Сямёна. Над галавою зорная ноч. І ціха, ціха... З хаты выйшаў Сямён, накінуўшы на плечы кажушок. Пастаяў, прыслухаўся. Да яго даляцеў дзявочы прыглушаны голас: «Не гавары глупства...»

Сямён прыгледзеўся ў цемру.

— Ты, Каця? — спытаў ён і падышоў да палісадніка. Там, абняўшыся, сядзелі Каця і Міця.

— Я,— адказала дзяўчына, хуценька знімаючы з пляч́эй Міцеву руку.

— З кім ты? — і, пазнаўшы Міцю, па-старэчы бурчліва запракнуў маладых.— Што вы па начах туляецеся па завуголлю. Жаніцеся, ці што, а то...— і паплёўся ў хату.

— Я і рад бы ў рай, ды грахі не пускаюць! — выгукнуў Міця наўздагон Сямёну.— Каця не хоча, кажа, мала зарабляю.

— Не балбачы лішняга! — Каця заціснула Міцю рот рукой.

— А праўда, Каця. От пайду, уладкуюся дзе-небудзь на работу, падзараблю капейку, і згуляем вяселле. А?

— Нікуды ты не пойдзеш! — катэгарычна заявіла Каця.

— Не, пайду! — заўпарціўся Міця.

— Не, не пойдзеш!

— Пайду!

— Ну і ідзі!

— І пайду!

— Ну і ідзі! Падумаеш, нехта плакаць па табе будзе. Без цябе зямля незасеянай застанецца,— Каця яўна насміхалася з Міці.

— А калі ты такая патрыётка, можаш ісці на маё месца. Уступлю свой трактар табе...

— І пайду!

— Ну і ідзі!

— І пайду! Не спужаюся!

— А на Юркава месца агранома? — яхідна спытаў Міця.

Раніцой на вуліцы каля варот Сямёнавага двара стаіць Юля. Чакае некага. Міма праходзіць Міця.

— Міця! Можна на хвілінку? — гукнула яна.

Хлопец спыніўся.

— Сакрэт? — пытае Міця.

— Сакрэт,— адказвае з усмешкай Юля.

Міця. Шапчы свой сакрэт.

Юля. І ты?

Міця. Што?

Юля. Кідаеш трактар?

Міця. Ды вось пойдзем з Юркам да дырэктара...

Юля *(задушэўна і ласкава)*. Міця, а калі я цябе вельмі папрашу...

Міця *(недаўменна)*. Мяне?

Юля. Цябе, Міця.

Міця. А чаму не Юрку?

Юля. А што мне Юрка? Я хачу, каб ты... Я прашу цябе, каб... *(Юля апусціла галаву.)*

Міця *(глянуў на яе скоса, недаверліва)*. Ну...

Юля. «Ну, ну»... Не кідай трактар.

Міця. І ўсё?

Юля. Пакуль што ўсё. *(І Юля схавалася ў двары.)*

Міця *(правёў яе вачыма)*. Цікава!.. *(І падкруціў уяўны вус.)* Цікава...

Каля канторы МТС. З канторы выходзіць Юрка. Яго сустракае Міця.

Міця. Ну?

Юрка. Вольны казак. А ты?

Міця. Я падумаю. Ну і куды цяпер?

Юрка. Пакуль што ў бальніцу.

Міця. Захварэў?

Юрка *(сур'ёзна)*. Рухавічок там нейкі ёсць. Казалі, механік трэба. Трыста пяцьдзесят рублёў аклад.

Міця. Так...

І хлопцы разышліся.

На полі. Міця працуе на трактары. А Юркаў трактар стаіць сіратою.

Міця, седзячы на трактары, заўважыў Юлю, якая чакала яго ў канцы поля. Міця зашпіліў каўнер, прыгладзіў валасы, паправіў кепку. Юля прывітальна памахала Міцю рукой. Задаволены Міця ўсміхнуўся і паслаў ёй рукой пацалунак.

— Як справы? — крычыць Юля.

Міця спыняе трактар, саскочыў з сядзення, падбег да Юлі.

— Гудзім, Юлеııька, гудзім. Сёння паўтары нормы дам, кроў з носа,— абяцае Міця.
— Малайчына, Міця,— хваліць яго Юля.
— Для цябе, Юля, я гатоў на ўсё,— прызнаецца Міця.
— Ну, ну! — Юля адразу пасур'ёзнела.— А то Каці скажу.
— Што мне Каця цяпер! — адмахнуўся Міця.
— Перастань, Міця! Сядай на трактар! — загадала Юля.
— Слухаю! — Міця жвава ўзабраўся на трактар і рушыў.
Следам за трактарам ідуць радковыя сеялкі.
А Юркаў трактар стаіць сіратою.
Вось да яго падышла Юля, засмучоная, пакрыўджаная. Ласкава дакранулася рукой да халоднай машыны, пастаяла, уздыхнула... Прысела на трактар і ціха, вельмі ціха заспявала тую ж песню, што некалі пела перад хатай Сяргея. Толькі па-новаму гучала мелодыя песні — журботна, сумна...

А той, па кім Юля сумуе,— Юрка; пад невялічкай паветкай каля бальніцы калупаецца ля рухавіка. І па ўсім відаць, што занятак Юрка знайшоў сабе не па душы.
Каля Юркавага трактара Хамякоў і Каця. Некалькі калгаснікаў засыпаюць жыта ў сеялкі. Тут і Сямён. Каця выцірае анучай рукі.
— Ну, спрабуй,— дазваляе Хамякоў.
Каця садзіцца на трактар. Хамякоў крутануў за ручку, і трактар зароў. Каця павольна кранаецца з месца. Паехала. Хамякоў ідзе побач з трактарам, нібы баіцца пакінуць Кацю адну. Нарэшце ён спыняецца. Каця паехала адна.
Хамякоў бачыць поспехі Каці, але сумны, вельмі сумны.

Каця вядзе трактар, а на прычэпе сеялкі. Каля сеялак і Юля.
З радыятара ідзе пара. Каця спыняе трактар, набірае з бочкі вядро вады і залівае ў радыятар. Потым спрабуе завесці трактар. З цяжкасцю круціць ручку раз, другі. Трактар не заводзіцца. Каця спрабуе яшчэ. І раптам заведная ручка пры аддачы назад моцна ўдарыла Кацю па назе. Каця войкнула і села. З нагі сочыцца кроў. Збялелая Каця моршчыцца ад болю. Да дзяўчыны падбягаюць Юля і кал-

гасніцы, якія абслугоўвалі сеялкі. Юля заўважыла акрываўленую нагу Каці і перапужалася.

— Каця! Што з табой? Што такое? — крычыць перапалоханая Юля і нахілілася над Кацяй.

— Ой! Не кратай! — просіць Каця.

— Эй! Эй! Дапамажыце! — крычыць у панічы адна з калгасніц.

Гэты панічны крык чуюць Хамякоў, Сямён і другія. Хамякоў з Сямёнам і другія калгаснікі бягуць да трактара.

Над Кацяй згрудзіліся людзі. Нехта крычыць:

— Хутчэй да доктара!

— Ну, што вы стаіцё! У бальніцу!

Бальніца. Каля акна стаіць Юрка і пазірае на вуліцу. Раптам ён заўважыў, як да бальніцы пад'язджае падвода, а на ёй Юля, забінтаваная Каця і Хамякоў. Нібы токам жыганула Юрку невядомая трывога. Ён куляю выскачыў на двор і падбег да падводы.

— Што з табой, Каця? — пытае ўсхваляваны Юрка.

У адказ ён бачыць толькі дакорлівыя, непрыязныя позіркі Каці, Хамякова і Юлі.

Хамякоў моўчкі прывязвае да канавязі павады. Юля дапамагае Каці злезці з калёс. Юрка таксама хацеў падтрымаць Кацю з другога боку. Каця адхіляе яго рукі.

— Ідзі... там трактар твой стаіць... А ты — санітар! — ціха гаворыць яна.

— Тут без цябе абыдуцца,— гаворыць Хамякоў.

Юрка сарваўся з месца і пабег пад паветку. Яму было вельмі крыўдна.

Егіпецкімі пірамідкамі ўзвышаюцца на полі адзінокія сцірты саломы.

Усё менш і менш на полі людзей: канчаюцца палявыя работы.

Гуртамі стаяць капякі з бульбай.

У полі стаіць адзінокі трактар.

З бальніцы выходзіць Юля. Праз акно відаць, як Каця на развітанне махае ёй рукой і крычыць:

— Перадавай прывітанне!

Юля ідзе дадому па полі міма адзінокага трактара.

Юля спыняецца, прыслухоўваецца. Свішча асенні вецер. Яна доўга стаіць і слухае.

Па другі бок трактара сядзіць Юрка. Раптам ён занепакоіўся.

Юрка заўважыў Юлю. Усхапіўся. Стаяць адно перад адным і не ведаюць, з чаго пачаць гаворку.

— Каця прывітанне перадавала,— нарэшце гаворыць яна.

— Папраўляецца? — пытае Юрка.

— Хутка выпісваецца...— паведамляе Юля.

І зноў маўчаць. Нарэшце Юля намерылася пайсці.

— Юля! — нясмела гукае Юрка.

Юля спыняецца. Юрка падыходзіць да яе.

— Ты ўсё яшчэ крыўдуеш на мяне? — пытае ён.

— Не,— гаворыць яна.

— Дзякую!

— Толькі... ці раўня я табе, не ведаю...

— Даруй, Юля. Але ж вельмі крыўдна. Несправядліва з намі...

— Цярпі, казак, атаманам будзеш. Прыйдзе і справядлівасць.

— Калі ж я дачакаюся? — Юрка памкнуўся да Юлі, але тая пагразіла яму пальцам і адступіла. А ў вачах яе радасць.

— Ну, ну! Ідзі на трактар, а то ў радыятары вада хутка замерзне.

* * *

З рэпрадуктара каля праўлення чуюцца пазыўныя важных паведамленняў...

З трывогаю на твары слухае сігналы Цесля, седзячы за сталом у канторы.

Па вуліцы ідзе Хведар.

Падымае вочы і скептычна глядзіць на рэпрадуктар; спыніўся, выплюнуў недакурак, яшчэ раз азірнуўся на радыё. Стаіць, слухае.

Па вуліцы ідзе Юля. Насцярожылася. Прыслухалася. Падыходзіць бліжэй да слупа з рэпрадуктарам.

Да праўлення калгаса падыходзяць новыя людзі. Сярод іх Каця, Ганна і Міця.

Бяжыць туды і Сямён. Спяшаецца Юрка.

Слухае ў сваім кабінеце Шугаеў і чухае патыліцу.

Цесля выглядвае ў акно, пераводзіць разгублены позірк з твару аднаго калгасніка на другі.

Слухае пазыўныя Міця.

Каля праўлення сабраўся натоўп. Усе моўчкі чакаюць.

Гучаць пазыўныя.

Даўно чакалі гэтых пазыўных.

Доўга чакалі.

Цярпліва. Моўчкі.

Пазыўныя гучаць мацней, званчэй, бліжэй на матыў «Широка страна моя родная...».

Рассейваюцца хмары на асеннім небе.

Студзень, 1954

У АДЗІНАЙ СЯМ'І

СЦЭНАРЫЙ ДАКУМЕНТАЛЬНАГА КІНАФІЛЬМА

Зробім з вамі невялікае падарожжа па гарадах і сёлах заходніх абласцей Савецкай Беларусі...

Пагранічны Брэст — горад, з якім звязаны гераічны подзвіг неўміручага гарнізона Брэсцкай крэпасці.

На берагах раздольнага бацькі-Нёмана раскінуўся старажытны Гродна, дзе калісьці Пётр Першы ўзводзіў рэдуты супраць шведаў...

Днепра-Бугскі канал — водны шлях, які звязвае Беларусь з братняй Украінай і Народнай Польшчай.

Наведаем з вамі і наша «беларускае мора» — бурлівую Нарач.

Адзін з самых маляўнічых запаведнікаў краіны — Белавежская пушча з яе магутнымі ўладарамі— зубрамі...

Помнікі на авеянай сівой мінуўшчынай зямлі сведчаць аб яе адзіным, непарыўным лёсе з Расіяй.

Домік у Кобрыне, дзе жыў Сувораў.

У гэтым невялікім доміку ў Кобрыне некалі жыў легендарны рускі палкаводзец Сувораў...

Адкрыццё помніка Ф. Э. Дзяржынскаму. Івянец — радзіма Фелікса Дзяржынскага, палымянага рыцара рэвалюцыі...

Домік, дзе нарадзіўся Янка Купала. Тут дарагія сэрцу мясціны, звязаныя з імёнамі Янкі Купалы і Якуба Коласа — вялікіх песняроў беларускай зямлі...

Дом урада БССР. У зале пасяджэнняў Вярхоўнага Савета БССР сядзяць дэлегаты.

Шчаслівы і светлы лёс беларускага народа, навечна ўз'яднанага ў адзінай сям'і!

Вярхоўны орган беларускай дзяржавы абмяркоўвае пытанні далейшага ўздыму і росквіту народнай гаспадаркі рэспублікі...

Выступае Гарбуноў. У прэзідыуме сядзяць Цімашэнка, Мазураў, Казлоў і Аўхімовіч. Сярод дэлегатаў Гродзеншчыны начальнік цэха мастоўскага фанернага завода Масюк і дырэктар гасцініцы Дэмях. Сярод дэпутатаў і пасланцы працоўных заходніх абласцей.

Камуніст, былая падпольшчыца Шчасная з Маладзечанскай вобласці...

Старшыня калгаса з Піншчыны, Герой Савецкага Саюза Корж...

Герой Савецкага Саюза Маркаў...

Былы батрак, зараз сакратар райкома партыі Анішчык...

Сакратар Маладзечанскага абкома партыі Прытыцкі... Суровы яго жыццёвы шлях... Вось ён, дваццаць пяць гадоў назад, мужны падпольшчык-рэвалюцыянер, прыгавораны польскімі фашыстамі да смяротнай кары...

Ад малога да вялікага падымаўся народ Заходняй Беларусі на барацьбу супраць бязлітасных прыгнятальнікаў — князёў Мірскіх, Радзівілаў і іншых шматлікіх магнатаў і паноў.

Вось іх раскошны палац... А вось у якіх халупах жыў народ... Не жыў, а пакутаваў у беднасці і галечы.

Жудасна ўспомніць той час... крывавым потам былі абліты няшчасныя сялянскія палеткі... Не менш горкай была рабочая доля... Так даводзілася працаваць... За мізэрныя капейкі па дванаццаць і больш гадзін у дзень.

Камуністычная партыя Заходняй Беларусі смела ўзняла сцяг за лепшую будучыню народа...

Магутнай хваляй пракаціліся рэвалюцыйныя выступленні ў Гродне, Скідэлі і іншых гарадах і вёсках.

Як грозная бура ўспыхнула над Нарачу паўстанне рыбакоў.

Пілсудчыкі жорстка распраўляліся з народам. Пухлі,раслі судовыя справы польскай фашысцкай пракуратуры... Але ні кайданы, ні здзекі катаў, ні сырыя, змрочныя камеры і канцэнтрацыйныя лагеры не змаглі зламаць свабодалюбівы дух працоўных.

Гераіня падполля — Вера Харужая, якая аддала жыццё за шчасце народа.

Нямала рэліквій рэвалюцыйнага змагання беражліва захоўваецца сёння ў музеях. Вось і макет падпольнай друкарні ў Гродне, у якой друкаваліся адозвы і лістоўкі Камуністычнай партыі Заходняй Беларусі.

Дваццаць доўгіх, цяжкіх год герaічнай барацьбы народа ўвянчаліся перамогай... Не восень, а вясна радасці і доўгачаканай свабоды зацвіла ў тыя дні над шматпакутнай заходнебеларускай зямлёй, вызваленай з братняй дапамогай савецкага народа...

Пазачарговая сесія Вярхоўнага Савета СССР у Маскве цёпла сустракала прадстаўнікоў працоўных Заходняй Беларусі...

Васемнаццаць год мінула з таго часу... І вось сёння, у Слоніме, сустрэліся былыя сябры па падпольнай барацьбе...

Міхаіл Трафімавіч Аніпчык...

Іван Якаўлевіч Дабрыян...

Міхаіл Раманавіч Скок...

Сябры ўспомнілі мінулыя дні, сваіх таварышаў па змаганні і сярод іх — Паўла Арсеньевіча Жалезняковіча...

Сёння Жалезняковіч — сакратар Карэліцкага райкома партыі і вядзе калгаснікаў раёна да багацця і шчасця...

«Новае жыццё» — так назвалі былыя батракі свой калгас. Новае жыццё... Гэтым, бадай, сказана ўсё... Шчодра родзіць зямля, на якой назаўсёды зніклі межы і палоскі. Дзякуючы багатым ураджаям ільну калгас «Новае жыццё» ў мінулым годзе атрымаў больш чатырох мільёнаў рублёў. Паспяхова развіваецца тут і жывёлагадоўля. Нямала вырасла майстроў высокіх надояў.

Даярка Соф'я Сап'янік надойвае ад кожнай каровы ў год больш дзвюх тысяч кілаграмаў малака.

На сто гектараў ворнай зямлі калгас мяркуе сёлета атрымаць не менш сарака пяці цэнтнераў свініны... Вялікія прыбыткі калгаснікам прынясуць і іншыя фермы.

У заходніх абласцях Беларусі ўжо каля чатырохсот калгасаў-мільянераў...

Сельскі пейзаж усюды ўпрыгожваўся вось такімі міжкалгаснымі электрастанцыямі. Агульны від электрастан-

цыі «Дружба народаў»... Агульны від калгаснай электрастанцыі на рацэ Зэльвянцы.

На вёсцы паявіліся новыя прафесіі і спецыяльнасці. Перамены ўсюды, у кожным сяле... У якім бы калгасе вы зараз ні пабывалі, вы абавязкова ўбачыце шырокае будаўніцтва... Для грамадскага статка ўзводзяцца новыя дыхтоўныя памяшканні. Паглядзіце, які выдатны жывёлагадоўчы гарадок вырас у сельгасарцелі «Новы шлях» Кобрынскага раёна! Добра абсталяваны фермы і ў калгасе імя Сталіна Івацэвіцкага раёна...

Працалюбівыя калгасныя і саўгасныя жывёлаводы жывуць адной думкай — з гонарам выканаць пастаўленую партыяй задачу — дагнаць у бліжэйшыя гады Амерыку па вытворчасці мяса, малака і масла на душу насельніцтва. Дзеля гэтага пашыраюцца плошчы пад каштоўнейшую кармавую культуру — кукурузу. Яна добра расце на палях дбайных і клапатлівых гаспадароў. Усюды да паслуг калгаснікаў — машыны МТС. Уведзеныя ў заходніх абласцях машынна-трактарныя станцыі непазнавальна змянілі спрадвечную сялянскую працу.

Агульны выгляд сельскагаспадарчай выстаўкі ў Маладзечне ў кастрычніку 1957 года. Хто бачыў гэтай восенню сельскагаспадарчую выстаўку ў Маладзечне, той не мог не заўважыць тут вялікую колькасць тэхнікі... Не драўлянай сахой, а сталёвым трактарам, разумнымі сельскагаспадарчымі машынамі ўзброены сёння новы працаўнік заходнебеларускай вёскі. Магутная тэхніка працуе ўсюды, на шырокіх сацыялістычных палетках...

Ідзе ўборка багатага ўраджаю цукровых буракоў. Гэта новая культура, якую паспяхова сталі вырошчваць калгасы і саўгасы заходніх абласцей. З палёў цукровыя буракі дастаўляюцца на Скідальскі цукровы завод Гродзенскай вобласці — буйное прадпрыемства, узведзенае ў пасляваенныя гады. Першынец цукровай прамысловасці рэспублікі аснашчаны навейшым абсталяваннем. Хоць і малады завод, але ўжо добрая слава ідзе аб яго майстрах. Краіна атрымлівае высакаякасны цукар.

Агульны выгляд Лідскага завода сухога малака. Гэтага прадпрыемства таксама не было раней. Мы з вамі знаходзімся на Лідскім заводзе сухога малака. Тут, у высока-

механізаваных цэхах, перапрацоўваюцца тысячы цэнтнераў малака. Малочную прадукцыю з Лідскай маркай ведаюць у розных гарадах і сёлах... Ліда вядома і заводам сельскагаспадарчых машын. У абноўленых, абсталяваных новай тэхнікай цэхах асвоены выпуск высокапрадукцыйных сарціровак.

Прамысловасць заходніх абласцей дае цяпер амаль у чатыры разы больш прадукцыі, чым у 1940 годзе. Нанава рэканструяваны Ваўкавыскі цэментны завод... У многа разоў павялічылася магутнасць гэтага буйнага ў рэспубліцы прамысловага прадпрыемства.

Майстар Ігнатовіч за работай каля печы. Сямён Ігнатовіч праславіўся тут як выдатны майстар абпальвання. Няспынным патокам ідзе ваўкавыскі цэмент. Каштоўны будаўнічы матэрыял накіроўваецца адсюль на шматлікія новабудоўлі...

Будуюцца, маладзеюць, абнаўляюцца гарады заходніх абласцей. Пабывайце зараз у Маладзечне! У маладым абласным цэнтры шпаркімі тэмпамі ўзводзяцца культурна-бытавыя ўстановы, школы, жылыя дамы для працоўных.

Будаўніцтва жылых будынкаў у Гродне. Сівыя, старадаўнія руіны Гродна ўступаюць месца новым, прыгожым кварталам дамоў. У горадзе сорак два прамысловыя прадпрыемствы, насельніцтва хутка расце. Вось чаму тут многа будуюць жылля. Столькі шчаслівых наваселляў, як сёлета, яшчэ, бадай, не было!

Наведаем з вамі сям'ю гродзенскіх ткачоў Купрашэвічаў. Вялікая, дружная, шчаслівая сям'я. Стары ткач Іван Уладзіміравіч добра памятае гаротны лёс рабочага чалавека ў панскай Польшчы, асуджанага на голад, вечнае жабрацтва і беспрацоўе. У 1926 годзе ў адной толькі Гродне было дзесяць тысяч беспрацоўных. На свой родны тонкасуконны камбінат Купрашэвічы прыходзяць як гаспадары. Яны працуюць тут на сябе, у новых, светлых цэхах, зусім не падобных на маленькія ў мінулым кустарныя майстэрні. Клопатамі аб сваёй любімай справе жывуць Іван Уладзіміравіч і яго сын, памочнік майстра Пётр Іванавіч. Побач, у ткацкім цэху, працуе жонка малодшага сына Тамара. Тут жа і жонка старэйшага сына — Жанна. Браты Пётр і Міхаіл Купрашэвічы — студэнты завочнага тэкстыльнага тэхнікума, яны настойліва вучацца, павышаюць сваё майстэрства.

Цэх шклозавода «Нёман». Узбагацілася, непараўнальна вырасла і майстэрства рабочых завода «Нёман». Моладзь тут дапытліва пераймае вопыт старэйшых умельцаў. Залатыя рукі ў заводскіх майстроў. Колькі любові і натхнення ў гэтай патрабуючай тонкага мастацкага густу працы! «Нёманскія» вырабы ўпрыгожваюць быт савецкага чалавека, карыстаюцца ўсюды шырокай папулярнасцю.

У заходніх абласцях нямала майстроў і такога старажытнага рамяства, як кераміка.

Пазнаёмім вас і з своеасаблівым народным умельцам Іосіфам Васільевічам Бохапам з-пад Вілейкі. Многа год ён прысвяціў стварэнню скрыпак і іншых струнных інструментаў. Першы слухач заўсёды жонка — Аксіння Ігнатаўна.

Чытальная зала Астрамечаўскай бібліятэкі. Будні вечар у вёсцы Астрамечава непадалёк ад Брэста. Забыты едкі дым лучыны. Агні сельскай бібліятэкі прыцягваюць калгаснікаў. Некалі непісьменныя людзі прагнуць кніг, ведаў.

Па дарозе едуць і ідуць школьнікі. Дарога ў школу... Калісьці яна была закрыта для дзяцей працоўных заходніх абласцей.

Гняздоўская школа. Кожную раніцу дзетвара Гняздоўскай школы Ваўкавыскага раёна запаўняе светлыя, прасторныя класы. Час, калі нельга было вучыцца на роднай беларускай мове, мінуў беззваротна. Гэта школа-інтэрнат у Лідзе. Дзяржава ўзяла на сябе поўнае ўтрыманне юных выхаванцаў. Тут створаны ўсе ўмовы для плённай вучобы і ўсебаковага развіцця. Расці, вучыся, авалодвай ведамі!

Пры панскай Польшчы ў Гродне была толькі адна навучальная сельскагаспадарчая ўстанова — курсы кавання коней, а зараз тут сельскагаспадарчы інстытут і больш дваццаці іншых навучальных устаноў.

Вывеска Брэсцкага педагагічнага інстытута. У Брэсцкім педагагічным інстытуце звыш тысячы студэнтаў. Яны папаўняюць шматтысячную армію настаўнікаў вобласці. Неўзабаве скончаць інстытут выдатнікі вучобы Вера Дзенісюк і Пётр Сідарчук.

Вароты Бераставіцкай бальніцы.

Там, дзе быў маёнтак графа Касакоўскага, узведзены

новы гарадок Берастаўіцкай раённай бальніцы. Хіба раней мог працоўны чалавек марыць аб бясплатным высокакваліфікаваным лячэнні, аб такіх вось абсталяваных бальніцах? Зараз толькі на адной Гродзеншчыне — шэсцьсот шэсцьдзесят медыцынскіх устаноў. З першага дня нараджэння, усё сваё жыццё чалавек акружаны клопатамі і ўвагай. У былым панскім маёнтку размясціўся дом адпачынку «Рось». Тут адпачываюць, набіраюцца здароўя і сіл выкладчык Гродзенскага сельскагаспадарчага інстытута Бабіч, чыгуначніца Антаніна Яфімаўна Шчэрба, працоўныя з розных канцоў рэспублікі.

Заняткі ў Брэсцкай студыі выяўленчых мастацтваў. Расцвітаюць народныя таленты. У студыі Брэста мы сустрэлі самадзейных мастакоў Бялянкіна і Селіхава. Карціна Селіхава «Абарона Брэсцкай крэпасці».

На рэспубліканскай выстаўцы народнай творчасці ў Мінску было прадстаўлена многа работ, створаных таленавітымі майстрамі заходніх абласцей. Разьба па дрэве заслужанага дзеяча мастацтваў БССР Казёлкі.

Габелен гродзенскіх ткачых-вышывальшчыц. У гэтым творы паказана вялікая любоў народа да Уладзіміра Ільіча Леніна. Ленін! Святлом яго неўміручых ідэй азораны шчасце і светлы лёс народа.

Дзеці з кветкамі ля помніка. Кожны год піянеры Гродзеншчыны прыходзяць да помніка Леніну, каб даць клятву вернасці справе вялікага правадыра. З іменем Леніна ў сэрцы святкавалі працоўныя заходніх абласцей слаўнае 40-годдзе Вялікага Кастрычніка. Ідуць дэманстранты ў Гродне.

Людской радасцю перапоўнены старажытны Гродна. Сваю адданасць Камуністычнай партыі дэманструюць жыхары пагранічнага Брэста. Працоўныя заходніх абласцей разам з усёй савецкай Беларуссю ў дружнай сям'і братніх народаў Радзімы ўпэўнена крочаць насустрач камуністычнай будучыні.

Кастрычнік, 1957

СЧАСТЬЕ НАДО БЕРЕЧЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СЦЕНАРИЙ
ПО ПОВЕСТИ А. КУЛАКОВСКОГО
«НЕВЕСТКА»

Впервые увидели мы эту девушку в тот день, когда...

Из переулка выскочила девушка и побежала вдоль пустынной и безлюдной улицы. Что-нибудь случилось? Почему она так торопится? Куда она спешит? Что ее так встревожило? Радость? Беда? Заглянем ей в лицо... На короткое мгновенье промелькнуло оно перед нами: красивое, молодое и радостно-возбужденное. Девушка повернула во двор той хаты, перед окном которой стоит рябина с красными гроздьями. Хата маленькая, старенькая, покосившаяся.

Последуем за этой девушкой.

Глубоко и часто дыша, она вбегает в хату. Осматривается — в хате никого нет, пусто и неуютно. Девушка подходит к маленькой скамеечке у окна. Там стоит белая алюминиевая кружка и ведро. Девушка опускает кружку в ведро, пробивает тонкую корку льда и делает несколько глотков.

С печи слышится кашель простуженного человека и вопрос:

— Кто там?

— Дядько Данила, это я, Лариса. Вам письмо.

С печи торопливо слазит Данила, старик лет за шестьдесят, с редкой взлохмаченной бороденкой; на голове — овчинная шапка-ушанка, на плечи накинут полушубок, на ногах старые подшитые валенки.

— От сына,— Лариса протянула старику конверт.

— Спасибо, голубка, спасибо,— Данила бережно берет письмо двумя руками, так, как обычно берут икону.

— Может, вам прочитать? — мягко и ласково предложила Лариса.

— Почитай,— старик, соглашаясь, кивнул головой и передал письмо девушке.

Лариса расклеила конверт и... удивилась письму — слишком уж оно коротенькое.

— «Добрый день, дорогой папаша! — начала читать девушка.— Спешу тебе сообщить, что я уже демобилизовался. Поскольку теперь армию сокращают, я скоро приеду домой. Скоро встретимся и поговорим обо всем. Не скучай, дорогой отец. Крепко тебя целую и обнимаю. Твой сын — старший сержант Виктор Данилович Бирюк. До скорой встречи».

— Вот и все,— от себя добавила Лариса, как бы успокаивая старика, что в письме ничего страшного нет.

— Торопился, потому и коротко написал,— оправдал Данила сына перед Ларисой.— Значит, едет... дождался все-таки...

Бороденка у старика вздрогнула, а грустные глаза часто-часто заморгали. Это тронуло Ларису.

— И я рада за вас,— с чувством сказала она. И это были не только слова.— Мне он тоже письмо прислал.— Как бы желая разделить со стариком одинаковое чувство, сообщила девушка.

— До свиданья,— Лариса попрощалась и ушла. Старик только кивнул ей головой.

Старик снова остался один, как бобыль, в этой бедной и пустой хате. Он ласково гладит листок бумаги, лежащий на столе, будто самого сына ласкает. Медленно обводит глазами избу: голые окна с наростом изморози, непокрытый стол, изъеденную червем скамью, закоптелую, давно не беленную печь, старую деревянную, топорной работы кровать, покрытую поношенным серым одеялом. Так, видимо, осматривал бы свою камеру, прощаясь с ней перед выходом на волю, человек, проведший многолетнее одиночное заключение. Данила подходит к кровати, присаживается на корточки, вытаскивает из-под кровати сундук, раскрывает его. Это тот заветный сундук, который привез в дом Данила вместе с невестой. Тут он хранит дорогие для его памяти вещи: письма сына, аккуратно сложенные в длинном ящичке, пристроенном у боковой стенки сундука, а в бельевом отделении сверху лежит единственная вещь, оставшаяся после смерти жены,— покрывало с вышитыми ее руками красными петушками и само-

дельными кружевами. А на внутренней стороне крышки приклеена старая фотография сравнительно молодой женщины. Это была жена Данилы, Ульяна. Данила, обращаясь к ней, сказал:

— Едет сын...— и закрыл глаза.

Из затемнения. Мы видим эту женщину лежащей в постели. Изможденное лицо с болезненным, страдальческим выражением. Она тяжело дышит. Рот приоткрыт. В глазах у нее слезы. Женщина прижимает к себе ребенка — двухлетнего мальчика. У кровати умирающей, опустив голову, стоит мрачный Данила и держит в руках горящую свечу.

— Сынок мой...— прощаясь с сыном, плачет женщина. Плачет долго, слабо всхлипывая. Затем дрожащим голосом с мольбою обращается к мужу:

— Дани-ила... Я чистая перед тобой, как перед богом. Это наш сын, это твой сын. Клянусь тебе. Перед смертью не стану я брать грех на душу...— Через каждые два-три слова женщина делает паузу.— Двенадцать лет мы ждали его... Думала, что я виновата... Бог дал дождались... А ты... Дани-ила... Злые люди пустили сплетню... Это твой сын,— она слабыми руками протягивает ребенка мужу.

Мечется пламя на свечке. Дрожит рука у Данилы. Но Данила остается непреклонным. Он не смотрит в глаза женщине. Он отвел взгляд в сторону. Плотно сжаты его губы. Немолодое лицо сорокалетнего мужчины безжалостно невозмутимо. Слышно, как всхлипывания женщины становятся реже, тише, тише и затухают. Наконец вздрогнуло лицо у Данилы. В глазах отразился страх, а может быть, и запоздалое раскаяние: а вдруг женщина действительно не виновата. Закричал ребенок. Данила закрыл глаза. Из-под ресниц поползла слеза...

Мы видим, как затуманивается лицо Данилы. Оно еле различимо, будто за мутной пеленой, будто смотрим мы на него сквозь собственные слезы. Но вот пелена постепенно стирается, туман становится реже, яснее проступают черты лица Данилы, не того Данилы, сорокалетнего мужчины, а теперешнего, шестидесятилетнего старика. Он стоит на коленях перед сундуком с закрытыми глазами, а из-под ресницы катится по щеке крупная слеза. Данила открывает глаза, видит фотографию жены и тихо говорит:

— Едет наш сын...

Медленно вползают в избу предвечерние сумерки. Данила сидит на колодочке возле печки и смотрит на горящие дрова. Отсвет мерцающего пламени падает на его лицо. Стукнула дверь. Данила повернул лицо и улыбнулся.

— А-а, немой. Заходи, друг, садись.

В избу вошел старик, видимо, одногодок Данилы. Он чем-то даже похож на Данилу, только в глазах, может быть, больше грусти, невысказанной печали. Он присаживается рядом с Данилой у печки.

Они могли бы вот так, не проронив ни слова, просидеть возле печки весь вечер, и им было бы хорошо. Как истинные друзья, они без слов понимали, чувствовали друг друга. Эта странная привязанность имела под собой почву. Страшной сплетней оттолкнули от себя люди Данилу. Он стал сторониться их и нашел дружбу с этим человеком. Он-то не будет сплетничать, потому что лишен дара речи, он немой. И дружба у них была верной, прочной, надежной.

Но сегодня у них было о чем поговорить.

Данила встал, вынул из сундука письмо сына, его фотографию и фотографию жены и, снова усевшись возле печки, сообщил другу:

— Вот видишь? Сын... едет домой.

Немой понял, но по-своему переспросил.

— Да, да. Едет. Вот письмо прислал.

Немой заулыбался и опять-таки по-своему, гыгыкая, начал бурно высказывать свою радость.

— А-а, рад? Я знал, что ты обрадуешься. Ты его любишь. И он тебя, конечно, помнит...

Немой в знак согласия кивает головой. Потом его лицо становится грустным-грустным, и он, показав на портрет Ульяны, с сожалением покачал головой. Данила, поняв, что хотел сказать немой, вздохнул.

— Да-а... Нету ее...

Они снова помолчали.

— Сын едет, а у меня дрова кончились. Вот последние,— Данила бросает в печь несколько тонких хворостин, лежавших возле печи.— Завтра в лес надо...

Молча сидят у печки Данила и немой. Догорают дрова, дотлевают и покрываются пеплом угольки.

К рассвету из старенькой хаты сквозь щели ушло тепло. Данила спит на лежанке и неспокойно ворочается.

Пробует натянуть полушубок, чтобы укрыться. Но через минуту снова зябко ворочается. Поднимает голову. В окна проступает рассвет. Данила встает, одевает полушубок, щупает остывшую печь, находит на карнизе рукавицы, достает из подпечка топор, выходит во двор.

А во дворе пусто и чисто. Снегу намело даже в сарайчик сквозь раскрытые ворота. Засунув топор за пояс, Данила вытаскивает из-под снега саночки-самотяжки и начинает прокладывать первый след по улице Крушиновки.

Вдруг Данила остановился. Перед ним в снегу чернеет человеческая фигура. Слышится что-то похожее на стон. Что случилось? С кем беда? Вот фигура зашевелилась, подняла сначала зад, а потом с трудом выпрямилась. Зашагала зигзагами, еле переставляя ноги и держа перед собой наготове руки с таким расчетом, чтобы при очередном падении предохранить нос.

Пьяный заметил Данилу.

— Кто тут такой? — спросил он громко и властно.

— Не узнаешь, бригадир? — недружелюбно ответил Данила.

— А-а, Бирюк... Куда? Воровать что-нибудь?

— Не сам ли пропивал ворованное, гад ползучий,— возмутился Данила,— а я с твоей ласки дрова на себе таскать должен.

— Ну-ну! — пригрозил бригадир.

— Подожди, приедет сын, он с тобой потолкует,— пообещал Данила.

— Сын? Ха-ха-ха! Чей сын? — явно издевался над стариком бригадир Шандыбович.— Не стращай! Ну, газуй, газуй! — считая ниже своего достоинства ввязываться в разговор с Данилой, бригадир махнул рукой и поплелся своей дорогой.

Данила проходит мимо бригадного двора и хмурится, видя следы бесхозяйственности: еще с осени остались под открытым небом и теперь заметены снегом телеги, косилка, сваленные в кучу бороны, конные грабли; из-под снега торчат рукоятки плугов.

— У-у, безбатьковщина,— пробормотал себе под нос Данила.

Уже было совсем светло, когда Данила пришел в лес. Он ссекает на деревьях сухие сучья, вытаскивает из-под снега валежник, складывает на саночки, увязывает. Нелегкая это работа для старика. Трудно было ходить по

лесу, проваливаясь по пояс в глубокий снег. Страшно устал Данила, пока полностью нагрузил свои санки хворостом.

Ветер почти совсем замел снежной пылью утренние следы Данилы, когда он возвращался из лесу. Тяжело ему было тащить свой воз по глубокому снегу, против ветра, по бездорожью. Старик присел на санки отдохнуть. Присесть легко, а вот подняться усталому человеку и снова впрячься в воз труднее. Но ведь так можно и замерзнуть. Вставай, Данила! Ведь до деревни еще далеко, уходи, пока не замерз! Данила зябко поводит плечами, но не встает. Беспомощной выглядит одинокая фигура старика на этом бескрайнем пустынном поле, где пронзительно свищет ветер, переметая снежную пыль.

Может быть, и замерз бы тут Данила, но судьба послала доброго человека. Где-то сзади показалась подвода. Она ближе и ближе подъезжает к сидящему на самотяжках Даниле. Вот уже поравнялась. С подводы встал человек, подошел к Даниле. О чем-то поговорили. И мы видим, как Данила привязывает свои саночки к большим саням-возку и усаживается рядом с добрым человеком.

— А почему вы лошадь не взяли? — спрашивает у Данилы человек в большом овчинном тулупе.

— Бригадир не дает. Ему надо пол-литра самогонки подсунуть. А где ее возьмешь? — просто, как о совершенно обычной вещи говорит Данила.

— Пьяница? — интересуется человек в тулупе.

— Горький,— также просто подтверждает Данила.

— А почему вы правлению колхоза или председателю не сообщаете?

— Далеко оно от нас. Пятнадцать километров. А сами председатели не любят сюда ездить. Дорога сами видите какая.

— Редко бывают?

— Куда уже реже? Пришлют которого, появится и... даже и лица не успеешь запомнить. Глядишь, а другой раз приезжает новый. Правда, не все. Один любил сюда ездить летом. Неделями жил у бригадира. Переночует, а утром Шандыбович его на телегу и к озеру. Сгрузит его, кусок сала, полбуханки хлеба и самогонки бутыль оставит ему, он и сидит там до вечера с удочками. Вечером домой. А назавтра снова к озеру или на реку... Он не долго задержался у нас в председателях. До нас, говорит, начальником областной тюрьмы работал. А вот тихий и спокой-

ный был, только невеселый. Будто, рассказывают, по старости или как уволили оттуда и к нам попал. Теперь где-то директором детдома поставили.

Человек в тулупе с удовольствием хохотал.

— А может, вы и есть наш новый председатель? — спохватился Данила.

— Я и есть. Угадал.

— А вы надолго к нам?..

Так за разговорами, незаметно для себя они въехали в деревню.

— А неужели у вас молодейшего никого нет, чтобы по дрова съездить? — поинтересовался председатель.

— Один я. Вот скоро сын придет из армии, уже демобилизовался. Сверхсрочником служил.

Проезжая по улице, они заметили, как из одной из хат вывалился пьяный Шандыбович, бригадир, и загорланил старую частушку:

Бога нет, царя не надо!
Никого не признаем!
Провались, земля и небо,—
Мы на кочке проживем!

— Вот он, наш бригадир. Третий день вот так, разбойник, успокоиться не может. И власти над ним нету.

— Найдем власть! — глаза у председателя сузились, стали колючими, злыми. Он остановил лошадь и слез с саней, грозный, большой, солидный.

Готовясь к приезду сына, Данила с помощью своего немого друга приводил в порядок избу: вымывал и выскребал подоконники, стол, скамейку, пол. Драили, чистили, будто матросы корабль перед адмиральским смотром. Данила достал из-под кровати сундучек, вынул оттуда Ульянино чистое, белое, вышитое петушками покрывало и застлал кровать.

Уборка подходила к концу, когда отворилась дверь и на пороге появился Виктор, сын Данилы,— красивый, стройный, бравый сержант с чемоданами в руках и вещевым мешком за плечами. Такое неожиданное и несколько несвоевременное появление гостя (ведь уборка еще не закончена) огорошило и Данилу, и его немого друга. Не надолго, правда, на какую секунду-две. Потом Данила одной рукой потянулся к шапке, а другой к сыну.

— Витя! — и старик бросился обнимать сына.

— Тата! — Виктор схватил в объятия так, будто собирался бороться с ним.

А немой стоял и ждал своей очереди. Наконец Виктор облобызался и с ним. Двое стариков помогли раздеться Виктору. И началась обычная при встрече долгожданного гостя суета. Один старик приглашал Виктора садиться, другой отнес от порога к кровати чемоданы. Виктор заметил на окошке поллитровку.

— О, с мороза и погреться есть чем! — обрадовался Виктор.

С важным известием о приезде Виктора прибежала к Ларисе Ольга. Впопыхах она не успела даже притворить дверь. Подруга сидела около зеркала.

— Лариса! Он пришел. Я его сама видела. В окно.

— Кого?

— Виктора!

— А-а...

— Что — а-а?.. Ты тоже видела?

— Видела. Ну так что?

— Как что? Ой, не лги, Лариса! Ты так рада, так рада, что... Я по глазам вижу.

Как ни старалась Лариса скрыть от подруги свое внутреннее ликование, ей это не удалось. Лицо, глаза, улыбка выдали ее. Ольга нежно прижалась к подруге.

— Хочешь с ним встретиться? А? Скажи, хочешь? Я организую! — в голосе, в тоне, в лице Ольги было и страстное девичье любопытство, и желание помочь подруге.

Прикрывая дверь, мать Ларисы невольно подслушала разговор девушек и улыбнулась.

Клуб. «Режет» польку Вася на гармошке. Чудеса выделывает на своем инструменте верный спутник Васи — барабанщик. Счастливая Лариса кружится в паре с Виктором. Ей кажется, что все девушки смотрят на нее с завистью. И это ее не смущает, наоборот, ей приятно, что подружки завидуют, она даже чуточку гордится этим. Не спуская глаз с Ларисы, рядом с Васей-гармонистом сидит довольная Ольга, будто она виновница счастья Ларисы. Плотоядными глазами следит за Виктором еще одна особа: женщина молодая, в меру симпатичная, заметно, что она заботится о своей внешности. Потом мы познакомимся

с ней ближе, а пока назовем ее Катей. Вот она безнадежно отводит взгляд от Виктора.

— Ты не собираешься удирать из деревни, как другие демобилизованные? — спрашивает у Виктора Лариса.

— А ты бы как хотела? — хитрит Виктор.

— Никак,— уклоняется от ответа Лариса.

— Как скажешь ты, так и будет.

Довольная Лариса только улыбнулась и веселее закружилась в танце.

— Отца, окаянный, пожалей. Он так ждал тебя.

— А ты? — поинтересовался Виктор.

Лариса будто и не слыхала вопроса Виктора.

Из затмения. Данила рассматривает сынов подарок — кирзовые сапоги. Одел их, прошелся по хате, любуясь обновой.

Рядом с кроватью, на скамье аккуратно, «как полагается по уставу», сложено обмундирование Виктора.

Старик подходит к кровати, на которой спит сын. Осторожно, чтобы не разбудить его, присаживается на кровать и долго смотрит на сына с лаской и любовью.

Но Виктор проснулся.

— Ты спи, спи, сынок. Еще рано.

Виктор посмотрел на часы, лежавшие на скамье рядом с обмундированием.

— В армии так поздно не спят,— он встал и начал одеваться.— Ну, как тут жил, тата?

— Тем только и жил, что тебя ждал,— с облегчением вздохнув, ответил Данила.

Виктор осмотрелся.

— Да-а, бедновато жил... Неважно...

— Откуда же тому богатству взяться? Дела у нас в колхозе плохие, в бригаде бесхозяйственность, бригадир — пьяница...

— Шандыбович?

— А кто ж... Сам, гад ползучий, живет, как туз, а людей обижает. Даже вот дрова из лесу на себе таскаю.

— На себе?

— Поизмывался он надо мной, сынок...

— Хорошо!.. Ладно, отец! — и в этом «хорошо» прозвучала такая угроза обидчику, что Данила даже насторожился.

Виктор вышел во двор. На секунду-две он задержался возле самотяжек с остатками дров, привезенных Данилой, затем решительно зашагал ко двору Шандыбовича.

Во двор бригадира Виктор пришел как раз в ту минуту, когда из хаты вышли председатель колхоза и Шандыбович, который продолжал уговаривать председателя:

— Позавтракали бы, товарищ председатель... Хозяйку обижаете...

— Пусть не обижается. А вы собрание обеспечьте!

— Здравствуйте! — откозырял Виктор.

— А-а, Виктор! — обрадовался Шандыбович.

Председатель задержал взгляд на Викторе и ушел.

— Входи, входи, гостем будешь,— Шандыбович распахнул дверь.

На столе стоял нетронутый завтрак и две поллитровки самогона.

— Садись,— предложил Шандыбович.

— Нет, я по делу.

— Самые трудные дела всегда решаются за столом,— Шандыбович взял в руки бутылку.— Самое верное средство борьбы с бюрократизмом. Она, как говорится, ликвидирует волокиту быстрее самого большого начальника.

Виктор улыбнулся.

— Садись, Витя. Ты же еще, верно, не завтракал,— предложила жена Шандыбовича.— Хозяйки-то у вас дома нет.

Ольга поднесла для Виктора стул.

— Что-то неохотно к нашему столу гости идут,— сказала Ольга, явно адресуя эти слова отцу.

— Не очень огорчайся, дочка,— заметил отец, но сказано это было так, что в словах «не очень огорчайся» прозвучало предупреждение: «не очень злорадствуй».

Виктор все-таки сел на стул, предложенный Ольгой.

— Пришел просить лошадь за дровами съездить. Или мне тоже прикажешь на себе таскать? — недружелюбно начал Виктор.

— Что за разговор? Конечно, дам лошадь,— не замечая недружелюбия Виктора, пообещал Шандыбович.— Ну, как? В деревне остаешься или будешь устраиваться на стороне?

— Придется тут устраиваться. Старика нельзя оставлять одного. Обижают тут некоторые.

— Правильно. Ты — парень с головой, не пропадешь

и тут. Пока я бригадир, могу посодействовать. На любую работу поставлю.

— Например?

— Ну... завфермой. Хоть работа не совсем чистая, не канцелярская, но кое-что можно иметь. Или... Да ты любую выбирай. Для тебя я все сделаю.

— Не верю.

— Почему?

— А зачем старика моего обижал?

— Жаловался? Знаю, грозился: вот подожди, мол, приедет сын.

— Допек, значит.

— Нет, тут дело старое. Он давно затаил на меня злобу. А все из-за тебя, хоть ты тут и ни при чем.

— Почему из-за меня?

— Почему? — Шандыбович молча смотрел на Виктора, как бы оценивая, можно ему рассказать все или не стоит. Наконец решился и продолжил:— Пожалуй, расскажу. Ну, а вы,— обратился он к жене и дочери,— дайте с человеком поговорить.

— Левон, ты...— желая предостеречь мужа от чего-то, начала было жена Шандыбовича, но тот оборвал ее:

— Не твоего ума дело!

И когда женщины вышли, Шандыбович начал рассказывать.

— Вижу — ты парень умный, все поймешь... А история вот какая... Давняя это история. Была у нас в деревне самая красивая девушка, и звали ее Ульяной. Красивая, только из бедной семьи. И вот вышла она замуж за твоего отца. Ну, поженились и жили хоть не так богато, зато в согласии, в любви. Да только вот... лет десять или двенадцать живут, а... детей у них долго не было. И люди стали всякое говорить. Мать и к святым местам ходила, и к знахарям, и к докторам. Наконец родился ты. Ну, для них, конечно, это было таким счастьем, такой радостью, что... Вот женишься, даст бог, сам узнаешь, поймешь... Да вот на беду какой-то негодяй пустил сплетню: будто не он твой отец, а... ну... вроде бы... я виноват. Но ты не верь! Сплетня! Злые языки!.. А отец твой усомнился. Вот с тех пор он и меня возненавидел, и мать ни за что ни про что в могилу свел.

— Ты врешь! — Виктор схватил Шандыбовича за груди и прошипел ему в лицо:— Гад ползучий! Зачем ты мне все это врешь? Он любил мать и меня любил!

— Ну что ты, Виктор?! Зачем мне врать? Что ты, что ты... Конечно, тебя любил. Сын ты ему. Потом понял. Мать перед смертью клялась...

Виктор отшвырнул от себя Шандыбовича и вышел.

Когда Виктор пришел домой, Данила уже успел приготовить завтрак. Старик орудовал в печи с горшками, как заправская хозяйка — сам готовил, сам накрывал на стол, сам подавал.

— Ну, сынок, время и завтракать.

Виктор присел у стола. Он все еще находился под впечатлением от рассказа Шандыбовича. Он сидел хмурый и сосредоточенный, ковыряя ножом отварной картофель в миске.

— Готовил как умел. Да... Не мешало бы, чтоб занималась этим молодая хозяйка,— лукаво улыбаясь, сказал Данила, рассчитывая, что сын поймет намёк.

— Что? — не услышал Виктор.

— Говорю, не пора ли, чтоб вот этим,— Данила показал на стол,— молодая хозяйка занималась. Как думаешь?

— О чем?

— Ну, о чем, о чем... Должен бы и сам догадаться. Пора уж...

Данила говорил с сыном несколько игриво: полушутя, полусерьезно. Но Виктор реагировал на это как-то странно. Он был слишком серьезен.

— Жениться? А что? Я не прочь. Вот посоветоваться с тобой хочу.

— Уже? Так скоро? — удивился старик, не понимая Викторовой серьезности.

— А чего же? Вот Шандыбович сватает за свою дочь. Как ты? Не против? — Виктор слишком пристально следил за лицом отца.

— Я? Да я...— растерялся Данила.— Право и не знаю, что тебе сказать. Ты сам смотри... Ольга — девушка хорошая... Она... И приданое за ней Шандыбович даст. Он самый богатый у нас. Только...

— Что?

— Гад он ползучий...

— Так... Значит, не советуешь?

— Да я что... Смотри сам. Тебе не с ним жить... Вот и Лариса есть... тоже — хорошая, душевная, работящая. Ты же ей письма писал.

— Я еще подумаю, отец. Спешить не стоит,— как бы

заканчивая свое испытание, сказал Виктор.— А он мне обещал и работу подходящую подыскать.

— Не очень-то верь ему,— хмуро предупредил Данила сына.

— Кто знает... Разговор с ним был интересный. И за что ты его невзлюбил так?

Виктор снова пристально посмотрел на отца, и у того похолодело на сердце. Он, смутившись, опустил глаза. Завтракали молча, избегая встречных взглядов.

В хату вошел председатель колхоза.

— Хлеб-соль!

— А-а, товарищ председатель! Просим к столу,— предложил Данила.

— Так это ваш сын такой? Приехал?

— Это мой сын.

— Ну, поздравляю! С приездом! — председатель пожал руку Даниле, а затем и Виктору и, не ожидая вторичного приглашения, присел к столу. Данила уже держал в руках поллитровку.

— Так, может быть, э...— несмело предложил он.

— Нет, нет. Позавтракать готов, а это... Рабочее время сейчас,— категорически отказался председатель.

— Для знакомства, может быть, и не помешало бы? — предложил и Виктор.

— Мы и без нее познакомимся,— успокоил председатель.— Значит, отслужил, солдат?

— Отслужил,— согласился Виктор.

— И что дальше?

По улице бегает Вася, стучит в окна и оповещает о...

— Эй, эй! На собрание!

— Выходи на собрание!

— Давай на собрание!

— Собрание! Председатель приехал! Новый, с иголочки!

Полон зал набилось колхозников в клубе. За столом президиума Шандыбович и председатель колхоза, который заканчивает свое выступление.

— Вот какие у вас дела, вот до чего у вас дошло. Ну, а раз так, то давайте говорить начистоту, давайте резать правду-матку. Почему? Кто виноват? Как исправить? Ведь на носу посевная.

Зал безмолвствует. Не находится охотников выступать. Только между собой кое-где перешептываются колхозники.

Встает Шандыбович.

— Ну, давайте, высказывайтесь! Кто виноват? Почему? — но в его призыве звучит не столько приглашение к выступлению, сколько угроза: «Ну, попробуй кто выступить!» И колхозники это понимали.

— Так в чем дело, товарищи? — спросил собрание председатель.

В зале поднялся пожилой колхозник, кузнец.

— В чем дело? — переспросил он.— Дело в том... Вот я вам скажу одну пословицу. Ежели в хате нема кота, то мыши и по столу бегают. Все дело в этом,— объяснил он и сел. В зале захохотали.

— И все? — спросил председатель.— Это что, шутка?

— Кому шутка, а кому жутко,— отпарировал кузнец.

Вдруг в конце зала поднялся Виктор и стал пробираться к столу. Явно заигрывая, ему подставила ножку Катя. Виктор только улыбнулся ей и прошел к столу.

— Вот я там сидел, в задних рядах. Слыхал разговоры, между прочим. Могу объяснить, почему люди не выступают.

— Ну-ну, давай! — подзадорил кто-то из зала.

— Боятся люди. Вот почему. Попробуй, говорит, выступить. Так завтра понадобится вдруг лошадь — в лес по дрова или там в больницу отвезти хворого. Пиши — пропало. Не даст бригадир лошади. Сегодня для него достаточно было пол-литра, а выступи, так завтра и двух будет мало, чтобы размягчить его душу.

В зале зашумело, будто свежим ветром подуло. Послышались возгласы одобрения:

— Ну конечно...

— А чего там в кошки-мышки играть!

— Правильно!

— Давай, давай, Виктор!

А где Данила? Что чувствует он теперь? Вот он, сидит рядом с немым. И выступление Виктора против Шандыбовича, и каждая реплика из зала для него каплями гаючей воды, которые целебно действовали на его старую рану. Так оживает в поле завявший, иссушенный зноем росток злака после долгожданного дождя. Он смотрел на сына и тихо бормотал сам себе:

— Молодец, сынок, молодец, родной...

А Виктор тем временем продолжал:

— Я еще не в курсе дел нашей бригады. Но, как рассказал товарищ председатель,— дела такие, что дальше некуда. А кто виноват? Надо признаться, товарищи колхозники. Сами!..

— Может, сами, а может, и тот, который с усами,— прячась за спины других, кто-то бросил реплику.

— Надо ломать эти порядки! — не обратил внимания на реплику Виктор.— И товарищ председатель правильно поставил перед нами задачи. Хватит получать на трудодни гроши. Надо брать пример с передовых колхозов. Лён — вот наша линия! И то, что советует нам председатель, должно быть для нас боевым приказом. Я думаю, что...

Еще долго светились окна клуба. Еще много ораторов выступало после Виктора с горячими речами и рубали воздух кулаками. И только поздно вечером распахнулись двери клуба, и народ шумно и возбужденно стал расходиться по домам. В толпе слышались реплики:

— Не все коту масленица...

— Да-а, покняжил...

— Давно пора...

— Погоди, цыплят по осени считают...

Наконец опустел зал, только у стола вокруг председателя осталась группка молодежи. Они оттерли в сторону Шандыбовича, как бы не замечая его, и внимательно слушали председателя. Шандыбович стоял в стороне, никому не нужный, обиженный, даже жалкий. Не ушел и Данила со своим неразлучным другом.

— Ну так вот, сержант, я тебя назначил бригадиром,— не подведи! Закасывай рукава и берись. Знаешь, сколько теперь под твоей командой? Больше роты. Собери инвентарь, отремонтируй, семена подготовь. Весна не за горами. И главное — подбери на лен боевых девчат. Найдутся такие? Как думаешь?

— А чего же? Вот я с Ларисой возьмусь!— горячо предложила Ольга.

— Ольга! Пошла домой! — скомандовал Шандыбович. Но Ольга и ухом не повела.

— Вывози навоз на поля, если хочешь добиться урожая. Да за лошадьми присмотри. Конюха обязательно менять надо, тот лодырь.

— Вот кого бы конюхом,— робко предложил Данила,

выталкивая вперед немого.— Он, товарищ председатель, хоть и немой, а с душой человек.

— Посмотри,— посоветовал председатель Виктору и, обращаясь к Даниле, пояснил: — Это пусть сам бригадир решает. Он теперь тут бог, царь и воинский начальник. Ну, что же? Пора расходиться,— предложил председатель и повернул к выходу.

Все вышли из клуба. Данила, заметив, как Виктор взял под руку Ларису, улыбнулся и подтолкнул немого. Они понимающе переглянулись, провожая глазами Виктора и Ларису.

Когда Виктора демобилизовали из армии, перед ним была перспектива совершенно неясная. Но вот он приехал домой, и все то, что его тревожило неизвестностью и неопределенностью, разрешилось как-то само собой, быстро и просто, ясно и определенно. Он стал первым человеком на деревне. Оставалось только действовать. И он сначал действовать, горячо, энергично, с армейской сноровкой командовать и распоряжаться.

На бригадном дворе дружно работала группа молодежи, извлекая из-под снега инвентарь: плуги, бороны, телеги, косилку, грабли.

— Вася! — позвал Виктор, и к нему подбежал тот самый Вася-гармонист, с которым мы встречались на танцах.

— Тебя назначаю за старшего. В этой технике разбираешься? Неисправное от исправного отличишь?

— Да какая тут техника?

— Так вот, исправный инвентарь в сарай, прочистить, смазать тавотом. А неисправный доставить в кузницу.

— Хорошо,— совсем не по-военному, как хотелось бы Виктору, отвечал Вася.

— Действуй!

— Ладно.

Еще в армии Виктор усвоил привычку аккуратно выполнять распоряжения начальства. Он и теперь точно следовал указаниям председателя колхоза. Поэтому он появился и в кладовой, чтобы лично проверить, как идет очистка семян к весеннему севу.

— Ну, как дела?

— Да так, крутим, пыль пускаем,— ответил кладовщик.

Виктор прошел по кладовой. Заглянул в засеки.

— А это что?

— Да тут... проросло малость. Еще с осени. Крыша протекала, недосмотрел,— оправдался кладовщик.

Виктор недружелюбно смерил глазами кладовщика.

— Это бывает, Данилович. Вишь — столько добра. А это же мелочь. Спишем на ферму или...— кладовщик запнулся, а потом, улыбаясь, закончил мысль,— или вот к случаю на самогонку. А?

— Но-но! — погрозил Виктор.— Я еще не научился делать самогон.

— А тебе и учиться не надо.

Затем Виктор появился в кузнице.

— А-а, молодой хозяин! — дружелюбно воскликнул кузнец, отставляя молот. Он поздоровался с Виктором за руку.

— Уголь есть еще?

— Пока есть. За меня не беспокойся, Данилович. Ты мышей, мышей гоняй,— кузнец подморгнул, напоминая свою реплику на собрании.

Не забыл Виктор навестить и животноводческую ферму.

В грязных и тесных загородках пронзительно визжат тощие и голодные свиньи. Свинарка, Катя, полная и молодая еще баба, выливая в корыто пойло, успокаивает их мешалкой.

— Тю-га, ненасытные!..

В дверях показался Виктор. Его заметила свинарка и, застеснявшись якобы, опустила подоткнутую юбку.

— Ох! — по-девичьи вскрикнула она и тут же обрадовалась.— Вот не ждала!

Виктор молча шел по сараю и с неудовольствием осматривал его. Свинарник грязный, запущенный, в загородках полно навозу, в проходе грязь и лужи. Свиньи худые и грязные, визжат, взывая к человеческой совести.

— Да-а,— протянул Виктор с огорчением.— Безобразие! — и, повернувшись к Кате, строго спросил:— Как не стыдно?

— Кому? Мне?

— Нет, министру культуры,— сыронизировал Виктор.

— Я думала — ты ласковый, а ты вон какой строгий,— игриво улыбаясь, заметила свинарка.

— Ты мне зубы не показывай,— строго оборвал ее Виктор.

— Виктор Данилович! Я серьезно,— все также заигрывая, продолжала Катя.— Наш брат — вдова — от мужчин ласку любит. Тем более от таких симпатичных.

— Я с тобой шутить не собираюсь!

— А напрасно! Что? Не нравится моя работа? — вдруг лицо у свинарки стало злым, сердитым.— Не нравится? Можешь уволить. Пожалуйста. Я тебе еще спасибо скажу. Не велика радость целый день в этой грязи возиться. А что я тут зарабатываю? Ты знаешь?.. Двоих детей на произвол оставляю, и хоть бы кто посочувствовал. Только ругать. Ругать есть кому, а помощи никакой, никакого внимания. В других колхозах свинаркам резиновые сапоги выдали. А у нас? Шандыбович пропил? Что я, на себе вывозить навоз буду? Почему людей не прислали? Так ты на меня? Как не стыдно? Ты скажи спасибо, что не подохли они, вот что. А за это безобразие вон с кого спрашивай, а не с меня! — кричала свинарка, указывая на Шандыбовича, который проходил мимо свинарника.

Виктор позвал Шандыбовича.

— Ну, товарищ бывший бригадир, в деревне остаешься или будешь на стороне устраиваться на работу?

— А зачем на стороне?

— Правильно. Не пропадешь и тут. Так вот, пока я бригадир, могу посодействовать... На одну должность поставить.

— На какую же?

— Хоть работа не совсем чистая, не канцелярская, но кое-что иметь можно.

Шандыбович, что-то вспомнив, криво усмехнулся и отвел глаза в сторону, задумался, глядя на поросят в загородке. Потом повернулся и мягко, просто, по-свойски сказал:

— А знаешь, Виктор? Ты, пожалуй, прав. Я согласен. Только скажи, как? В помощники к ней или заведующим?

— Пожалуйста, пусть заведующим, лишь бы работал,— согласилась Катя.

— Она согласна быть в твоем подчинении,— сказал Виктор.

— Тогда разговор окончен,— просто заявил Шандыбович.

Покорность Шандыбовича несколько удивила Виктора. Он не ожидал такого поворота.

— Так вот, через неделю на ферме должен быть образцовый порядок,— строго потребовал Виктор.

— Будет,— пообещал Шандыбович.

— Проверю! — Виктор вышел из свинарника.

С крыши свисает гребенка ледяных сосулек. По ним стекают с крыши капли и, срываясь вниз, дружно буравят отверстия в потемневшем и ноздреватом снегу у стен сарая. Мартовское солнце стало косматым, лучистым. Виктор прижмурился. В задумчивости пошел от сарая.

— Не споткнись, бригадир! — дорогу Виктору заступила Лариса с коромыслом на плече. Она несла к реке полоскать выстиранное белье.— Помог бы снести до речки, что ли... Аль начальству не к лицу?

— Для тебя, в порядке исключения, можно,— Виктор легко снял с нее коромысло и понес.

— Разве я особенная какая?

— Ты — особенная,— с нежностью сказал Виктор, наклоняясь к Ларисе.

— Ну-ну, осторожней, уронишь.

У проруби. Раскрасневшимися от холодной воды руками Лариса старательно полощет белье. Тут же стоит и Виктор. Лариса хукает на руки, пытаясь согреть их.

— Давай я согрею,— предлагает Виктор.

— Нет уж, не привыкли...— Лариса снова принимается за белье. Виктор наклоняется к куче белья и вытаскивает оттуда бюстгальтер. Это заметила Лариса, смутилась и бросилась отнимать.

— Не трожь, Виктор!

Какое-то время Лариса безуспешно старается отнять у Виктора бюстгальтер. Он поднял руки вверх, и Лариса не может достать. Вот она бросилась на него, схватила его за плечи, чтобы опустить ему руки, а получилось, что она почти обняла его. Виктор схватил ее под мышки, приподнял и держит над прорубью.

— Хочешь, я тебя сейчас окуну?

— Сумасшедший, сумасшедший,— шепчет Лариса.

Сейчас они глаза в глаза, лицо к лицу, совсем близко. В глазах у Ларисы чуточку страха, чуточку смущения и не меньше восхищения и уважения к мужской силе...

Нет! Традиционного поцелуя не было, хоть ничто этому не помешало, хоть уста их были совсем-совсем близки. Мы видели их лица крупными, во весь экран. Так почему

же не было поцелуя? Может быть, они испугались чего? Кажется, нет. Может быть, не те чувства? Нет, чувства те. Так в чем дело? А дело в том, что, когда мы с объективом отошли от них чуточку дальше и на экране кроме их лиц хватило места для зелени кустов, для речки, для мостка, на котором стояли Виктор и Лариса, когда мы увидели, что вокруг нас весна, время любви, мы уже убедились, что отношения между парнем и девушкой зашли дальше поцелуя. Послушайте, о чем у них разговор.

— Окуну! Перехрищу! Хочешь? Перехрищу и дам тебе другое имя, другую фамилию. Свою фамилию дам! Согласна? — взволнованно говорил Виктор.

— Отпусти, Витя,— попросила Лариса. Она смутилась и сразу стала серьезной, задумчивой.

Виктор бережно опустил ее на место и, не выпуская ее из рук, спросил:

— Я серьезно, Лариса. Согласна? Да?

— Подожди, Витя, не вдруг... Я подумаю,— Лариса подняла глаза, всмотрелась в его лицо, как бы проверяя искренность, серьезность Виктора, окончательно оценивая все его достоинства.— И потом, надо же с мамой посоветоваться. Подожди,— ласково попросила девушка.

Захлебываясь, щелкали соловьи. Дрожала в реке луна. Дрожал у Виктора голос.

— Хорошо. Я подожду...

Они сошли с моста, пошли по берегу реки, тихие, молчаливые, взволнованные, переполненные чувством и страстью.

Ушли они, скрылись в темноте, освистанные соловьями.

Утром у дома бригадира немой держал под уздцы оседланного коня. Из хаты вышли Виктор и Данила. Виктор сел на коня и поехал, провожаемый взглядами немого и Данилы.

Когда он проезжал мимо двора Шандыбовича, Виктора остановили.

— Данилович! — Шандыбович стоял у раскрытой калитки. Он, видимо, поджидал бригадира.— Позволь мне отлучиться сегодня на полдня. Дело есть в соседней деревне.

— А на ферме все в порядке?

— В порядке. Ты бы заехал, посмотрел. Кстати, давно уж не заглядывал к нам.

— Хорошо, можешь отлучиться,— разрешил Виктор и тронул коня.

Виктор подъезжает к свинарнику. В воротах, приветливо улыбаясь, его встретила свинарка, аккуратная, чистая, опрятно одетая.

— Наконец-то. Проведать? — пропела она.

— Посмотреть!

— Ну, входи, входи, смотри. Видишь, как у нас? А?

Виктор шел по проходу между станков и улыбался. В свинарнике действительно наведен порядок: чисто, стены и станки выбелены, навоз убран, в загородках на свежей соломе где лежали, а где резвились чистые свиньи, подсвинки, поросята. Виктор остановился у одной из загородок и заглянул внутрь. Возле большой свиньи копошились поросята — штук двенадцать. Маленькие, нежненькие, розовенькие.

— Ну, как?

— Хорошо. Молодцы! — похвалил Виктор свинарку, полуобняв ее и похлопав по плечу. Свинарка податливо склонилась к Виктору.

— Ты бы всегда вот так, ласковей. Да почаще бы заглядывал сюда,— Катя впилась глазами в Виктора. Он даже смутился немножко и стал убирать руку с ее плеча.

— Слыхала, жениться собираешься. Верно?

— От кого слыхала?

— Мать Ларисы хвалилась.

— Значит, верно.

Женщина, не отрывая взгляда от лица Виктора, вздохнула.

— Погодил бы чуток, потешился бы, а потом... Чего спешить-то с этим делом.

— А ежели невтерпеж?

— Эх ты, недогадливый... А я-то думала... Нет уж, видно, такая судьба наша, вдовья. Погулял бы, перебесился бы, а потом уж для успокоения и искал бы себе Ларису или еще кого. Зачем тебе так впопыхах голову-то в хомут сунуть? А? А ты такой симпатичный! Я-то тебя сразу заприметила, как только приехал. Да, видно, не судьба. С женатым, поди, с тобой каши не сваришь. Эх ты-ы...— Катя взяла его за шею.— Я тебе не в жены навязываюсь...

Она поцеловала его в губы и прильнула к груди. Виктор даже растерялся. Он испуганно оглянулся кругом, как бы

ница поддержки или спасения, но увидел только в чистом углу кучу соломы...

Виктор вышел из свинарника и не сел на лошадь, а взял за повод и повел. У конюшни он отдал коня немому и пошел домой. Немой, не понимая состояния Виктора, провел его недоумевающим взглядом. Когда Виктор шел по улице, из своего двора Шапдыбович провел улыбкой Виктора. Дома он долго сидел за столом, почему-то чмыхал, покручивал головой, будто отгонял назойливую муху, думал. И все это выражало то ли недоумение, то ли удивление, то ли огорчение. Вернее, он, видимо, сам никак не мог понять, объяснить — что с ним случилось, как это случилось и почему так могло случиться.

Когда начало темнеть, в хату пришел Данила. Виктор как-то лениво, нехотя, чистил до блеска сапоги, приводил в порядок прическу, кисло глядя в зеркало. А старик любовался сыном, догадываясь, что тот собирается на свидание.

С Ларисой он встретился у того же мостика, и молча пошли вдоль берега. Виктор шел невеселый, задумчивый. Он избегал взглянуть на Ларису. А та, по-своему понимая его состояние, раз от разу бросала на него улыбчивый взгляд и тоже молчала. Наконец она остановила его и сказала:

— Ну, окунай!

Виктор остановился и посмотрел на нее, ничего не понимая и не догадываясь.

— Ну, чего ты? Можешь перекрестить, я согласна.

Наконец-то Виктор вспомнил, о чем идет разговор. Но он не схватил ее в жаркие объятия, не стал ее страстно целовать и бурно выражать радость. Нет. Он только просветлел, как-то улыбнулся и пригорнул ее к себе. И вот перед нами два лица: ее — счастливая сама и довольная тем, что подарила счастье ему, и его лицо — грустное и виноватое, почти виноватое.

— Хорошая ты, чистая ты,— шептал он и гладил ее волосы.

Она — хорошая, чистая и счастливая — подставила губы для поцелуя. Потом они снова пошли вдоль берега. Где-то недалеко гармонь завела грустную-грустную мелодию. Вдруг Лариса остановилась.

— Слышишь?.. Это они снова поссорились.

Они прошли еще несколько и увидели: неподалеку друг от друга, отвернувшись, сидели Ольга и Вася.

— А мы с тобой никогда не будем ссориться? Так? — Лариса повернулась к Виктору.

— Не будем.

— Никогда не будем друг друга обижать. Так?

— Никогда.

— Смотри! — Лариса быстренько чмокнула его в щеку и подбежала к Ольге и Васе.

— Поссорились?

Оба кивают головами, подтверждая.

— Кто виноват?

Вася. Она.

Ольга. Он.

Лариса. Кто начал?

Ольга. Он.

Вася. Она.

Лариса. А кто первым согласен мириться?

Вася. Пусть она.

Ольга. Пусть он.

Лариса. Но все-таки из-за чего у вас?

Вася. Из-за отца ее... Сама же пожаловалась...

Ольга. Это мое дело, а ты не вмешивайся!

Вася. Я ведь ее пожалел...

Ольга. Когда я тебя попрошу, тогда жалей.

Вася. Да, ты попросишь...

Лариса. Ну, кончайте холодную войну. Вася, сыграй что-нибудь. Слышь?.. Ольга, скажи ему.

Ольга *(Васе)*. Не слышишь, что ли?

Вася. А чего сыграть?

Ольга. «Я знаю, ты придешь...»

По полю шагает Виктор. Ловко ходит в его руке «коза», которой он обмеряет посев. Останавливается, записывает в книжечку цифры и снова шагает. Дошел до дороги, записал в книжечку, подсчитал, довольный улыбнулся.

По дороге едет на подводе Шандыбович. Останавливается возле Виктора.

— Что меряем, Данилович?

— Лен. Могу рапортовать.

— Выполнил?

— Какое там выполнил! Три гектара дал сверх плана.

— И в отчете будешь показывать сверхплановые?

— А как же?

— Э-э, я думал, что ты хитрее,— разочаровался Шандыбович.

— А что?

— А зачем тебе это в сводку включать?

— Как зачем?

— Неопытен. Да тебе же это совсем не выгодно. Какая тебе корысть? Ты же еще не знаешь, что к осени вырастет? Не знаешь. А премии выдают не за сверхплановый посев, а за сверхплановый урожай. Важно дать центнеры льна, а не гектары. Ты и дашь. Откуда? Дескать, урожай хороший вырастил. Похвально? Похвально. А сколько ты сеял,— кому какое дело? Вот где твои премии, твой барыш. Понял? На этом я зубы съел. Так что советую тебе, как сыну...

Виктора от последних слов передернуло. Он так глянул на Шандыбовича, что тот и язык прикусил. Но советчик это понял по-своему.

— Дело, конечно, твое, можешь включать и в отчет. Только это не к твоей выгоде,— Шандыбович цмокнул на коня и поехал. Виктор пошел в противоположную сторону.

И все-таки Шандыбович оставил занозу в мозгу Виктора. Он отошел немного и остановился. Повернулся и посмотрел вслед Шандыбовичу.

— Хитрый, дьявол. Комбинатор.

У дороги сидит группа девушек. Они окончили работу и поджидают бригадира. Одна из них плетет венок из травы и ранних полевых цветов. Девушки поют. Тут же сидит и Лариса. Она молчит, прислушиваясь к песне. Ольга заглядывает ей в лицо.

— Чего грустишь? Вон он, твой, идет. Слышь...

Лариса подняла голову и увидела подходившего Виктора.

— Чем порадуешь, бригадир?

— Кончили.

— Сами знаем, что кончили. Сколько?

— Ты же вчера говорил, что перевыполняем? — спросила Лариса.

— Да как вам сказать,— замялся Виктор.— Я, кажется, вчера при подсчете ошибся. Не там запятую поставил.

— Ну во-от...— недовольно заметил кто-то из девчат.

— Ничего, девчата, осенью подсчитаем. Пошли по домам! — бодро предложил Виктор и подхватил Ларису под руку. За ними стайкой двинулись и остальные девчата.

Девушка с венком что-то шепнула Ольге и, подморгнув остальным, позвала Ларису.

— Лариса!

Лариса приостановилась. Девушка подошла к ней, надела на голову венок и затянула свадебную песню. Девушки подхватили. Лариса смущенно взглянула на Виктора.

Звучит та же песня, а на экране крупным планом появляются зажаренные поросята, миски с хамсой, винегретом, холодным, бутылки с водкой, самогоном, настойкой. За свадебным столом шум, гомон. Гости пьют, едят.

За столом в свадебном уборе Виктор и Лариса. Девушки, сбившись в группку, поют свадебную песню. Обнявшись, сидят за столом Данила и немой. Данила уговаривает друга выпить. Чокнулись так, что из стаканов выплеснулся самогон. Выпили, крякнули, переморгнулись и приступили к закуске. Оба они довольные, радостные, даже умиленные. Вот они оба любуются на виновников торжества — Ларису и Виктора.

К Даниле пробирается мать Ларисы. Она заметно навеселе. Тянется к свату с чаркой.

— Сваток! Сваток! — обращается она к Даниле, а потом к Виктору: — Викторка! Детки! Послушайте, что я вам хочу сказать, посоветовать, пожелать. Любите друг друга, уважайте один одного, живите в согласии, тогда и хата ваша будет полна богатством, и душа полна счастьем. Сваток! Викторка! Я вам отдаю теперь мою Ларису... вот... Для вас вырастила ее... Она у меня ласковая, хорошая, душевная и работница. Так глядите, не обижайте ее... Сваток, будь ей за отца. И ты, доченька, слушайся мужа и Данилу уважай, как родного отца... Дай бог вам счастья, детки мои, дай бог вам радости,— старуха подняла фартук к глазам.

— Ну что ты, сватейка! Ты не беспокойся... Она у нас будет...— Данила встал и чокнулся со сватьей. А молодежь уже орала: «Горько!! Горько!»

Смущенные молодые целуются.

И снова чокаются стаканы, лязгают по тарелкам ножи, вилки, ложки. Виктор наклоняется к Ларисе и полушепотом говорит:

— Лариса! Давай и мы выпьем. Смотри, люди хлещут, а мы на собственном веселье и...

В глазах у Ларисы появился озорной чертик.

— Давай! — согласилась она.

Виктор налил полный стакан водки себе и почти полный чего-то красного Ларисе. Они чокнулись и выпили до дна.

И снова рявкнули за столом: «Горько!»

На этот раз молодые целовались без смущения.

— Закусывай, Виктор, а то опьянеешь,— посоветовала Лариса жениху и потянулась с ножом и вилкой к жареному поросенку.

— Ах, какая аппетитная поросятинка! — восхитилась какая-то женщина. На какую-то секунду вилка и нож задержались над поросятиной. Лариса взглянула на сказавшую. Это была свинарка Катя. Она сидела в конце того же стола, за которым были жених и невеста. Лариса положила поросятину на Викторову тарелку.

— А себе? — спросил Виктор.

— Я чего-нибудь другого,— Лариса положила себе на тарелку винегрет.

В это время на пороге появился Шандыбович. Высокий, здоровый, он почти закрыл собою дверь. Это неожиданное появление Шандыбовича несколько умерило застольный шум. Некоторые даже перестали жевать и настороженно уставились глазами на нежданного гостя. Кое-кто из гостей, предчувствуя что-то нехорошее, с любопытством посматривали то на Шандыбовича, то на Данилу. Данила сразу помрачнел и опустил глаза. А Шандыбович достал из-под полы одну поллитровку, вынул вторую и, водрузив их на стол, обратился с тостом.

— Почетная беседа! Хоть и говорят, что незваный гость хуже татарина, я все-таки пришел поздравить молодых и сказать им хорошее слово... Чтобы ни люди, ни вы, молодые, не подумали, будто я затаил в душе недоброе за то, что Виктор, так сказать, занял мой престол. На здоровье. Я даже думаю, что оно и лучше. Ты моложе меня, быстрее, да и по свету больше поездил. Так что... Плохого обо мне не думайте. Ну а что не пригласили меня в свою компанию — тоже обиды не имею. Понятное дело. *(Шандыбович взглянул на Данилу.)* Только не прийти к тебе на свадьбу, Виктор, я не мог, как ты есть мой... и будешь мой... сосед...

— А может, он и правда отец ему? — шепнула баба своей соседке, да так неосторожно, что ее слова услышал Данила. От этих слов он как-то съежился, втянул голову в плечи, будто после удара по голове.

— А чтобы по-соседски жить, так надо дружить,— между тем продолжал Шандыбович.

Рука Данилы судорожно сгребла рукав немого, сидевшего рядом. Тот часто моргал и переводил быстрые взгляды то на Шандыбовича, то на Данилу. Немой сейчас чем-то напоминал собою коршуна. На челюстях у Данилы ходили желваки. Вдруг немой встал и, расталкивая гостей, приблизился к Шандыбовичу, с яростью схватил его за горло. Кто-то испуганно вскрикнул. Встревоженно зашумели гости. Кто-то, опасаясь, чтобы по ошибке не получить по загривку, отскочил от Шандыбовича. Около них сразу образовалось свободное пространство.

Скандал мог быть большой, с кровью. Но вмешался Виктор. Он перескочил через стол и рявкнул:

— Тихо! Спокойно! — он разнял немого и Шандыбовича и встал между ними.— Человек говорит, что он пришел с хорошим словом. Так выслушаем его!

— Так вот,— быстро оправился Шандыбович,— пожелаем нашим молодым сколько счастливых дней, столько же и счастливых ночей! — с удовольствием крикнул Шандыбович и начал чокаться с гостями. Только Данила и немой сидели неподвижно.

— Музыку, Вася! Танцы! — скомандовал Виктор.

Гости зашевелились, засуетились, стараясь сгладить скандал, начали вставать из-за столов, закружились в танце пары.

Под предводительством Васи и его подручного — барабанщика гости повалили из хаты во двор. Во дворе было намного привольней, свободней, и молодежь танцевала, плясала, азартно, бурно, дружно. Вот в кругу появилась невеста. Еще лучше старается играть на гармонике Вася. Еще более сосредоточенно лупит в барабан его помощник. Вот круг прерывается танцующими пожилыми женщинами. Правда, в их пляске нет той прелести, что у молодых, нет той грации, нет той энергии и ловкости, но веселья не стало меньше. Даже наоборот, особенно когда начал выделывать кренделя седобородый старик *(традиционный в кино)*.

На пороге сеней показался Виктор. Он выходил из хаты под руку с Шандыбовичем. При выходе они столкнулись с Катей. Она посмотрела ему в глаза, да так, будто хотела заглянуть ему в душу. Виктор отвел взгляд в сторону, бросил Шандыбовича, ворвался в круг и распростер в стороны руки, крикнул:

— Эй, Вася!

И Вася понял. Он, ловко орудуя своим инструментом, заиграл «барыню».

Ох и лихо же плясал Виктор на своей свадьбе. С восхищением следили за ним девушки, парни, невеста и чуточку грустно Катя. Шандыбович подошел к Ларисе.

— Чудо-молодец! Вишь, как доказывает! А! Да и ты, невестушка, хороша. На тебя у нас большая надежда. На льне должна прославить нашу бригаду. Не подкачаешь?

— Постараемся,— скромно ответила Лариса.

А Виктор плясал, его сменяли парни, до седьмого пота играл Вася. Утирала его лицо платочком Ольга. Блистал своей виртуозностью барабанщик.

Еще захлебывается гармоник, гремит барабан, а мы уже увидели Виктора в постели. Он спит, а Лариса рядом, приподнявшись на локте, любуется мужем. Вот она наклонилась и осторожно, чтобы не разбудить его, поцеловала в щеку. Но Виктор проснулся. Правда, он еще глаза не открыл, но улыбнулся и обнял Ларису. Объектив отворачивается, и мы видим, что в хате никого нет. Постель Данилы пуста.

Изба преобразилась, стала уютнее, всюду чувствуется рука невестки: под рамочкой с фотографией завязано бантом вышитое полотенце, стол застлан белоснежной скатертью, на подоконниках цветы в вазонах, на окнах занавесочки. Через окно мы увидели во дворе Данилу. Он, ласково поглаживая телку, подсунул ей под нос свежую траву. Оглянулся на хату. Подошел к крылечку. Взялся за дверную ручку, чуть приоткрыл дверь и тут же прикрыл, улыбнулся и передумал — не вошел в избу. Понятно: он не хотел мешать молодоженам.

А в хате тешились молодые. Лариса соскочила с кровати. Оделась. Выскочила во двор и, заметив, что старик намеревается набрать дров, предупредила его:

— Я сама, тата,— набрала охапок дров и отнесла в избу. Вышел и Виктор. То ли по армейской привычке, то ли с показной целью — покрасоваться перед своими и продемонстрировать хорошо развитые бицепсы и свою ловкость — он начал делать гимнастические упражнения. Не важно, с какой целью это делалось, но он доставил удовольствие и Даниле и Ларисе, которые явно залюбовались Виктором. Старик подошел к Ларисе и хотел взять у нее ведро.

— Нет, я сама, тата! — и побежала к колодцу. Виктор окончил физзарядку, когда Лариса принесла воду. Данила поливал сыну, а тот долго пырскал, умывался, вытирался полотенцем. И когда он закончил свой туалет, Лариса через открытое окно позвала:

— Тата, Витя, идите завтракать.

С каким удовольствием и умилением старик Данила, отвыкший от женской ласки, принимал ухаживание невестки!

Заканчивая завтрак, Виктор выглянул в окно.

— Мой адъютант уже здесь.

Перед окном немой держал под уздцы оседланного коня.

Когда Виктор и Данила вышли на улицу, немой с озорной улыбкой на лице взял под козырек. Виктор тоже откозырял и ловко вскочил на коня. Заметив, как любуется им Данила, немой и Лариса в окне, Виктор порисовался, заставил коня погарцевать на месте, затем пришпорил его и рванул с места в карьер.

Со своего двора за Виктором наблюдал Шандыбович.

— Петушок...— насмешливо проронил он, проводя взглядом Виктора.

В огороде пожилой колхозник и его жена вскапывают лопатами землю.

— Я вчера просил у него,— огрызался муж.

— Просил,— передразнила его жена.— Ты бы к себе зазвал, да поллитровку...— поучала она своего благоверного. Заметив кого-то, она вдруг заторопила мужа: — Ну, слышь, вот он.

Мимо проезжает Виктор.

— Данилович! — кликнул колхозник.

Виктор остановился.

— Стал бригадиром и загордился. Зашел бы в избу да посмотрел, как мы живем.

— Некогда,— неуверенно ответил Виктор.

— А мы с твоей матерью такими подругами были, что и водой не разольешь. Была бы жива, да сказал бы ей, что ты не хочешь зайти ко мне — не поверила б.

Виктор вначале колебался, затем слез с коня, привязал повод к забору и направился в избу к удовольствию хозяев.

— Садись,— пригласил хозяин Виктора.— А ты, баба, тем временем...

— Ну что вы! Ничего не надо,— запротестовал Виктор. Но быстрая на руку хозяйка уже поставила на стол поллитровку и закуску.

— Мы по маленькой, на ходу,— успокоил хозяин, наливая в граненые стаканы самогон.

У забора лошадь безуспешно старалась достать траву — повод был слишком короток.

— Ну, давай еще по одной,— предложил снова хозяин и наполнил стаканы.

— Опьянею,— с опасением сказал Виктор, но выпил. Хозяйка тоже не отставала от мужчин.

— Ху-у,— выдохнул Виктор, выказывая этим свое восхищение крепким напитком.

— Шандыбович обещал выхлопотать мне премию за такой сельхознапиток. А он, брат, знаток. У кого он не пил только, а говорил — лучше моей нет.

Хозяйка строго глянула на мужа и, тут же изобразив на лице подобострастие, обратилась к Виктору:

— Витя! Чего я у тебя просить буду? Дай на денек лошадь огород вспахать. А то лопатой — сам видишь...

Хозяин тем временем наливает еще в стаканы.

— Хватит! — остановил Виктор щедрую руку хозяина.

— Хватит так хватит. Для меня твое слово — закон.

— Довольно! — уже совсем по-хозяйски скомандовал Виктор заплетающимся языком и спросил у хозяина:— Ты же вчера просил?

— Просил.

— Ну?

— Вчера не дал.

— А почему?

— Ты ведь — начальство над нами, так сказать, бог, царь и воинский начальник, так что тебе виднее — когда дать, а когда не дать.

— То-то же, правильно. Вчера не дал, а сегодня дам.

Виктор верхом на лошади едет по полевой дороге и горланит что-то вроде: «Казак лихой, орел степной...» Работавшие в поле колхозники, заметив своего подвыпившего бригадира, реагируют на это по-разному. Один добродушно улыбается, а другой, оторвавшись от работы, недружелюбно проводит глазами.

Виктор подъезжает к девушкам, среди которых работает и Лариса. Одна из них толкнула в бок Ларису и незлобливо сказала:

— А наш бригадир, сдается, под мухой...

Виктор слез с коня. Все девушки оставили работу.

— Девушки-и! Ягодки-черешенки! — весело и игриво

крикнул Виктор и даже попытался ущипнуть одну из них. Девушки засмеялись. Лариса смутилась, даже растерялась.

— Виктор! Что с тобой? — тревожно спросила она.

— Золотко! Все в порядке! — он хотел обнять Ларису, но та отстранилась.

— Ты напился? — с жалостью и сочувствием спросила она.

— Немножко клюнул. Ну и что?

— Пойдем домой! Сейчас же пойдем домой! — ласково, но строго попросила она и потянула его с поля.

Девушки хихикали.

Лариса ведет Виктора и коня.

— Кто тебя так напоил?

— Мамина кума. Добрые люди.

— Добрые люди в поле, работают. А ты...

— Ну и что?

— Виктор! А что народ подумает?..

— А ему думать не надо. Народ пусть спокойно работает, и все! А чего ему думать?..

— Виктор! Ты совсем пьяный.

— Ну подвыпил... Не беда... А народ трезвый? Трезвый. Вот если б я народ споил, тогда да. Работа станет. А то посмотри,— Виктор широким жестом обвел поле,— народ трудится в поте лица. Значит — порядок.

— Виктор! Не глупи!

Данила в своем дворе мастерил обыкновенные грабли и мурлыкал какую-то незамысловатую мелодию. Он уже настругал целую дюжину грабель. Но вот он оторвался от работы, насторожился. И вдруг на лице его отразился дикий, панический страх. Он заметил, как Лариса втаскивала во двор Виктора. Данила вскочил и побежал ей навстречу.

— Что с ним? Заболел? Конь ударил?!

— Напился. Видите — как земля,— со злостью сказала Лариса.

У Данилы отлегло от сердца.

— Это ничего, это ничего... А я бог знает что подумал.

— Что это вы говорите, тата? Стыда у него нет, в такое время пить.

— А ты не нападай на него, Лариса, не нападай. Вырвался человек на волю после армии, ну и... Беда невелика. Проспится,— защищал сына Данила, помогая Ларисе довести Виктора до кровати.

— Ну зачем вы его защищаете, тата? За такие вещи нельзя потакать. А вы... А вы по головке гладите.

— Сын он мне, один,— благодушно улыбаясь, пояснил Данила.

— А мне — муж, и тоже — один,— не мирилась Лариса. Она никак не могла снять у Виктора сапоги. Тогда Данила защемил между ног сапог, а Виктор второй ногой уперся отцу в спину, и сапог быстро был снят. Старик даже еле не упал.

— Хоть бы людей уважал, хоть бы народ уважал. Люди тебя бригадиром поставили, а ты...— не унималась Лариса.

— Меня поставил не народ. Точка. Меня поставил председатель, начальство. Его я и уважаю, только он далеко. Ясно? Вот начальство — это народ. А народ — не начальство. Понятно?

— Ты что мелешь, Виктор? Людям опротивело, надоело видеть пьяного бригадира Шандыбовича. А ты чем лучше его? Ты же, да ты же точная копия Шандыбовича, ты же весь в него, как две капли воды. Посмотрите, тата...

Эти слова Ларисы, будто кипяток, обожгли Данилу. Он взглянул на сына, и его пьяное лицо сейчас очень напоминало физиономию пьяного Шандыбовича, с которым старик встретился, когда ехал в лес по дрова. От этого Даниле еще больнее стало на душе, и он с озлоблением закричал на Ларису.

— И ты мне тычешь в глаза этим? Да как ты смеешь? И ты?! Да сколько же можно терпеть? — с болью и горечью крикнул старик и заплакал.

Ничего не понимая, Лариса удивленно смотрела на старика.

— Ша! Народ, ша! — крикнул Виктор.— Бог, царь и воинский начальник будет спать... отдыхать.— И Виктор повалился на кровать.— Потом разберемся...

Данила вышел из хаты.

Когда над деревней спустился вечер, в небе зажглись звезды и в окнах появился свет, мы увидели Ларису сидящей за столом над Викторовыми бумагами. Она заполняла наряды и заносила в трудовые книжки колхозников заработанные ими трудодни, оставляя незаполненным место подписи бригадира. А бригадир еще спал. Вот он проснулся и, чувствуя свою вину, испытующе смотрел на Ларису. Наконец решился попросить:

— Лариса! Дай водички.

Лариса подала воду. Присела на кровать возле Виктора. Смотрит на него и улыбается. Улыбается и он. Это рассмешило обоих. Но Лариса, что-то вспомнив, изобразила на лице притворную строгость.

— Нет, Виктор, с тобой надо построже.

— Это тебе не к лицу. Ты будь ласковой.

— Заслужи,— Лариса вернулась к столу.

Виктор любуется женой.

— Что ты там делаешь?

— Твою работу. Запустил ведь. Люди обижаться будут: за неделю трудодни не занес в книжки.

— Завтра сделаем. Иди спать,— позвал Виктор.

Лариса стыдливо взглянула на Виктора, потом заглянула за печь, где спал Данила.

— Иди, Лариса, иди,— еще раз тихо позвал муж.

Лариса прислушалась. Где-то на улице гармонь ведет лирическую мелодию. *(«Я знаю, ты придешь...»)* Сложив в папку бумаги, Лариса начинает расстегивать блузку. А мелодия зовет, манит все ближе и ближе.

Это Вася наигрывает эту мелодию, провожая Ольгу. Вот они поравнялись с хатой Виктора. Вася заметил в окне Ларису, которая, раздевшись, наклонилась над лампой, чтобы потушить. Вася остановился. Ольга взяла в руки его лицо и повернула в сторону.

— Бесстыдник. Не насмотрелся ты в кино на раздевающихся женщин? Они теперь в каждой картине.

За столом сидит Шандыбович над листом бумаги, грызет карандаш и мучительно думает. Пробует писать, но, видимо, плохо получается, и он рвет бумагу. Наконец приготовил новый листок и зовет:

— Ольга! Иди-ка сюда.

В дверях появляется Ольга.

— Помоги бумажку составить.

— Какую бумажку?

— Иди садись.

Ольга села за стол и приготовилась писать.

— Только надо жалостливо, со слезой, чтоб за душу брало. Да ты сама должна знать как. Недаром же тебя учили. Пиши: Акт.

— Акт? Со слезой?

— С чувством.

— На кого?

— Шестеро поросят подохли... Пиши: «Мы, нижеподписавшиеся, бригадир...»

— Когда? Когда это случилось?

— Хм,— Шандыбович улыбнулся.— Для кого свадьба — веселье, а для кого поминки. Понятно?

— Н-нет, не понятно...

— На Викторовой свадьбе их съели. Теперь понятно?

Ольга сначала недоверчиво посмотрела на отца, а потом решительно заявила:

— Такой акт я писать не буду. И тебе не позволю.

— Как не позволю?

— А так! Это же воровство! Это же мошенничество.

— Не твое дело!

— Нет! Мое! Ты знаешь, чем это пахнет! Ты хочешь опозориться? И меня опозорить? И семью? Нет! Я — комсомолка! Надо жить честно!

— Честно-о?

— Да честно! Как все люди. На трудодни!

— Честно? У нас только дураки честно живут.

— Неправда!

— А ты, ты честно? Это что? На трудодни на твои? — Шандыбович подбежал к шкафу, распахнул его и стал выбрасывать шубку, платья, боты, туфли.— Это за что куплено? На твои триста грамм? На твои сорок копеек на трудодень? А? Я тебя кормлю, пою, одеваю! А ты мне еще в глаза тычешь?

Ольга потрясена этим откровением.

— Я думала,— ты только пьешь за чужой счет, а ты... Забери это, выбрось это, я сожгу это!

— Я тебе сожгу, гадовка! Наживи сначала.

— Сожгу! Не смей воровать!

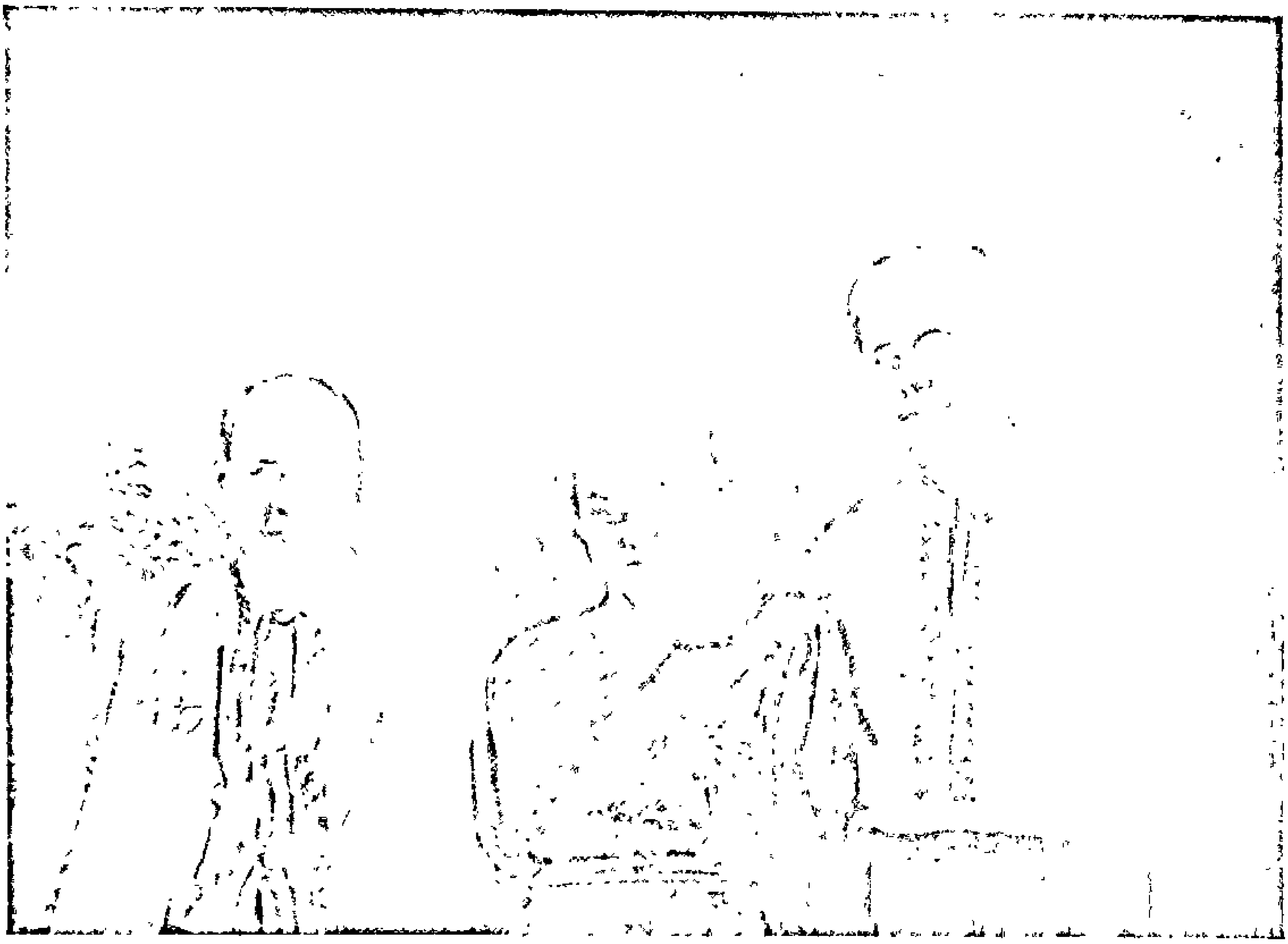
— Вон!

Ольга выскочила из комнаты вся в слезах.

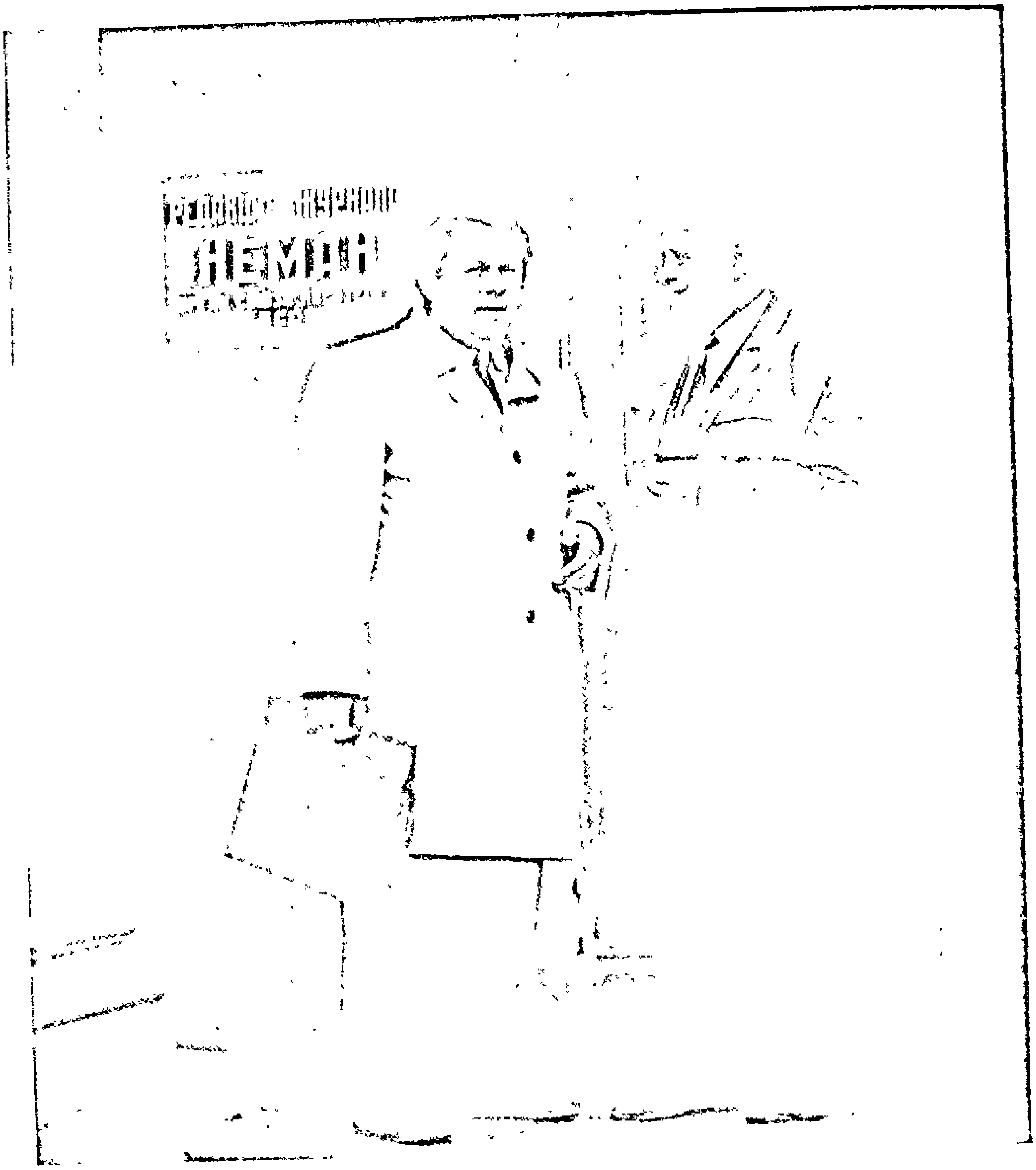
— Обойдемся без грамотеев,— буркнул Шандыбович, присаживаясь к столу, на котором лежит листок бумаги с аккуратно, по-девичьи выведенными словами: «Акт. Мы, нижеподписавшиеся, бригадир...»

Девушки в поле дружно пололи лен и пели песни. А лен вырос хороший — густой и высокий. Оттого, видимо, и песня звучала весело, задорно и сами девушки были веселые, жизнерадостные. Правда, не все девушки. Ольга была грустная, сосредоточенная, хмурая. Никто из девушек как-то этого не замечал, только Лариса обратила вни-

Якуб Колас, Алена Сяргееўна Макаёнак,
Андрэй Макаёнак.
1952 год.



Андрэй Макаёнак, Павел Кавалёў.
Чэрвень, 1975 год.



мание на дурное настроение подруги, но все-таки не заговаривала с ней, ожидая, что Ольга сама выскажет свою печаль.

Вот одна из девушек распрямила натруженную спину и, взглянув на солнце, жалобно обратилась к подругам:

— Ой, девочки! У меня так сосет под ложечкой, так есть захотелось... Не пора ли на обед?

— Эй! Бригадириха! Не слышишь, что ли? — крикнула вторая Ларисе.— Посмотри! Совсем уж отощала, бедная, а ты ноль внимания.

Девушка говорила с наигранной серьезностью, намекая на полноту своей подружки. Девушки засмеялись, но работу все оставили:

— Ну вот и верь ей. Говорит, что хочет похудеть, а сама весь день только и думаешь что об еде,— упрекнула толстушку Лариса. Та совсем не обиделась и добродушно призналась:

— И правда, девочки, весь день только об этом и думаю. А знаете почему? Утром не позавтракала я. Думаю, пойду работать натощак — чтоб похудеть. А теперь просто умираю. И всегда так. Но приду на обед — так зараз съедаю и за завтрак и за обед. Потом и ко сну клонит. А похудеть, правда, хочу. Только у меня ничего не получается.

Девушки вышли на дорогу и высыпали из фартуков выполотые во льне сорняки. Лариса подошла к молчаливой Ольге и спросила:

— А ты чего сегодня кислая такая? Опять с Васей поссорилась?

— Нет, Лариса. У меня серьезнее...

— Может, обманул?

— Не говори глупости!

— А что стряслось?

— Мне с тобой надо поговорить.

Девушки навострили уши, но Ольга попросила их:

— Девочки, вы идите, мне с Ларисой надо посекретничать.

Недовольные скрытностью Ольги девушки пошли вперед, а Лариса и Ольга приотстали.

— Не надумалась ли и наша Ольга замуж выходить?

— Похоже. Вишь, опыт перенимает.

— Так зачем секретничать? Может, и нам это интересно. Ведь и нам когда-то пригодится...

— А я как подумаю про замужество, так аппетит сра-

зу и пропадает,— объявила толстушка.— Ребята смеются, говорят: «Возьми такую — не прокормишь...»

Лариса и Ольга отстали от девушек далеко.

Подождем их, послушаем, о чем у них разговор.

— Нам надо что-то делать, Лариса, пока не поздно,— говорила Ольга.

— Успокойся, Ольга. Я уверена, что Виктор на это не пойдет.

— Не стану же я напраслину возводить на отца.

— Ну, хорошо. Я поговорю с Виктором. Только, я верю, Виктор этого не сделает.

— Я хотела Васе рассказать все, а потом подумала и решила — посоветуюсь раньше с тобой.

— Не надо никому об этом говорить. Я знаю, что Виктор не станет жульничать, а сплетню мы можем пустить по селу. Не надо.

— Ты поменьше прислушивайся к этим сплетням. Никакого акта я в глаза не видел и не подписывал,— Виктор даже рассердился, говоря это Ларисе.

На столе стоял обед. Виктор сел за стол.

— Ну где этот старик колупается? Зови его,— распорядился Виктор.

Лариса открыла окошко и кликнула Данилу.

— Тата! Обед стынет на столе. Идите скорее. А ты, Виктор, не злись. Я просто спросила, и все. Я же верю тебе и знаю, что ты на это не способен.

В хату вошел Данила.

— Сколько раз надо тебя звать? — строго спросил отца Виктор.— Обедать так обедать. А ты как нарочно... Тоже мне работник.

— Виктор! Что с тобой сегодня? Муха укусила, что ли? Рычишь ты на всех,— одернула мужа Лариса.

— Сами доводите,— огрызнулся Виктор.

Настроение у всех было испорчено, и потому за столом никто не проронил ни слова. Сопели и сербали щи молча.

В хату вошла старушка.

— Хлеб-соль вам! — прошепелявила она.

— Спасибо,— ответил Данила.

— Просим к столу,— пригласила Лариса.

— Витечка! Старик мой захворал...

— Я же не доктор,— ответил Виктор.

— Може б, ты коня дал, в больницу свезти...

— А что с ним?

— Я ведь тоже не доктор. Кто его знает. Стонет. Целую ночь стонал. Известное дело — старик, семьдесят восемь лет ему...

— И выбрал же время хворать...— недовольно заметил Виктор.

— Что поделаешь... Хвороба, она не разбирается...

Виктор молчал. Ждала ответа старая. Ждал Данила. Напряженно следила за Виктором Лариса.

— Я уже в долгу не останусь,— ласково подморгнула старушка.— Жалко старого... Показать бы его доктору...

— Ну, Виктор!..— как бы подтолкнула Виктора Лариса.

Виктор дожевал, вытер тыльной стороной ладони рот и наконец сказал:

— Ну, ладно. Скажу немому. Даст коня.

— Спасибо тебе, сынок,— поблагодарила старушка и поковыляла за дверь.

Лариса убрала посуду со стола и вынесла в сени. Тут на полке возле ведра она заметила бутылку и удивилась. Взяла бутылку, понюхала и вернулась в избу.

— Тата, это вы поставили самогон в сенях?

— Нет, Лариска, я не ставил.

— Ты, Виктор?

— Никакого самогона я не видел.

Лариса с недоумением смотрела на бутылку в руках. Наконец она догадалась, нахмурилась и спросила мужа:

— Так это старуха принесла? За лошадь?

— Ничего я не знаю. Отстань,— отмахнулся Виктор.

— Возьми эту гадость и отнеси ей. Слышишь? — потребовала Лариса.

— А ты хотела, чтобы тебе шампанского принесли?

— Отнеси эту бутылку, Виктор.

— Я не просил ее приносить. Хочешь — неси сама.

Лариса смотрела на мужа с чувством боли и обиды. Наконец схватила платок, набросила его на плечи и выбежала из хаты, пряча под платком злосчастную бутылку.

В избу к старушке Лариса вошла злая и расстроенная.

— Возьмите, бабушка, свое добро обратно,— строго сказала Лариса и поставила бутылку на стол.

— Почему? — удивилась и даже испугалась старуха.— Голубка моя, истинный бог, хворает старик. Вот сама посмотри, не лгу. Да неужто мы не люди? Голубушка, пожалей старика...

— Коня вам дали? А почему вы пол-литра принесли?

— А всем же так давали. За пол-литра. А больше нету, вот истинный крест нету,— старуха даже перекрестилась.— И Шандыбович за пол-литра давал.

— Бабушка! Шандыбович был хапуга, взяточник, а Виктор не такой. Он без самогонки вам коня даст. Не надо никаких бутылок! Поняли? Это же колхозный конь, ваш конь. Поняли вы?

— Спасибо, голубка...— не совсем еще поняла старуха.

— Ай, как не стыдно!..

— Так ведь: все так делали. И я вот одолжила...

— Больше так не делайте! Срам-то какой! — Лариса вышла из хаты, а старуха стояла как громом пораженная. Потом глаза ее потеплели, а морщинистое лицо расплылось в улыбке. Она наконец поняла Ларису.

Виктор сидит за столом и трудится над своей немудреной бухгалтерией. Щелкает на счетах, записывает в табели и трудовые книжки. Сосредоточенный и серьезный, он так увлекся своей работой, что не заметил даже, как в хату вошел Шандыбович.

— Данилович! Ты оторвись-ка, дело есть.

Виктор отложил счеты в сторону. Шандыбович подсел к столу, отодвинул бумаги, освободил место.

— Я, понимаешь ли, вот с чем... насчет поросяток тех, что на свадьбе...

— Я ведь просил тебя оформить это через колхозную бухгалтерию, через правление,— перебил Виктор.

— Помню такой уговор. Но дело, понимаешь ли, в том, что взяли-то мы их без согласования, так, может, неудобно.

— Ты же говорил — можно.

— За это, конечно, не повесят, но... опять же, платить придется, а тебе теперь каждая копейка нужна. Сам вижу.

— Не обязательно сейчас, потом высчитают, осенью.

— Резонно. Только — обидно это для тебя будет. Ежели бы, скажем, ты сам употреблял их, а то ж люди сожрали. Пожалуй, вся бригада причастна к этому блюду.

— И что же ты предлагаешь? — не вполне доверяя Шандыбовичу, спросил Виктор.

— А ежели, предположим, составить акт? Предположим, что эти поросята подохли? Могло такое случиться? А почему нет? Ведь сколько болезней бывает неизлечимых! На людей даже, а на поросяток, несмышленых скотинок... Заактировать это — и будет по справедливости...

— Хитро, но... судом это попахивает. Я не согласен.

— Зачем суд, ежели все с умом делать, вот так,— Шандыбович выложил из кармана на стол акт.

Виктор с недоверием смотрит на Шандыбовича и отрицательно качает головой.

— Ежели ты меня опасаешься, так я же ведь тоже свою подпись ставлю... и ветеринар, конечно. А за свинарку ты можешь не беспокоиться. Она за тебя готова в огонь и в воду.

Виктор опустил глаза; он пока не соглашается.

— Опять же, дело твое, конечно. Как хочешь. Ежели у тебя лишние деньги валяются, то... Только, как я вижу, нету их у тебя, лишних. Вот и обмундирование твое давно менять пора, да и хатенка на ладан дышит. Этак и жена сбежит от тебя, ежели так жить.

— Вот если она дознается про этот акт,— определенно сбежит,— криво усмехнувшись, сказал Виктор.

— Значит, нет надобности знать ей,— возразил Шандыбович.— Так что же мы порешили?

Виктор берет акт, написанный Шандыбовичем, и внимательно читает.

— Тут ведь шесть, а не четыре,— заметил Виктор.

— Точно, шесть. Четыре на свадьбу, один ветеринару, ну и мне ведь за труды что-то должно перепасть.

В хату заходит Данила. Заметив в своем доме Шандыбовича, он удивился и помрачнел.

— Подписывай ты первый,— предложил Виктор.

— А ты?

— А я потом.

— Тут два экземпляра. Давай вместе. Один ты, другой я.

Шандыбович подписывает акт и передает его Виктору. Виктор не сразу, но подписал тоже.

— Ну вот... И никаких опасений, Виктор. На меня можешь положиться,— Шандыбович аккуратно сложил оба экземпляра акта и сунул их в карман.— А вечером заскочу к ветеринару.

Шандыбович вышел. Данила провел его неприязненным взглядом.

— Витя, ты смотри, не якшайся с ним. Он — гад...— предостерег Данила сына.

— Не учи, знаю. Он — ползучий,— Виктор с улыбкой повторил эпитет, обычно адресуемый Данилом Шандыбовичу.

Прошло время.

Легкий ветерок колышет зреющие головки льна. Высокий лен, ветвистый и на всем широком поле.

Вдалеке виднеются две фигуры. Это Виктор и Лариса идут по полю и любуются льном. Лариса в воскресном платье и самое важное — в преотличнейшем настроении. Кстати заметить разницу: это уже не парень и девушка, а муж и жена, правда, нежные, ласковые, внимательные друг к другу, влюбленные, но успокоенные.

— Завтра-послезавтра можно выбирать,— говорит Виктор.

— Ну, бригадир, как оцениваешь мою работу?

— Ты у меня молодец. Золотые у тебя руки.

Они останавливаются, целуются и уходят дальше. Где-то на западе по небу движется грозная туча. Снова мы видим Ларису и Виктора, идущих по льну. Лариса меряет — лен достает почти до пояса.

— Пойдем посидим вон под той сосенкой,— предложила Лариса. И они побежали к одинокой в поле низкой и кудрявой сосенке. Вот они уселись под деревом, обнялись. Сидят и любуются морем льна. А туча надвигалась ближе, ближе... Ее-то и заметила Лариса и с наигранным испугом показала Виктору.

— Витя! Смотри! Какая страшная туча. Бежим домой. Текайма!

Они оба подхватились и побежали. Лариса впереди, а Виктор за ней. Усилился ветер, и дождь все-таки настигает их. Виктор вдруг останавливается и кричит:

— Лариса! Лариса! Стой! Стой! Вот глупая.

Лариса приостановилась. Виктор подбежал к ней.

— Да тебе теперь, может, нельзя так бегать?

Лариса хохочет. Виктор берет ее на руки и несет. Дождь уже хлещет вовсю.

— А ты испугался? Боишься. А я нет. Я ничего не боюсь, потому что с тобой.

Домой они пришли мокрые до нитки. Еще во дворе они заметили, что ветром сорвало часть старой соломенной крыши над хатой. Войдя в избу, они увидели, что старик спасает домашний скарб от льющейся с потолка воды. На стенах, по побелке заметны подтеки. И Виктор и Лариса сразу стали грустными.

— Вот, сынок, разваливается наша халупа,— снимая с кровати ведро с водой, Данила вздохнул и вышел в сени.

— Да-а,— протянул Виктор.— Ну что, женушка? Нам

с тобой и в шалаше рай. А вот для сына...— он помолчал, а потом обнял Ларису и клятвенно пообещал: — Для сына я дворец построю.

На лугу у реки, там, где обычно выпадает больше росы, ровными лентами разостлан лен. Резвый ветер заигрывает его прядками, балуется, а иногда и озорует. Вот он подхватил один ряд, приподнял, повертел, спутал ленок и покатил его к кустарнику. Видимо, понравилось ветру это занятие, и он, бездельник, принялся за второй рядок.

У старой Даниловой избы начат новый сруб, около валяются бревна. Из хаты вышла Лариса. Вот она с тревогой наблюдает, как треплет ветер рябину под окном. Вдруг она вскрикнула, будто в испуге, и бросилась бежать на улицу. Подбежала к хате Шандыбовича, стучит в окно.

— Ольга! Ольга!

Ольга выглянула в окно.

— Быстрее спасать лен! Смотри, какой ветер! Беги, кличь девчат! Всех... Быстрее.

Вот уже по улице бегут девчата, стучат в окна, сзывают людей спасать лен.

А на лугу ветер уже не озорует, а безобразничает. Подхватывает ленок, крутит, вертит его, путает и несет что в кусты, а что и в реку.

Но вот появляются девчата, а за ними почти вся деревня, от мала до велика. И начинается настоящее сражение за лен. Подбирают, наспех связывают в снопки, придерживают ногами, отбирают у ветра, ловя на лету. Долго длится эта борьба со стихией. К концу этой битвы, смешной, может быть, даже нелепой, но грозившей большими потерями, на лугу появляется и председатель колхоза. Когда улеглась тревога и лен отвоевали у ветра, вокруг председателя столпился народ.

— Ну, молодцы! Спасли лен. А то черт знает... Вас вот расписали тут, в газете,— он вынул из бокового кармана газету,— расхвалили за лен, а его могло и не оказаться.

— Где?

— Покажите!

— Дайте мне!

Девчата еле с руками не оторвали две газеты у председателя.

— Смотри ты!

— Лариса, вот тебя как расписывают!..

— Да тут всех, всех помянули, и меня,— обрадовалась Ольга.

— А кто это написал?

— Сейчас... Ого, да это же Шандыбович...

— А-а,— потерял кто-то интерес к газете,— я думал, какой-нибудь настоящий корреспондент...

— Так вот, девчатки! Тут вы отличились, а почему до конца дело не доводите? Пора бы возить да сдавать его... А где бригадир? Не вижу я его что-то.

Председатель осмотрелся вокруг.

— Бригадир наш в лесу. Хату себе строит, поехал за бревнами,— объяснил кто-то.

— Почти всех лошадей взял в лес,— прячась за спины, доносил кто-то.

— Д-да... Безобразие... Кто бы передал ему...

— Да тут вот жена его, Лариса!..— Ольга вытолкнула Ларису вперед.

Председатель взял под руку Ларису и отвел в сторону.

Вася. Девчата! Не забудьте — сегодня репетиция в клубе. Ольга, слышишь! Не опаздывать!

Ольга. Ладно.

Люди начали расходиться.

— Так как же это вы допустили, что труд ваш чуть не пропал? А? Да-а, нехорошо... Вот что... Лариса, да? — обратился председатель к Ларисе.

Она кивнула головой.

— Вот что, Лариса. Приедет муж, так вы и от моего имени и от своего хорошенько взгрейте его за лен. Не пропадать же добру. Пусть немедленно переключит весь транспорт на вывозку льна на станцию. Хорошо? Обещаете?

— Хорошо,— ответила Лариса.

— А хату успеет еще... Немного попозже. Даже поможем тогда, а сейчас не время.

Уже смеркалось, когда Виктор с подводами вернулся из лесу. Разгружать бревна из хаты вышли Лариса и Данила. Помогая мужу, Лариса рассказывала Виктору о приезде председателя:

— Председатель приезжал, ругался. Не застал тебя, а то попало бы.

— За что?

— За лен. Приказал, чтобы завтра начал возить на станцию.

— Завтра еще в лес надо.

— Виктор, отложи ты хату... И люди нарекают, обижаются.

— Наплевать!

— Как наплевать? Лен ведь пропадает. Сегодня ветром чуть не смело.

— Цел будет. Не понимаю, почему ты больше всех болеешь за лен?

— Ну как же? Там ведь и мой труд. Целое лето...

— Слушай, Лариса! Хата только мне нужна или тебе тоже?

В разговор вмешался и Данила.

— Лариска! Не тревожь ты его. Видишь, человек устал, натягался. Бревна таскать — работка не легкая, а ты... Зачем же теребить его? Нехорошо так...

— Была бы она хорошей хозяйкой, так пригласила бы людей, да по сто грамм поставила, а она...— Виктор махнул рукой и погнал коня на конюшню.

Ольга дома читает какую-то бумагу и хмурится. В ее руках мы видим акт, подписанный Шандыбовичем и Виктором. Она прячет акт под кофточку, подходит к отцу, который сидит у стола и читает газету. Ольга остановилась против отца и пронизывает его глазами, полными ненависти и злобы. Почувствовав ее взгляд, Шандыбович поднял глаза на дочь.

— Ты чего?

— Ничего,— Ольга выскочила из комнаты.

— Ну зачем, зачем они это делают?! — со слезами на глазах жалуется Ольга Ларисе.— Все равно рано или поздно об этом все узнают. Какой позор! Что они делают?! Зачем они и себе и нам жизнь калечат?

Лариса читает акт, а Данила настороженно прислушивается к жалобе Ольги, отложив на время хомут, который он починял.

— И что ты думаешь делать? — тихо спросила Лариса.

— Я уже и сама не знаю. Вот пришла к тебе... Надо Васе рассказать, как он...— Ольга хотела взять акт, но Лариса попросила:

— Оставь его пока у меня.

В это время в хату вошел Виктор.

— И так уже стыдно на люди показываться. Как толь-

ко не треплют нашу фамилию. А теперь и твою будут,— посочувствовала Ларисе Ольга и вышла.

— Что такое? Что это она? — спросил Виктор.

Лариса, выдержав паузу, подошла к Виктору и в упор спросила:

— Скажи, Виктор! Зачем ты меня обманывал? — в ее голосе слышались упрек, обида, боль и горечь.

— Где? Когда?

— Ты же подписал акт.

— Какой акт? Когда? Что за глупости?

— Виктор!! Не лги! Вот он! — и Лариса сунула под нос мужу оставленный Ольгой акт.

Виктор только глянул и сразу узнал свою подпись.

— Где взяла?!

— Неважно, Виктор. Ольга принесла.

Виктору нечего было говорить. Он ходил из угла в угол и нервно кусал губы.

— Ты подумал, чем это пахнет? Это же суд... Это же позор... Как же мы дальше-то будем жить с тобой?

Виктор молчал.

— Сынок, я же тебе говорил, не связывайся с этим Шандыбовичем. Он до добра не доведет...

— Говорил, говорил. Все вы мастера говорить. Ты бы лучше дом построил, чтоб жить можно было. А то куда я приехал? В сарай?

— Виктор! Что ты говоришь? — одернула Лариса.

Виктор надел фуражку и вышел из хаты.

Семья Шандыбовича собралась ужинать, когда вошел Виктор.

— Что не весел, Виктор? — встретил его Шандыбович.

— Дознались про твой акт, — хмуро ответил он.

— Где? Кто? — испугался Шандыбович.

— Пока дома, жена.

— Дома? — обрадовался Шандыбович и махнул рукой.— Ну, это не беда. Плюнь, Виктор,— хозяйка чутьем уловила, что сейчас нужно пол-литра.— Они же сами тех поросят и съели. Пошумят и успокоятся. Свои...

— Свои? А хуже прокурора. Так взъелись, что и теперь в ушах звенит. Нет, в моем доме,— Виктор иронически усмехнулся,— честные да принципиальные.

— Ишь ты,— удивился Шандыбович.

— А в этом доме, ты думаешь, все мошенники и жу-

лики? — всхватилась Ольга.— Там поругали, а тут, надеешься, пожалеют? Нет! Не пожалеют! Погоди, не то еще будет! Не таскай поросят, не будет и в ушах визжать!

— Ольга! — оборвал ее Шандыбович и обратился к Виктору.— Откуда дозналась-то?

— Не догадываешься разве? Она,— Виктор кивнул на Ольгу,— акт у тебя выкрала и всю бучу подняла.

Шандыбович перевел тяжелый взгляд на Ольгу. Она же ничуть не смутилась, стояла смелая, решительная, принципиальная.

— Гадовка! — Шандыбович медленно встал и двинулся к дочери.— Где акт? Ты что это? А? Да знаешь, что я с тобой сделаю? Ты знаешь?.. В собственном доме ты врагом хочешь стать? Ах ты подлая! Вон, гадовка!

— Не кричи! Я сама уйду... Совсем... Навсегда...— и вышла.

Шандыбович вернулся к столу. Рука потянулась к бутылке. Виктор подсунул свой стакан.

В клубе собрался молодежный хор. Они готовы начать репетицию, но кого-то не хватает. Все ждут, выражая нетерпение.

— Вечно она опаздывает...

— Да не вечно, не загибай,— вступился Вася.

Около него незнакомая девушка. Это инструктор райкома комсомола, которая приехала проверить готовность хора к районной олимпиаде художественной самодеятельности.

В клуб приходит Ольга.

— Ты почему всегда опаздываешь? Вечно тебя ждать должны. Время сколько теряем. Ты что, не знаешь? До олимпиады остались считанные дни...

— Не кричи,— ответила Ольга и заняла свое место.

— Начинаем,— скомандовал Вася.— Ольга, запевай.

«Ой, реченька, реченька...» — Вася сам начал музыкальное вступление на баяне.

«Ой, рэчанька, рэчанька, чаму ж ты не поўная...» — Начала было Ольга, но тут же остановилась, всхлипнула, отвернулась и побежала в дальний угол зала. Все недоуменно переглянулись.

Вася оставил баян и подошел к Ольге.

— Что с тобой? — ласково спросил он.— Снова дома поскандалили?

Ольга кивнула головой.

— А что случилось?

— Я ушла из дому,— призналась Ольга сквозь слезы.— Ну что ты смотришь? Совсем, навсегда. Я не могу больше...

Вася вздохнул, помолчал.

— Да... Ну, ты не бедуй. Сейчас обмозгуем,— успокоил он Ольгу.— Со мной не пропадешь.

Девушки ватагой двинулись к Ольге, но Вася остановил их.

— Подождите, подождите! Не мешайте. Тут дело серьезное. Степа! — позвал он своего напарника-барабанщика.— Сыграй им что-нибудь.

Степа несмело заиграл вальс, да какой-то грустный, грустный. Молодежь начала танцевать, а Вася в уголке продолжал разговор с Ольгой.

Шандыбович и Виктор совершенно пьяные. Виктор встает из-за стола и собирается уходить.

— Чего им надо? Да, ну сделал... А им разве это в убыток? Не в убыток. Я тоже хочу по-человечески жить... И дом хочу теплый иметь. А дом разве мне одному? Для них ведь стараюсь... А они... меня...

— Ничего, обойдется. Ты только им не поддавайся,— советовал Шандыбович.

Виктор вышел на улицу. Остановился против своего дома, постоял, затем плюнул и пошел по улице... Неожиданно встретилась Катя.

— А-а, Катюша! — обрадовался Виктор и полез обниматься.

— Виктор, сумасшедший! Узнает Лариса...

— Наплевать...

— Фу, какой ты пьяный. Я смотрю — какой храбрый. Нет, нет, если бы ты не такой пьяный...— Катя вырвалась от Виктора и убежала.

А разговор между Ольгой и Васей подходил к концу.

— Да-а... Олечка, дело серьезное...

— Я знаю, Вася, ты меня любишь... Я поэтому к тебе...

— Правильно! Сегодня же пойдем ко мне! Я давно решил. Со мной, Оля, не пропадешь!

— Я поэтому к тебе и...

Вася сразу почувствовал себя мужчиной. Он встал и крикнул:

— Товарищи!

Ольга схватила его за руку.

— Подожди, Вася. Не теперь. Подожди!

— Репетиция сегодня отменяется. Есть более важные дела! — объявил Вася спокойно и, наклонившись к Ольге, предложил: — Давай и мы станцуем. Ты только не унывай.

В это время в открытых дверях клуба показалась лошадь. Она пугливо мотнула головой, но подгоняемая кнутом вскочила в зал. На лошади въехал пьяный Виктор. Перепуганные девчата шарахнулись по углам, как цыплята от коршуна.

— Эй, музыка! — гаркнул Виктор так, что в окнах задребезжали стекла.— Вася! А ну, режь! Как на свадьбе!

В клуб вбежал немой. Он схватил коня за уздечку и стал стаскивать Виктора с лошади.

— Не трожь! — орал Виктор. Но немой не отступал. Тогда Виктор ткнул немого ногой в лицо. Тот упал, но подхватился, стащил все-таки Виктора с лошади и увел ее из зала.

— Это возмутительно! Это возмутительное хулиганство! — кричала инструктор райкома комсомола.— Кто он такой?

— Это бригадир наш.

— А ты кто? В моей деревне таких не видел,— в свою очередь спросил Виктор.

— Это инструктор райкома комсомола,— предупредил кто-то.

— Не велика шишка,— махнул рукой Виктор.— Эй, Вася! Играй бригадиру! — Виктор хотел взять баян, но Вася отшвырнул Викторову руку. Тогда Виктор схватил барабан и, выбивая на нем бог ведает что, пустился в пляс под эту какофонию. Плясал он до тех пор, пока не свалился на пол.

Виктор лежал на полу, раскинув руки. Около него заметны были вмятины от подков.

В стороне стоят парни и девушки с комсомольскими значками на грудях. Недовольные, огорченные лица их выражают в то же время и чувство стыда перед инструктором райкома комсомола за своего товарища.

— Этого так оставить нельзя! — сказала инструктор, обращаясь к Васе.

— До чего докатился...— возмутился Вася.

— Почти до порога,— попытался пошутить Степа-барабанщик.

Данила босой сидит на колодочке, а перед ним долбленое корыто, в которое Лариса выливает из чугуна теплую воду.

— Вот, попарьте ноги, тата, и нас не ждите, ужинайте сами. Может, мы задержимся, так вы ложитесь спать,— сердечно предложила Лариса.

— Спасибо тебе, голубка. Спасибо за твою доброту,— старик опустил ноги в теплую воду и посмотрел умиленными и благодарными глазами на невестку.

— А что там у вас будет? — спросил он у Ларисы.

— Меня собираются чехвостить,— бросил Виктор, выходя из хаты.— Смертным боем бить хотят.

— Тебя-то еще никто не побил, а ты уже,— заметила Лариса.

Виктор ушел. Недолго задержалась и Лариса. Накинув на плечи платок, ушла и она.

Сквозь окна клуба на улицу падает свет, образуя пятна, перечеркнутые тенью от оконных рам. Там, в клубе, немногочисленное комсомольское собрание. С юношеской горячностью и комсомольской принципиальностью держит речь инструктор райкома комсомола.

— Хулиганское, я бы сказала хамское поведение товарища Бирюка никак не совместно с высоким званием члена Ленинского комсомола. Мы должны со всей серьезностью осудить этот поступок Бирюка, дать ему заслуженную оценку и принять самые строгие меры воздействия. Я довожу до сведения комсомольского собрания, что в личном деле товарища Бирюка, которое пришло из воинской части, где служил сверхсрочником, уже записано одно взыскание за пьянку, строгий выговор. И это перед его демобилизацией. Видимо, товарищи, его демобилизовали из армии за это, за этот... факт. Так, товарищ Бирюк?

Виктор сидит, опустив голову, и молчит.

— Ответьте комсомольскому собранию! — требует инструктор.— И если вы его уважаете, встаньте.

Виктор злобно взглянул на инструктора, но встал. Не желая встречаться глазами с товарищами, он отвернулся, и взгляд его упал на вчерашние вмятины на полу, которые остались от подков.

— Допустим, так,— нехотя признался Виктор.

На улице мимо окон, заглядывая в клуб, проходит немой. Он видит Виктора, который стоит потупив голову.

— Товарищи! — когда инструктор сел, взял слово очередной оратор, Вася.— Мы все надеялись, что Виктор по-новому повернет все наши дела в бригаде после Шандыбовича. И все мы поддерживали его, старались, работали. А он? Он начал пить. Ну и что? К чему привело это? Вот... Просто неприятно... Обидно получается. Обманул он нас, вокруг пальца, как говорится, обвел. Зазнался и начал разные штучки выбрыкивать. Выбрыки — это еще не такая беда. А вот с хозяйством. Начал себе дом строить. Я, товарищи, не против. Ему надо дом. Даже и помогал ему. Да! И надо помочь. Но нельзя же и дела в бригаде запускать. А что получилось? Посеяли лен. Какой лен порос! Девушки наши все лето спины не разгибали. А он что? В поле лежит. Ну хорошо, разостлали. А убирать ветер будет? Да? Спасибо девчатам, спасли. А теперь? Гнить будет? На глазах-то у людей? Что они, похвалят бригадира? Нет, товарищи! У людей от этого руки опускаются. Есть и еще дела. Но пока помолчу. Пусть Виктор сам признается...

Данила уже попарил ноги, но спать и не думал ложиться. На столе стоит нетронутый ужин. Данила сидит у стола невеселый, хмурый и вздыхает. В хату заходит немой. Он показывает пальцем за спину и жестами пытается объяснить что-то.

— В клубе? — уточняет Данила.

Немой утвердительно кивает головой.

— Ругают? — спрашивает Данила.

Немой подтверждает. Данила заметил у немого синяк под глазом.

— А ты не жаловался на него?

Немой энергично качает головой, отрицая. Данила натягивает сапоги на босую ногу.

На собрании наступил момент тягостного молчания.

— Кто еще будет выступать?

Снова встает Вася.

— Я и другие ждали, что Виктор признается и про поросят. А он молчит.

Виктор после этих слов насторожился. В глазах мелькнул испуг.

— Было такое? Брал поросят с фермы на свадьбу? А потом писал акт, будто подохли они?

— Ты что? На мое место метишь! Бригадиром хочешь? Так, пожалуйста, я его уступаю! — не вытерпел Виктор.

Лариса с напряжением следила за Виктором.

— Нет, ты ответь на вопрос,— потребовал инструктор.

— Неправда! Ложь это,— тихо солгал Виктор.

Лариса опустила глаза.

— Хорошо... Об этом лучше знают Ольга и... Лариса.

В эту минуту возле окна на улице появился Данила. Он тревожно всматривается и прислушивается к тому, что происходит в клубе.

— Ольга! — призывает Вася,— скажи!

— Пусть Лариса скажет,— уклоняется от ответа Ольга.

Лариса встает и, страшно волнуясь, не поднимая ни на кого глаза, тихо, очень тихо говорит:

— Нет, Виктор, это не ложь.

Она тут же всхлипнула, закрыла платком лицо и присела на стул.

Данила, наблюдавший эту сцену через окно, отошел от клуба и поплелся домой.

А собрание сразу зашумело, загалдело, будто встревоженный улей.

— Ты смотри...

— Ай-яй-яй...

— До чего дошел...

— Кто б подумать мог.

Вот тогда встала со своего места и Ольга. Она волнуется не меньше Ларисы. И таким же тихим голосом начала свою короткую исповедь.

— Лариса честно сказала... Мне это тоже не легко... потому что в этом... замешан... и мой отец. Но я уже больше не могу... Мне противна стала моя фамилия... Все глаза колют... А я при чем... А что мне делать?

Так и не докончила своей речи Ольга. Она тоже всхлипнула и села.

— Ну, товарищи, это уже серьезное дело. И я вношу предложение исключить Бирюка из комсомола и сообщить правлению об этих фактах.

Данила пришел домой и, не находя себе места, ходил по хате, останавливался, даже присаживался и снова вставал. Он заметно волновался за сына. Вскоре домой пришла Лариса. Она как-то вяло стянула с себя платок, повесила на шесток. Данила всматривался в ее заплаканное лицо и ждал, ждал, что же она скажет. Наконец она поняла, что молчать больше нельзя, и коротко сообщила:

— Плохо, тата, плохо все кончилось...

Немного погодя в хате появился и Виктор. Он сорвал с головы фуражку, бросил ее куда-то на лавку, пометался по комнате и наконец остановился против Ларисы, озлобленный, свирепый, страшный.

— Ну, облила мужа грязью? Опозорила?

— Ты сам виноват, Виктор,— робко возразила Лариса.

— Я? А ты нет? Если бы не ты, Ольга бы промолчала. Если бы не ты, не знал бы и Вася. Все было бы тихо. Это все ты подняла, гадовка! В тюрьму захотела отправить мужа? Вон, паразитка! Вон из моего дома! Убью, сволочь!

Виктор замахнулся, чтобы ударить Ларису, но Данила вовремя схватил Виктора за руку. Виктор отшвырнул старика.

— Что ты делаешь, поганец? — крикнул Данила.

— А ты не вмешивайся не в свое дело! Сиди и помалкивай!

— Не дам ее бить! Не дам! — заступился за невестку Данила.

— Ну что ж, бей, бей меня, Виктор. А Шандыбовичу иди скажи спасибо, что надоумил...— в Ларисином голосе больше чувствовалось отчаяние, чем самопожертвование.

— Молчи, гадовка! — Виктор снова замахнулся на жену. Но снова вступился старик и не дал ударить.

— Я же тебя предупреждал, сынок, не связывайся ты с Шандыбовичем, с этим гадом ползучим,— упрекнул Данила.

— Вот где гады ползучие, в своем доме! — Виктор снова отбросил отца, да так, что тот ушибся.

Лариса подбежала к старику и помогла ему подняться.

— Спасибо, доченька,— сквозь слезы сказал Данила.

Откуда взялась смелость у Ларисы! Она бросилась к Виктору и крикнула ему в лицо:

— Не смей, негодяй, его трогать! Меня... А он, он-то при чем. Ведь он отец твой.

— И он мне такой отец, как ты жена! Какой он отец?

Послушай, что люди говорят! — Виктор уже потерял всякое самообладание.

— Виктор! — будто падая в пропасть и прося помощи, крикнул Данила.— Что ты сказал!!!

— То, что ты слышал!

Данила еле не задохнулся. Он закрыл лицо руками.

— Вон! Выйди вон! — не сказал, а простонал Данила. Виктор на это только усмехнулся.

— Виктор!!! — вскрикнул Данила на всю мощь своего голоса.

Виктор даже не шевельнулся; он стоит и издевательски посмеивается. Данила втянул голову в плечи, осмотрелся, как бы ища чьей-то помощи, молча повернулся и вышел из хаты.

Почернел перед глазами Данилы мир, потемнело, померкло все вокруг. Он потерял сына. А потому и жизнь лишилась смысла. Это было большое горе. Это была большая потеря, больше смерти.

Что творилось сейчас на душе у старика? Какая буря чувств ревела там? Какая мелодия звучала на его душевных струнах? Нет, обыкновенными человеческими словами не выразить этого смятения и страдания. Слова в этом случае — убогое средство. Подслушать ту мелодию и записать ее попросим композитора. А музыканты потом пусть воспроизведут ее. Запомним только деталь: в сердце Данилы образовалась пустота. Как в барабане. Только гул. Глухой, протяжный стон. И все...

В темноте напрасно искал опоры. Руки его натыкались на стену хаты, цеплялись за плот, прощупывали ночную тьму. Так он вышел на улицу. Ветер трепал волосы на его непокрытой голове. Непроглядная тьма и глухая тишина окружили старика. Только где-то высоко-высоко в небе существовали звезды, далекие, холодные, мерцающие.

Так Данила ушел из дому.

А в хате остались Виктор и Лариса. Они стояли молча, понимая, что случилось непоправимое.

— Что ты наделал, Виктор?..

Лариса тоже вышла из хаты. По улице она брела медленно, с трудом переставляя ноги и понуро опустив голову. Куда она шла? Она и сама не знала, не отдавала себе отчета. Так она вышла за деревню и очутилась на том мостике, где Виктор весной сделал ей предложение. Она остановилась на мосту и долго смотрела в мрачную, черную воду. Ларисе почудились те слова Виктора, сказан-

ные весной: «Окуну! Перехрищу!» — и она вздрогнула. Ей сделалось страшно. Чего? Может быть, испугалась этой мрачной, холодной воды? Лариса торопливо ушла с моста и направилась обратно в деревню.

Лариса остановилась у начатого сруба возле старой хаты, в окнах которой еще горел свет. Ей снова почудился голос Виктора: «Нам с тобой и в шалаше рай. А вот для сына... для сына я дворец построю».

...Виктор закрыл чемодан. Посидел немного, закрыв лицо руками, потом встал, погасил свет.

...Лариса увидела, как хлипнула и погасла лампа, а потом стукнула дверь. Из хаты вышел Виктор, постоял немного и зашагал со двора. Лариса заметила в руках у него чемоданчик. Она вскрикнула и подбежала к мужу.

— Виктор!

Виктор остановился, но не обернулся к жене.

— Виктор! А я?.. А...

Виктор оттолкнул Ларису и пошел. Лариса упала и заплакала навзрыд.

Из затемнения. Давно не хоженная тропка среди болотного кустарника и свежие следы на ней. В следах — вода. Восходит солнце, яркое, ясное, ласковое, и унылый болотный пейзаж становится обманчиво красивым. Вдали, в тумане виднеется человеческая фигура. Это Данила с длинным кием осторожно пробирается по болоту, грузнет почти до колен, с трудом вытаскивая из твани сапоги, он пытается нащупать твердый грунт.

— Тут же была стежка... Где же эта стежка?.. Неужели сбился... Ведь ходил... Где же стежка?..

Данила медленно продвигается и чем дальше, тем глубже грузнет в болоте. Наконец провалился почти по пояс, но ухватился за ближайший куст, тяжело сопя выбрался на купину и свалился от усталости.

— Нет стежки...— с отчаянием проговорил он и закрыл глаза. По его изможденному лицу видно, что он совсем умаялся, осунулся и намного постарел за эту ночь.

— А может, ее и нету совсем... может, она померла, сестра-то... Ведь когда,— до войны виделись...— думал вслух Данила.— Все равно и туда стежка потеряна и назад нету...

Данила заплакал, горько, громко, никого не стесняясь в этом болоте. Наконец он притих, открыл глаза, приподнял голову... Перед ним поплыли картины прошлого...

Вот он идет по улице с малым Виктором. Виктор держит под рукой букварь. Данила в лаптях, а Виктор в новеньких сапожках. Оба торжественные, радостные.

— Вот, сынок, иди, учись... Я для тебя все сделаю... Ты не будешь в навозе ковыряться, как я... учись...

Вот Данила с малышом во дворе. Малыш (Виктор) чего-то капризно требует, показывая на наличники под окном. Данила нехотя лезет за доску и достает оттуда птенца — маленького воробушка.

Где-то слышатся взрывы. Ревут самолеты. Где-то полыхает зарево. Данила прикрывает собой Витю. Они прячутся то ли в канаве, то ли в окопчике. У обоих перекошенные от страха лица. Данила снимает с себя пиджак и укутывает сына. Данила крестится, приговаривая:

— Спаси, господи, его-то хоть пожалей...

Данила лежит на купине. Тяжело, почти со стоном вздохнул. Встал, с отчаянием, безнадежностью и страхом осмотрелся, боясь сделать первый шаг с приютившей его купины. Наконец решился, шагнул и провалился почти до пояса...

На улице встревоженная Лариса просит Васю:

— Вася, помоги. Его надо найти. Боюсь, кабы несчастья не было. Я всю деревню опросила, никто не видел. Я прошу тебя!

— От старик! И что он удумал?.. Хорошо, я организую,— пообещал Вася, и они разошлись.

Лариса прошла мимо колодца, где с ведрами судачили Катя и та женщина, назвавшая себя подругой Викторовой матери.

— Ишь, а теперь бегает. Это же надо! Виктор бросил и ушел неизвестно куда, и старик пропал, как в воду канул.

— Сама виновата. Мало ли что бывает. Могла бы и помолчать.

Лариса пришла домой. Там ожидала ее мать и немой. Немой уставился на Ларису, ожидая от нее ответа. Лариса развела руками.

— Нигде никто не видел.

— Успокойся, доченька, не убивайся,— утешает мать Ларису. Немой, понуро опустив голову, вышел из хаты.

Кабинет председателя колхоза. Председатель сидит за столом и слушает исповедь Виктора, который стоит перед ним.

— Я вам честно все рассказал. Все дела у жены. Она во всем в курсе лучше меня. А я туда не вернусь. Если обнаружится какая недостача — высчитаете из трудодней. Вот и все.

— А я-то на тебя надеялся. Думал... А ты... Ну, что же мне теперь с тобой?

— Воля ваша,— повесил повинную голову Виктор.— Я никуда не убегу. Подожду здесь, пока вы вернетесь.

— Нет уже, туда вместе поедем.

— Туда я не поеду,— упрямо заявил Виктор.

Лариса аккуратно сложила на столе в стопку все папки и бумаги.

— Вот и все его дела. Они тут в порядке. Я сама следила... помогала ему,— сказала она, подвигая эту стопку председателю колхоза, сидящему тут же за столом.

— Ах, дурень, дурень!.. Что он натворил,— с огорчением покрутил головой председатель.— А старика так до сих пор и не нашли?

Лариса кивком головы подтвердила это.

Кроме Ларисы и председателя в хате были Вася, Ольга, мать Ларисы, кузнец, немой и еще кое-кто из колхозников. Тут же стоял и Шандыбович.

— Так кого же мы сейчас бригадиром выберем? — спросил председатель, обращаясь к остальным.

— Можно было бы его,— кузнец указал на Васю,— так он в армию уходит осенью.

— Может быть, Шандыбовича? — бросил от порога кладовщик.

— Ну, нет, дорогой! — категорически запротестовал председатель.— С ним у нас особый разговор будет.

— Товарищ председатель, а чем плохо бригадир из Ларисы? — предложил Вася.— Честнее не найдешь.

— А что? Она и тогда, при Викторе, половину работы за него делала,— подтвердила Ольга.

В это время распахнулась дверь и в хату вбежал паренек — известный нам барабанщик Степа.

— Лариса! Лариса! Нашли! Старика нашли!

Лариса подбежала к нему.

— Где он? Что с ним?

— Он в Каменке, в лечпункте... Каменцы нашли отаву

косить и в болоте его нашли. Еле не утонул,— сообщил Степа.

Лариса накинула на плечи куртку, схватила с шестка платок и, расталкивая людей, выбежала из хаты. За ней устремился и немой.

Лариса бежит по улице.

Вот она торопится, еле переводя дыхание, по лесной дороге.

По этой же дороге спешит на подводе немой. Он догоняет Ларису. Она садится в телегу.

Врачебный пункт в Каменке.

В небольшой палате три или четыре кровати, и только одна из них занята, та, которая стоит в углу возле окна. Там лежит Данила абсолютно безразличный ко всему окружающему. Он уставил безучастный взгляд в потолок. Данила даже головы не повернул, не пошевельнулся, когда услышал, как открылась дверь и в палату вошли врач и Лариса с немым в халатах. В этом мире для него уже все было безынтересным.

Лариса подошла к кровати...

— Тата...— позвала она.

Данила медленно повернул голову. В глазах на какое-то мгновение загорелся радостью огонек и тут же погас. Снова тот же взгляд, то же безразличие, бесстрастие.

— Тата, вам плохо? — Лариса просто не знала с чего и как начать разговор.

Старик снова молча повернул голову и уставился в потолок. Он с усилием сдержал тяжелый вздох.

— Я приехала... вот мы приехали,— Лариса обернулась, указывая на немого,— за вами. Доктор говорит, что можно забрать домой.

Старик покачал головой.

Лариса обернулась к немому, как бы прося у него поддержки. Немой подвинулся ближе к кровати.

— Нет, не пойду я домой. Нет у меня дома,— наконец заговорил старик.

— А куда же вы?.. А как же вы?

— Никуда... Вот хотел в Заболотье... Там у меня была двоюродная сестра. Коли жива, так примет...

— Тата! Может, я обидела вас?

— Нет, ты не обидела. Ты хорошая. Только не могу я...

— А как же мне? Как же я?.. Вы ушли, Виктор тоже... бросил...— Лариса заплакала. Старик посмотрел на

невестку, но ничего не сказал. Он только кивнул головой, как бы говоря: я ждал от него этого.

— Ушел из дому... Я без вас тоже домой не вернусь,— Лариса присела на кровать.

— Нет, дочушка. Хоть и жалко мне тебя, только... Даже и не проси,— старик подобрел, но не соглашался возвращаться домой.— Не к чему мне возвращаться. Ушел, говоришь, он?.. Ну, что ж... Судьба наша такая. Ты молодая еще, хорошая, проживешь, не пропадешь одна... А я уже как-нибудь... Мне не долго осталось,— у старика задрожала борода, как у ребенка перед плачем.

— Если бы одна... А то... не одна уж я...— несмело призналась Лариса и отвернулась.

Данила сначала не понял ее слов, но потом догадка резанула его мозг. Старик быстро повернул голову к Ларисе, даже привстал, глаза его быстро и тревожно прощупали всю ее фигуру.

— Не одна? — Данила уже сел на кровати.— Ежели... Так ты не бойся. Ты не думай. Я тебя в беде одну не оставлю. Конечно... Вот сейчас и поедем... Ты не бедуй. Мы не пропадем. За твою ласку, за твою теплоту... Доченька, я тебя не оставлю,— старик одну руку положил на плечо Ларисе, а другой гладил ее голову.

Немой как-то неестественно улыбался и одобрительно кивал головой своему другу.

Снова кабинет председателя колхоза. Перед столом как подсудимый сидит Виктор, опершись на колени локтями. Он не осмеливается поднять глаза на председателя. А тот безжалостно отчитывает Виктора.

— Пропадешь ни за понюшку табаку. Никаких документов, никаких справок я тебе выдавать не думаю. Понятно? Иди домой, на колени встань перед ними и проси прощения, если в тебе еще хоть капля совести осталась. Простят они, прощу и я. Так и знай. А мне с тобой пока не о чем разговаривать. Вот так,— председатель сделал вид, что разговор окончен.

Виктор встал, насунул на голову фуражку и вышел из кабинета.

Глядя себе под ноги, Виктор с чемоданчиком идет по улице своей деревни. Вот он глянул исподлобья и в нерешительности остановился против своего двора. У него, как видно, не хватало ни силы воли, ни смелости войти в свой

дом. Он поставил чемоданчик у ноги. Неизвестно, сколько бы он так стоял, а может быть, так и не зашел бы домой, снова сбежал бы, но решиться помогла... Катя. Она подошла к нему и спросила не то с иронией, не то с сочувствием:

— Что? Боишься зайти или... душе противно?

Виктор взглянул на нее и отвел глаза в сторону.

— Если что, так... Слышишь, Витя...

— Подожди ты,— не дал ей договорить Виктор и пошел в дом. Правда, он, кажется, не те слова подобрал. К его интонации больше подходили слова «отстань ты». Но Катя провела его в дом глазами и, когда он скрылся за дверью, сказала просто и искренне:

— Хорошо, я подожду.

Она не ушла. Нет, осталась стоять, будто действительно собралась ждать его тут.

Через минуту из хаты вышел немой, взял чемоданчик и пошел в избу.

Сакавік, 1957

КАНДРАТ КРАПІВА — НАРОДНЫ ПІСЬМЕННІК

СЦЭНАРЫЙ ДАКУМЕНТАЛЬНАГА ФІЛЬМА

Свой кароткі расказ пра народнага пісьменніка Беларусі, выдатнага сатырыка Кандрата Кандратавіча Крапіву мы пачнём так:

Выбух смеху. Перад намі тэатральная зала. Рагочуць людзі, смяюцца да слёз. Смяюцца рабочыя, смяюцца калгаснікі, смяюцца вучоныя і інжынеры, маладыя і пажылыя. Смяецца народ...

На сцэне тэатра імя Янкі Купалы ідзе спектакль «Хто смяецца апошнім». *(Можна выбраць урывак з фільма «Хто смяецца апошнім».)* Выклікаюць гэты смех слабасці чалавечых характараў, перажыткі мінулага, якія яшчэ бытуюць у нашым асяроддзі. Хто ж іх падмеціў, хто іх вывеў на сцэну для асмяяння? Хто гэты чалавек, які прынёс людзям столькі весялосці, эстэтычнай асалоды?

Вось ён — высокага росту дзядзька, заўсёды задуменны, пахмуры, нават суровы. Кандрат Кандратавіч ходзіць паміж градак невялікага агародзіка на сваёй дачы. Ён любуецца прыгожымі кветкамі, ягадамі, гароднінай — любуецца тым, што прыносіць людзям карысць, упрыгожвае чалавеку жыццё. Як клапатлівы і ўважлівы гаспадар, ён абводзіць позіркам кусцістую зеляніну. І вось яго вострае вока заўважыла непарадак. Каля клубнічнага куста з чырвонымі сакавітымі ягадамі прыстроіўся паразіт — асот. Нахіліўся стары, цяпнуў матыжкай, выцягнуў з коранем асот і са злосцю выкінуў за плот. У Кандрата Кандратавіча гэта прафесійная рыса: як пісьменнік-сатырык ён не любіць пустазелля, выкарчоўвае ўсё тое, што перашкаджае расці маладому, прыгожаму, карыснаму, светламу.

Пасля кароткага адпачынку Кандрат Кандратавіч пакідае агарод і ідзе ў свой кабінет працаваць. Садзіцца за стол, на якім ляжаць стосы паперы і рукапісаў. Уважліва нешта чытае, правіць.

Пакуль ён працуе, пералістаем гэты альбом. *(З дазволу гаспадара.)* Ад Кандрата Кандратавіча, які працуе за сталом, кінакамера спанараміруе па пакоі. Спыніцца на фатаграфіі на сцяне альбо на *альбоме.*

Амаль сорак год таму назад Кандрат Кандратавіч Атраховіч прыйшоў у літаратуру разам з імі — маладымі хлопцамі з вёсак і рабочых ускраін. На фатаграфіі мы ўбачым маладога яшчэ Кандрата Кандратавіча сярод такіх жа маладых, па-вясковаму апранутых хлопцаў. Многія з іх сталі вядомымі пісьменнікамі: Кузьма Чорны, Паўлюк Трус, М. Лынькоў, П. Броўка, П. Глебка, Максім Лужанін, М. Чарот, А. Александровіч.

Вёска Нізок, дзе нарадзіўся Кандрат Крапіва.

Вось у гэтай вёсцы Нізок на Уздзеншчыне нарадзіўся і правёў сваё маленства народны пісьменнік Беларусі Кандрат Кандратавіч Атраховіч.

Вёска Каменка і вёска Астравец, дзе ён настаўнічаў пасля дэмабілізацыі з радоў Чырвонай Арміі.

Вялікая Кастрычніцкая рэвалюцыя абудзіла духоўныя сілы беларускага народа.

Магчыма, вось так, як гэтыя хлопцы, прыйшоў малады паэт у Мінск са сваімі першымі творамі.

Можна скарыстаць кадры з камсамольскай кінанавелы. Па прасёлках ідуць вясковыя хлопцы з клункамі за плячыма. Ідуць у горад па навуку, у пошуках новага жыцця.

Першыя сатырычныя вершы і фельетоны Крапіва надрукаваў у газетах «Красноармейская правда» і «Савецкая Беларусь» у 1922 годзе. Верш «Крапіва» тлумачыць сатырычную сутнасць псеўданіма пісьменніка, з'яўляецца яго літаратурнай праграмай.

Старонкі газет «Красноармейская правда» і «Савецкая Беларусь» з вершамі Кандрата Атраховіча: «Жылі-былі», «Што я бачыў на «Трэку», «Плеткары», «Малітва па-беларуску». Верш «Крапіва» (газета «Савецкая Беларусь» № 289 за 1922 год).

КРАПІВА

Я ў мастацкім агародзе
Толькі марная трава.

А якая? — смех, дыйі годзе:
Я — пякучка-крапіва.

Я расту вось тут пад плотам
І не так даўно ўзышла,
А ўжо многім абармотам
Рукі-ногі папякла.

Хто палез за агуркамі,
Хай той посіць пухіры —
Мяне голымі рукамі
Асцярожна, брат, бяры.

Хто сустрэўся быў са мною,
Дакрануўся раз ці два,
Дык той ведае ўжо, хто я:
Я — пякучка-крапіва.

Нават першыя творы Кандрата Крапівы карысталіся шырокай папулярнасцю ў народзе, асабліва сярод моладзі.

Бібліятэка. Чытачы бяруць першыя зборнікі баек і вершаў Крапівы: «Асцё», «Крапіва», «Біблія».

На самадзейнай сцэне хлопец у чырвонаармейскім шлёме дэкламуе верш «Чырвоная мятла добра мяла». І як ілюстрацыю да радкоў верша можна скарыстаць сатырычныя плакаты часоў грамадзянскай вайны на царскіх генералаў і адміралаў — Дзянікіна, Калчака, Урангеля, Юдзеніча і белапольскіх акупантаў. Можна выкарыстаць таксама і фрагменты з фіналу кінакарціны «Валачаеўскія дні».

ЧЫРВОНАЯ МЯТЛА ДОБРА МЯЛА

Адусюль паналяцелі
На здабычу груганы,
Вольнай волі захацелі
Вочы выклеваць яны.

Вось вядома ўсяму свету,
Чарнаморскі адмірал
Пра вайною на Саветы —
Войска моцнае сабраў.

Мы ж расправіліся з гадам —
Не пабачыў ён Масквы:

Той штыком, а той прыкладам —
І Калчак — без галавы.

Вось якраз такім жа родам
Браў Юдзеніч Петраград,—
К нам палез са ўсякім збродам,
Потым сам жа быў не рад:

Генеральскімі рукамі
Прыхапіў разбіты нос
І з мяшэчкам за плячамі
Ногі ледзь ад нас унёс.

Неўзабаве тут за ім
І Дзянікін,— вось ён, вот,—
З афіцэрамі сваімі
На Маскву разявіў рот.

Не Маскву яму, а дулю! —
Не збылося, як хацеў:
Мы пяро яму ўваткнулі.—
Ён ад нас і паляцеў.

Не адзін аб троне марыў.
Вось і Врангель, фон-барон,
Гэткім самым жа макарам
Сесці мерыўся на трон.

Мы ж не цацкаліся з гадам,
Не зважалі, што барон,
У галёш падбітым задам
Неўзабаве сеў і ён.

Вострае сатырычнае слова Крапівы было грознай зброяй супраць забабонаў, невуцтва і цемрашальства-папоўшчыны. Не адзін цвік забіты сюды сатырычным словам Крапівы.

«Кінь, Ілья, пустое дзела!
Твая тэхніка ўстарэла.
Ну якая ў тым патрэба,
Што калоціш часам неба?»

Па вясковай вуліцы ідзе група моладзі і пад гармонік задорна спяваюць «Камсамольскія прыпеўкі» К. Крапівы. Звоняць царкоўныя званы, але група моладзі праходзіць міма царквы. Царкоўныя дзверы накрыж забіты

дошкамі. Зачынена царква і пустая паперць. На гэтым фоне чытаецца верш «Устарэлая тэхніка».

Творчасць Крапівы садзейнічала станаўленню новай сацыялістычнай культуры ў вёсцы і горадзе.

Дзеці ўваходзяць у гасцінна расчыненыя дзверы школы.

Вечарэе. Людзі ідуць у клубы, у Дамы культуры.

Ад паэта-сатырыка даставалася на арэхі бюракратам і падхалімам, п'яніцам і растратчыкам, буржуазным нацыяналістам і перараджэнцам, двурушнікам і ворагам народа.

Мультыплікацыі на тэму байкі «Жаба ў каляіне».

Мімічная сцэна на тэму «Дзед і баба». Акцёр чытае байку «Дыпламаваны баран».

ДЫПЛАМАВАНЫ БАРАН

Байка

У адным сяле (не важна — дзе)
Хадзіў Баран у чарадзе.
Разумных бараноў наогул жа нямнога,
А гэты дык дурней дурнога —
Не пазнае сваіх варот:
Відаць, што галава слабая.
А лоб дык вось наадварот —
Такога не страчаў ніколі лба я:
Калі няма разумніка другога,
Пабіцца каб удвух,
Дык ён разгоніцца ды ў сцену — бух!
У іншага дык выскачыў бы й дух,
А ён — нічога.
І вось за дурасць гэту
Яго вучоным раз празвалі нейк насмех,
І каб двара не перабег,
На шыю прывязалі мету:
— Вось,— кажуць,— і дыплом табе.
Што гэта за «дыплом», Баран — ні «мя», ні «бэ»,
Аднак жа перад Кошкаю пачаў ён ганарыцца:
— А што ж ты думала, сястрыца!
Хіба мне пахваліцца няма чым?
Дыплом я заслужыў, здаецца ж, галавою,
І не раўнуйся ты са мною.
— Аб гэтым лепей памаўчы,—
Сказала яму Кошка.—
Каб ты быў разумнейшым трошка,

Ды розумам раскінуць мог авечым,
То ўбачыў бы, што ганарыцца нечым,
Бо заслужыў ты свой дыплом
Не галавой, а лбом.

Другі баран — ні «бэ», ні «мя»,
А любіць гучнае імя.

Багаты папярэдні вопыт паэта-сатырыка найбольш ярка і змястоўна выявіўся ў п'есах Крапівы.

Разгортваецца афіша п'есы «Канец дружбы».

Па вуліцы горада праходзяць людзі, спыняюцца каля афішы, у якой паведамляецца, што тэатр імя Янкі Купалы паставіў спектакль па п'есе К. Крапівы «Партызаны». Урывак з п'есы «Партызаны».

Даніла. Дзядзька Батура, ты можаш знайсці такога чалавека, які б даставіў адну пісульку начальніку павета пану Яндрыхоўскаму? Трэба зрабіць так, каб яна неўзаметку ў яго на стале апынулася.

Батура. А калі гэта трэба?

Даніла. Заўтра. Як мага хутчэй, а то мы спазніцца можам.

Батура. Ёсць у мяне адна жанчына.

Даніла. Вось і добра.

Халімон *(шпарка падыходзіць да Данілы)*. Так што даставілі ў спраўнасці, начальнік.

Даніла. Давайце сюды.

Халімон. Міхаль, каб ты спруцянеў, што ты там марудзіш?

Міхаль *(з цемры густым басам)*. Ісці не можа ад страху.

Халімон. То нясі.

Міхаль. Нясу. *(Праз хвіліну, абхапіўшы ўпол, нясе паню Яндрыхоўскую. У яе звязаны назад рукі, а рот заткнёны канцом шаля.)*

Даніла. Нашто рот заткнулі?

Міхаль. Вішчэла, як свіння ў плоце.

Даніла. А рукі?

Халімон. Дзярэцца, каб яна напрэла.

Даніла. Развяжыце.

Міхаль развязвае з рук папружку і надвязвае ёю сабе штаны. Халімон вымае з рота шаль.

Пані Яндрыхоўская. В іме ойца і сына свентэго духа, амэн. Матка боска, дзе ж гэта я?

Даніла. У мяне ў гасцях.

Пані Яндрыхоўская. А вы — начальнік?

Даніла. Начальнік.

Пані Яндрыхоўская. Ваш твар... я вас недзе бачыла, але цяпер... нічога не памятаю.

Даніла. Завуць мяне Даніла Дрыль. Мы, здаецца, знаёмы.

Пані Яндрыхоўская абамлела.

Дзед Бадыль. Хе-хе. Відаць, што знаёмы.

Халімон. Міхаль, давай дзікалону, пані выпрудзілася.

Міхаль. Дзе я табе вазьму?

Халімон. Пад вываратам... Цэлая лужына. *(Міхаль пайшоў.)*

Халімон *(прыкладае вуха да грудзей пані)*. Жывая, сэрца дрыгае.

Міхаль прыносіць у шапцы ваду. Халімон мачае руку і пырскае пані ў твар. Яна лыпае вачыма і павольна садзіцца.

Дзед Бадыль. Папырскаў бы яе, гадаўку, як яна нас пырскала.

Пані Яндрыхоўская *(становіцца на калені і сашчэплівае рукі)*. Божа літасцівы! Малюся табе, як сын твой маліўся ў садзе Гефсіманскім. Калі можна, хай абміне мяне келіх пакуты гэтай. Нашлі агонь нябесны, хай грымне пёрун і спапяліць ушчэнт нягоднікаў, што паднялі руку на верную служку тваю.

Дзед Бадыль *(замахваецца кіем)*. Ах, поскудзь! Вось як трахну, дык будзе табе і пёрун!

Даніла. Чакай, дзед. Мы ўсё зробім па парадку.

Пані Яндрыхоўская. Волесь, дзецко мое. Бывай навекі!

Даніла. Не памірай, пані, ты нам патрэбна.

Пані Яндрыхоўская. На здзекі? Лепш смерць.

Даніла. Мы караем, але не здзекуемся... Болесь — гэта ваш сын, начальнік павета?

Пані Яндрыхоўская. Мой сын.

Даніла. Гэта тое ваша дзецко, ад якога ўвесь павет стогне? *(Пані Яндрыхоўская маўчыць.)* Вы ведаеце, што ад яго ўвесь павет стогне?

Пані Яндрыхоўская. Мой сын выконвае тую місію, якую ўсклала на яго айчызна.

Дзед Бадыль. Пачакай, мы яшчэ патаўком яму гэту мысію.

Даніла. А па паню таксама айчызна ўсклала місію — народ катаваць?

Пані Яндрыхоўская. Я слабая кабета, я не магу нікога катаваць.

Халімон. Ах, каб ты папрэла, слабая! Міхаль, пакажы ёй, як япа цябе размалявала.

Міхаль *(з сур'ёзам распяразвае папружку. Гледзячы на Данілу).* Паказаць?

Даніла. Не трэба. Пані і так добра памятае.

Дзед Бадыль. Сама ж на стайні была, здаецца.

Даніла. А без хлеба і без прытулку пані людзей пакінула, з торбамі пусціла — гэта таксама ад слабасці ды ад вялікай дабраты? *(Пані Яндрыхоўская маўчыць.)* А ў турмы пазасаджвала... Дык вось што, пані... За здзекі з людзей, за катаванне я вас... асуджваю па смерць.

Пані Яндрыхоўская закрывае твар рукамі, ногі яе слабеюць.

Халімон *(падтрымлівае паню).* Стой, каб ты папрэла, чаго валішся без пары.

Даніла. Але я дарую вам жыццё, калі вы зробіце адну рэч.

Пані Яндрыхоўская. Калі гэта ў маіх сілах.

Дзед Бадыль *(Данілу, узрушаны).* Як гэта ты даруеш? А калі я не дарую? А калі твая маці, нябожчыца, не даруе?

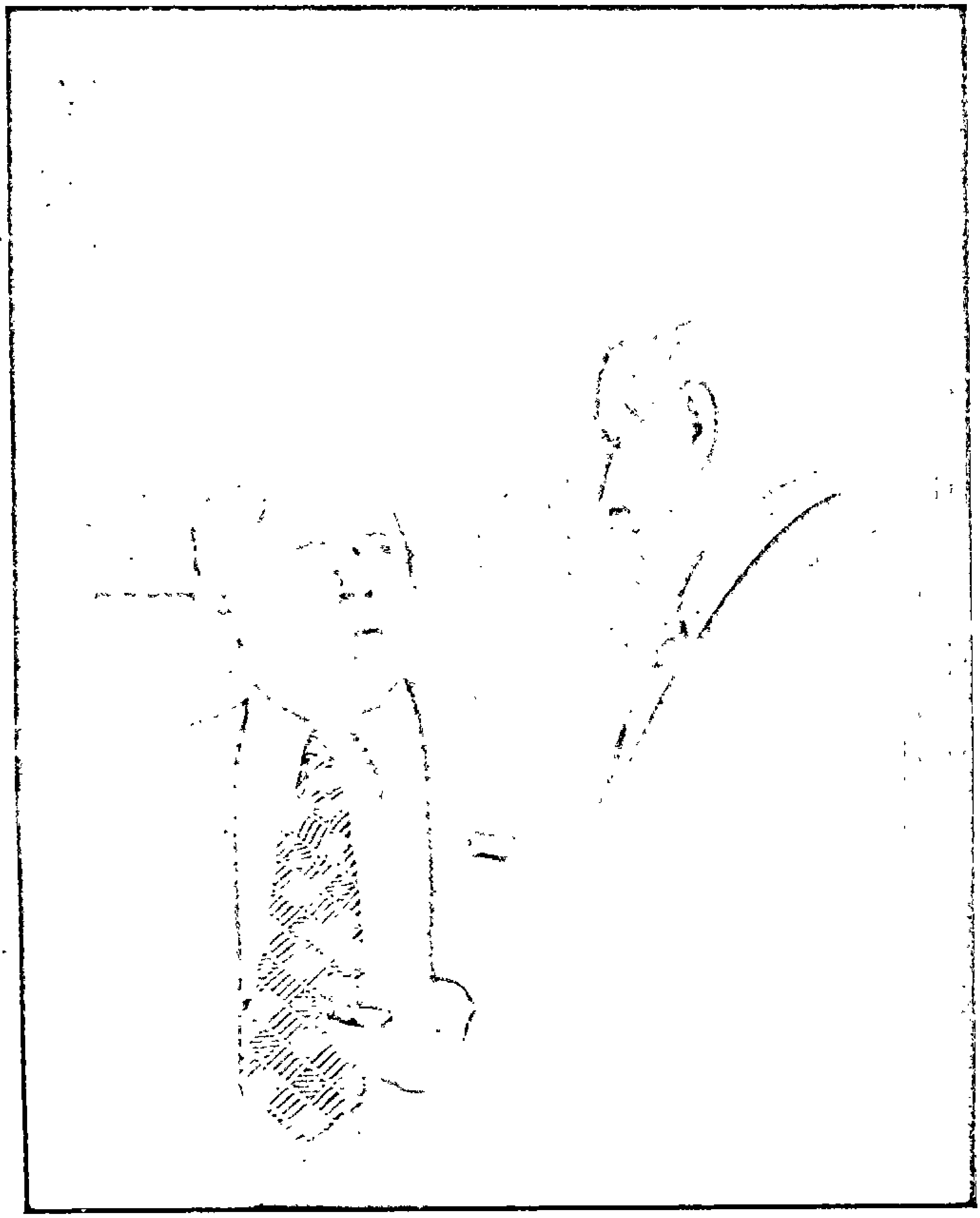
Даніла. Не гарачыся, дзед, даслухай да канца. Я кажу так не таму, што шкадую гэту гадзіну, а таму, што хачу выратаваць людзей, якіх чакае смерць. *(Да пані.)* У лапах вашага сына знаходзяцца тры мае партызаны. Іх чакае расстрэл. Дык напішыце сыну свайму, гэтаму сукіну сыну, начальніку павета пану Яндрыхоўскаму, каб ён іх зараз жа выпусціў. Напішыце таксама, каб ён выпусціў тых сялян, якіх вы засадзілі ў турму, і вярнуў ім усе страты. Не забывайце, што з вамі будзе, калі я не выратую гэтых людзей.

Пані Яндрыхоўская. Але ж гэта справа дзяржаўная, сын мой можа мяне і не паслухаць.

Даніла. Пішыце так, каб паслухаў. Слязу пусціце. Вы гэта ўмееце, вучыць вас не трэба. Вось вам папера і аловак. *(Бярэ ў будане паперу і аловак і падае пані Яндрыхоўскай.)*

Халімон. Проша, пані, да стала. *(Бярэ Яндрыхоў-*

Андрэй Макаёнак і Анатоль Вярцінскі —
дэлегаты VII з'езда пісьменнікаў Беларусі.
1976 год.



Андрэй Макаёнак з дачкою Алай.
3 ліпеня 1969 года.

скую пад руку, падводзіць да пня і садзіць на купіну.) Крэсла хоць крыху запіхкае, але мяккае.

Д а п і л а. Пішыце, я чакаю...

Больш дваццаці год красуецца гэта афіша на вуліцах Мінска, а спектакль «Хто смяецца апошнім» з'яўляецца жамчужынай у рэпертуары тэатра імя Янкі Купалы.

Небываламу поспеху спектакля садзейнічалі выдатныя майстры сцэнічнага гумару Глеб Паўлавіч Глебаў, Л. Р. Рахленка, Б. В. Платонаў, Л. І. Ржэцкая.

Афіша. «Хто смяецца апошнім».— 300-ты спектакль.

Перад тэатрам група акцёраў, сярод іх народныя артысты СССР Глебаў, Платонаў, Ржэцкая, народныя артысты БССР Рахленка, Бірыла. Потым мы пабываем у грыміровачных акцёраў Глебава, Рахленкі, Платонава, Ржэцкай.

Урывак са спектакля «Хто смяецца апошнім».

Т у л я г а *(уваходзіць нясмела)*. Вы мяне клікалі, Аляксандр Пятровіч?

Г а р л а х в а ц к і. Я, Мікіта Сымонавіч, хацеў сказаць вам адну рэч, ды не ведаю, ці варта. Уласна кажучы, і гаварыць я не маю права.

Т у л я г а *(спужана)*. Што-небудзь для мяне непрыемнае?

Г а р л а х в а ц к і. Не скажу, каб гэта было вельмі прыемна для вас.

Т у л я г а *(калоцячыся)*. Аляксандр Пятровіч, родненькі! Што ж такое?

Г а р л а х в а ц к і. Прыходзілі, пыталіся пра вас.

Т у л я г а. Пра мяне?

Г а р л а х в а ц к і. Так. Кажуць, у вас працуе тут нейкі Туляга. Чалавек нявысветлены.

Т у л я г а *(са страхам)*. Нявысветлены?

Г а р л а х в а ц к і. Ці не вядзе ён, кажуць, тут якойнебудзь падрыўной работы і ці праўда гэта, што ён дзянікінскі палкоўнік?

Т у л я г а. Палкоўнік?

Г а р л а х в а ц к і. Так. І прозвішча палкоўніка называлі, але я забыўся.

Т у л я г а. Не Падгаецкі?

Г а р л а х в а ц к і. Здаецца, Падгаецкі.

Т у л я г а *(хапаецца за галаву)*. Ай, ай! Дайшло-такі! Каб яна праваліліся з сваім языком! Прасіў жа не гаварыць нікому.

Гарлахвацкі. А вы каму-небудзь расказвалі на сакрэту сваю біяграфію?

Туляга. Паверце, Аляксандр Пятровіч, што ўсё гэта выдумка ад пачатку да канца. Я палкоўнікам ніколі не быў.

Гарлахвацкі. Ну, можа, падпалкоўнікам. Справа ж не ў гэтым.

Туляга. І падпалкоўнікам не быў.

Гарлахвацкі. А чаго ж вы былі ў Дзянікіна?

Туляга. Я не ў Дзянікіна, а ў варонежскай гімназіі настаўнікам быў.

Гарлахвацкі. А я вас, помніцца, бачыў недзе на фатаграфіі... у палкоўніцкай форме.

Туляга. Вы, мусіць, бачылі палкоўніка Падгаецкага. Ён быў падобны да мяне.

Гарлахвацкі. Іначай кажучы, ваша сапраўднае прозвішча Падгаецкі? Вы тут пад чужым прозвішчам?

Туляга. Што вы, Аляксандр Пятровіч! Я і на свет нарадзіўся Тулягам. І дзяды і прадзеды мае былі Тулягі...

Гарлахвацкі. Значыць, вы ў Дзянікіна былі пад чужым прозвішчам?..

Туляга. І там я быў Туляга. Я ж кажу,— настаўнікам быў.

Гарлахвацкі. Як жа вы з Беларусі аж там апынуліся?

Туляга. Ад немцаў уцякаў. Як немцы ў 1915 годзе Баранавічы ўзялі, дык я і пераехаў.

Гарлахвацкі. Ну, гэтыя казкі вы расказвайце сваёй бабулі. Ніхто ім не паверыць.

Туляга. Як жа мне гэта даказаць? Да каго звярнуцца? Навучыце, Аляксандр Пятровіч.

Гарлахвацкі. Дакажыце сваёй працай.

Туляга. А як жа з палкоўнікам быць?

Гарлахвацкі. Гэта мы без вас высветлім.

Туляга. Значыць, толькі працаю?

Гарлахвацкі. Працаю і паводзінамі. Што да працы, дык я прапаную вам заняцца палеанталогіяй.

Туляга. Палеанталогіяй? Чаму палеанталогіяй?

Гарлахвацкі. Я хачу, каб вы працавалі пад маім непасрэдным наглядам.

Туляга. Што ж я буду рабіць пад вашым наглядам?

Гарлахвацкі. Мы будзем з вамі пісаць навуковую працу.

Туляга. Мы з вамі? Удвух?

Гарлахвацкі. Так. Вы напішыце, а я прачытаю, праверу. Пасля мы яе зачытаем на савеце, апублікуем.

Туляга. За нашымі подпісамі?

Гарлахвацкі. Не. Вы ж разумееце, што ставіць сваё прозвішча побач з вашым мне нязручна.

Туляга. Значыць, толькі за маім подпісам?

Гарлахвацкі. Не, толькі за маім.

Туляга. Значыць, напішу працу я, а яна будзе лічыцца вашай?

Гарлахвацкі. Гэта зусім не важна, чыёй яна будзе лічыцца. Важна тое, каб гэта праца не прапала для грамадства. Прозвішча ваша можа яе скампраметаваць.

Туляга. Ага, разумею... Толькі я хацеў запытацца ў вас, ці не будзе гэта... подласцю?

Гарлахвацкі. Вы забываецеся, гаспадзін палкоўнік!

Туляга. Выбачайце, я не вас меў на ўвазе. Я кажу, ці не будзе гэта подласцю з майго боку?

Гарлахвацкі. Ну, ваш бок мяне мала цікавіць. Скажыце, вы згодны так працаваць?

Туляга. Дазвольце мне падумаць.

Гарлахвацкі. Дзве мінуты. *(Прайшоўся па пакоі.)* Я ведаю, што вы думаеце. Вы думаеце, а што, калі расказаць пра гэта сакратару парткома Левановічу альбо Веры? Праўда, думаеце так?

Туляга. Прызнаюся, прыходзіла мне ў галаву такая думка.

Гарлахвацкі. Дык выкіньце яе з галавы. Яна вас загубіць. Сведак у вас няма, ніхто вам не паверыць, а павераць мне. І мне няцяжка будзе даказаць, што гэта паклёп, вылазка дзянікінца. Тады трымайцеся! Варта мне толькі зняць трубку, пазваніць — і ваша песенька спета. *(Туляга сядзіць прыгнечаны.)* Ну дык як? Згодны?

Туляга *(прыгнечаны)*. Згодзен.

Гарлахвацкі. Даўно б так. А цяпер наконт працы... Я думаю, што нам гэта дрэнь не падыдзе. *(Паказвае на косці маманта.)* Мамантаў цяпер сталі чуць не хатняй жывёлай. Трэба знайсці нешта новае.

Туляга. Новае тут цяжка знайсці.

Гарлахвацкі. Знойдзеце, вы толькі пашукайце добра. А я аб'яўлю, што пішу працу на тэму: «Новы від дагістарычнай жывёлы». Дагаварыліся?

Туляга *(слабым голасам)*. Дагаварыліся. *(Выходзіць прыгнечаны.)*

Г а р л а х в а ц к і *(адзін).* Гатоў. Цяпер хоць ты з яго вяроўкі ві.

За гэты спектакль Кандрат Кандратавіч Крапіва і Глеб Паўлавіч Глебаў у 1940 годзе былі ўдастоены звання лаўрэатаў Дзяржаўнай прэміі СССР.

Па-сяброўску гутараць Кандрат Кандратавіч Крапіва і Глеб Паўлавіч Глебаў *(з медалямі лаўрэатаў Дзяржаўнай прэміі СССР на лацканах пінжакоў).*

Мірную стваральную працу савецкага народа парушыў вераломны напад фашысцкай Германіі на нашу Радзіму.

Пачаліся грозныя гады Вялікай Айчыннай вайны.

Мірныя калгасныя палеткі. На палях працуюць трактары. На лугах косяць сена трактарныя касілкі. Пірамідамі ўзвышаюцца па лугах стагі сена. Недзе па гарызонце дымяць заводскія трубы.

І раптам — выбухі бомб.

Пачалася вайна.

Пісьменнік-патрыёт у сваіх творах славіць гераізм партызан і савецкіх воінаў, самаадданых абаронцаў Радзімы, заклікае да бязлітаснай барацьбы з подлымі акупантамі. Гэтай тэме прысвечаны яго п'есы «Проба агнём», «З народам», «Людзі і д'яблы».

Скарыстоўваючы кадры ваеннай кінахронікі, трэба паказаць эпізоды варварскага разбурэння гарадоў і вёсак фашысцкімі разбойнікамі і героіку савецкіх воінаў на франтах Айчыннай вайны.

Варта даць урывак са спектакля па п'есе «Людзі і д'яблы», хоць яна і напісана пазней.

Урывак.

Сваімі байкамі, фельетонамі і подпісамі пад карыкатурамі ў часопісах «Раздавім фашысцкую гадзіну» і «Партызанская дубінка» Крапіва гнеўным сатырычным словам біччуе не толькі фашысцкіх разбойнікаў і чорных здраднікаў, але і тых шкурнікаў і блатмайстраў, якія хаваліся ў тылах, у той час, як лепшыя патрыёты, не шкадуючы жыцця, змагаліся з ворагам за свабоду і незалежнасць Савецкай Радзімы.

Часопіс «Раздавім фашысцкую гадзіну» і «Партызанская дубінка», байкі, фельетоны, вершы, карыкатуры.

Урывак з п'есы «Мілы чалавек».

П р а м е н н ы. Ты сапраўды пішаш гэту камедыю ці толькі дурышся?

Я з в а. Я ўжо да фінішу падыходжу, а ён — дурыцца!

П р а м е н н ы. Па-моіму, нічога ў цябе не выйдзе.

Я з в а. А па-моіму, выходзіць.

П р а м е н н ы. Выйсці-то, можа, і выйдзе, але што гэта будзе за камедыя? Што ты ў ёй паказваеш? Важдаешся ўвесь час з гэтым блатняком і яго кліентамі.

Я з в а. Мая задача — паказаць тыя балячкі, якія часамі з'яўляюцца на нашым здаровым целе.

П р а м е н н ы. Занадта ўжо згушчаны фарбы.

Я з в а. Гэта ў адносінах Жлукты фарбы згушчаны? Ну, ведаеш... У гэтай бочцы пакасці так густа перамешаны прагнасць, подласць, цынізм, пахабства, што больш згусціць ніяк нельга. Не, я з асалодай утыкаю вастрыё свайго пяра ў гэту агідную тушу.

П р а м е н н ы. Ну, няхай Жлукта, а гэтыя ўсе, што карыстаюцца яго паслугамі?

Я з в а. А гэтыя ўсе няхай не крыўдзяцца, калі я зачапляю каго-небудзь з тых, хто стаіць блізка ля яго.

П р а м е н н ы. Але ж іх у цябе шмат... Што скажа на гэта глядач?

Я з в а. Глядач? А вось запытайся ў гледачоў, хіба няма сярод іх такіх, якія не раз карысталіся паслугамі якога-небудзь Жлукты? Ім і не ў галаве, што яны самі сваімі неабдуманымі ўчынкамі памагаюць Жлуктам расці і пладзіцца. Дык няхай жа паглядзяць збоку на сябе ды пасмяюцца, а пасмяяўшыся, падумаюць. Апрача таго, ты яшчэ не ведаеш, чым гэта ўсё скончыцца, і не можаш меркаваць, удалася мая камедыя ці не.

П р а м е н н ы. Як ты ні кажы, а ў ёй няма амаль ніводнага дадатнага вобраза.

Я з в а. Як! А мы з табой?

П р а м е н н ы. Таксама героі!

Я з в а. А чым ты не герой? Добры газетны работнік, былы драматург і будучы паэт. Вобраз, праўда, бледнаваты. Адзіная яркая рыса — гэта тое, што ты чужымі вершамі спакушаеш чужых жонак.

П р а м е н н ы. Тсс.. пачуе.

Я з в а. Маўчу, маўчу... А я ўжо тым герой, што ўзяўся за напісанне гэтай камедыі.

А л я к с а н д р а М і х а й л а ў н а. Клавачка, вы мне прабачце, хачу пагаварыць з Дзям'янам Дзям'янавічам адзін на адзін. *(Цераз сілу ўсміхнуўшыся.)* Думаю, што вы раўнаваць не будзеце?

К л а в а *(абражаная)*. Калі ласка! *(Выходзіць. Аляк-*

сандра Міхайлаўна садзіцца на канапу і закрывае твар рукамі.)

Ж л у к т а. Што з вамі? Можа, вады даць?

А л я к с а н д р а М і х а й л а ў н а. Мне сорамна вам гаварыць.

Ж л у к т а. Што за глупствы? Што мы — першы дзень знаёмы з вамі?

А л я к с а н д р а М і х а й л а ў н а. Я зацяжарыла.

Ж л у к т а. Госпадзі божа мой! Дык чаго ж вы хвалюецеся? Для замужняй жанчыны гэта зусім нармальная рэч.

А л я к с а н д р а М і х а й л а ў н а *(у адчаі)*. Я не магу раджаць! Разумееце? Не магу!

Ж л у к т а. Ну, калі ласка! Арганізуем вам даведку, што вы не можаце раджаць па стану здароўя, і кладзіцеся ў больніцу. Я толькі не ведаю, чаму вы да мяне звяртаецеся. Іван Данілавіч і сам мог бы гэта зрабіць.

А л я к с а н д р а М і х а й л а ў н а. Гэта здарылася без яго.

Ж л у к т а. А-а... Тады ваша становішча сапраўды далікатнае.

А л я к с а н д р а М і х а й л а ў н а. Ратуйце мяне.

Ж л у к т а. Чакайце, чакайце... *(Думае.)* Што ж тут нам прыдумаць? Ён з горада нікуды не едзе?

А л я к с а н д р а М і х а й л а ў н а. Не.

Ж л у к т а. Сваякоў у другім горадзе ў вас няма?

А л я к с а н д р а М і х а й л а ў н а. Няма.

Ж л у к т а. Трэба іх выдумаць і паехаць да іх у госці...

А л я к с а н д р а М і х а й л а ў н а. І што я ў чужым горадзе? Да каго я там звярнуся? Хто паможа?

Ж л у к т а. З вамі паедзе мой памочнік.

А л я к с а н д р а М і х а й л а ў н а. О, не! Ён разбалбоча.

Ж л у к т а. Будзьце спакойны, я ведаю, каго пасылаю. Толькі гэта будзе каштаваць...

А л я к с а н д р а М і х а й л а ў н а. У мяне ёсць залаты гадзіннік, летняе паліто, туфлі. Я скажу мужу, што ў вагоне ўкралі. Што хочаце, толькі выратуйце!

Ж л у к т а. Заўтра я вам скажу, у якім горадзе ў вас ёсць сваякі і калі паехаць у госці.

А л я к с а н д р а М і х а й л а ў н а *(устае)*. Дзякую! Век не забуду вашай паслугі.

Ж л у к т а *(цалуе, потым падносіць руку з гадзіннікам да вуха)*. Цікае. Добры гадзіннік. *(Затрымліваючы руку.)* Гэта вас бог пакараў за вашу ўпартасць.

А л я к с а н д р а М і х а й л а ў н а. Грэх вам здзекавацца з мяне.

Ж л у к т а. А вы ж з мяне здзекаваліся?

А л я к с а н д р а М і х а й л а ў н а. Давайце лепш не ўспамінаць.

Ж л у к т а. А можа, я сам паеду з вамі ў госці да вашых сваякоў? Удваіх мы як-небудзь усцеражом ад зладзеяў ваш гадзіннік і паліто.

А л я к с а н д р а М і х а й л а ў н а. Я ў вашых руках, але не патрабуйце ад мяне гэтага.

Кадры кінахронікі, якія паказваюць перамогі на франтах вайны. Калоны палонных гітлераўцаў, крыжы на могілках. «Эпітафія» К. Крапівы.

ЭПІТАФІЯ

Тут ляжыць высокі чын —
Кубэ, Гітлераў служака.
Пры жыцці быў сукін сын
І загінуў як сабака.

Пасля вызвалення Мінска ад фашысцкіх акупантаў калектыў тэатра імя Янкі Купалы цёпла сустрэў свайго любімага аўтара і яго новую п'есу.

Кадры кінахронікі: вызвалены Мінск.

Кадры кінахронікі. Крапіва чытае п'есу калектыву тэатра імя Янкі Купалы. Паяўляюцца афішы: «Мілы чалавек», «З народам».

Пасля вайны пачынае выходзіць часопіс сатыры і гумару «Вожык», першым рэдактарам якога быў К. Крапіва. Першыя нумары часопіса «Вожык». К. Крапіва ў акружэнні былых супрацоўнікаў «Вожыка»: М. Танк, П. Панчанка, Я. Брыль, А. Волкаў.

Мультыплікацыя на тэму байкі «Дзіця, Вожык і Змяя».

ДЗІЦЯ, ВОЖЫК І ЗМЯЯ

Выхадным днём у сасначку
Жанчына з дзіцём гуляла,
Лягла пад сонца, задрамала,
А небяспека напаткала
Яе маленькую дачку.
З узгорка ўніз вядзе сцяжынка,—

Ідзе па ёй мая Дзяўчынка
Ды ловіць матылькі.
А гэтым часам пры сасонцы
Гадзюка грэецца на сонцы,—
Блішчыць на ёй узор лускі.
Дзяўчынка рада: «Цаца! Цаца!»
І хоча ўжо рукой хапіць.
І «цаца» пачала звівацца,
Ліслівa ціхенька сіпіць:
— Хачу, дзіця, з табой пасябравацца:
Цябе я ласкава, пяшчотна абаўю,
Пазнаеш ты любоў маю.
Аж раптам тут ля самых ножак
Зафыркаў злосна Вожык
І кінуўся адважна па Змяю.
Змяя ўзвілася бліскавіцай,
Зубамі хоча ўпіцца,
Мільгае промнямі лускі,
А ён, узброены іглiцай,
Зубоў зміяіных не баіцца
І рве Гадзюку на кускі.
Дзяўчынка сціснула ад гневу кулачкі.
Крычыць на Вожыка: — Пачвара, недарэка!
Ты цацу сапсаваў маю!
За гэта я цябе наб'ю!
Ты — бека!
— Дзіця,— адказвае ёй Вожык,—
Хоць бека я, калючы, непрыгожы,
Але ж я знішчыў смерць тваю.
Як падрасцеш, ацэніш ты паслугу
І мне падзякуеш, як другу.

Дзіця дзіцём — і розум у яго такі.
Я не дзяцей тут меў на мэце,
А ёсць яшчэ дарослыя дзядзькі
На свеце,
Што і змяю гатовы прытуліць,
Якая іх умее пахваліць.
Такім мілей ліслівы гад паўзучы,
Чым верны друг, хоць і калючы.

Думы народа, яго жыццё былі невычарпальнай крыніцай творчасці Крапівы. Тэматыка яго твораў была заўсёды

свежай, новай, блізкай народу, злабадзённай. Яго часта можна бачыць сярод калгаснікаў і сярод рабочых. Бо ён не толькі пісьменнік, але і народны абраннік — дэпутат Вярхоўнага Савета БССР. Можа, хто-небудзь з іх будзе героем яго новага твора. Яна? А можа, і ён?

Кандрат Кандратавіч гутарыць з калгаснікамі ў вёсцы.

Вось ён праходзіць па полі і гутарыць з брыгадзірам.

Сядзіць каля вясковай хаты на прызбе.

Гутарыць з дзяўчынай.

А можа, сустрэнецца з якім-небудзь п'янчугай ці бюракратам для сатыры.

Назіранні за жыццём, актыўны ўдзел у вырашэнні праблем сённяшняга дня даюць шмат матэрыялу для твораў аб нашым сучасніку.

Кандрат Кандратавіч сядзіць у сваім кабінеце дапазна. Працуе над новым творам.

Гэта новая п'еса Кандрата Крапівы «Пяюць жаваранкі».

На сцэне ідзе ўрывак з п'есы «Пяюць жаваранкі».

Урывак са спектакля «Пяюць жаваранкі».

Спектакль і фільм па гэтай п'есе палюбілі гледачы. Яго бачылі ва ўсіх кутках нашай неабсяжнай краіны.

Аўтар і многія ўдзельнікі спектакля былі адзначаны Дзяржаўнай прэміяй СССР у галіне літаратуры і мастацтва за 1951 год.

Пасля ўрыўка з фільма пакажам аўтара п'есы з групай артыстаў Купалаўскага тэатра, удастоеных Дзяржаўнай прэміі СССР: Дзядзюшку, Саннікава, Платонава, Ржэцкую, Пола.

Кандрат Кандратавіч вядзе вялікую навуковую працу ў Акадэміі навук БССР. З'яўляецца яе віцэ-прэзідэнтам. Зараз ён і паэт П. Глебка закончылі рэдагаванне беларуска-рускага слоўніка.

К. Крапіва ідзе ў Акадэмію навук БССР. Заходзіць у кабінет. Там ён сустракаецца і працуе з Глебкам над беларуска-рускім слоўнікам.

Крапіва з'яўляецца выдатным тэарэтыкам драматургіі і асабліва ў жанры сатырычнай камедыі. І таму драматургам малодшага пакалення вельмі цікава з ім сустрэцца і пагаварыць.

К. Крапіва гутарыць з групай беларускіх драматургаў. (Крапіва праводзіць гутарку, якую трэба зняць сінхронна.)

У 1956 годзе яго горача віталі пісьменнікі, чытачы, гледачы і артысты з ганаровым званнем народнага пісь-

менніка Беларусі, прысвоенага ўрадам за вялікія творчыя заслугі.

К. Крапіва ў прэзідыуме і на трыбуне ўрачыстага сходу, калі адзначалі 60-годдзе пісьменніка.

К. Крапіва стварыў галерэю запамінальных вобразаў і тыпаў, праз якія ён паказаў і гераіку нашых дзён і высмеяў тыя недарэчныя з'явы, якія перашкаджаюць паспяховаму будаўніцтву камунізму ў нашай краіне.

Галерэя вобразаў:

1) Туляга, Гарлахвацкі, Зёлкін, цёця Каця, дзед Бадыль, Пытляваны, Туміловіч, Насця Вярбіцкая, Жлукта, Гудовіч.

Жыве сярод нас выдатны чалавек, хмуры з выгляду, але вясёлы душой. Стоп! Сатырык нешта заўважыў! Сцеражыся бюракрат ці тунеядзец!

К. Крапіва праходзіць па вуліцы горада. Спыніўся, паглядзеў убок. Нешта заўважыла пільнае вока сатырыка.

К. Крапіва ў сваім рабочым кабінеце над рукапісам.

Мы далучаемся да слоў паэта П. Глебкі: «Кандрат Крапіва такое яшчэ прыдумае, што ніякая старасць да яго не падступіцца. І неаднойчы яшчэ мы і пасмяёмся і парадуемся з Кандратам Кандратавічам, як не адзін раз смяяліся і радаваліся дагэтуль». Жадаем яму поспехаў.

Чэрвень, 1961

РОГАТЫЙ БАСТИОН

КИНОСЦЕНАРИЙ ПО ПЬЕСЕ «ЛЕВОНИХА НА ОРБИТЕ»

Холмы, луга. Над ними облака. Скоро вечер. В живописном месте раскинулось большое село.

Диктор. Вот перед вами один из лучших наших колхозов «Восход».

Панорама колхоза, общественных построек. Постукивает движок электростанции на торфе.

Диктор. Любо-дорого смотреть, как самозабвенно трудятся здесь люди...

Кадры трудящихся колхозников.

Диктор. Особенно женщины...

Трудятся женщины.

Диктор. Но... лишь пока не раздается трубный глас...

Слышен рожок пастуха.

Затем мычание коров.

К селу приближается стадо.

Ожили улицы села. Бабы, где бы они ни работали:

на ферме... ...на птичнике... ...в больнице... ...в мастерской... услышав призывное мычание, прекращают работу, снимают халаты, передники, выбегают на улицу, встречают скотину.

На улице — одни бабы. Полно баб. Они переругиваются, пересмеиваются, загоняют скотину к себе во двор, скрываются в хлевах.

Вот бежит и Лушка, встречает огромную корову.

Вечер. Улица села. Гаснут огоньки в домах колхозников. Люди ложатся спать. Где-то гармонь ведет задушевную лирическую мелодию.

По скупо освещенной улице идет пара: девушка и па-

рень. Это Соня и Михаил. Они ищут укромное местечко, где бы можно было уединиться. Свернули к скамеечке под деревом, но... там уже целуются другие.

Михаил и Соня отходят, чтобы не спугнуть ту пару. Проходят мимо высоких заборов, плетней, палисадников. Останавливаются. Соня поднимает голову и ясными, доверчивыми глазами смотрит в глаза своему милому.

— Зоренька,— тихо говорит Михаил.

Вдруг слышится из-за забора другой мужской голос. Он нежно воркует:

— Зоренька моя... красавица... единственная...

Соня и Михаил переглядываются.

Голос продолжает ворковать:

— Не бойся, мы с тобой не расстанемся... Не могу я без тебя, зазнобушка ты моя...

— Никак это отец твой,— прислушавшись, говорит Михаил.

— С кем это он?

Соня зажимает ему пальчиком рот и хихикает, они заглядывают через забор.

Во дворе, из коровника струится электрический свет. А там виднеется Левон, который подкидывает корове сено и нежно гладит ее.

— Ух ты, ласковая... ненаглядная...— нежно воркует Левон. На крыльце стоит, прислушиваясь, с полным ведром в руках его жена Лушка.

— А мне таких слов ты не говорил,— с грустью говорит она и, сплюнув в сердцах, уходит в дом.

— От баба! К корове ревнует! — гордо ухмыляется Левон, подкидывая корове сено.— Маловато у тебя осталось сена, маловато. Но не тревожься. Я тебя не оставлю голодной...

Левон снимает с перекладины полосатую дерюжку, гасит в сарае свет и выходит во двор. Из-за забора слышится смешок, полушепот парня и звонкий поцелуй.

— Кышт! — закричал Левон, взмахивая руками.— От безобразники! Распустили молодежь! Была б это моя дочка...— И негодуя, подкрадывается к забору, выходит на улицу. Но там никого нет. Молодые уже убежали.

Соня и Михаил идут обнявшись по ночной улице. Серпок месяца над ними, как улыбка. А звезды мерцают, лукаво подмигивая молодежи. Они выходят на окраину села. Неподалеку где-то колхозная ферма. Оттуда слышится мычание коров.

Сказочными пирамидами возвышаются стога сена. Соня и Михаил остановились. Целуются. Из-за стога появляется Максим. На нем старый плащ, через плечо дробовик. Он покашливает, чтобы вспугнуть парочку.

Девушка испуганно ойкнула и хотела удрать. Но парень задерживает ее.

— Не пугайся, милая. Это я, батя.

— Это ты, Михаил? Ой, молодец, спуску не дает! Да...— хихикает Максим.— Так ее. Жми!

— Не уходи. Это мой старик. Пусть привыкает. Все равно ведь завтра в загс. За ночь не передумаешь?

— Не...— тихо ответила Соня.— Надоело так...

— В загс? — строго спрашивает Максим.— Кому это ты обещаешь?

— Завтра узнаешь,— отвечает Михаил.

— А ну покажь, кто она такая есть,— Максим приближается к молодым. Но девушка вырывается из рук парня и убегает.

— Самая хорошая,— хвалится Михаил.

— «Хорошая». Самые хорошие, они самые капризные. Подбирай хомут по мерке...

— Я не конь...— слегка обижается Михаил, поглядывая вслед Соне.

— Да уже и не жеребчик. Хоть бы с отцом посоветовался. У меня знаешь какой по этой части опыт? Или я тебе так — пришей кобыле хвост? И с ее родителями надо поговорить.

— Завтра свататься пойдем,— сообщает Михаил отцу и убегает за Соней.

— От мартовский кот,— добродушно съязвил Максим и отправляется в обход стогов. Но вот он заметил в темноте силуэт человека.

— Еще кто-то... Видно, сюда загс перенесли. Один или опять вдвоем? Ну, известное дело, весна: комары и те парами...— Максим притаился под стогом, наблюдает за новым пришельцем.

Человек расстилает дерюжку, еще раз осматривается вокруг и начинает таскать из стога сено. Надергал охапку, уложил в дерюжку и заходит на другую сторону, чтобы нащипать еще.

— Эге-ге, это других сортов, вон ты какой гусь,— сообразил Максим. И вдруг сам с такой же поспешностью, как и воришка, тоже таскает из стога сено. И пока воришка на другой стороне стога, Максим хватает свой охапок се-

на, подбегает к дерюжке, укладывается на нее и прикрывается сеном.

Вор — это Левон — выходит из-за стога, кладет сверху еще клок сена, завязывает в узел углы дерюжки и, посмотрев, не идет ли сторож, хочет подхватить ношу на плечо. Но не тут-то было! Левон еще раз пытается поднять сено, но... валится сам на Максима, схоронившегося в дерюжке. Максим крякнул и выругался.

— Ах ты, торбохват! Ты еще и душишь? — Максим высовывает руку из-под сена и хватает вора за штанину. Левон никак не ожидал такого. Он взвыл от испуга. Вскакивает, вырывается из цепких рук Максима и во весь дух мчится прочь. Максим высвобождается из-под сена и гонится за вором. Перепрыгивая через плетень, через забор, через канаву, спотыкаясь и падая, один убегает, а второй старается настичь. Но старику трудно угнаться за проворным Левоном.

— Стой! Держи его! Держи! Стой, махновец! — орет Максим, поддавая страху Левону. Но вор исчез в темноте. Максим, потеряв из виду Левона, метнулся в одну, в другую сторону и вдруг схватывает вынырнувшего из темноты... председателя колхоза Буйкевича.

— А-а, попался, анархия!..

— Да ты что, сдурел, Максим! Или пьяный?

— Тьфу ты, черт, председатель! — огорчается Максим, узнав председателя.

— Чего шум-то поднял?

Максим. Да тут, видите ли, агрессор было появился на горизонте, так я отпор давал.

Буйкевич. Какой агрессор?

Максим. Сено крал.

Буйкевич. А кто?

Максим. Не узнал в темноте. Удрал.

Буйкевич. Не догнал?

Максим. Куда там! Чмыхнул так, будто ему реактивный двигатель вставили.

Буйкевич. Жаль.

Максим и председатель возвращаются к стогам.

Максим. Собачья у меня должность, товарищ председатель.

Буйкевич. Но и без нее пока нельзя.

Максим. Оно конечно. На все село заведется одна такая шельма, а сторожей нужно штук пять-шесть. И ког-

да они переведутся, лихо на их голову! И чего им не спится?

Буйкевич. Понятно... Коровы это...

Максим. Коровы? Нет... то человек был...

Буйкевич. Я и говорю. Ради своей коровы на все идут. Одно слово — частная собственность! Вот корень зла...

Максим. Поди ж ты! Вроде магнетизма какая? Ночами думаю: какой урон государству эти мазурики! Возьмем город: сколько там магазинов! Тысячи. И возле каждого сторожа торчат. Даже когда воры спят — государству все одно урон. Сторожа-то зарплату все равно получают! Прикидывал я: десятки миллионов нашему брату платят. А за что? Зачем? Выгоднее взять всех жуликов на полное иждивение, платить им вроде пенсии... Дешевле будет. Ведь их меньше, чем сторожей? А?

Буйкевич. Да ведь если бы знать... кто. Вот уже вроде бы все честные.

Поднимает оставленную Левоном дерюжку.

— Это чего?

Максим выхватил ее из рук председателя.

— Отдай, председатель. Это мой боевой трофей! Я по нему вора найду. Ишь ты, распустил руки свои загребущие...

Чья-то рука, свесившись с печи, двигается, как бы загребая сено. Это Левон. Он во сне кряхтит, ворочается, нервно вздрагивает. Не будит его и проникший в хату луч солнца.

В хату входит Лушка, окинула взглядом комнату, присела. Сняла халат доярки, с печи послышался тяжелый вздох Левона.

— Чего ты? — крикнула Лушка.— Все спишь еще? Как с перепоя?

Левон не отвечает.

— Может, заболел? Всю ночь охал.

— Что-то живот схватило,— стонет притворно Левон.

— Съел что-нибудь несвежее или поднял чужое тяжелое,— беспокоится Лушка.

— Да ничего я не поднимал! Ничего! Слышишь, ничего,— сердится Левон.

— Тогда с чего ж ты? Ох не вовремя ты захворал, Левон, не вовремя.

— Да не хворал я... я, не бойся,— растроган и Левон.

— Тогда быстро спускайся с печи! Я что тебе скажу! Такая новость! Услышишь — упадешь...

Левон, полуспустившись с печи, замер, насторожился. У него от нервного тика подергивается щека. Можно подумать, что он подмаргивает жене.

— Какая такая новость?

Лушка. Левонушка, одевайся да патлы расчеши. Сейчас гости придут.

Левон. Какие гости?

Лушка. Сваты.

Левон. Какие сваты такие?

Лушка. К Соньке нашей, дочке.

Левон смотрит на Лушку, как баран на новые ворота, спустившись с печи.

Лушка. Да, Левонушка. Вот и дождались...

Левон. А кто?

Лушка. Мишка-зоотехник.

Левон. Сторожа Максима?

Левона перекосило от такой новости, он снова заморгал.

Лушка. Ну чего ты? Парень он очень хороший.

Левон бочком, бочком отходит от Лушки. Его как бы повело. Он испуганно осматривается по хате, будто ищет щель, куда бы спрятаться. Останавливается в размышлении.

— Ах, чтоб тебе пусто было... А может, оно и к лучшему? Все-таки сват будет.

— Ну, конечно же, к лучшему, Левонушка! — обрадовалась Лушка, поняв, что Левон не против жениха.

Она заглядывает под скамейку, в нишу за веником в углу.

— Левонка! Ты не видел нашу полосатую дерюжку? Люди придут, не обо что ноги вытереть.

У Левона опять появился нервный тик. Он говорит как-то нехотя, запинаясь.

— Чего?

— Чего-чего? Подмаргиваешь чего?

— Разве?

Левон пытается придержать щеку рукой.

— Ты вот что... Ты это... Ты не ищи дерюжку... Я потерял.

Лушка. Как это — потерял? Где же ты потерял?

Левон *(сердито)*. Где, где... Потерял — и все! И коли что, так ты, это самое, не признавайся.

Лушка. Как это — не признавайся?

Левон. А так, не признавайся, и все. Не твоя дерюжка, и баста. Не знаю — и все тут. Ежели найдет кто.

Лушка. Как же не моя, коли она моя! Ой, Левон, что-то неспроста это. Уж не натворил ли ты чего?

Левон. Глупости болтаешь! Что я мог натворить?

Лушка. Ты что-то финтишь. Может, на той дерюжке с чужой бабой забавлялся, а тебя поймали?

После такого подозрения жены Левон совсем смутился.

— Чего чепуху-то городишь? — и, чтобы рассеять подозрения жены, Левон заговорил повышенным тоном, сердито, с раздражением, отстаивая перед женой супружескую непогрешимость.

— Мелочная ты, Лушка! Тут свадьба, — а ты дерюжка! Забудь...

— Это я-то мелочная! — вспылила Лушка. — Это ты, бывало, чтобы бутылку с надбитым горлышком за целую сдать, два часа ее сургучом замазываешь... А тут дерюжка почти новая в полоску! И «не признавайся»!

— Ну, ладно, перевоспитался, значит. Понимаешь, прошу, не признавайся. Значит, надо мне так. Давай костюм!

— Какой тебе? — Лушка открывает шифоньер. — Коричневый или в полоску?

— К черту полоску! — кричит Левон.— Все тебе в полоску! Полосатое! Полосатое!

Испуганная Лушка подает ему другой костюм.

— Вот она! Почти новая в полоску! — как опытный продавец, расхваливает свой товар Максим собравшимся около колодца бабам. — Ничейная, ночью найденная! Кто признается — бери! Мне чужой не надо.

Все бабы тянут к нему руки.

— Э, нет, так не пойдет,— разочарован Максим.— Уговор: у чужой вещи не признавайся, коли хочешь от лиха уберечься.

— Какого лиха? — спрашивает одна из баб.

— А как же. Присваивать чужое — грех.

— Сам же сказал — ничейная! — оправдывается баба.

— А может, она и чейная! — хитро ухмыляется Максим.

Женщины по очереди рассматривают злополучную дерюжку и отходят, потеряв к ней интерес.

— Может, подскажете — чья эта дерюжка, может, видели у кого? — допытывается Максим.— Вернуть надо, человек спасибо скажет...

Но женщины пожимают плечами, не признаются.

Подходит Клава, цветущая женщина, с ведрами в руках. Молча берет из рук Максима дерюжку, рассматривает.

— Ну да, это его,— размышляет вслух Клава.— Я знаю чья,— Клава сворачивает дерюжку и берет себе под мышку.

— Нет, Клавонька, я сам отнесу, ты только скажи чья? Максим вцепился в дерюжку, боясь выпустить ее из рук. Клаву это даже обидело.

— Думаешь, себе заберу? Не веришь? Ну и бери,— обиженная Клава со злом сует дерюжку Максиму и набирает воду из колодца.

— Нет, Клавонька,— я так не думаю. Но ты мне скажи — чья? Чья она? — торопится узнать секрет Максим.

Клава с ущемленным достоинством отворачивается от Максима, подхватывает ведра и идет от колодца. Но Максим уже не мог отстать от Клавы. Он семенит за ней.

— Клавонька, красавица, ты погоди, ты не обижайся. Я ведь знаю, что ты честная,— Максим забегает Клаве наперед.— На, возьми дерюжку, а я твои ведерки понесу.

Клава улыбнулась и, охотно уступив ведра, пошла вперед, неся дерюжку, выступая, как пава.

Домой прибегает Соня. Увидев мать в рабочей одежде, она недовольно упрекает ее.

— Ну, мама! Ну, что же вы! Ведь придут сейчас...

— Я мигом. Я вот-вот...— заторопилась Лушка.

— А мне какое платье надеть? — советуется дочь.

— Рыбка моя! Надень какое он не видел.

— Да, мама,— он все видел...

— Ну? Когда же успел? Ох, хитрая ты дочка, хитрая. Надень тогда его любимое...

Постучали в дверь, и их как ветром сдуло.

— Левон! Левон! — зовет Лушка, убегая в другую комнату. Из другой комнаты выходит Левон. В хату входит Клава. Ее встречает принарядившийся в новый костюм Левон.

— Доброго здоровья,— Левон подает руку соседке.

— Ух ты, какой ты! — кокетливо восхищается Левоном Клава.

За ней появляется Максим, держа за спиной дерюжку.

— Здоров, Левон! — бодро приветствует Максим.

Левон, подмаргивая, протягивает руку Максиму, а тот, не подавая руки, мгновенно выхватывает из-за спины дерюжку и показывает ее Левону.

— Твоя? — и пристально смотрит в лицо Левону.

— Нет, не моя,— говорит заготовленный ответ Левон.

Тут же появляется Лушка.

— Добрый день, хозяюшка! — приветствует Лушку Максим.

— День добрый, Максим, день добрый,— ответила Лушка и, заметив в руках Максима полосатую дерюжку, она будто укололась или обожглась, хотела было улизнуть на кухню или еще куда-то, но ее остановила Клава.

— Лушка! Максим какую-то дерюжку нашел. Не твоя ли?

Лушка неохотно рассматривает дерюжку. Вернее, не рассматривает, а раздумывает, признаться или нет, смотрит на Левона. У Левона опять появляется нервный тик.

Наконец Лушка решается:

— Нет... Не моя...

— А ты разгляди хорошенько, может, и твоя. Что-то похожа,— советует соседка.

— Да что ее разглядывать? Картина это, что ли? — торопливо вмешивается Левон.— Сказано — не наша. А чужое нам не нужно.

Максим укоризненно смотрит на Клаву. Она с недоумением пожимает плечами.

— Тогда извиняйте,— Максим раскланивается с Лушкой и Левоном и выходит из хаты.

Он останавливается на крылечке, размышляя, куда податься дальше, где продолжать поиски.

К крыльцу подходят Буйкевич и Михаил, в праздничной одежде...

— Смотри-ка! А отец твой уже здесь! Сам решил? Не доверяешь мне как свату?

— Да нет. Я по делу заходил. Вот,— Максим показывает на дерюжку.

— Нашел? — посерьезнел Буйкевич.

— Куда там! Никто не признается!

— Ну и шут с ней. Успеем еще. Сейчас есть дело поважнее,— говорит Буйкевич и замечает, что Михаил уже подошел к углу дома и разговаривает с кем-то через окно.

— Куда ты?

— Ну и сын! — восхищается Максим.— Знает, куда надо... прямо в самый корень...

— Михаил! — зовет Буйкевич.— Иди сюда. Подожди

до свадьбы — потом наговоришься. Забыл обычай? И чему это в институтах молодежь учат!

Михаил присоединяется к ним.

Из окна ему машет платочком Соня.

Все трое заходят в дом Левона и с порога низко кланяются.

— Пожаловали мы к вам, дорогие господыня и господарь, по делу первої важности,— торжественно и несколько напыщенно провозглашает Буйкевич.

— Так вы присаживайтесь, пожалуйста,— приглашает Лушка.

Максим хотел присесть, но Буйкевич задерживает его.

— Коли поладим, тогда и сядем,— важно отвечает Буйкевич.

Максим бросает подстилку на стул возле телевизора и становится рядом с сыном. И у старика появляется важность, напыщенность, строгость.

— Пришли мы челом бить вашей светлости. Наш князь-удалец, Михаил Максимович...

— Зоотехник он, вот кто! А не князь,— перебивает Максим.

— Погоди, Максим! Не сбивай с толку... Наш князь-удалец Михаил Максимович на охоту ходил, за куницею следил. А встретил он куницу, красну девицу — сердце екнуло, воспылало молодое, загорелось, завладеть ему куницей захотелось. Князь поставил вопрос, понял суть задачи: нашел, так сказать, главное звено — куницу изловить и в свой теремок-домок на престол посадить...

Во время слов Буйкевича к плетню подходят девушки, зовут за собой парней. На цыпочках подходят к окнам и слушают слова свата-председателя.

— И... по-старому,— недовольно протянула конопатая девушка.— Ну и председатель. Я по-старому не хочу...

— А тебя и по-новому не хотят,— оборвал ее гордый парень.

— Новое еще не придумали,— вздохнула другая девушка.

— А так красивее,— мечтательно проговорила другая.

— Красота в прочности,— заявила другая.

— И верно,— поддержала ее еще одна.— Хоть бы как, да лишь бы прочно...

Буйкевич меж тем продолжал:

— Но куница-проказница зачаровала молодца и сбежала... Он туда-сюда! Ан нет: не найти ему чаровницы.

В это время тихо приоткрывается дверь из соседней комнаты и оттуда выглядывает осторожно Соня.

Михаил замечает ее и вытягивается из-за спины Буйкевича, делая Соне знаки. Но их перехватывает Клава и становится между ними, закрывая телом дверь.

Тогда Михаил устремляет глаза в потолок.

Растроганно слушает слова свата Лушка.

Во время всей этой игры Буйкевич продолжал обряд:

— И пошли мы по свету блуждать, да по людям пытать, куницу искать. А товарищи с фермы нам подсказали, что куницу вы в своем доме сховали. И явились мы к вам бить челом. Не согласны ли вы подобру нам отдать или князю за выкуп ее передать? Или нам доведется ее силой забрать?

— Разве наш теремок для нее не домок? — подхватывает игру Лушка.

— Для вашей куницы есть другая светлица,— упорствует сват.

— И у нас не темница,— ведет игру Лушка.

— Ну завели на полдня...— недовольствует Максим.

— Ой, глядите, добрые люди, заскучает у вас тут куница, зачахнет, завянет. Приведите сюда, да на князя своего пусть разок только глянет.

— Соня! Сонюшка! Иди сюда! — зовет Лушка дочку.

Клава поплыла к двери за Соней.

— Так вы, значит, согласны? Или как? — не терпится Максиму.

— У нас куница не простая, ученая, сама по-человечьи молвить наученая.

Парни и девушки подсматривают через окно, наблюдают за церемонией сватовства.

— Ой, Соню, Соню зовут! — аж визжит от восторга одна из девушек.

И молодежь гроздями прилипает к окну.

— Ух ты-ы! Вот прозевали мы, хлопцы!.. Какую кралю из-под носа утащили! — высказал зависть один из парней.

— Потому что ты не видишь, что у тебя под носом,— упрекает вторая девушка. А буквально у него под носом действительно замечательная красунья-девушка.

В Сониной комнате. Клава наскоро оправила на ней платье и подтолкнула к двери.

— Да уппраїся, уппраїся.

Но Соня быстро вышла к гостям.

Максим даже крякнул от удовольствия, когда увидел, как вошла Соня, нарядная, красивая.

— Да-а, не дурак, не дурак,— Максим толкнул локтем сына.

— Вот, Сонюшка, пришли к нам гости великие,— начала Лушка.

Соня смутилась, покраснела, потупила взор.

— А Михаил чего молчит? Обычай требует, чтобы и жених самолично высказал свою просьбу,— напоминает Левон.

Жених подходит к Соне, берет ее за руку и мягко, ласково просит, хоть эта церемония его и смущает.

— Просим вашего согласия.

Соня хочет согласиться, но ее сдерживает Клава.

— Т-с, обычай такой.

Михаил растерян.

— Как же это? Соня? Чего ты молчишь? Мы же вчера договорились.

— Конечно. Вчера еще все решили,— отвечает Соня, потупив к полу очи.

— Слышите, выходит, наше дело только такое: выпить да закусить,— выражает удовольствие Левон.

— Тебе бы только выпить да закусить,— упрекает его Лушка.

— А чего там волынить? Парень он завидный, зарабатывает прилично, дурного о нем не слыхать. Да и то правда, на ферме он князь.

— Породнился... я там — ух! И ферма своя... Все свояки...

Максим с подозрением смотрит на Левона и кашляет. Потом как бы не замечает ничего.

— Значит, отдаете куницу? — спрашивает Буйкевич.

Лушка и Левон переглядываются, взаимно спрашивая мнение.

— Согласны мы,— отвечает за двух Лушка.

— Ну, значит, вопрос исчерпан! — Буйкевич достает из кармана одну поллитровку и другую. Ставит на стол, будто печатью скрепляя договор.— Подавай рюмки и закусь.

— Сонюшка, помоги мне,— обращается Лушка к дочери.

Левониха с дочерью накрывают на стол. Сваты и жених присаживаются к столу. И только соседка Клава, по-

павшая на это торжество случайно, превозмогая свое желание остаться, собирается уходить.

— Я, пожалуй, пойду, а то... Незваная, непрошеная, а тут такое дело...

— Чего там! Оставайся. Рюмку с нами выпьешь. Соседка ведь,— приглашает к столу соседку Левон. Клава с превеликим удовольствием садиться к столу.

А за окном ликуют девушки и парни. Они затягивают свадебную песню. Но одна из девушек более осведомленная в свадебных обрядах, шикает на подруг.

— Да что вы? С ума сошли? Нельзя это петь. Ведь еще не свадьба! Не полагается!

— Теперь уже всерьез,— говорит один из парней. И в тоне его слышится грусть. Может быть, и он имел виды на Соню.— Уж если сели пить...

Стол уже уставлен снедью. Сваты, жених и хозяева усаживаются за стол. И вдруг Соня замечает полосатую дерюжку на стуле, который она хотела поставить для себя.

— Мама! Вы не нашли лучшего места для этой дерюжки? — с укоризной говорит Соня, недовольная тем, что подстилка-половик, которой место у порога, оказалась на видном месте. Она бросает подстилку к порогу.

Максим окаменел. С грустью и душевной болью он спрашивает у девушки:

— А разве это ваша подстилка? Соня?

— А чья же? — наивно удивляется Соня.

— Неужто ваша? Ты хорошенько посмотри! — Максим еще надеется, что Соня обозналась.

— Еще чего скажете! — говорит Соня, разглядывая полосатую подстилку,— и метила я вот!

После этого потрясенный Максим начал дышать ртом, будто в комнате не хватало воздуха. Левон, предчувствуя разоблачение и великий позор, крепко зажмурил глаза. Лушка, предчувствуя недоброе, растерянно поглядывает то на мужа, то на Максима.

Медленно Максим поворачивается к Левону, надвигается на него грозной тучей.

Левон подмаргивает, встает и готовится к отступлению.

— Чего подмаргиваешь?! — Максим бросается в драку с Левоном.

Но Буйкевич и Михаил, предупреждая скандал, сдер-

живают старика. А Максим сейчас похож на боевого петуха.

— Максим! Ша! Учитывай историческую важность момента! — Буйкевич указал глазами на молодых.— Не упускай главное звено!

— Ой, что звено!

— Тут сено,— шепчет ему Максим.

— Забудь!

— Господыня! Ставь рюмки на стол! Подай закуску! Садитесь, молодые! Занимайте почетное место!

Левон, видя поддержку, гоголем проходит мимо Максима и, взяв кончиками пальцев подстилку, бросает ее в сени.

— Мелкособственнический ты империалист! — разозлился Максим.

Это уже оскорбило Левона.

— Ты, Максим, что? В сваты ко мне пришел или ругаться?

Максим и Левон стоят нахохлившись, как боевые петухи. Тогда вмешалась Клава.

— Да что вы, мужчины! Давайте лучше песню споем. И затянула звонким голосом: «Посею гурочки...» Ее поддержала и Лушка. В хор вступает Буйкевич, Михаил, Соня. А потом и Максим с Левоном. Наступило перемирие.

И хоть песня грустная, со слезой, но, кажется, никто не вслушивается в слова этой песни.

Вот запели уже стоявшие девушки у плетня.

— Давайте и мы.

Буйкевич усаживает Максима на место.

Михаил хочет сесть рядом с Соней.

— По закону им еще рано садиться рядом,— возражает Лушка.— Соня, помоги мне.

Лушка, проходя в кухню за посудой, зло шепчет Левону:

— Опять чего-то напроказничал!..

— А тебе, Левон, по закону уже пора садиться,— говорит Буйкевич.

— За что? Это еще не факт! — уловив подтекст, запротестовал Левон.

— Что — не факт? Сваты — не факт? Жених — не факт? — Буйкевич расхохотался, поняв, что Левон уразумел намек.

Лушка и Соня поставили на стол рюмки и закуску. Буйкевич наливает в рюмки, одну из них сует Максиму,

другую Левону, поднимает рюмку сам и провозглашает тост.

— Итак, дорогие мои, давайте выпьем за молодых! Чтобы счастье у них было полным, как эта рюмка, чтобы жизнь у них была светлая, как эта рюмка!..

— И чтоб пьянели они от счастья, как от этого вина! — дополнила певучим голосом Клава.

Молодые встают, поклоном благодарят за здравицу, подходят один к другому, чокаются и выпивают свои рюмки.

Все дружно чокаются и тоже опорожняют чарки.

— Закусывайте, гости милые, закусывайте! Кушай, Миша, кушай, зятек! — приглашает Лушка.

После первой рюмки устанавливается тишина, но в атмосфере все-таки чувствуется предбурье.

Левон понимает, что грозовые тучи кружатся над ним, и, чтобы отвести от себя удар, он хватается за спасительное средство во всех случаях жизни — это ему подсказал жизненный опыт — за поллитровку: наливает всем по рюмке и поднимается с тостом:

— А теперь за свата нашего, за председателя! — бодрячески провозглашает он.— Как говорится, свату первая чарка!

— И первая палка? — Буйкевич понимает хитрость Левона.

— Да что вы, председатель! Это же честь какая и нам, и детям нашим...— Лушка старается примирить мужиков.

Левон. Зачем только? Союз предлагаю. Дружбу. Сватами стали.

Максим. Мир, значит? На какое же время? Пока стемнеет?

Буйкевич. Ша! Максим! Важность исторического момента! Давайте выпьем лучше за...

Михаил. Ого! Председатель набирает темпы. И в этом деле хочет перегнать Америку.

Буйкевич (*поднимая рюмку*). В этом мы никогда от нее не отставали... Давайте выпьем за здоровье родителей, которые вырастили таких хороших да пригожих детей. На нашу ферму приезжают поучиться даже из других областей. А чья заслуга? Михаила и его помощника — Сони. Эх, завидую вам, Максим и Луша! И сами вы добрые люди. Честные, работящие, светлые! Вот портрет твой, Луша, с Доски почета не снимают. За ваше здоровье!

Все опять дружно выпивают. Только Левон, обойденный тостом, отставляет рюмку невыпитой.

— А я вроде сбоку припеку,— обиделся Левон. Он встает из-за стола и выходит на веранду. Нервный тик подергивает щеку.

Буйкевич понял, что пересолил малость, он тоже выходит из-за стола, подходит к Левону.

Воспользовавшись этим, Соня выходит и манит за собой Михаила. Они выходят в ее комнату, хотят поцеловаться; к окну, заметив их, подбегает молодежь.

На веранде Буйкевич подходит к Левону.

— И про тебя скажу. Мужик ты хозяйственный, сообразительный. Руки у тебя...

Из окна высовывается Максим с огурцом и чаркой в руке.

— Длинноватые руки...

— ...с мозолями. Только мозоли эти ты нажил...— продолжает Буйкевич, но Максим опять вставляет свою язвительную реплику:

— ...таская сено.

Максим поднимает чарку и выпивает.

Реплики Максима будто кнутом стегают Левона. Он вот-вот взорвется. Поэтому Буйкевич закрывает окно и обращается к Левону:

— Мозоли ты нажил на своем огороде, в своем саду. Не на колхозном поле.

Левон, облокотившись на парапет, смотрит куда-то в огород, не на председателя. Он нервно грызет мундштук папиросы. Буйкевич обнимает Левона и говорит со скрытой иронией:

— Я понимаю, не твоя в этом вина. Жена — на ферме, дочь — тоже. Им некогда хозяйством заниматься. Вот на тебя и свалилась вся усадьба.

Но Левон раскусил иронию Буйкевича. Он круто повернулся к председателю и с вызовом ответил:

— Верно.

— Она тебе и мешает стать вровень с женой и дочкой. Потому пока не твой портрет напечатали в газете, а твоей Лушки, Левонихи.

— Да-а...— Левон, соглашаясь, иронически улыбается.

— Но, я думаю,— продолжает мысль Буйкевич,— что и ты скоро сбросишь с себя мелкособственническую обу-

зу — огород, садок, корову... Свободным человеком станешь, возьмешься строить коммунизм.

— Э, председатель! — не выдержал Левон.— Как это сбросить? Столько лет прожил! Я, конечно, на коммунизм согласен. Но, как в программе — через 20 лет. А сейчас, поскольку наши дети решили начать новую жизнь, надо бы нам поначалу о них позаботиться. Где они будут жить, как они будут жить, с чего начинать...

— О приданом, значит? — с легкой иронией спрашивает Максим, снова показавшийся из окна.

— Про их гнездо,— серьезно отвечает Левон.

— Что ж, это дело,— соглашается на серьезный разговор Максим и выходит на веранду.— Выкладывай свою пропозицию.

— Я так думаю...— Левон выкладывает свой аргумент веско, уверенно, будто кирпичи кладет в стену.— Дочь у меня одна. А у тебя, Максим, кроме Михаила еще четверо гавриков подрастают. Хозяйство у меня посмотри сам...— Левон приглашает сватов и жениха во двор.

Они идут по двору.

— Дом — под цинком, двор досмотренный, сарай под шифером, свой садок, восемь семей пчел, корова — поискать такую, приусадебный участок — полгектара.

Они возвращаются к веранде.

— А у тебя на всю ораву только двадцать пять соток. Так что весь резон Михаилу перейти жить в мой дом.

Буйкевич, пряча в глазах улыбку, хитро посмотрел на Максима.

— В батраки, значит? — подкалывает Левона Максим.— Так вот. Не подходит нам твоя пропозиция. Первое, что не годится,— мой сын в примаки не пойдет. Колхоз дает ему квартиру в новом каменном доме. На новой улице,— Максим указал на белеющий за огородами, на взгорье двухэтажный дом.— Пущай там и начинают новую жизнь по-городскому.

— Да там ведь приусадебный участок — только десять соток,— возражает Левон.

— А ему больше и не надо,— вступает в спор Буйкевич.— Если уж на то пошло. Михаил сам вынес такое предложение: возле новых домов нарезать участки только по десять соток. А со временем и возле старых уровнять.

— Да что вы! — Левон даже испугался.— Что, в России земли мало? Можно дорезать тем, у кого не хватает!

— И с этого начинать коммунизм строить? — всерьез спрашивает Буйкевич.— Нет, не выйдет,— категорически отрубил он.— Тебе мечтается, чтобы мелкий собственник шире пустил корни, а мы хотим совсем их подрезать.

— Не имеете права! — Левон уже в панике.— Нет такого закона. Я жаловаться буду. Я найду закон в области, а ежели и там... То я достучусь до самого Хрущева.

— А ты думаешь, что Хрущев против коммунизма? — посмеиваясь над горячностью Левона, говорит Буйкевич.

— Против перегибов! — пугает Левон.

В дверях появилась Лушка.

— А мы тебя не перегибаем. Мы тебя выпрямляем,— объясняет Максим.

— Выпрямляли быку рога, да свернули шею. А я не желаю,— припертый к забору Левон все упорствовал.

Лушка, зная характер мужа, его упорство и задиристость, и опасаясь за благополучный исход сватовства, решила прервать этот острый разговор.

— Мужчинки! Золотые мои! Хватит вам! Левон ведь что предложил? Если хочет Михаил, пусть переходит хозяином в наш дом. Вы спорите, а Мише и слова не дали сказать. Сам пусть. Где же он?

Лушка выходит на улицу и кличет Михаила, но озорная молодежь втаскивает и Лушку в круг.

Молодежь прячет от нее Михаила и Соню, требует выкупа.

Хоть и старше их возрастом Левониха, но еще может она вспомнить молодость, может показать свои таланты в танце. Повела плечом, притопнула и лихо понеслась по кругу. Среди молодых и сама помолодела Левониха.

— Ну, хватит сегодня. На свадьбе доплящем,— Лушка выходит из круга. Но ее не выпускают девушки и парни.

— А когда свадьба?

— А нас позовете?

— Ох и попляшем!

— Все, все приходите! — приглашает широким жестом Левониха и подходит к Михаилу, шепчет на ухо:

— Миша! Пойдем туда. Дело надо вершить. Там ведь ждут тебя,— и подмогнув Соне, зовет и ее за собой.

Они пошли во двор. Лушка на ходу что-то объясняет Михаилу.

— Михаил, скажи сам,— предоставляет слово зятю

Лушка, вводя его в дом к мужчинам. Все уже опять за столом.

Соня тоже, видимо, знает характер будущего мужа. Дернув Михаила за рукав, она тихонько просит его:

— Хоть ты не перегибай.

— Дорогие Лукерья Ивановна и вы, Левон Степанович! И я и Соня благодарим вас за ваше согласие, за вашу ласку, за ваше искреннее предложение. Но скажем вам так же откровенно. Для нас ваши споры давно уже решены. Не нужны нам ни собственные садки, ни большие приусадебные участки. Мы с Соней на службе, на ферме. Там и работы хватит и заработков. А лебеду полоть нам некогда будет. Вот так. Жить мы будем в новом доме, на новой улице.

Михаил сказал это твердо и определенно.

— Так... Значит, так? — огорчился Левон.— Мы с матерью старались... ночей недосыпали... все для тебя, Соня. А ты...— голос Левона дрожит. Подмаргивая, он пытается выжать слезу, а она, окаянная, никак не хочет показываться.

Он подходит к жене, всхлипывает и обнимает ее.

— Покидают нас в старости...

— Тьфу ты, Левон,— опешила, но невольно плаксиво говорит Лушка,— чего это ты в слезу ударился. Дочка, что же это?

— Папа... Мама... да разве я...— растерялась Соня.— Миша, может, еще подумаем, а?

— Да разве мы не думали? Неужели ты хочешь повторить жизнь своей бабушки, матери...

— А что ее мать, голодная ходила? — вспылил Левон.— Смотри какая,— и он хлопнул Лушку по заду.— Смотри,— рванул платье, открыл шифоньер.

— Мало этого! Соне мало этого,— вспылил уже теперь Михаил.

— А на новой улице будет больше? С десяти-то соток? Где больше нашего? — наступает Левон.

— Подожди, Левон,— останавливает его Буйкевич.— Зачем споришь? И тебе участок нужен для своей коровы, она все съедает... что днем наработаешь...

— И ночью,— вставляет Максим и направляется к подстилке.— Продай корову на ферму, пока она не завела тебя, куда Макар телят не гонял.

Левон заметил движение Максима и встал у него на дороге.

— Корову? Не отдам! Что такое корова? Корова — это моя свобода. Моя экономическая независимость. Мой бастион. Мой дот! Долговременная оборонительная точка.

— Рогатый бастион,— засмеялся Михаил.

Смеется и Буйкевич. Рассерженный Левон заморгал, отвернулся к окну и нервно перебирает руками.

Клава, наблюдая перепалку, не на шутку испугалась и, растерянно осмотревшись, снова затянула песню «Посею гурочки...».

Но на этот раз никто не поет.

Лушка подошла к Левону и повернула его силой к гостям, взяла за руку Буйкевича.

— Ну и чего. Ну что ты, Левон... Как люди, так и мы. Это ж пока одно предположение... Никто ж еще не заставляет.

— Правда. Ну чего вы торопитесь? — Левон присмирел.— Зачем вы меня погоняете? Дайте осмотреться! А то что ни день... *(он растерян)* — новое! *(возмущенно)* — новое! Живу, как на корабле: то сюда качнет, то туда. Дайте мне приспособиться.

— Дайте ему закоренеть! А потом попробуй его выкорчевать! Да пересадить в коммунизм,— ворчит Максим.

— Да что вы за люди?! Будто я против коммунизма? Коль на то пошло,— Левон приглашает всех к столу.— Идите сюда.

Все идут за ним.

— Вот! Давайте выпьем за коммунизм,— провозглашает тост Левон.

— Ну да — выпить ты мастак! — смеется Буйкевич.

— А чего. Вы только не торопитесь. Все в свое время. Все по закону. Вот молодые женятся... Поведут наше домашнее хозяйство. Помирать буду, им все передам. И коровку, и полгектара... все передам зятю... тихо, спокойно... по закону... как деды... как прадеды... без перегибов.

— Мне корову? — вскричал Михаил.— Зачем?

— Вот те на: сватали девку — суют корову,— вставил Максим.— Знай на чем женишься.

— Корова! Полгектара! Мне? Соне? Нам? — Михаил возмущен.— Это анахронизм! — и уходит.

— Чего это он сказал? Анахронизма? — переспрашивает Левон.

— Не разобрался? Не понимаешь? — издевается Максим.

— А ты понимаешь! — сердится Левон.

— Понимаю,— хорохорится Максим.

— Тогда разъясни мне, темному,— злится Левон.

— Пожалуйста. Анахронизм — это значит: а на хрена ему твои полгектара и корова.

Левону будто фигу показали. У него опять появился нервный тик. Он хватает ртом воздух, хочет что-то сказать, но слова застревают в горле...

— Тогда... тогда...— наконец прорезается его голос.— Тогда, если такая анахреновина, то и свадьбе не бывать. И я скажу: а на хрена мне такая свадьба и такой свояк! Вот так!

Буйкевич перестал хохотать, видя, что Левон не на шутку рассержен, и подошел к нему.

— Брось, Левон, что ты... это же шутка.

— Шутка или не шутка — там разберемся. Мы еще выясним. Кто переплюнет и кого. Кто кого переживет. Посмотрим, что про это скажет начальство.

— Спасибо тебе, председатель. Ты свое дело сделал, посватал, а дальше как со свадьбой будет — наше дело. Не взыщи, сват. Подумать хочу. Вот.

— Папа! Мама! — метнулась встревоженная Соня от отца к матери. Она понимает, что спор зашел слишком далеко. На глазах ее навернулись слезы.

Соня выбегает на двор.

— Ну я пойду,— говорит Клава и выплывает из дома.

На улице Михаил ждал Соню, она бросилась к нему и прижалась лицом.

Подруги подбежали к ней.

— Какая ты счастливая, Соня! Поздравляем! — запищали девушки.

— Пойдем, Соня,— тянет ее за руку Михаил.

— Куда?

— В загс! — решительно говорит Михаил.

— Миша! Ты же слышал...— робко протестует Соня.

— Ну и что ж. Они тоже наше слово слышали. Неужели отступимся?

— А свадьба когда? — спросил один парень.

— Свадьба? — Михаил переглянулся с Соней.— Это их дело, родителей. Когда справят. А распишемся мы сейчас — все равно все уже знают.

И сопровождаемые молодежью Михаил и Соня пошли в загс.

Лушка и Левон стояли у окна и смотрели на уходящую молодежь. А молодые уходили с песней и танцами.

Замычала корова.

— Ну, видел, что ты наделал,— корит мужа Лушка.

— Погоди! — говорит Левон.— Подумаешь, передовики! Мы еще посмотрим, что начальство скажет.

Утро. Из-за крыш деревенских изб только-только выглянуло солнце.

В село въезжает «Волга», переваливается на ухабах, пылит по улице.

Из окна «Волги» кланяется прохожим тучный, пожилой мужчина.

Машина проезжает мимо фермы, склада, мастерских...

Воробьями слетаются мальчишки.

Один из них шмыгнул в переулок и задними дворами пробрался к дому Левона.

Левон сидит за сараем в глубокой задумчивости и почесывает лежащего перед ним парсюка.

— Дядь! — кричит запыхавшийся мальчишка.— Собирайтесь на рыбалку! Начальство! Райисполком едет!

И мальчишка припустился дальше.

А начальство продолжало свой путь.

Вот машина проезжает мимо правления колхоза «Восход», но не останавливается — седок так же важно кивает головой выбежавшему на крыльцо секретарю или бухгалтеру и следует мимо.

Не останавливается она и около собравшихся колхозников. Кивок милостивый — и дальше, мимо кузни, мельницы...

Машина круто поворачивается и, сделав вираж, останавливается перед домом Левона.

Председатель райисполкома Глуздаков вылезает из машины и останавливается перед домом Левона, рассматривая с восхищением этот двухэтажный терем. С заднего сиденья тянется к шоферу длинный, с большим кадыком детина — Тесаков и нажимает на клаксон. Раздается гудок.

Подходит Левон.

— Да, отгородился, обшалевался и отцинковался,— Глуздаков, не отрывая взгляда от петушка над крышей, протягивает руку Левону.— Завидую тебе. Какой домок-теремок!

— С вашей помощью, спасибо вам,— Левон трясет руку Глуздакова.

— Ну, рыбак рыбаку всегда... Только одним спасибо не откупишься. Ну-ка собирайся.

— Так, может, зашли бы? — гостеприимно предлагает Левон.— Ах, Митрофан Сазонович, как вы угадали вовремя приехать.

— Что? Сома или карасей подкормили?

— Да нет! Не до карасей. Тут такая щука завелась.

— Ну что ж, давай и щуку.

— В нашем колхозе такое дело заворачивается, что... Вам надо вмешаться, а то не миновать беды.

— Левон! Сегодня я деловыми вопросами не занимаюсь. Я приехал рыбку половить,— отмахивается Глуздаков.

— Но вы только послушайте, что они надумали,— Левон говорит взволнованно, страстно. Но Глуздаков опять категорически предупреждает:

— И слушать не буду. Сегодня выходной день.

— Левон! Митрофан Сазонович приехал отдохнуть, а ты...— Тесаков с укоризной покачал головой.— Собирай удочки!..

— Да, да. Не будем терять время. Рыбка небось давно ждет нас,— настроение у Глуздакова было благодушное.

Спокойная гладь воды. Тишина, На воде поплавок. Не шелохнется он, не вздрогнет. Тишину нарушает чей-то тяжкий вздох... И, как бы в ответ на вздох, поплавок слегка вздрагивает, по воде разбегаются круги.

Примостившись в кустах, сидит с удочкой Глуздаков. Рядом с ним — Левон. А позади — дремлющая фигура Тесакова — помощника Глуздакова.

— Клюет это или не клюет?

Левон, настороженно наблюдая за поплавком, даже рот раскрыл. Поплавок вздрогнул и опять замер на месте.

Левон и Глуздаков переглядываются и тяжело вздыхают.

— Видимо, опытный карась. Осторожный старик,— Митрофан Сазонович вытягивает из воды леску, ловит крючок.

— Опять червячка нету. Подай свеженького,— тихо напоминает он своему помощнику про его обязанности. Тесаков боязливо раскрывает расписанную жестяную банку из-под конфет и долго примеривается, чтоб взять червяка.

— Быстрее! — подгоняет его Глуздаков.

Тесаков, преодолевая отвращение, хватает за шиворот длинного червяка и передает Левону. Надеть червяка на крючок его обязанность. Но на уме у него другое.

Левон, нервно подмаргивая, плюнул на червяка и передал Глуздакову. Митрофан Сазонович неумело забрасывает его в воду и, мечтательно глядя на поплавок, говорит Левону:

— По секрету тебе признаюсь: надумал я и себе теремок по твоему образцу поставить. Пока есть возможность. Через полгода ухожу на пенсию. Знаешь, брат, сахарной болезнью обзавелся.

— Это что, от сладкой жизни? — уточняет Левон.

— Да какое там... Так вот, должен скопировать мне свой домок.

Прищурившись, Левон присматривается к Глуздакову.

— А не скажут ли вам... У вас ведь и коммунальная квартира хорошая...

— Но собственный дом — это все-таки собственный.

Левона будто медком угостили.

— О! О! Собственный! Слово-то какое! *(Смакует.)* Сочное, как помидор.

Поплавок закружился в воронке омута.

— Черепаха живет до трехсот лет. Вчера жена вычитала в календаре. А почему? Ведь неразумная тварь, а собственный дом имеет. Ох уж эти бабы! — Глуздаков улыбается остроумию жены.— И говорит мне такое резюме: не быть же нам глупее черепахи.

Поплавок потянуло под воду.

— Клюет...— с дрожью в голосе и необычной радостью говорит Левон.

— Нет, пока не клюет,— вздыхает Глуздаков.

— Клюнет! — лицо Левона расплывается в улыбке, лицо светится беспредельной преданностью Глуздакову, глаза горят, как лампадки перед светлым ликом Христа на иконе.

— Дорогой Митрофан Сазонович! Да я для вас... да я вам, как родному брату. Участочек возле дома какой будет? Полгектара?

— Да, видимо...— Глуздаков еще не решил, какой будет участочек.— Не меньше.

— И садок помогу посадить. Самых лучших сортов. И пчелок разведу, если пожелаете, и ягодник...— Левон

аж заерзал на месте. Он притянул к себе корзину со снедью, достал из нее бутылку с настойкой, налил стаканчик и протянул Митрофану Сазоновичу: — Вот, испробуйте. Своя.

— Нет, нет! — отказался Глуздаков.— Ты лучше ему,— Митрофан Сазонович указал на Тесакова.— А то он скучает.

А Тесаков уже облизывал губы.

Левон выпил сам, потом налил и подал стаканчик Тесакову.

— Ах, как правильно вы придумали! — восхищается Левон.

— Одобряешь, значит? — Митрофан Сазонович улыбается, видя, какой эффект произвел на Левона.

— Да это же будет просто рай! — ликует Левон.— Маленький, но свой... Ра-ай! Это вам не райисполком. Пенсию вы заслужили, пора уж и о себе позаботиться. А Америку молодые пускай догоняют. Не в ваших летах на перегонки бегать.

— Да-а,— вздыхает Глуздаков.— Понимаешь, Левон, физических сил не ощущаю. Духовных — сколько угодно, а физических...

В глазах Левона появляется хитринка.

— Только...— метнул он хитрый взгляд на Митрофана Сазоновича и умышленно недоговаривает.

— А что — только? — Глуздаков заинтригован.

Левон начинает вытягивать перемет.

— Слышал я, приусадебные участки хотят обрезать. Левон снимает с перемета еще одного окуня. По какому такому всесоюзному закону? Не понятно. Нема ведь такого закона на обрезание? Ну, конечно, может быть, это перегибы...

Глуздаков насторожился.

— Вроде бы перегиб... Кто же это?

Левон вытаскивает еще перемет и снимает крупную рыбу с крючка.

— Да затеял мой зять Михаил, зоотехник. Приусадебные участки ликвидировать. Дома! Собственные! Свои! А?

— Что ты говоришь? — Глуздаков даже испугался.

— Именно! Колхозные строят. Дают — живи. Но ведь не твой. Не собственный. Это что? — Левон пристально смотрит в глаза Глуздакову.

— Это перегиб! — уже убежденно говорит Митрофан Сазонович. У Левона будто гора с плеч свалилась. Он переводит взгляд на удочку Глуздакова и видит, что она перегнулась. Поплавок ушел глубоко под воду.

— Клюнуло! — обрадовался он, скорее всего имея в виду Глуздакова.— Вот это да, перегиб! Тяните! Тяните!

Разговор Левона было отвлек Глуздакова от удочки. Теперь он встрепенулся и потянул за удочку. Леска напряглась как струна.

— Ага, попался! — Глуздаков, конечно, говорил о рыбе, а не о себе.

— Да, да. Попался!

Левон хочет помочь Митрофану Сазоновичу, хватается за удочку.

— Не мешай! Я сам! — Глуздаков отводит удилище в сторону. Вода запенилась, забурлила. Крупный лещ сопротивляется изо всех сил.

— Сачек! Сачек сюда! — кричит Левон.

Лещ опять нырнул, потянул за собой к воде и Митрофана Сазоновича. Но будущий пенсионер упирается ногами в прибрежный песок. На лбу у Глуздакова вздулись жилы. Пересилил он леща, опять подтянул к берегу. Левон старается зачерпнуть леща, но тот отчаянно сопротивляется, вывертывается. Наконец Левон выбрасывает леща на берег к ногам Глуздакова. Митрофан Сазонович бросается на добычу. Зацепившись за ветку, шляпа Глуздакова падает в воду. Никак не может схватить ловкого и изворотливого леща Митрофан Сазонович. Освободившись от крючка, рыба вырывается из рук Глуздакова и... бултыхается в воду.

— Э-эх, разява! Такую вещь упустил! — сердится Левон.

Глуздаков оторопело смотрит в глубины омута.

— Нехорошо так, Левон, на Митрофана Сазоновича,— замечает Тесаков.

— Так ведь лещ...— горячится Левон.

— Лещ — не председатель райисполкома,— объясняет Тесаков.

Шляпа уплывает дальше от берега.

— Тесаков! Спасай шляпу! — упавшим голосом отдает распоряжение Глуздаков.

Тесаков в чем стоял без размышлений прыгает в воду.

Левон понял свою оплошность, стоит по колени в

воде и виновато смотрит на Митрофана Сазоновича. Нервный тик подергивает лицо.

Глуздаков повернулся и медленно полез на берег. Левон догоняет Митрофана Сазоновича и подсаживает его на обрыв. Тесаков плывет к берегу. В зубах держит шляпу своего шефа.

Глуздаков лежит на траве. Перед ним на полотенце разложена закуска. Левон стоит на коленях. В одной руке у него бутылка с настойкой, а в другой граненый стакан, который он протягивает Митрофану Сазоновичу.

— Ах...— отважился Митрофан Сазонович. Он берет стаканчик и ловко опрокидывает его.— Это... не самогон?

— Что вы! Сельхознапиток,— улыбаясь, поправляет Левон.— За ваш новый дом!

Отряхивая с себя воду, за спиной Левона появляется Тесаков.

— Налей и ему,— Митрофан Сазонович кивает на дрожащего от холода Тесакова.— И, пожалуй, поедем. Надо поговорить с вашими... перегибщиками.

— Обязательно надо приструнить их,— поддержал Левон.— Особенно зятя. Жаль мне его — погибнет. Зять все же.

В новый дом на новой улице села вселяются колхозники-новоселы. С машины сгружают и переносят в новые квартиры гардеробы, буфеты, стулья, телевизоры, диваны, стиральные машины, холодильники, концертные рояли, пылесосы, ковры, магнитофоны, гарнитуры.

Вселяется в новую квартиру на втором этаже и Михаил.

Лушка и Соня помогают Михаилу расставить гарнитур, развесить тюлевые гардины, ковры, по своему вкусу создают уют в новой квартире.

Михаил любуется своей хозяйкой.

Лушка садится на тахту, окидывает взглядом квартиру, ласково смотрит на дочку, на зятя.

Михаил. Ну как? Нравится?

Лушка *(вздохнула)*. Эх, детки мои... Счастливые вы.

Михаил. Ну, Соня. Забирай свои монатки и перебирайся.

Лушка. Э, не-ет, Миша. Все порядком надо. Вот сыграем свадьбу, людей пригласим... Ведь она — одна у нас. Что мы — хуже других?

Михаил. Так ведь Левон Степанович совсем заупрямился.

Лушка. Ничего. На упрямых воду возят.

Не доезжая до нового дома, останавливается «Волга». Из нее выходит Левон и показывает Глуздакову на окна Михаила. Машина трогается и останавливается под окнами.

Дает гудок.

Левон отбегает за угол и осторожно выглядывает.

Снова гудок, более нетерпеливый.

Из окна высовывается Михаил.

— Э, это ты — зоотехник? — спрашивает Глуздаков.

— Я, здравствуйте, Митрофан Сазонович.

— Ну-ка спускайся сюда.

— Может, хотите квартиру посмотреть? Заходите.

— Нет, друг, времени нет. Спускайся живо. Есть вопрос.

Мимо машины проходят люди. Глуздаков кивает им. Михаил выходит из подъезда, подходит к машине.

Глуздаков протягивает ему руку.

— Так. Молодец. Поздравляю. Новоселье. Женился, говорят?

— Да...

— Молодец. Ну, всего достиг. Не понимаю, что тебе еще надо? Все мало...

— Мне? — удивился Михаил.— Не понимаю, о чем это вы...

— Не прикидывайся, прекрасно понимаешь, прекрасно. Слушай, ну зачем тебе это?

— Да что?

— Смотри: весь район радуется за тебя, с Доски почета не слазишь, в депутаты мы тебя прочим... а ты? Захотел подмочить свою репутацию? В авантюры бросаешься? Обесславить себя хочешь. В козлов превратить.

— В каких козлов?

— Этих... отпущения козлов. Читал про них?

— Читал, но не понимаю...

— Скажи,— Глуздаков притянул его доверительно,— ты уверен, что не перегибаешь?

— В чем?

Глуздаков доверительно к нему потянулся.

— Знаешь что? Садись-ка ты в машину — так будет удобнее разговаривать. А ты выйди,— предложил он Тесакову.

Тот послушно вылез и сел на кучу мусора.

Михаил сел в машину. Глуздаков тронул, и они поеха-

ли. К удивлению выглянувшего из-за угла Левона, мимо которого лихо проехала машина с Глуздаковым и Михаилом.

Глуздаков нагнулся к Михаилу.

— Не скромничай. Я все знаю. Все, что делается в районе. Давай разберемся. Что коров хочешь у колхозников скупить — это, пожалуй, правильно. Такое уже другие делают. Это не новость. Есть такое, есть, я сам слыхал. Это можно проворачивать. За это бить не будут. А вот приусадебные участки обрезать... это ты...

Михаил. Ах, вот вы про что? Предлагал я это, верно.

Глуздаков. Ага. Признался? А по какому закону? Нет такого закона.

Михаил. Нет, так будет.

Глуздаков. О, если будет — тогда пожалуйста. Я тебе тогда и слова не скажу. А пока — беззаконие! Перегиб это!

Михаил. Да не перегиб это! Необходимость! В колхозе все машиной, а дома — горбом, потом. Зачем? Когда колхоз может обеспечить и молоком, и мясом, и овощами. И дешевле! При нашей-то механизации.

Машина едет мимо построек колхоза, мимо механизмов и т. д. Но оба не видят ничего, не смотрят на это. Михаил — от увлечения, да и все это ему знакомо, а Глуздакову неинтересно, он весь в страхе.

Михаил. К чему они эти участки? Около новых домов?

Глуздаков. Все ясно. Залез на второй этаж и... выскочил из борозды... головокружение! — кричит он.

В это время машина проезжает мимо Левона — он прячется, но что-то слышит.

Глуздаков. Перегиб!

Михаил. Необходимость!

Глуздаков *(плаксиво)*. Пе-ре-гиб! Дома хочешь отнять! Свои! Собственные! Не в борозде ты, не в борозде. Посмотри вокруг Москвы, столицы нашей, сколько дач понастроено! Своих! Собственных! Артисты, писатели, пенсионеры, официанты и другие передовые деятели... А ты! Отнимать собственные дома?

Машина уже давно кружится по площади, на удивление колхозникам. Особенно нелепо ее кружение сверху, с точки зрения голубей на дереве.

Михаил. Зачем отнимать? Скажите, Митрофан Сазонович, это не Левон ли, тесть мой, вам нашептал?

Глуздаков. Левон тоже советский гражданин, советский колхозник. Передовик... вернее... муж передовика. И к нему тоже надо прислушиваться.

Михаил. Да не отнимаем мы, а даем. Новые дома. Бесплатно. Бери, живи, но трудись в колхозе. Как в городе. И мы стираем грань.

Глуздаков. А старые дома колхозников куда?

Михаил. На слом. Коли они старые.

Глуздаков *(даже вздрогнул)*. Не имеете права. Это личная собственность, охраняемая государством. Значит ты против личной собственности?

Михаил. А вы за?

Глуздаков. Нет. Но всему свое время...

Михаил. Вот оно и настало это время. Ведь к коммунизму подходим. Потому и воюем. Это наш последний и решительный бой, так сказать, бой.

Глуздаков. Я этот гимн тоже знаю. Певал. И в принципе я согласен. Но... Смотри, товарищ Зайграй. Не забегай. Я тебя предупредил, не забегай. Не было еще такой директивы...

Михаил. Директива — сама жизнь, требует.

Глуздаков. Она требует — а ты подумай. Взвесь. Народ что говорит? Семь раз отмерь... А ты? Помни, я по-дружески. Привет.

Машина к этому времени остановилась опять около дома Михаила. Он вылез. Тесаков сел, а Глуздаков, помахав Михаилу ручкой, поехал дальше...

Проезжая мимо Левона, Глуздаков приостановил.

— Ну как? — подбежал к нему Левон, до которого ранее доносились только отрывки, когда машина проезжала мимо него.

— Что как, что как,— пробурчал недовольно Глуздаков.— Да никак. Прощай!

— Ну, а что же дальше? Как же мне быть?

— Тебе? А что тебе? Как мне? — и тут же Глуздаков спохватился и, вздохнув, поправился.— Вот что, обо всем напиши мне официально, подробно... Только не анонимку. Подпишись полностью... Мы обсудим, согласуем, проверим... решим...

Последние слова утонули в рокоте уходящей машины.

Левон сидит в колхозной библиотеке. На столе перед ним стопки книг и брошюр. Тут и тома сочинений В. И. Ленина, речи Хрущева. Раскрыт томик Сталина со статьей «Головокружение от успехов».

— Вот,— говорит Левон.— Жаль. Как раз то. Да автор не тот,— и откладывает книгу в сторону.

— Вот и все, что есть о перегибах,— передает Левону еще одну порцию книг молодая девушка, библиотекарь.— А для чего это вам, дядько Левон? В академию экзамены сдаете, что ли? — улыбаясь, спрашивает девушка.

— Я им устрою экзамены,— не отрываясь от книг, грозит кому-то Левон. Читает Левон сосредоточенно, внимательно. Вот вычитал что-то очень интересное, обрадовался и просит библиотекаршу:

— Любка! Запиши-ка мне слова: «Не может быть законов пензенских и рязанских. Должны быть всероссийские». Это Ленин написал,— поясняет он библиотекарше.

В библиотеку вошел Максим. Он слышит, как диктует Левон.

— Ну что, нашел закон? — спрашивает он.

— Нет, не нашел,— с издевочкой отвечает Левон.

— Тогда мы сами сочиним такой закон,— почти серьезно говорит Максим.— Дочка! Подай-ка мне для примеру,— Максим ищет глазами на полках книгу,— вот ту... сборник Указов и кодексов.

Притих Левон. Не обращая внимания на Максима, он выискивает в книге нужное себе.

За другим столом усаживается Максим и сочиняет «Проект указа и постановление».

Девушка-библиотекарь посматривает то на одного, то на другого. Максим время от времени произносит вслух фразы: «Пойманного вора водить по селу в выходной день с тем, что он уворовал. Сено — так с сеном, яйца — так с яйцами...»

Реплики Максима, видимо, раздражают Левона. Он встает.

— Забери это, Любка. Мне больше не нужны,— говорит он библиотекарше и собирается уходить.

— Постой, постой,— останавливает его Максим.— Послушай-ка!

Левон останавливается, Максим торжественно читает: «Обязательное постановление и указ». Всем председателям колхозов, сельпо, заведующим магазинов и ворам...

— Влипнешь ты со своим указом,— посмеиваясь, предупреждает Левон.— И начальство и воров — в одну кучу.

— Ничего! Начальству это для инструкции, а ворам это в первую очередь надо знать. Слушай,— Максим хочет

дальше читать свой проект, но Левон, махнув рукой, выходит из библиотеки.

Уже пропели вторые петухи, а Левон, склонившись над столом, строчит длинное письмо. Яркий свет лампочки мешает спать Лушке. Она ворочается, недовольно морщится.

— Я на вас найду управу,— ворчит Левон, будто кот над хвостом селедки.— Я вам покажу закон.

Левон заклеивает конверт. Пишет адрес.

— Сам не спишь и другому не даешь. Мне завтра на ферму надо пораньше, да по дому хлопот полно, а ты... Вот малохольный. Иди спать,— недовольствует Лушка.

Но Левон накидывает пиджак, выходит на улицу. В темноте он отыскивает почтовый ящик, оглядывается почему-то и бросает письмо в щель ящика. Поеживаясь, возвращается домой.

Весна в разгаре — все зеленеет, цветет.

За околицей села — колхозная ферма. Солнце уже низко.

Доярки торопливо убирают ведра, бидоны, снимают халаты, умывают руки. Женщины спешат к домашним очагам.

— Ох, умаялась как!..— жалуется Лушка, распрямляя натруженную спину.— А ведь свою корову еще подоить надо. Обед сготовить, огород полоть. Зарос совсем. Ругает Левон.

— И, бабоньки, ну и жизнь,— вторит ей другая доярка.— И чего только не придумали люди! И спутники, и телевизоры, и всякую автоматику. А вот деревенским бабам по домашнему хозяйству — никакого облегчения.

— А хорошо было бы,— мечтает Лушка,— пришла домой, нажала кнопку — завтрак готов, нажала вторую — посуда помыта, все постирано, подметено...

И, поняв фантастичность своих мечтаний, только вздохнула.

— Эх-хе-хе.

— У тебя хоть помощница есть, а я одна.

— Была помощница, да улетела,— Лушка ищет глазами Соню.— Соня, где ты?

Лушка заглядывает за ворота.

Примостившись на жердках прясла, сидят Соня и Михаил, грустно опустив головы. Разговор у них, видать, не веселый.

— Квартиру уже обставил. Переходи, и все,— убеждает Михаил Соню.

— Ну как же без свадьбы. Ведь это один раз в жизни бывает,— возражает Соня.

— Жена ты мне или не жена? — в голосе Михаила упрек.

Кругом цветут деревья.

— Милый... Миша...— Соня оглядывается по сторонам и целует мужа.— Поговори ты еще раз с отцом.

Весна в природе. Набухли и лопаются почки.

Михаил мрачнеет.

— Его надо поставить перед фактом,— размышляет вслух Михаил.

— Перед каким фактом? Нет, Миша...— не соглашается Соня.

— Да я про другое совсем,— говорит Михаил.

Лушка слыхала слова Михаила и ответы Сони и, растроганная, понимая их состояние, быстро сбрасывает с себя халат, засучивает рукава и выходит за ворота. Бежит домой для решительного разговора с мужем. В огороде Левона яблони стоят убранные в белое, как невесты.

Брызнули молодой листвой деревья.

Левон похаживает между яблонь и любуется этой благодатью. То нежно погладит ствол яблони, то поправит колышек. И вот он через щель в заборе замечает почтальона. Нетерпеливо ждет его, вытянув голову через забор. Подходит почтальон, роется в огромной сумке, достает большой пакет.

Левон хватает письмо, раскрывает конверт, читает: «Проект указа и постановление».

Левон разворачивает свиток, читает, злится...

«Водить вора по селу для всеобщего осмеяния и позора, обязательно с тем, что он уворовал. Сено — так с сеном, яйца — так с яйцами».

В это время появляется Лушка. Она направляется к мужу. Не глядя под ноги, идет по грядке.

— Ты что это думаешь, Левон? Когда же в конце концов свадьбу будем делать?

— Не горит! — отмахивается Левон пакетом и отходит к улью.

Лушка вырывает у него пакет и, схватив мужа за рубашку, задерживает.

— Жалости у тебя к дочери нету! Совести у тебя нету! — кричит Лушка.

— А у них есть? Чего им тут не нравится? И не про-

си! Отцепись,— он вырывает из ее рук рубашку и идет к летку.

— Безжалостный! Да они извелись совсем, томятся как...

— Ничего! Скорее одумаются, к нам придут жить!

— Да не придут они... Михаил очень принципиальный!

— Ну и я это... принципиальный, к нему на поклон не пойду,— и Левон, отвернувшись от Лушки, показывает ей спину.

— Ты? От я из тебя твои принципы выколочу!

И, взяв папку, Лушка колошматит Левона, бросает в него пакет, затем срывает шапку и лупит по чем попало. Потом бросает шапку в Левона...

Но шапка попадает не в Левона, а в леток...

Лушка плюет, поворачивает и уходит, Левон тянется за пакетом, но она замечает это и, выхватив пакет, идет на крыльцо.

К Левону подбегает, ластясь, пес.

Левон растроган.

— Только ты, Буржуй, меня понимаешь,— и гладит собаку.

Но тут, встревоженные шапкой и шумом, зароились пчелы, высыпали из улья и набросились на Левона. С испугу удрал пес.

Левон отмахивается от пчел, но это их еще больше злит. Он бросается с огорода, закрывая лицо и голову полами пиджака, за ним бежит пес.

— Так его, так его, черта полосатого! — злорадствует Лушка, стоя на крыльце.

Левон забился в уголок под сараем и сидит, закрыв голову пиджаком. Пчелы уже начали успокаиваться.

Лушка подходит к мужу, наклоняется над ним, и, подражая пчелам: «з-з-з...», Левон еще больше съеживается, пробует отмахнуться от злой пчелы. Наконец Лушка рассмеялась. Левон осторожно приоткрывает голову.

— З-з-з...— опять начинает Лушка, но Левон уже не пугается, а злится.

— Ты еще зубы скалишь? Доведете вы меня...— Левон сбрасывает пиджак. У него начинает пухнуть ухо, нижняя часть щеки и шея. Левон убегает в хату.

Левониха следует за ним, догоняет его в хате.

А Левон огромным кухонным ножом водит себе по шее. Увидев такое, Лушка почти обомлела.

— Левон! — крикнула она с ужасом и бросила под стол пакет.

— Уходи! Это все из-за тебя. Видишь, как искусали,— Левон оборачивается, и Лушка видит распухшее ухо, челюсть. У него опять начинается тик.

— Уф! — облегченно вздыхает Лушка,— а я уж черт знает что подумала,— и подходит к Левону, отнимает у него нож и сама гладит холодным лезвием опухоль.

— Левонушка, ну послушай, подумай о дочке. Ведь одна она у нас. Перед людьми совестно... Месяц как расписались, а она ни дома ни замужем. Им ведь жить уж как-то надо.

— Ничего, потерпит с этим делом,— отмахивается Левон.

— Ах так! — у Лушки опять чешутся руки. Левон испуганно пятится и забирается на печь.

А молодым нелегко было терпеть. Михаил и Соня около нового дома.

— Зайдешь? — спросил Михаил.

— Неудобно, Миша,— отказывается Соня.

— Рассказать бы какому писателю,— комедию написал бы про нас,— иронизирует над собой Михаил.— Поженившись, он любит ее, она любит его, получили отличную квартиру, а живут врозь. Почему? Папаше корова дороже, курочки, гусочки...

— Ну пойдем, ну поговори с ним еще раз, а если опять...

— Что тогда?

— Ну, тогда... ведь расписаны мы...

Михаил почесал в затылке, улыбнулся и согласился.

Михаил и Соня входят в хату Левона. Их встречает Лушка с намоченным для компресса полотенцем.

— Он дома?

— Только что уснул. Иди погляди, какой он красивый.

Михаил и Соня подходят к двери в спальню и видят спящего Левона с распухшим лицом.

— Била? — спрашивает Соня.

— Нет, пчелы покусали.

Соня и Михаил переглянулись. Соня подходит к столу, замечает конверт и письмо.

— От кого это?

— Не знаю... прочти,— говорит Лушка.

Михаил берет исписанный лист бумаги и читает вслух, но так, чтобы не разбудить Левона: «Любителю сена».

— Ах, вот оно что,— говорит Лушка,— читай! Все читай!

— Обязательное постановление и указ,— читает Михаил.— Последнее время за мелкое воровство не судят и в тюрьму не сажают. Однако замечены случаи столкновения воров и сторожей на общественном имуществе, как то: на сене, овощах, фруктах и прочих продуктах...

В соседней комнате застонал Левон. Он крутит головой, будто хочет высвободиться из-под одеяла. Лицо в испарине. Он тяжело сопит, ворочается.

Ему снится кошмарный сон. Слова Михаила доносятся до него, как обвинительный акт. Все громче, громче и уже будто это читает Максим, будто он, Левон, с бубенцами на шее впряжен в воз с сеном.

И вот ему видится. Напрягая все силы, он тащит воз по улице.

На возу стоит Максим и читает указ с большого свитка. После каждой фразы Максим подстегивает Левона кнутом.

Вся деревня высыпала на улицу. Никто не сочувствует Левону, никто его не выручает, все хохочут. Мальчишки с гиком сопровождают эту процессию.

А Максим читает:

— Чтобы искоренить это зло, даем указ всем председателям колхозов и прочим руководителям сельпо, магазинов и ворам. Не давать спуску ни при каких случаях, ни по какому родству: как то свой и т. д. Пойманного вора обязательно выводить на общее собрание для всестороннего рассмотрения и обсуждения...

Навстречу Левону по улице мчится его верный пес.

— Выручай, Буржуй,— просит он собаку,— только ты меня понимаешь.

Буржуй скулит, виляет хвостом, лижет Левона, лает на Максима. А Максим продолжает:

— Выводить вора в выходной день на улицу для всеобщего осмеяния и позора и обязательно с тем, что он воровал: сено — так с сеном, яйца — так с яйцами. Настоящий указ и постановление для всего района, с приложением печати и подписей.

Теперь Левон во сне видит ферму, стога и себя с дерюжкой.

Лушка, Соня и Михаил смеются над Левоном, как и

все остальные односельчане. На глазах у Левона наворачиваются слезы. Вдруг Буржуй бросается на Лушку и Михаила и зло лает. И, о чудо! Оказывается — это не собака, а Митрофан Сазонович.

Левон закричал что-то во сне.

— Так... а... ату его.

И проснулся. В соседней комнате смеются Лушка, Михаил и Соня. Но, услышав, что Левон стонет, Лушка подошла к мужу.

Левон морщится, будто от физической боли.

— Ты чего это? — удивилась Лушка.— Что с тобой?

Левон молча покручивает головой и стонет, мычит, как от зубной боли.

— Заболел ты, что ли? — допытывается Лушка, видя, как Левон страдает.— Может, врачу тебя показать.

Левон медленно приподнимается. Лицо его светлеет.

— Да, да, к врачу. В район! — обрадовался подсказке Левон.— К самому главному!

— Зачем в район? Свой под боком,— советует Лушка.

— Молод он еще, чтобы меня лечить,— отказывается Левон.

На повозке Левон, он уже хочет трогать, как выходит нарядно одетая Лушка и тоже лезет на повозку.

— Ну а тебе чего трястись в район? Сам бы доехал...

— Нет, мой голубчик, нет, мой сизокрылый, я в беде тебя не оставлю.

На телеге постелена та же полосатая дерюжка. Увидев ее, Левон замолкает.

Резво бежит по дороге шустрая кобыла, впряженная в легкую повозку. Молча сидят в ней Левон и Лушка.

Районная больница. На ступеньки крыльца поднимается Лушка и Левон. Он мнется, переступает с ноги на ногу. Ему совсем не хочется входить в помещение.

— Ну чего ты испугался? — Лушка подталкивает мужа к двери.

— Погоди, дай опомниться,— упрекает Левон.— Ты посиди тут, покарауль, как бы что не пропало, а я сам схожу.

Лушка остается в повозке. Левон входит в больницу.

— Вы к кому? — встречает его дежурная сестра в приемной.

— Мне... мне бы выйти отсюда как...

— Вы же только вошли,— удивляется сестра.

— А теперь выйти надо... Через какую-нибудь дверь другую,— поясняет Левон. У него появляется нервный тик.

Сестра заподозрила в Левоне нервнобольного. Она начинает говорить с ним ласково, предупредительно.

— Сейчас, сейчас. Вот мы покажемся доктору, он вас осмотрит, выслушает.

— Нет, нет, голубка, мне бы другую дверь во двор,— пытается объяснить Левон. Он улыбается своему глупому положению.— Мне не к доктору. У меня другая нужда.

Сестра опять неправильно поняла Левона. Она прыснула со смеху и показала Левону на другой выход из больницы. Левон вышмыгнул за дверь.

Лушка терпеливо ждет, а Левон, оглянувшись, подбегом потрусил по улице к райисполкому.

В приемной Глуздакова ожидают посетители. Левон направляется к двери кабинета Митрофана Сазоновича, но другие посетители тут же зашикали.

— Ишь какой быстрый!

— Стань в очередь!

— Погоди, еще не принимают.

Левон стоит в нерешительности. Потом что-то сообразив, выходит из приемной, по палисаднику пробирается к окну.

В кабинете Митрофан Сазонович и Тесаков.

Тесаков читает анкету: «Корень Иван Павлович, чл. КПСС, 1933, высшее, агроном, белорус, не был, не был, не участвовал, не привлекался, не колебался, не имеет, не имеет...»

Глуздаков. Молодой еще, потому и не имеет. Давай следующего.

Тесаков вздыхает.

— Что? Надоело?

— Вот так,— Тесаков провел рукой по горлу.

Глуздаков. Осознай! Мы людей выдвигаем, на высоту поднимаем. Их кругом разглядывать будут: ни одного пятнышка не должно быть. За пятнышки мы отвечаем.

Тесаков. Мы уже четвертый раз перечитываем...

Глуздаков. Усидчивости у тебя маловато... А я по двенадцать часов мог не вставать из-за стола.

Тесаков. За преферансом?

Глуздаков. Нет! Здесь в кабинете. Правда, от продолжительного сидения кровь отливает сверху вниз, концентрируется ниже, здесь. Оттого и голова быстро устает.

Почему медицина рекомендует короткие перерывы и физзарядку? Чтобы разогнать кровь по всему телу. Что мы с тобой сейчас и сделаем.

Выходит из-за стола и жестом приглашает Тесакова.

— Давай, давай.

Начинают физзарядку.

В окне появляется голова Левона. Он с неописуемым удивлением наблюдает за Митрофаном Сазоновичем и Тесаковым. Левон прячется за окном. Будто увидел что-то стыдное. Он слышит, как в кабинете Глуздаков и Тесаков, марширует, напевают старую детскую песенку.

Возьмем винтовки новые,
на них флажки...
И с песней в стрелковые
пойдем кружки...

Чтобы его не заметили — неудобно подглядывать за начальством, да еще застать его в такой интимный момент, когда Глуздаков поднимается, после приседания — приседает за окном Левон. А когда опускается в приседании Глуздаков, поднимается Левон и смотрит: не кончило ли начальство баловаться.

Так невольно, в том же ритме Левон повторяет те же движения зарядки, что и Глуздаков.

Гимнастику Левона с удивлением видят дети с соседнего двора и тоже начинают подражать ему, приседая, тем более что по радио из кабинета доносится четкий ритм музыки.

И маленький котенок, видя, как у Левона сзади то поднимается, то опускается развязавшийся пояс, в такт ему водит головой то вправо, то влево, увлеченный этой игрой.

Но вот Глуздаков разгибается, выключает радио и подходит к столу.

Левон снова прячется.

— Ну, давай дальше,— говорит Глуздаков.

— Сейчас,— Тесаков монотонно читает:

«Зайграй Михаил Максимович. Член КПСС, высшее, зоотехник, не был, не был, не участвовал, не привлекался, не колебался, не имеет... не имеет... выдвигается в депутаты...»

Услышав это, Левон выпрямился.

Глуздакова утомила гимнастика, он дремлет и на вопросительное движение Тесакова только машет рукой: мол, клади, ладно.

— Да что вы, Митрофан Сазонович? Разве можно? — громко взывает Левон.— Кого — в депутаты?!

Глуздаков просыпается. Продирает глаза, смотрит, ничего не понимая, на Левона, затем, очнувшись:

— А Левон! Заходи!

— Ладно, я здесь постою,— говорит Левон.— Только Зайграя никак нельзя в депутаты.

— А ты откуда его знаешь?

— Да как же! Это ж зять мой. Михаил — помните...

— Этот? Помню! — Глуздаков поморщился.

— Ну, да,— даже обрадовался Левон.— Он и есть. Главный перегибщик. А вы его в депутаты.

— Мы? Да? — спрашивает у Тесакова Глуздаков.— Ну и что,— пытается он уклониться.— Понимаешь, факты нужны, факты... а так...

— Факты! — волнуется Левон.— А вы разве бумажку из области не получали?

— О нем?

— О нем.

— Да мне их возами возят, какую, не помню.

— О перегибах в нашем колхозе.

— Переложить в вызывающие вопросы? Или пропустить? — спрашивает с готовностью Тесаков.

— Воздержись. Пока переложи. А откуда ты взял, что из области есть бумажка?

Левон. Должна быть.

Глуздаков (*Тесакову*). Пал Палыч! Есть? Из области о перегибах?

Тесаков разводит руками.

Глуздаков грозит ему кулаком и лихорадочно пересматривает бумаги на столе.

— Вот так всегда... все сам, все сам должен... Что за порядки. В колхозах уже знают о письме, а мы первый раз слышим.

Снимает трубку телефона и звонит.

— Райком? Первого. Алло! А, это ты... Здоров... А где же первый? А второй? А инструктор? Вот незадача. Слушай, ты как помощник тоже должен знать. Скажи, не поступало ли из области письмо о перегибах в колхозе «Восход»? А? Нет? — опускает трубку.— Видишь, нет. Напугал ты зря. А ты откуда узнал?

— Как же мне не знать, коли я сам писал. По вашему совету. По моим подсчетам, уже должна бы вернуться.

— А почему ты в область писал, а не нам? — Глуздаков встал. Он грозен, говорит начальственно.

Но Левон не смутился.

— Для авторитета. Позвольте правду сказать. Вы бы ее в этот, извиняюсь, железный гроб втиснули, тут ей и хана. А уж если она из области... тогда ей совсем другая цена.

— Так где же она? — стонет Глуздаков.— Залезай, поможешь искать.

Левон охотно влезает в окно и присоединяется к Тесакову, роющемуся в несгораемом шкафу.

Глуздаков *(в отчаянии)*. Зарежут, без ножа зарежут! Сколько мне тут осталось до пенсии. Ну, пусть бы хоть полгода тихо, мирно, спокойно. А тогда хоть носы себе откусывайте, хоть волосья один другому рвите.

Левон *(вещает)*. Не будет миру! Не такие люди этот Буйкевич и зять мой Зайграй!

Глуздаков. А ты?

Левон. А что я?

Глуздаков. Тоже хорош. Зачем писал в область?

Левон. Приспичило, Митрофан Сазонович, приспичило, надо же отбиваться, а то... И от вашей мечты один дымок останется... Нам теперь сообща надо!..

Глуздаков *(в сомнении)*. А если это не перегибы?

Левон *(настороженно)*. Как — не перегибы? А что тогда?

Глуздаков *(неуверенно)*. Линия...

Левон *(воинственно)*. Не линия это! Какая же это линия?

Глуздаков. Передовики они. А кому виднее? Тому, кто впереди.

Левон *(авторитетно)*. Головокружение от успехов у них! Левацкий заскок.

Глуздаков. Терминология правильная. А ты подковался.

Левон. Скользкая жизнь, потому и подковался.

В приемной Глуздакова — Лушка. Ее не пускает секретарь.

— Вот. Его голос! Как это вы говорите — нет!

Лушка отпихивает секретаря и, наступая на ноги преграждающим ей путь посетителям, пробирается к двери, распахивает ее.

Входит в кабинет. Оглядывается.

— Да где же он?

Она не замечает Левона, стоящего в углу у несгораемого шкафа, заслоненного грудой бумаг.

— А-а, Левониха, здорово, здорово! — радушно встретил ее Глуздаков.

И вдруг, здороваясь за руку с Глуздаковым, Лушка увидела Левона и обрадовалась, что наконец настигла его, чтобы разделаться с ним, как повар с картошкой.

Левон предусмотрительно, на всякий случай, отходит за кресло Глуздакова, пытаясь пробраться к окну, через которое вошел.

— Я его по амбулаториям ищу, бегаю, беспокоюсь, а он вот где! А меня оставил подстилку сторожить? Ты же к доктору рвался. Жаловался... гастрит, диета нужна, молоко от одной коровы...— И потом добродушно, но с насмешкой: — А-а, так ты, значит, тут себе фершала ищешь? Надеешься, что Митрофан Сазонович тебе диету пропишет?

Л е в о н *(из-за спины Глуздакова)*. Стыда у тебя нет! Ты ведь не где-нибудь... Уважение надо иметь.

Л у ш к а. Ничего, он — свой человек. Вы только подумайте, Митрофан Сазонович,— свадьбу не можем сыграть. Уперся руками и ногами. Но не будет по-твоему, козел ты упрямый! Только вы, Митрофан Сазонович, не потакайте ему.

Г л у з д а к о в. Ох, и боевая же у тебя баба, Левон. А я думал, что она тихая, спокойная...

Л е в о н. Это зять ее настроил... Я же говорил. Вот и закусила удила...

Л у ш к а. Так ты жаловаться пришел? На зятя? И дочку не пожалел? Гордиться бы таким зятем, а ты... И-эх! — и Лушка рванулась к Левону. Не миновать бы ему нахлобучки, если бы не вмешался Глуздаков.

Г л у з д а к о в. Хватит. Это уже семейная ссора. Дома разбирайтесь. Перегибщик твой зять!

Л у ш к а. Он? Какой такой перегибщик? Просто с женой жить хочет по-новому. И о нас заботится. В чем тут перегиб? Что он в коммунизм тянет?

Л е в о н. Не слушайте ее. Что баба может в политике понять? Куда ей в коммунизм?..

Г л у з д а к о в. Но. Но. Это уж перегнул. Все там будем. И слушайте — не надо скандалов... идите в коммунизм — только тихо, мирно... согласно...

Глуздаков выпроваживает их из кабинета — разъяренную Лушку и перетрусившего Левона.

Но в приемной они принимают оба чинный вид и как примерные супруги под руку степенно проходят мимо удивленных посетителей, до которых только что доносились раскаты скандала.

Но как только они вышли на крылечко, Лушка тут же набросилась на мужа:

— Ты что это надумал, малохольный! Зачем ябедничаешь?

— Тихо... тихо... людей постыдись,— только и может сказать Левон и спешит выйти в многолюдье.

У окна в раздумье остановился Глуздаков, смотрит вслед супругам, как Лушка подгоняет Левона.

— М-да. Такова наша мужская доля! — глубокомысленно заключает он.— Разве райисполком может рассудить мужа и жену? Что же все-таки там: перегиб или не перегиб?

Он мечется по кабинете, ходит, размышляет, гадает на пальцах: перегнул или не перегнул. Затем останавливается перед портретом Н. С. Хрущева и спрашивает: «Перегнул или не перегнул?»

Левон и Лушка проходят мимо щитов с портретами лучших людей района. На одном из них портрет Лушки.

— Расхвалили... раззадорили. Портретик поставили,— ворчит Левон,— передовичка...

— Люди расхвалили, не ты! С тобой 20 лет живу, а слышу одно: дура, глупая.

— Все не с людьми, со мной живешь! Вот и сегодня: таскаешься, как хвост.

— Ах вот как ты! — обиделась Лушка.— Глаза б мои тебя больше не видели! — Левониха схватила с подводы сумку с покупками и ушла к машине.

— Федя! — задержала она шофера, который хотел тронуться.— Подвези меня! — и юркнула в кабину к шоферу.

Левон провел ее глазами, вздохнул, горестно покивал головой, взялся за вожжи и, цмокнув на кобылу, сел на телегу.

День выдался жаркий, солнечный. Разопрел, распарился Левон, сидя на повозке. Над кобылой роем вьются оводни, слепни и огромные мухи. Кобылица, энергично орудуя хвостом, изо всех сил отбивается от назойливых и кусливых мух.

Дорога ведет к небольшой речушке. Здесь моста нет, и обычно речушку переезжают вброд. Кобылка входит в воду и останавливается, чтобы утолить жажду. Она долго и

с удовольствием тянет сквозь зубы воду, иногда поворачивает голову и хватает зубами овода, впившегося в потное тело.

Разморенного Левона манит прохлада речушки. Он начинает раздеваться. Скинув с себя всю одежду и уложив на повозку, Левон осторожно ступает в воду. Речушка мелкая, едва-едва до колен Левону. Он приседает и начинает поливать себя пригоршнями, испытывая необычайное удовольствие. Он так увлекся этим, что вовремя не увидел, как кобыла, напившись воды, неторопливо тронулась и пошла. Левон заметил это, когда кобыла уже была на берегу.

— Тпру. Тпру, волчье мясо! — попытался он остановить ее, но кобыла, азартно отбиваясь хвостом от назойливых мух, даже и ухом не повела.

— От вражина! — ругается Левон и бежит догонять кобылу. Из-под ног с шумом разлетаются веером брызги.

Услышав плеск воды, кобылка оглядывается, стрижет ушами, пугается. И на всякий случай прибавляет ходу.

— Стой, чертова кукла! Подожди! — Левон оглядывается, не видит ли кто его, и пускается в погоню за кобылкой. Но она, подгоняемая мухами и страхом перед неведомым чудищем, рванула повозку и побежала с такой прытью, что через минуту-другую Левон уже отстал на приличное расстояние.

Левон бежал за кобылой, пока не выбился из сил, но так и не догнал ее. Она исчезла за поворотом.

Левон остановился, перевел дух, растерянно осмотрел себя и, поняв нелепость своего положения, почти заплакал: лицо скривилось, как у обиженного ребенка. Но делать было нечего, надо было как-то добираться до дому. Он еще раз с надеждой посмотрел вперед — не остановилась ли кобыла — и двинулся в путь.

Левон идет по полевой дороге. Учуяв потное тело, вокруг него начали собираться голодные мухи и оводы. Левон со злостью прихлопывает их то на ноге, то на спине, то на животе.

Вдали слышится песня. Это женщины и девушки идут на прополку. Левон оглядывается, ищет место, где можно было бы укрыться, но вблизи ни кусточка. Он в панике хотел было бежать обратно, но и сзади приближалась подвода. Левон сворачивает в сторону, падает в борозду и ползает по картофельному полю, прижимаясь к земле. Наконец он добрался до кустов. Из веток и лопуха смастерил

себе первобытную одежду. От куста до куста короткими перебежками направляется к деревне.

А в деревне... Кобылка благополучно прибежала домой. У повозки уже собралось несколько человек и обсуждают странное происшествие.

— И что с человеком могло случиться?

— Гляди, как бы беды не было...

— А может, сам... того? — предположил кто-то.

— Ну да, с чего это,— усомнился другой.

— С чего, с чего! Потом выяснится.

— А посмотри-ка, может, в карманах записку какую оставил?

— В милицию бы заявить.

— Ну-ка, ты помоложе, сбегай пока председателю доложи.

— Может, Лушке сказать?

— Погоди. Зачем тревожить. Может, ничего и не случилось.

И пошла молва по деревне гулять. От бабы к бабе, от соседки к соседке. Дошла она и до председателя колхоза Буйкевича. Буйкевич и Михаил, выслушав сообщение одного из тех, кто стоял у повозки с одеждой Левона, смотрят один на другого и не знают, что сказать.

— Но ведь он с Лушкой поехал...

— Она на машине вернулась...

— Она на ферме?

— Нет, уже домой ушла.

— Пойдем-ка к ней.

— Вы слыхали, товарищ председатель? — обращается к Буйкевичу женщина.

— Слыхал, слыхал,— отвечает Буйкевич и проходит мимо женщины, у которой язык просто чешется.

К женщине подходит Клава.

— А что такое? — спрашивает она.

Женщина что-то шепчет Клаве на ухо.

— Сам председатель сказал!

— Да что ты! — воскликнула Клава.— А Лушка еще не знает.

—Ой, голубушка, и не надо пока ей говорить. Это же убить человека можно,— предупреждает сплетница Клаву.

Охая и ахая, Клава идет к себе домой.

У хаты Левона уже собираются любопытные. Буйкевич и Михаил проходят в хату Левона.

Лушка и Соня стирают белье.

— Лушка! Ты где это своего Левона оставила? — спрашивает председатель.

— А ну его к черту. Думаете, он к доктору ездил? Жаловаться ездил на зятя к Митрофану Сазоновичу.

Буйкевич и Михаил переглянулись.

— Что? Может, еще чего учудил? — спрашивает Лушка.

— Учудил,— отвечает Буйкевич.— Ну, ладно, занимайтесь делом своим, а мы разберемся.

Михаил и Буйкевич выходят из хаты.

— Слушай, Михаил, иди в правление да позвони к Глуздакову, узнай, а я тут организую поиски.

— Кобылка пришла, а самого нету? — Глуздаков так потрясен, что чуть даже не выронил телефонную трубку и в изнеможении сел.

— Нету,— слышен в трубке голос Михаила.

— Начинается! Вот до чего доводят перегибы!

Слышен голос Михаила.

— Да какие перегибы...

Глуздаков. Какие — не знаю, но чувствую. Если что случилось — вся ответственность на тебе... Звони, когда будут новости...— он кладет трубку и обращается к Тесакову.— Беги быстро вызывать пожарную команду. На поиски несправедливо утопшего!

Тесаков выбегает.

— Начинается,— вздохнул Глуздаков, снова опускаясь в кресло.— Ну и беспокойный этот Левон... не мог подождать... Всего полгода осталось мне до пенсии.

В кабинет вбегает Тесаков.

— Митрофан Сазонович! Начальство из области, секретарь обкома! Машина подъехала.

Оба метнулись к окну.

— Садись,— командует Глуздаков.— Мы работаем. Мы спокойно работаем. О Левоне молчи. Читаю я,— и Глуздаков начинает читать чужую анкету, так, будто сам кается в грехах и просит пощады:

— «Не был, не был, не участвовал, не привлекался, не колебался, нет, нет, не имеет...»

В кабинет входит Николай Сергеевич, человек пожилой, небольшого роста, очень подвижный для своих лет и полноты. Добродушное лицо, смешливые глаза — признак острого чувства юмора. Непонятно, почему Глуздаков так испугался этого человека.

Николай Сергеевич здоровается с Глуздаковым и Тесаковым.

Николай Сергеевич. Здорово, орлы! Трудитесь?

Глуздаков. Да вот, знакомимся с кадрами, с будущими депутатами сельских советов и райсовета.

Николай Сергеевич. А, ну-ну. Интересно. *(Просматривает список кандидатов.)* А этот еще не на пенсии?

Глуздаков. Нет, еще нет.

Николай Сергеевич. Э-э, что-то женщин у вас маловато. Одна, две, три... И все? Мало, мало.

Глуздаков. А я и не заметил.

Николай Сергеевич. Постарел ты, Митрофан Сазонович, потому и не заметил. Пропал интерес к женщинам...

Глуздаков *(Тесакову)*. Надо исправить...

Николай Сергеевич. И молодежи мало. Смелей надо выдвигать молодых.

Глуздаков. Хотелось, чтобы в Советах люди опытные заседали, молодые, они из борозды могут выскочить, а люди с опытом, практикой...

Николай Сергеевич. И молодым ведь надо опыт и практику приобретать. А ну-ка вспомни! После революции Россию неустроенную, охваченную пожарами, нищую — кто взвалил на свои плечи? Какие у нас наркомы были? От тридцати до сорока лет. А какой у них был опыт? Тюрьма, ссылки, подполье — и цель! А сдюжили! Вынесли Русь, да еще на какие высоты! У молодых — энергия, энтузиазм, революционный задор, образование. Мы стареем, и, хочешь не хочешь, наше дело надо передать в молодые руки. Только в надежные. Правильно я говорю?

Глуздаков. Правильно, Николай Сергеевич.

Николай Сергеевич. А как вы думаете, молодой человек?

Тесаков. Я?.. Чего ж думать?.. Если есть непосредственное указание.

Николай Сергеевич. А для чего же тогда у человека голова? Поддакивать? Или для улыбок?

Тесаков. Вы не так меня поняли. Я считаю, если человек выше меня по должности — значит, он умнее меня. Иначе — я был бы на его месте. И если он дает ука-

зание — значит, оно продумано более умной головой, чем моя.

Николай Сергеевич. Откровенно.

Тесаков. Простите, не все имеют право давать указания. Нужны точные исполнители. Есть композиторы и есть музыканты. Я музыкант.

Николай Сергеевич. Иногда надо давать работу и голове, а то разучится думать или засохнет без работы и отойдет, без нее проживете? А, музыкант?

И потеряв всякий интерес к Тесакову, Николай Сергеевич обращается к Глуздакову.

— Слушай, Митрофан Сазонович, что там натворил Буйкевич? Я получил письмо одного колхозника... Такая паника.

Глуздаков. О перегибах?

Николай Сергеевич. Вот-вот. Он ведь разумный мужик. Неужели зарвался? Толковая ведь голова.

Глуздаков *(уклоняется от определенного ответа)*. Бывает, понимаете, закружится голова...

Николай Сергеевич. Значит, там действительно перегиб?

Глуздаков. Если перегиб, то...

Николай Сергеевич. За дискредитацию, опошление идеи — не погладим.

Глуздаков *(воинственно)*. Конечно. За идею не погладим.

Николай Сергеевич. А может быть, там настоящее, новое?

Глуздаков. Если новое, то...

Николай Сергеевич. Так что же там? Перегибы или новое?

Глуздаков. Перегибы... и новое...

Николай Сергеевич *(в тупике)*. А ты... изменился. Давненько я тебя не видел... Слушай, Митрофан Сазонович, душно тут у тебя.

Глуздаков *(расстегивая пиджак)*. Верно, жарковато,— подает знак Тесакову, чтобы тот открыл форточку. Послушный Тесаков становится на стул, приоткрывает форточку.

Николай Сергеевич. Или это мне показалось? Что-то знобит меня.

Глуздаков *(неуверенно, Тесакову)*. Тогда закрой.

Николай Сергеевич. Так жарко или холодно?

Глуздаков *(растерянно)*. И жарко и холодно...

Николай Сергеевич. Так, Митрофан, так...

Тесаков в растерянности. Он сейчас не знает, закрыть форточку или оставить открытой.

Николай Сергеевич. Что же это ты, брат? Не узнать тебя...

Глуздаков виновато опустил голову, молчит.

Николай Сергеевич. Знаешь что? Тебе надо поехать к Буйкевичу и Зайграю и разобраться...

Глуздаков *(с готовностью)*. Хорошо. Как раз я должен у них проводить собрание, в райсовет депутатов выдвигать.

Николай Сергеевич. Вот и поговори с народом, разберись. Только дров не наломай. А потом и я побываю там. Ясно?

Глуздаков. Ясно.

Николай Сергеевич направляется к выходу.

Тесаков хотел было услужить секретарю обкома — открыть ему дверь, но Николай Сергеевич отстранил его, открыл дверь и посоветовал Тесакову:

— А думать все-таки надо. Человек не шарманка. А без головы и комар не проживет.

Глуздаков провожает Николая Сергеевича, за ними следует и Тесаков.

Машина с начальством уехала, а Глуздаков и Тесаков остались на улице в полной растерянности.

Наконец Митрофан Сазонович приходит в себя.

— Слушай, Тесаков, мне нужна женщина.

— Вам? Женщина?!

— Да! Женщина, и срочно!

— Слушаюсь и... из каких...? А что скажет Марья Васильевна?

— Дурень. Мне кандидатура нужна! Доярка, свинарка, кукурузоводка, телятница! Давай, тебе сказано!

— Думаю...

Оба в глубокой сосредоточенности думают.

Тесаков похаживает возле портретов передовиков района.

Глуздаков. Как быть? С кем посоветоваться?.. В райкоме ни первого, ни второго...

Тесаков. Есть! Придумал! Вот. *(Он указал на портрет Лушки.)* Левониха! Вместо зятя!

Глуздаков *(удивился)*. Сам придумал?

Тесаков. Сам! Могу!

Глуздаков *(соображает)*. Вместо зятя... *(Жестом он как бы снимает с пьедестала одного и ставит другого.)* Да ведь она же за зятя! Да, но не сам зять... То же — да не то... пониже... К тому же она жена Левона. А он — жертва перегибов. А она — жена жертвы. Значит, есть ли перегиб или нет, она выходит все равно впереди! Достойна! Молодец, Тесаков! Выдвинем Лушку — восстановим справедливость...

— Так, значит, зятя уберем,— Тесаков делает пометку в блокноте,— тещу поставим.

— Да, восстановим справедливость! — повторяет удовлетворенно Глуздаков.— Кто знает... как оно повернется...

А «жертва перегибов», пригнувшись, короткими перебежками пробирается по полю к деревне. В небе на небольшой высоте летит самолет: он опыляет посевы льна, производит химическую прополку. Левон прилег, посматривает на самолет.

— Отравит, ей, ей, отравит, как суслика, как сельского вредителя...

Он перебегает от куста к кусту, а кое-где и ползет по траве к забору, выламывает дыру в заборе, перебирается в огород. Хотел было подняться, но видит: возле его дома люди. Он притаился.

Ползет дальше, но... впереди улей. Левон боится пчел. Прячется под кустом черной смородины. Соображает.

По огороду идет соседка Клава. Она что-то напевает. Приближается к Левону. Левон съеживается, засовывает голову в куст. Клава обратила внимание на шевелящийся куст. Подходит ближе, замечает Левона. С испуга ойкнула. Остановилась и только хотела орать, но в это время Левон высовывает голову из куста и нервно подмаргивает.

— Т-с-с, Клавочка,— умоляет он Клаву.— Отвернись.

— Левон! Ты! — приходит в себя Клава.

— Ну я. Зашел по суседству. Клавочка! Дай мне прикрыться чем-нибудь,— просит Левон.

— Ой, потеха! — Клава понимает юмор положения.

— А чего народ собрался в моем дворе?

— Да ведь слух по деревне пошел, будто руки ты на себя наложил. Лушке пока не говорят. Председатель переживает, Михаил тоже. Весь колхоз тебя ищет.

— Испугались, значит? — радуется Левон.— Ну-ну.

— Я не верила... Разве ты такое можешь?

— А что! Я могу. Если доведут! Я все могу! Ты пока молчок. Пусть помыкаются. Куда бы мне спрятаться?

— Пойдем ко мне,— предлагает Клава, вступая в заговор с Левоном.

Они крадутся огородами к дому Клавы.

Клава вводит Левона в свой дом.

— Ты, может, проголодался? Может, чарочку возьмешь? — Клава ухаживает за Левоном, как за кавалером.

— Да не откажусь.

Клава достает из шкафчика бутылочку, закуску ставит на стол.

— Отощал ты, бедный,— Клава наливает в стакан водку. Себя тоже не обижает.— Заездило тебя хозяйство твое. И чего ты за него так держишься?

— Какой же я был бы хозяин без хозяйства?

— Да сколько всего этого человеку надо? А ты развел гусаков да гусочек, поросят да курочек. Много ли того молока тебе нужно?

— Продам.

— А деньги в чулок?

— Почему в чулок? Костюмы куплю, пальто с каракулем! Мороженое кушать буду, а конфетами закусывать.

— Ну набьешь ты себе живот сладким, ну болит он... А радость какая?

— Хочу солодко пожить,— Левон перекулил еще стаканчик.

— Да разве в этом сладость жизни? И я когда-то так думала... Глупая была. Привязала себя к огороду, к корове... Руки были, как грабли, ноги — грязные, в навозе. И мужик мой бросил меня, нашел почище... А мне, чай, тридцать пять годков. Эх, и плюнула я на все это. И коровку отвела на ферму, и огород уступлю... Поработаю в меру, погуляю вволю. И тебе советую, не держись ты за эту живность!

Левон подозрительно смотрит на Клаву, встает.

— И ты туда же? Не ожидал я от тебя! Не ожидал! Баба и есть баба.

Через окно он видит, что посторонние уходят с его двора.

Неверной походкой он направляется к выходу.

— Спасибо, соседка. Будь здорова.

Левон вышел из хаты.

Лушка и Соня сидят во дворе, убитые горем. Им, ви-

димо, уже сказали о пропаже Левона. Михаил утешает Соню и Лушку.

— Погодите, еще ничего не известно!

— Ай-яй-яй-яй, что он наделал? А? Вот дурень! — искренне горюет Лушка. Вдруг она замечает: раздвигаются доски в заборе и из огорода Клавы в дыру пролезает Левон в халате Клавы.

Соня, Лушка и Михаил не верят своим глазам.

Левон смеется, видя, какой эффект произвело его появление.

— Ну, вот и я. А вы, я вижу, перепугались.

— А-а! Милок! Так вот ты где! — Лушка закатывает рукава.

— Лушка! Лушка! — Левон струсил.

— Так ты, значит, пугал нас? Ну погоди же, мой милый! Теперь я тебя буду пугать!

Левон думал, что Лушка станет бить его, но она не стала скандалить, повернулась к дочери:

— Соня! Собирай свои шмотки! Перебирайся к Мише! Посмотрим, что этот утопленник завтра запоет. Пусть сам хозяйничает. Надоело.

На следующий день Левон был по горло занят своим хозяйством. Все свои функции по дому Лушка передала мужу, и, чтобы вовремя справиться со всеми делами, ему приходится теперь мотаться по двору на рысях. Вот он выносит из хаты подушки и раскладывает на скамейке, чтобы проветрить их и просушить на солнышке. За ним бегает, тычется в ноги и нетерпеливо визжит голодный поросенок. Левон вбегает в дом и выносит оттуда огромную кастрюлю картофеля, выворачивает в корыто, размешивает тесто.

— Сейчас, сейчас, не визжи,— отмахивается он от настырного поросенка. Посолив тесто, он подпускает его к корыту.

Потом Левон бежит к колодцу, вытянул ведро воды, быстро ополоснул подойник и кувшин, повесил их на заборе.

На соседнем дворе распевает Клава. Она развешивает белье. Сколько нерастраченной ласки, сколько затаенной страсти обещает ее томный, грудной голос.

Чтоб на сердце была радость,
а душе хотелось петь,
ой, как надо, ой, как надо
друга милого иметь...

Это не просто песня. Это душа Клавы изнывает от неутоленных желаний. Левон прислушивается.

— Вот кошка... мучится бедная... Как я без Лушки...

Левон оглянулся, поросенок обернул корыто. Левон подбегает, сгребает тесто в корыто, награждает пинком поросенка. Вытирает передником руки, подхватывает подойник, бежит в сарай. Стоит перед коровой, раздумывает, как бы приступиться к ней, чтобы подоить.

— А кыш, чтоб на вас коршун! Левон! Левон! — слышит он панический голос соседки и убегает к ней.

— Посмотри, куда твой петух курочек повел. Огурцы дерут, пересевать придется.

Левон бежит в огород, гонит кур. С шумом и криком они оставляют огород. Клава, посмеиваясь, ожидает Левона.

— Вот прожорливые, черти. И кормлю же их, а как в трубу вылетает. В огород лезут!

— Витаминов ищут! — подсмеивается Клава.— А ты чего там в сарае сидишь? Наседку подменил, что ли?

— Да я к корове никак подступиться не могу. Подоить бы надо, а она не подпускает. Жена где-то пропала.

— Да она у зятя, я видела.

— Ах, там? Ну, я же ей дам! — Левон сбрасывает с себя передник и уходит со двора.

В новой квартире Сони мать, дочка и Михаил слушают музыку.

— Лушка! Лушка! — орет с улицы Левон.

Но Лушка не хочет выглядывать в окно. Соня подталкивает, но она упирается.

Тогда выглядывает из окна Соня и делает ему знаки, чтобы отец зашел.

— А где мать?

— Здесь.

— Пусть выйдет.

— Нет, ты заходи!

— Пусть выйдет.

— Не хочет.

— Лушка! Иди сюда, тебе говорят! — приказывает Левон. Но Лушка, сидя на диване, улыбается, качает головой, дескать, я не пойду.

Тогда Левон решительно направляется в дом.

— Миша! Соня! Встречайте отца. Только ласково, как полагается,— учит Лушка, а сама садится на диван, нога

на ногу, раскрывает первую попавшуюся книгу, демонстративно читает.

Входит Левон, останавливается у двери.

— Проходите, Левон Степанович! Готовь угощение отцу! — распоряжается Михаил.

— Погодите,— Левон жестом останавливает дочку, подходит к жене и иронически спрашивает:

— Читаешь?

— Флобер, «Мадам Бовари»,— просто отвечает Лушка, будто чтение книг для нее обычное дело.

— Та-ак...— Левон оглядывает комнату.

— Посмотри, посмотри, Левонушка, как дочка наша устроилась,— приглашает ласково Лушка.

Левон сдерживает себя. Но квартиру осматривает. Соня чувствует, какая буря в душе Левона. И, может быть, поэтому она водит его по квартире, как почетного гостя.

— Это спальня, тут кухня и столовая. Вот вода,— Соня открывает краник водопровода.— Правда, хорошо? — спрашивает она, заискивая перед отцом.

— Ничего,— Левон открывает дверь в уборную.— И это тоже в хате? Культура, называется.

— Это называется — коммунальные удобства,— поправляет Михаил.

Левон выглянул в окно, ведь квартира на втором этаже, пощупал занавески, осмотрел гардероб.

— Ну, как? Нравится? — спрашивает Соня.

— Что?

— Моя квартира? — спрашивает Соня.

— Нет,— отрубает Левон.

— А чем плоха? — интересуется Михаил.

— Не твоя она. Не собственная. А это все равно что и нет ее.

— Почему? — возражает Михаил.— Как же ее нет, когда она есть. И живу в ней я.

— Музеи да гостиницы я красивше видел. Жилец ты, а не хозяин. Хороши, да не наши. Продать можешь?.. Мои...

— Зачем же продавать?

— Ну, подарить? Хотя бы эти... ну коммунальные удобства? Нет? То-то. Не можешь. Вот и выходит, что квартирант ты, а не хозяин. То-то и оно. И хозяйство развести негде. Это здесь хорошо сидеть на диване да книжки читать. Корову негде поставить.

Михаил и Соня переглядываются. А Лушка, совсем безразлична к выводам Левона, читает вслух:

— «И Леон, по слабости, по глупости, из-за того неопределимого чувства, которое толкает нас на самые нелепые поступки, позволил увести себя к Бриду».

— Корова стоит недоеная, а она книжки читает,— прорвало наконец Левона.— Марш домой!

— Не мешай читать, слышишь?! — Лушка не отрывается от книжки.— «От каждого свидания Эмма ждала глубочайшего счастья, а потом невольно признавалась, что ничего необычайного не испытывала. Но скоро разочарование уступало место новой надежде, и Эмма возвращалась к любовнику, еще более воспламененной, еще более жадной. Она раздевалась резкими движениями, выдергивала тонкий шнурок корсета, и он свистел на ее бедрах, как скользящая змея, и вдруг одним жестом сбрасывала с себя все одежды и, бледная, без слов, без улыбки, с долгим содроганием прижималась к груди Леона».

Левон. Да ты... Да ты что, в самом деле? Или ты хочешь, чтобы я...

Лушка. Не мешай. Я культуру повышаю.

Левон *(кричит)*. Лушка! Не доводи меня!.. Домой! Быстро!

Лушка откладывает в сторону книгу, встает с дивана и грозно наступает на Левона, он пятится к двери.

— Домой! Снова в кабалу? Нет, хватит! Хочу, как дочка, жить!

— Что ты,— растерялся Левон.— А как же... хозяйство?

— Хозяйство? Не нужно оно мне, сдай, как умные советуют, а не хочешь — возись сам. Иди к своей Зореньке, а с меня хватит.

— Ну, знаешь. Ну...— у Левона нет слов, и он в гневе уходит.

Соня. Мама! Ты уж слишком...

— Ничего, доченька! — успокаивается Лушка.— Только такая агитация до него и дойдет. Сколько лет молчала? На нас, бабах, потому и ездят, что молчаливые мы, слово вымолвить не можем. Ну, да теперь я...

Расстроенный Левон возвращается домой, по дороге он сам с собой рассуждает, пожимает плечами, разводит руками. Только вошел во двор, как слышит голос Максима.

— Левон! Левон! Растуды твою катушку! Гуси твои на колхозной кукурузе. Иди сгони, а то постреляю.

Левон бежит к гусям, гонит их с кукурузы, чертыхается.

В сарае мычит корова.

— Сейчас, сейчас, Зоренька,— Левон убегает в дом и через минуту возвращается оттуда, на ходу облачаясь в женину юбку, фартук, платок. Это он делает с целью обмануть корову. Подхватив подойник, подходит к корове. Нежно напевает: «Ты ж моя, ты ж моя, перепелочка...»

Снова едет по улицам «Волга» Глуздакова.

Но теперь он останавливается около правления колхоза, вылезает из машины, что-то спрашивает у выбежавшего навстречу секретаря, что-то говорит ему и входит в канцелярию.

Левон настораживается, слыша знакомый гудок, но никто не идет.

Глуздаков и Лушка около клуба, где вывешены предвыборные лозунги.

— Справлюсь ли,— волнуется Лушка.

— Справишься. А теперь сходи домой, возьми все свои документы и сюда.

— Домой я не пойду.

— Почему это?

— Да не пойду я к Левону, не хочу его видеть. Пусть страдает.

— А ты от первого же поручения отказываешься. Не хорошо это. Мы тебя выдвинули. Ты должна заботиться о своих избирателях.

— Да он муж, а не избиратель.

— А избиратель и муж! — назидательно говорит Глуздаков.— Иди, только ничего ему не говори. Создай ему хорошее настроение и назад. А я здесь тебя подожду.

С громом и шумом из сарая вылетает ведро, а за ним выкатывается и Левон. Не помогла ему маскировка, корова опознала и выдворила его из сарая.

Л е в о н. Сволочь! Негодяйка! Бандит, а не корова *(замечает Лушку)*. А-а, пришла? Явилась? Ты что это думаешь, Лушка?! А? Хозяйство забросила, весь огород лебедой зарос, полоть надо, а ты и ухом не ведешь! Корова с поля пришла, недоеная стоит, мычит... Иди в хлев! Слышишь?!

Л у ш к а. А сам?

Левон. Не подпускает. Недотрогу из себя строит. Руку лижет, ласкается, а за вымя взяться не дается.

Лушка. Стесняется, видимо. Левон, где твои удочки?

Левон. Какие удочки?

Лушка. Твои. Чем рыбу удят.

Левон. Зачем они тебе?

Лушка. Приехал Митрофан Сазонович.

Левон. То-то я слышал гудок, да думал, обознался. Ну иди к корове. Я сейчас соберусь.

Лушка. Нет, Левонушка, не спеши. Я сама.

Левон. Что — сама?

Лушка. На рыбалку с ним пойду.

За забором Клава давится от хохота.

Левон. Что-о? Корова стоит недоеная, огород надо полоть, а ты... Брось шуточки!

Лушка. А я серьезно! На рыбалку пойду я.

Левон. Ты что? Ум потеряла?

Лушка. Нет, дорогой мой, нашла! Я столько лет коровьим хвостом была спутана, гнула спину над лебедой. Теперь довольно. Я зарабатываю себе, я на службе. Отслужила, заработала, а теперь в свободное время могу и порыбачить.

Левон. Ей-богу, ты спятила. Женское ли это дело?

Лушка. Хватит на жене ездить! Корову подои. Огород прополи, обед приготовь, поросенка покорми, посуду убери, белье постирай, спать вас положи, да чтоб не мулко было. И в колхозе и на работе не отставай — дай минимум! Нет! Баста! Дам максимум. А в доме — ты за меня все досмотри. И юбку мне постирай, и обед мне приготовь, и хлеб испеки, и огород прополи! А как ты думал? Вот как испробуешь такой жизни, то и ты попросишь коммунизма. А то за женииной юбкой тебе удобно, тепло, уютно. Приспособился.

Левон. Выходит... А ты что делать будешь?

Лушка. А то же, что делал ты двадцать лет. После работы рыбу удить, папиросой дымить, в кино ходить, книжки читать, цветочки разводить.

Левон *(грозно)*. Мне такая хозяйка не нужна. Выгоню вон!

Лушка. Ой, испугал... Левонушка, милый! Я сама уйду. К зятю жить уйду. Все тебе оставлю, а сама уйду!

Лушка как будто всерьез собирается уйти, забирает удочки.

Левон. Куда удочки берешь?

Лушка. Теперь они тебе не нужны будут. Не будет времени заниматься ими. Ты ведь — невольник. Правильно Миша говорит: ты — раб коровы, раб курицы, раб лебеды. Тобой ведь живность распоряжается.

Заметила полосатую дерюжку, берет ее и сует Левону под нос.

— Вот оно — твое знамя. На, на, возьми! Держись за него.

Левон *(вскипел)*. Что ты мне тычешь, что ты мне суешь под нос!

Выхватывает у нее дерюжку, замахивается на жену, но...

Лушка уходит с удочками на плече, напевая:

«Сердце, тебе не хочется покоя».

Вечереет. Около клуба собирается народ.

Мимо дома Левона проходят люди, торопясь на собрание, окликая друг друга.

И пес Буржуй выбегает полаять на прохожих.

Из-за загородки выглядывают, вытягивая шеи, гуси.

Клава, накинув полушалок, шевеля бедрами, проплывает мимо его калитки и видит, как Левон гонится за псом, отбирая у него злополучную дерюжку.

— Чтоб ты сдох! Охранять добро должен, а ты со двора тянешь.

Но собака воспринимает эту погоню, как веселую игру.

— Ле-евон! — томно зовет его Клава.— Ты еще не собрался?

— Некогда мне,— бурчит Левон.

— Слыхала, что там твоя Левониха гуторить будет. Пойдем послушаем...

— Чего ее там слушать! Я ее двадцать лет дома слышу — толку не услышал,— ворчит Левон и заходит во двор.

Клава пошла одна.

Левон гоняется за курами по двору...

Упал. Приподнялся. Задумался. Уже совсем темнеет.

— Кто его знает, что там эта баба может ляпнуть. Пойти, что ли?

И Левон, сняв передник, идет к клубу.

Когда он подходит к клубу, из окна слышится голос Левонихи.

— Мне тут товарищ Глуздаков написал, что говорить, сказал: не надо от себя выдумывать, но это я потом скажу. А начну со своего, что накипело, наболело... Можно?

— Правильно, Лушка! Свое давай,— поддержал ее кто-то из зала.

Левон, прислонившись к дереву, слушает у окна.

— Вот тут наш партком, Михаил, рассказал о будущей жизни. О том, какая она будет красивая, если освободить от своих хозяйств нас, женщин,— Лушка на минуту остановилась.

— Тоже освободитель нашелся,— недовольно сплюнул Левон.

— Ну и красивая же тогда будет жизнь! — воскликнула Лушка.— Мы, бабоньки, должны дружно, сердечно и очень дружно заступаться за эти планы. Потому что, не будем греха таить, есть у нас такие, которые пуповиной приросли ко двору своему. Другой в колхозе отрабатывает только минимум! Да как же мы построим коммунизм? Мало его. А вот на своем огороде... чтобы удержать мое, свое, лебеду, коровку, он готов из жены рабочую скотину сделать. Бабоньки! Да нешто мы не люди?

— Ты бы про своего Левона сказала! — с ехидцею посоветовал кто-то.

— А я про кого говорю? Помогите вы ему человеком стать. Сколько той собственности, а он... Я теперь понимаю тех буржуев американских, у которых фабрики да заводы. Они и водородную бомбу готовы сбросить, чтобы удержать свое...

Левон аж плюнул со злости.

— Тьфу, чертова баба, меня равняет с теми буржуями. Вот позорит.

У Левона опять появляется нервный тик. Клава по-своему поняла подмаргивание. Левон отходит от клуба. Через минуту слезает с подоконника Клава и отправляется следом за Левоном.

Во двор Левон пришел раздраженный и злой. Исчезла обычная нежность и ласковость в обхождении со своей живностью. Пинками он загоняет в сарай поросенка. Навязывает на цепь Буржуя, со злостью рубит сечкой траву в корыте.

Приходит во двор Левона Клава, подходит к нему.

Клава *(ласково)*. Левон! Левонушка! Бедный мой! Да что же ты...

Левон. Ну, как же теперь жить с ней?

Клава. А ты не бедуй. Без нее обойдемся: как-нибудь проживешь, в обиде не будешь.

Левон. Да разве я только для себя старался? Ты по-

смотри: и дом, как игрушка, и веранда, и... А садок? А пчелки? Коровка, два кабанчика, курочки, гусочки... Двор — полный короб...

Клава. Левонушка, милый! Ерунда все это!

Левон. Ерунда? А что не ерунда? А?

Клава присаживается к Левону, да так близко, что слегка прижимается грудью к его плечу. Левон отодвигается, будто печет его.

Клава. Ласка!.. Любовь! Ой, Левон, Левон! Какая это сила ласка да любовь. *(Презрительно.)* Ну, что там водородная бомба! Пустяковина!

Левон. Чепуха все это, твоя любовь да ласка!

Левон встает, заходит в дом. Клава следует за ним.

Клава. Нет, не чепуха! Ты просто не видал ее со своей Лушкой.

Левон. А, видал! Чепуха!

Клава. Не такая, знать, тебе жена нужна. *(Подумав.)* А может, ты, как мужчина... не удержал ее?

Левон *(не так поняв)*. Знать, верно... Не удержал ее в руках.

Клава *(улыбнулась недогадливости Левона)*. Но ничего... Посмотрим. Не горюй, Левон. Ты еще не стар. Сколько тебе?

Левон. Сорок и два.

Клава. У-у, самый смак! Без присмотра ты жил, жена виновата, но ничего, ты поправишься, я тебя откормлю.

Левон *(прислушивается)*. А почему ты?

Клава задергивает на окне занавески.

Клава. Ослаб ты, бедненький... Жена тебя покинула, да? Настоящей женской ласки ты не видел. Садись. Побалуйся чайком... И тебе не скучно будет, и со мной веселее...

С собрания на ферму бежит Соня.

Забегает за загородку и начинает поить телят. Только сейчас она замечает, что из-за забора любуется телятами Николай Сергеевич.

— Здравствуй, красавица.

— Здравствуйте! Вам кого?

— Да мне Чмых нужна.

— Я Чмых. Соня Чмых.

— А, вот ты какая. Но мне нужна постарше.

— Мама на собрании речь держит...

— Нет, мне нужен Левон Чмых.

— Папа?

— Чего удивилась?

— А приезжие все маму больше спрашивают... иногда меня, а отца...

— А мне отец нужен. Проведешь?

Соня кончила поить телят и ведет по улице Николая Сергеевича. Подойдя к родному дому, она останавливается.

— Вы подождите минутку, я посмотрю, как там,— виновато улыбается и убегает.

Николай Сергеевич рассматривает дом Левона.

Соня вбегает во двор, затем в дом, откуда струится свет, и... видит, как Клава ласкается к Левону, а он не знает, что и сказать и сделать, зажмурил глаза, как кот. И приятно, и не время.

— Папа! — вскрикнула Соня.

Левон, очнувшись, сдирает Клавины руки.

Клава, увидев Соню, встает как ни в чем не бывало.

— Левонушка! Где твое ведерко? Я пойду корову подою.— Клава забирает ведерко и уходит.

Соня смотрит на Левона. Он беспомощно разводит руками — сама, мол, видишь, что происходит, ничего, мол, не поделаешь.

— Ну вот сидели, говорили...

— Как тебе не стыдно! — с горечью кричит Соня.

— Да это не я... она сама... не обнимал я... сама она...

— Видела я,— упрекает Соня.— Не маленькая уж. Сама замужняя. Маму выгнал, а сам...

— Это же она бросила меня...

— И поделом! Все маме скажу! А сейчас иди, принимай, гость к тебе. Из области.

Левон засуетился.

— Подожди... задержи... не веди... сразу...

Выбежал вслед за Соней на двор и забегал, наводя порядок.

Из сарая выходит Клава.

— А где твоя цедилка?

— Нет у меня для тебя цедилки! Иди-ка ты, Клава, домой. Я уж сам как-нибудь... Иди... гость пришел... увидит.

И открывает перед ней дырку в заборе...

Но Клава посмотрела на него и бросила на ходу:

— Ну и наплевать! — зашла в дом.

Левон опешил.

— Ну и бабы. Лушке — только и нужен коммунизм. А этой только и снятся штаны.

Соня выбежала на улицу и пробурчала Николаю Сергеевичу, всхлипывая, пряча лицо в платок.

— Идите уж,— и сама убежала к клубу.

Входит во двор Николай Сергеевич.

Левон прячет передник.

Николай Сергеевич. Я хотел бы повидать Левона Чмыха.

Левон. Я и есть Левон Чмых.

Николай Сергеевич. Добрый день!

Левон. День добрый.

Николай Сергеевич. Давайте знакомиться. Я — секретарь обкома. Зовут меня Николай Сергеевич. А вас?

Левон. Левон Степанович.

Из хаты выходит Клава со стаканом молока. Здоровается с Николаем Сергеевичем поклоном и ласково предлагает Левону:

— Я молоко процедила. Выпей стаканчик парного.

Левон. Не хочу. И знаешь, Клавдия, не приставай. Ничего у нас не выйдет. Не надейся.

Клава. Да что ты, Левонушка? Чем я тебя обидела?

Левон. Я свое слово сказал. Иди домой.

Николай Сергеевич. Вы что, поссорились с женой?

Левон *(тушуется)*. Это... не жена.

Николай Сергеевич. А... кто?

Николай Сергеевич с удивлением смотрит то на Клаву, то на Левона. Левон смущается, стесняется.

Левон. Это... так... соседка...

Николай Сергеевич. Хм... А жена где?

Левон. Нема. Ушла. Бросила меня, товарищ секретарь. К зятю жить ушла.

Николай Сергеевич. Почему?

Левон *(мнется)*. Из-за коровы... и вообще. В принципах нет согласия.

Николай Сергеевич. А может, потому что вас на молодое потянуло?

Левон. Да не. Глупости это. Не желает хозяйством заниматься, огород полоть не хочет.

Николай Сергеевич. А чего же она хочет?

Левон. Корову завести на ферму, чтобы юбку ей стирал, обед готовил и все такое... Меня бабой сделать...

Николай Сергеевич. А она?

Л е в о н. Книжки читать, в кино ходить, рыбу удить и вообще... Хватит, говорит, довольно!

Н и к о л а й С е р г е е в и ч *(хохочет до слез)*. Здорово! Просто здорово! *(Сочувствует.)* Ну и как же вы?

Л е в о н. Довели... Запарился. А было — так приспособился. Двор — полный короб. И никаких тебе налогов. Никаких финагентов. Лучше и не надо. Дочь замуж выдал, а зять не захотел тут жить. Ничего не понимаю. И жена ушла. Остался один, как смык один.

Н и к о л а й С е р г е е в и ч *(сочувствует)*. Да-а... Получил я твое письмо, на председателя, на зятя пишешь. Вот и приехал разобраться. Как я понял, главный перегибщик у вас жена?

Л е в о н. Да, теперь она.

Н и к о л а й С е р г е е в и ч. Ну да... А советская власть ни при чем. Председатель ведь корову не отбирает, парторг — ваш зять — тоже нет.

Л е в о н. Они подбухторщики.

Н и к о л а й С е р г е е в и ч. Значит, жалуетесь вы на жену? А может, ваша жена права. Ведь и впрямь — пора ее освободить от этой обузы?

На улице шум, гомон, смех. Это закончилось предвыборное собрание, и люди повалили из клуба. Настроение у всех веселое, праздничное. Где-то даже заиграла гармонь. Колхозники окружили Левониху, поздравляют ее, поздравляют Михаила.

— Да что вы, бабоньки,— скромничает Лушка,— еще ведь голосование покажет.

— Если выдвинули, то и проголосуем.

— Считай — мандат в кармане.

— Правильная у тебя позиция. Стой за баб. Не нужно нам это хозяйство. Вот оно где у нас сидит.

Соня пробирается сквозь толпу к матери.

— Мама! Мама!

— Что, доченька?

— Сейчас же идем к отцу.

— Нет, Сонюшка. Идем к тебе. *(Как заговорщице.)* Он еще не созрел.

— Мама! Сейчас же идем к отцу,— настаивает Соня.

— Ко мне?

— Нет, к нему.

— К нему? Ну, пойдем...

Соня и Лушка выбираются из толпы.

Буйкевич тоже доволен. Он подтолкнул Максима и ука-

зал на грустного, обиженного Глуздакова, который отчалил от этой шумной и говорливой толпы и раздумывает вслух.

— Как же это так?

— Он хотел Лушку вместо Михаила выдвинуть, а получилось, что ее вместо его самого выдвинули. Люди-то теперь у нас — ого! Сами с усами!

Буйкевич подошел к Глуздакову.

— Вы, Митрофан Сазонович, не обижайтесь. На пенсию вам пора.

Глуздаков. Я и не скрываю. Пора. Полгода не хватает. Хотя бы полгода подождали. А?

Михаил. Подождать? Нет. Полгода — это полгода! Отстать на сто восемьдесят три дня? Нет!

Лушка пришла в свой двор и остановилась, как бы говоря, вот, мол, я, присмотрись, Левон, а то ты двадцать лет жил со мной и не знал, какая я. А вот чужие люди разглядели и оценили.

— Ну, что ты стоишь, как на выставке? Хоть здравствуй скажи человеку,— Левон указал на Николая Сергеевича.

— Здравствуй, человек,— поздоровалась Лушка с незнакомым.

— Ну, Левон, поздравляй меня. Выдвинули в депутаты райсовета.

— Кого? Тебя? — удивился и не поверил Левон.

— Меня,— с гордостью сказала Лушка. И прозвучало это «меня», как упрек Левону, дескать, ту, которую ты ни во что не ставил.

— Да какой же из тебя депутат? Ты ведь двух слов связать не можешь! Там ведь выступать надо! Там ведь умные люди нужны.

— А и я не глупая. Против таких вот, как ты, я и без писаного выступать могу! — Лушка вошла в азарт.— А там что, глядишь, как по маслу пойдет. Научусь! Книжки буду читать, газеты... Человеком себя почувствую. А то не было времени о себе подумать. Посни, поешь и работай как вол, от темна до темна. Нет! Минулось! Все!

— Что с бабой делается! — удивляется Левон. В голосе слезы.

— А я-то руководить буду такими, как ты! Пусть подстраиваются. Ленин как учил? Каждая кухарка должна уметь государством управлять. Государством! Ну, а я пока не государством, а тут, в районе. А там подучусь малость, глядишь, и,— витийствует Лушка.

Николай Сергеевич *(Левону)*. А чего? Пожалуй, не плохой будет депутат.

Левон *(потрясенный)*. Люди добрые! Что творится на свете? Новости какие? Моя Лушка выходит на орбиту! В космос летит! Держите ее!

Лушка. Нет, милок! Теперь ты меня не удержишь!

В дверях появляется Клава. Лушка даже язык прикусила, увидев, что Клава появилась из ее дома. Но та как ни в чем не бывало бросается лобызать Лушку, тараторя поздравления.

— Лушка, милая! Поздравляю тебя!

Левон, удивленный находчивости соседки, только глазами моргает. Соня поражена вероломством и фарисейством Клавы.

— А ты как сюда попала? — с подозрением спрашивает Лушка.

— Да я, Лушенька, помогла ему коровку подоить. Пока ты на собрании, ты ведь занята, ты ведь теперь,— льстила Клава соседке.

— Слушай, а ты не Левона тут пасешь? — сомневается Лушка.

— Да что ты, бог с тобой,— клянется Клава,— кому он такой нужен!

— А зачем же вы его покинули, ушли от него, оставили одного? — Николай Сергеевич тоже улыбается.

Лушка. Пусть испробует нашей женской доли. Ты ведь только один день побарахтался тут. Я ведь всю жизнь так. Что? Сладко? Легко? А ты еще и дочь хочешь захомутать, мое ярмо на нее одеть? Соня! Доченька! Держись за Мишу! Он и для людей постарается, и для тебя! С ним ты вольною пташкою поживешь!

Соня. А как же вы?

Лушка. И я с тобой! *(Махнула рукой на Левона.)* В кино будем ходить, на экскурсии. Мы с тобой вокруг Европы поедем. И людей повидаем, и сами покрасуемся.

Соня. А он? А отец как же?

Лушка. Он? Пускай барахтается в своем болоте, в этой тине, со своими курами, гусями, свиньями, лебедой. Может, поумнеет, освободит руки и приплывет к нашему берегу.

Соня. Ведь жалко его, мама.

Лушка. А он пожалел тебя? Товарищ секретарь, пойдемте к нам, с ним вам не о чем толковать.

Николай Сергеевич. Левон Степанович, так

кто же все-таки прав? Вы или жена с зятем? Как быть с письмом о перегибах?

Лушка. Так он и вам писал? *(Подступает к Левону.)* Так ты и туда наюдил? Ах ты, пережиток ты чахлый! Вот я сейчас тебя перегну!.. Что моргаешь? Что моргаешь? Набрался сорому, как жучка блох, и моргаешь?

Левон. Товарищ секретарь, отдайте мне это письмо. Видать, все-таки я марширую не в ногу. Надо переменить ногу.

Лушка. Это как понимать? Волю мне дашь?

Левон. Это как?

Лушка. Обед будешь готовить, юбку стирать.

Николай Сергеевич. Ну с юбкой вы лишнее хватили.

Лушка. Лихо с ней, с юбкой. Юбку мне председатель постирает. А не захочет — откроет в колхозе прачечную. А корову на ферму заведешь?

Левон. Корову я бы пока...

Лушка. Что? Гастрит? Диета? Нет! Теперь выбирай: корова или я? С кем хочешь жить? С коровой или со мной?

Левон. Лушенька! Да я... Ну, конечно, с тобой... только...

Лушка. Так вот, Левон! Воля моя такова: корову продаешь на ферму, огород сдаем в колхоз, некогда мне возиться, а то, пока я на ферму, да государственными делами буду занята, соседок будешь водить к себе... коровку подоить! Соня! Выгоняй корову!

Глянули, а корова, внимательно слушавшая их разговор, уже сама пошла со двора, мыча и вытянув вперед голову. Все переглянулись.

— Луша! Депутат! — донесся крик.— Скорее! Тебя ждут! Из соседских сел бабы приехали...

Лушка гордо осмотрелась и, поклонившись всем, пошла. За ней вышли и Николай Сергеевич, и Левон, Соня, Клава. Все идут вслед за коровой, которая, громко мыча, идет на ферму.

Студзень, 1962

ПОСЛЕ ЯРМАРКИ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СЦЕНАРИЙ ПОЛНОМЕТРАЖНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЦВЕТНОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ТЕЛЕФИЛЬМА (ПО МОТИВАМ ПЬЕСЫ ЯНКИ КУПАЛЫ «ПАВЛИНКА»)

Карусель. На лошадках и в золоченых фаэтончиках герои фильма. Парад — представление актеров. Титры.

С карусели — ярмарка в престольный праздник в одном из местечек Белоруссии в начале XX века. Детали ярмарки: торгуют и предлагают свои услуги горшечники, бондари, кузнецы, лудильщики, точильщики, самопрядочники, цыганки-гадалки. Продаются дудки, свистульки, жалейки, грабли, вилы, табуретки, веники, зеркала, мониста, платки и разноцветные ситца, мед, пиво и горелка. На подводах поросята и телята, курочки и петушки, сыр, масло и творог, конфеты и бублики, баранки и пирожки. И всюду — суета сует и томление духа. Суету сует олицетворяют торговцы и покупатели, танцующие и поющие, кричащие и вопящие, зовущие и просящие. А томление духа воплощают два карманника.

На все голоса изощряется батлейка.

Крестьянские возы, телеги. На одних развернута торговля, на других еще разворачивается.

Только что встретились, обнимаются Криницкий и Пусторевич.

— О-о, куме! Здорово, кум!
— Здоров, Степан! Здоров!
— Что привез продавать, кум?
— Овес,— отвечает куму на ушко.
— А почему на ухо шепчешь?
— Чтоб кобыла не услыхала.

Между возами идет Яким Сорока. Он ищет Криницких, высматривает. К нему пристает цыганка.

— Дай погадаю, красавец!

Яким отмахивается. Подходит к лотку, где продаются книжки, календари, лубочные картинки, портреты царя и кровавых и раззолоченных генералов, иконки, крестики. У лотка топчется идеолог тех времен — поп. В руках у него книга. Когда чуть приподнимается обложка, ясно читается название — «Декамерон».

На Якима Сороку налетает парень в студенческой форме. Обнимаются, бурно радуются встрече.

Ну будто бы всамделишний пуп земли — в центре ярмарки возвышается фигура станового пристава — классическая фигура сатрапа — столпа самодержавия. Величественно поводит взглядом. Величие повелителя так и прет из него.

Яким и студент полюбовались им, перемигнулись.

Ярмарочная суета и пестрота лиц. Мимо этих разнообразных типажей проходит становой — недремное око власти. Он направляется к армянину — продавцу вина. Облизывается, прокашливается, предвкушая добрую чару.

Туда же подбегают Яким и студент, подставляют табурет, предварительно смахнув с него рукавом пыль. Подстилают бумагу.

Становой пьет, наслаждаясь вином и уважением. Встает. Вытирает усищи, идет на аппарат.

...А сзади следуют за ним — сначала двое-трое, потом больше и больше — будто магнитом тянет он за собой людей,— и образуется шествие во главе со становым. Толпа, следующая за становым, хохочет. Крупный план со спины станового: на заднице приклеен портрет царя. Когда становой проходил мимо попа, тот сказал ему:

— С вас смеются, Михайло Гаврилович. И с его величества смеются.

Становой оборачивается. Толпа замирает, застывает, как замороженная. Но сзади новый взрыв хохота.

Поп становому:

— Государь император у вас на заднице висит.

Становой, как слепой, ощупывает рукой на заднице лицо императора. Вроде бы узнает его. Нежно отклеивает портрет. Но в портрете все равно образовалась дырка. Там, где у государя размещен рот.

— Кто-о-о? Я спрашиваю — кто-о-о? — орет становой, показывая портрет.

Толпа хором:

— Царь-батюшка!

Становой взбешен:

— Я спрашиваю — кто повесил царя?

— Неужто повесили? — обрадовался кто-то в толпе.

— Давно пора,— озорует другой.

К становому подходит студент и строго выговаривает становому:

— Вот доложу губернатору, что ты слухи распускаешь, будто царя повесили! Да еще с портрета государя императора посмешище устраиваешь! Сгниешь на каторге!

— Как можно-с, ваше благородие? Как можно-с? Не я это...— оправдывается становой.

— Порви!

И становой послушно рвет портрет царя.

— Вот теперь сгниешь на каторге! — обещает студент и скрывается в толпе.

— Становой портрет царя порвал! — кричит Яким.

Толпа смеется. Смеется Пусторевич. Смеется его баба — Агата.

Хоть и не понимает, чего все смеются. Смеется цыган. Хохочет Криницкий. Появляется рядом Яким. Замечают друг друга.

— Добрый день, дяденька Степан! — приветливо здоровается Яким.

— Пошел, пошел, племянник! — грубо отвечает гонористый шляхтюк Криницкий и хмурый уходит к своему возу.

— Грамотей! Социалист! Афишник! — ворчал Криницкий.

Но Яким не отстает. Следом подходит к телеге и спрашивает у жены Криницкого — Альжбеты:

— А где ваша Павлинка?

— Дома осталась. Скотину досмотреть оставили. Хату караулить.

— Что ты ему докладываешь, брандахлысту, мужику? — сердится Криницкий.

Хата Криницких. В палисаднике среди цветов, опершись на плот, стоит грустная Павлинка. (И до чего же эти холеры-шляхтянки бывают красивы! Глянешь на нее, а потом глаз никак не отвести.) Ожидает Павлинка кого-то или просто грустит? А может, обижена на своих стариков

за то, что не взяли ее на ярмарку? А душа ее поет грустную-грустную песню.

— Ой, пайду я лугам, лугам,
Дзе мой мілы арэ плугам.
Як ён арэ, то я бачу,
Як ён пяе, то я плачу.
Ой, панясу яму есці,
Ці не скажа разам сесці?
Ой, панясу яму піці,
Ці не будзе гаварыці?
— А я ляжу і думаю,
Што нялюбу жонку маю.
— Ці табе вылезлі вочы,
Чаго сватаў мяне ўночы?
Было сватаць у дзень бяленькі,
То не быў бы мой міленькі!

По деревенской улице, скрипя и повизгивая, медленно движется старенькая, видавшая виды, но фасонистая коляска шляхтича Быковского. В коляске сам пан Адольф Быковский. Горделивая поза, надменный взгляд, холодный, высокомерный прищур глаз и неподвижность туловища скорее напоминают потрепанный манекен, а не гордого шляхтича. Но примечательнее всего тут — его лошадь — старая, мудрая, добрая, внимательно и заинтересованно рассматривающая все, мимо чего она проходит. Порою она кажется умнее хозяина и с большим чувством юмора.

Вот она остановилась, рассматривает петуха, который, найдя зернышко, не сам клюет, а созывает курочек. Вдруг лошадь навострила уши, следует диалог пожилой женщины и мальчика, стоящих у калитки с другой стороны.

— А где же ваши девчата? — спрашивает женщина.

— Дома. Шьют и поют.

— А мама что делает?

— А мама порет и плачет.

Лошадь вроде бы улыбнулась. Нет, это Быковский дернул вожжей узду. Она пошла... мимо забора с горлачами, кувшинами, гладышами на кольях.

На солнцепеке дремлет кот. Рядом тревожно чирикают воробьи: знают они, как дремлет этот исконный враг их.

Вдруг препятствие. Посреди улицы в песке сидит го-

лопузый мальчуган лет трех-четырех. Он строит свой город из песчаных печурок. Город с заборчиками, садами, палисадниками. Лошадь останавливается, рассматривает архитектурные ансамбли, выстроенные мальчуганом. Мальчик отмахнулся от нее — мол, не мешай, объезжай. Лошадь отступила назад и уважительно объехала стороной этот новый городище.

Ничего этого не замечает надутый шляхтюк. Индюк индюком. Не едет, не смотрит, а себя показывает. Правда, не всего. Он прячет дырявые перчатки, сквозь которые видны в дырках пальцы.

У ворот, пригнувшись, баба сквозь щель подсматривает тайны чужого двора. Рядом оставлены ведра с коромыслом. Лошадь, оценив безнравственность поведения сплетницы, наезжает колесами на ее ведра, опрокидывает их. Ругань же достается пану Быковскому:

— Разява! Индюк! Чтоб тебя по пузу так переехало!

Но вот лошадь опять навострила уши. Ее будто магнитом тянет к палисаднику, за которым поет Павлинка. И только когда лошадь остановилась, зацепившись колесами за плетень, Быковский будто очнулся. Он повернул голову и обалдел. В цветнике за плотом он увидел наипригожейший из цветков — Павлинку.

Лошадь достает губами цветы за забором. Быковский, зачарованный и песней и красотой, рассматривает девушку. Губы его шевелятся, пытаются что-то произнести, но... как в народе говорят — онемел от неожиданности. Вот какая Павлинка!

Павлинка поначалу даже не замечает его. Ее глазки затуманены: вот-вот готовы брызнуть слезы. А когда заметила, то ей очень уж не понравилось, какими глазами он рассматривает ее. Ей захотелось показать ему язык. Может, даже и показала. Однако это Быковского не сконфузило. Потому что у Павлинки и это выходило мило. Его лицо расплылось в доброжелательнейшей улыбке. Кажется, что он тает и млеет, млеет и тает.

Павлинка крупным планом. Личико ее яснеет, светлеет и озаряется радостной улыбкой. Она уже готова закричать от счастья. Ну, конечно же! Все ясно! Она заметила, что там, за повозкой Быковского, появился ее милый — Яким Сорока. А этот дурень, пан Адольф, присвоил себе ее улыбку. Самоуверенный шляхтюк!

Яким подходит к повозке Быковского, вынимает у него из рук кнут (Быковский даже не обратил на это внимания)

и со всего размаха хлестнул лошадь, та, наконец, сообразив свое участие здесь, так рванулась, что Быковский чуть не выпал из повозки. И вот уже от него осталось только облачко пыли.

А Яким и Павлинка уже целуются.

— Павлинка! Ягодка ты моя! Малинка сладкая!

— Якимка! Голубок мой сизокрылый!

— Вот тебе петушок, любая моя! — Яким дает Павлинке конфету.— Я тебя там, на ярмарке, все высматривал. А ты...

— А я тут так тебя ждала! А там, верно, так весело... Цыганки гадают... А?

А на ярмарке действительно весело. Пан Быковский пристраивает свой тарантас рядом с возом, на котором продают мед. Привязывая лошадь, он замечает, как под соседней телегой работает бритвой карманник. Он вырезает у продавца меда под полой свитки карман с деньгами.

Дядька, отвесив безменом мед, принимает деньги и опускает их в глубокий карман, и там из руки в руку передает карманнику. Воришка вылезает из-под телеги возле Быковского, и тот не только не помешал жулику ускользнуть, но даже вежливо посторонился.

— Сдачу, сдачу давай,— требует покупательница.

Дядька засовывает руку в карман и вдруг обнаруживает, что карман бездонный. Он столбенеет. Женка его, сидящая на возу, с удивлением смотрит на мужа. Наконец и она поняла, что случилось, и заорала на весь базар, да так голосисто и звонко, что перекрыла весь шум и гам базарный.

— Ратуйте! Караул! Злодеи! Ловите!! Карман вырезали! Отрезали!

И смотрит по сторонам — кого же ловить?

И пошло-поехало по базару:

— Кого-то зарезали?

— Всю семью вырезали!

— Да ну?!

— Сам видел: семеро деток лежат один под одного...

— Поймали?

— Ну и ловкачи! А? За пазухай баба деньги прятала, и вырезали. А?

— Она думала, что тот ухаживает, а он...

— Словили?

— Да, поймаешь теперь. Не надо было ворон ловить.

Некоторые добродушно посмеиваются, некоторые сочувствуют бабе, а некоторые хватаются за свои карманы, проверяют — целы ли?

Жена Пусторевича посмеивается.

— Кого там зарезали? — переспрашивает Пусторевич.

— Карман с деньгами отрезали, дурница! Вот у меня пущай попробуют... Не зевай! Не зевай!

Бойко идет торговля у Пусторевичей. На возу разложены яйца, сыр, творог, сало, масло. Деньги принимает сама Агата. Она их складывает не в карман, а в дежку, на которой восседает. Возьмет деньги, привстанет, откроет вечко, вкинет монеты и тут же прижимает крышку своим мощным задом. Покупают у них товары охотно, торг идет весело. А Агате довольно часто приходится открывать крышку дежки.

А вот сам Пусторевич не очень весел. Нет-нет да и оглянется на соседний воз. Там уже пьют и закусывают. А Пусторевич облизывается и слюнку глотает.

— Слушай, баба! Собственно, в горле пересохло. Пусти промочить!

— Успеешь, цедилка рыжая! Тудэма-сюдэма...

Пусторевич попробовал украсть деньги, которые только что получил у еврейки за клинок творога, но... бдительная баба тут же шарахнула его по голове, да так, что и шапка на бороду сползла.

— Отдай! Чтоб тебя хапун схватил!

Отнимает деньги и опять же — под себя.

За ней наблюдают те двое — карманники, которые только что вырезали карман. Перемигнулись. В знак согласия кивнули друг дружке головами. Разошлись.

Пусторевич сидит, будто мыло съевши. Возвращаются карманники с цыганским аттракционом.

Звучит цыганская мелодия, веселая, залихватская, звенит и грохочет бубен. Бродячая эстрада останавливается за возом, где распивают горелку. Цыганенок с медвежонком танцуют, кувыркаются. Вокруг собирается толпа зевак. К цыганенку присоединяется молодая цыганочка с большими серьгами, монистами и с бубном. А-ах! Умели когда-то танцевать!! Старая цыганка ходит по кругу с кружкой — требует плату за зрелище.

Привстав с телеги, с восхищением смотрит на цыган Пусторевич.

— Вот гаденыш! А? Вось-цо-да! А-а-ах, собственно!

Хочется посмотреть и Агате. Но кто-то заслоняет от нее цыган. Она приподнимается: ее тоже гложет любопытство. Здорово все-таки танцуют бродяги.

— Такое малое, тудэма-сюдэма, а так выкаблучивает...

Пусторевич вдруг сообразил, что баба освободила дежку. Карманник с возмущением наблюдает эту сцену и, кажется, вот-вот заорет: держи вора! Ну, конечно же, Пусторевич сейчас обворовывает, собственно и его, а не только Агату. Как только старик сполз потихоньку с телеги и стал улепетывать, карманник залез в дежку, чтобы поживиться по примеру Пусторевича. Агата, опомнившись, садится... в раскрытую дежку; поняла, что случилась беда, оглядывается вокруг и... заметила только спину своего мужа.

— А-ах, тудэма-сюдэма! — кричит она ему вслед.— Цедилка!! Рыжая!!

А Пусторевич пробирается в толпе к корчме. Говоря военным языком, он преодолевает «штурмовую полосу». Налетает на попа, сталкивается с Быковским, перепрыгивает через гусей, попадает в корзину с яйцами. И наконец — в корчме он со слезами умиления останавливается перед полками, уставленными бутылками. Слезы умиления ручьями текут по щекам старика. Мертвая тишина.

Опять базар, шум, гам. Гармидар.

Криницкий выбирает горшки, кувшины, глиняные миски. Постучит косточками пальцев, прислушается к звону, отбирает и наклоняется за другим. Рядом сидят на корточках две бабы и что-то таинственно обсуждают. Даже не просто таинственное, а что-то страшное. Криницкий наклоняется, и шепот утихает. Бабы замолкают.

А в корчме тем временем идет подпольная пропаганда научно-технической революции.

— ...Будто француз идет на Борисов. Будто там он забыл когда-то шапку и рукавицы. Четыреста тысяч войска с собой ведет. А? Вот!

— Не четыреста тысяч, а четыре сотни тысяч!

— Все равно, пане, идет! И пружиновый костел с собой несет. А? Вот! Да не просто несет, а по воздуху на летающих паровозах везет. Вот! А?

— Вот когда пошло все вверх ногами!

— А может, как поставят этот пружиновый костел, то и нам, собственно, какое облегчение выйдет? А? Вось-цо-да! Дай-то, бог! — с последней репликой попытался

влезть в разговор Пусторевич, но его отталкивают. Не ему, безграмотному, обсуждать такие тонкие дела.

Пьяненький Пусторевич вываливается из корчмы.

На площадке перед корчмой цыган продает иноходца, заставляет коня гарцевать. Тут же похаживает Быковский. Этот хлюст с завистью поглядывает на иноходца.

Спускаясь по ступенькам, Пусторевич набирает инерцию и чуть ли не попал под гарцующего коня. Вывернувшись, он налетает (кто-то подставил ножку) на Криницкого с посудой. Посуда рассыпается, бьется. Пусторевич размахивается, чтобы ударить шутника, но... бьет Быковского, подвернувшегося под руку.

— Хам!.. Мужик! Сгною в остроге! — грозит Быковский.

А Пусторевич уже возле Криницкого. С неописуемым восторгом лезет целоваться.

— О-о! Пане куме! — и опять выбивает из рук посуду.

— Коханенький-родненький! Такую твою мать!

— Глупство! Собственно, глупство, и все! Откупим, откупим, пане добродею. Это глина, земля. Тьфу, и все. Глина, собственно, вось цо-да!

— Коханенький-родненький! Какая глина! Это же посуда!

— Глупство, пане добродею! Какой это посуд, собственно?

Пусторевич подфутболивает ногой горшок, и тот летит со сверхзвуковой скоростью через весь базар и попадает в кадку со сметаной. Баба, продающая сметану, только перекрестилась:

— Свят, свят, свят!

— Вот посуд,— продолжает Пусторевич. И сует куму в рот горлышко бутылки. Тот сразу и присосался, как опытный теленок.

— Ну и хватит, пане...

И выдергивает бутылку.

И они направляются с остатками посуды к возу Альжбеты, которая их уже поджидает. Пусторевич в толпе затерялся.

Возле цыгана и его иноходца собрались зеваки и купцы — мужики побогаче, панки, шляхтюки. Среди них и пан Быковский. Он и не собирается покупать. Так, глазеет только. Но, заметив Криницкого, догоняет его и просит:

— День добрый, пане Криницкий! Может, пан совет даст... Хочу коня купить. Для выезда. Я купил бы и пару, да тут только один.

— У-у! Пан Адольф разбогател?

Польщенный просьбой и доверием Быковского, Криницкий осматривает коня.

— Добрый день. Конь добрый. Сколько батя просит?

Цыган шепчет на ухо Криницкому. Криницкий шепчет на ухо Быковскому.

— До-орого! — крутит головой Быковский и шепчет что-то Криницкому. Криницкий шепчет цыгану.

— Батя, это же грабеж! Грабеж среди бела дня!

— Ты что — всерьез хочешь купить коня? Такой скакун! Такой конь! Разве это дорого? Ты — не купец!

— Да у тебя и покупать-то рискованно. Небось ворованный конь? — подколол Быковский.

— Какой ворованный! Почему ворованный?! — возмутился цыган.— Выменял! У графа Патоцкого выменял! Я за этого коня на целую неделю отдал ему бабу свою! — шутит цыган.— А это, думаешь, малая цена?! Ты отдашь мне свою жену на неделю? А? А через неделю она к тебе сама не захочет,— издевается цыган над Быковским.

— Была у собаки хата! — бросает кто-то злую реплику.— Он холостяк еще!

— Такого коня не хочу! — сказал Быковский и бочком-бочком уходит подальше от цыгана, прикрываясь Криницким.

— Хоть и не купили, пан Криницкий, а магарыч пойдем выпьем.

— Коли у пана Адольфа такая ласка, то... две дюрки в носе и все скончалося...

Наконец Пусторевич добрался до своей телеги. Агата, распродав свои товары, обедает, жует на полный рот.

— Ну, баба, собственно, можно и домой. Ну, кобылка, запрягай бабу — поехали.

— Набрался, нацедился?!

— На и ты попробуй,— сует Працпсь горлышко бутылки своей бабе под нос.— На потяни!

— Тьфу ты — сусолка! Чтоб тебя черти тягали!

Пусторевич приложился к горлышку и запел:

— Баба Евка, дед Тамаш,
Го-го-го,
Поехали на кирмаш,

Го-го-го,
Что повезли продавать,
Го-го-го,
Это просто отгадать,
Го-го-го,
Ха-ха-ха...

В шинке пируют Криницкий и Быковский. Оба уже в подпитии и в добром расположении чувств.

— Коханенький-родненький! — орет Криницкий.— А моя Павлинка — плохая девка? Плохая жена будет?

— Нет, как можно? Паненка Павлинка вельми некпая девка.

— Вот и бери! Будзешь зятем! — Криницкий наливает водку себе и Быковскому.

— Мне Павлинка бардзо нравится. Но вашу Павлинку, говорят, Яким Сорока с виду не спускае...

— Мужик! Хамло! Арестант, голоштанник! Коханенький-родненький! Не поминай мне его!

Милуются, целуются Яким и Павлинка. А непоеная и недоеная корова мычит.

Павлинка никак не оторвется от Якимки, отмахивается от коровы: подожди, мол.

— Ну, хватит, хватит уже!

Вырывается от него и убегает. Яким старается поймать. Павлинка прячется за поленницей дров.

— Павлинка, золотце, я серьезно хочу с тобой поговорить,— взывает Яким к Павлинке.

— И-и, знаю я твои серьезные разговоры.

— Павлинка, рыбка моя, ну когда же придет та минута, когда мы будем вместе навеки? Солнышко мое, когда же, ну когда?

Павлинка рассмеялась:

— Ха-ха-ха. Ах, как мне светло, весело и легонько на сердце!

— Я серьезно. Меня будто суховеем сушит.

Павлинка кричит Якиму через забор:

— Бедненький ты мой! Ты такой хороший, а отец мой так взъелся на тебя. Не допустит он нашей свадьбы. Злой он на тебя.

Павлинка убегает за калитку в сад. Яким пытается докричать вслед.

— Нет такого зла, чтобы добро его не одолело!

Возьмемся за руки, упадем на колени: выпросим, вымолим благословение.

— А он хватит кнут, да так задаст и тебе и мне заодно, что и никакая женитьба в голову не полезет.

Яким опустил голову:

— И за что же он на меня нож точит?

— Что я тебя полюбила и веки вечные любить буду.

Яким перепрыгивает через прясло, ловит Павлинку, обнимает ее, ласкает.

Я к и м *(ласково)*. Павлинка!

П а в л и н к а. Забыл, как звать?

Яким обнимает ее и долго целует.

Я к и м. Ох, так бы всю жизнь и каждую минуту.

Тарахтит телега. Издали слышна песня. Это Криницкие возвращаются с ярмарки:

— Где не едем, не идем,
Корчмы не минем,
Корчмы не минем.
Где заедем, где зайдем,
Там и погуляем,
Там и погуляем!

Павлинка испугалась:

— Ой, Якимся, удирай, а то нас на осине повесят!

Я к и м. И почему это дочки не появляются на свет без родителей?

П а в л и н к а. А что ты мне обещал, не принес?

Я к и м. Как не принес, солнышко ненаглядное!

Яким достает из кармана фотографию и отдает ее Павлинке.

П а в л и н к а. Вот теперь у меня их два. Один будет где-то бродить, а второй за пазухой сидеть!

Яким целует Павлинку.

А телега с Криницким уже у ворот.

Я к и м. Голубка моя сизокрылая!

П а в л и н к а. Ну-ну, голубок! Кыш домой!

Яким перескочил через забор и исчез за кустами.

Как раз Криницкий отворил ворота.

Павлинка целует фотографию Якима и прячет ее за пазуху:

— Что, вкусно? Тепленько? А? Возле самого сердечка? Слышишь, как оно трепещет? Нет, нет! Тут у тебя грешные мысли появятся. Вот я тебя сейчас спрячу за иконку, богу за плечи!

Криницкий:

Ой, там на гарэ,
Мужык жонкай арэ,
А другая падбягае:
Запражы ж ты мяне!

Криницкий попытался обнять Альжбету.

Альжбета оттолкнула его:

— Тебе еще чего-нибудь захочется?

Криницкий пританцовывает.

— Дед боб молотил,

Баба подсевала...

Павлинка выбегает из сада.

— Ой, тата! Как же вы нализались! Может, покормить вас?

— Кохаценькая-родненькая! Кислой да горячей капусточки!

Павлинка уводит пьяного отца в хату. Альжбета распрягает кобылу.

В хате.

Криницкий раздевается, бросает что куда попало: шапку, сапоги, свитку и поет:

— Скіну бурку, скіну боты
Дый надзену лапці,
Кожны дурань
Ці разумны —
Пан у сваёй хаце!

— С кем это вы так намурзались? — спросила Павлинка.

— Кохаценькая-родненькая, с зятем!

— С зятем?

— Кто со сватом, кто со сватьей, а я с родным зятем!

Павлинка. Правду говорят, горелка людей с поля сводит. Дочка еще замуж не вышла, а батька уже зятя имеет. Или вы пристарались другую дочку на стороне?

Криницкий. Он... видишь ли, он... еще собирается подмазаться к нашей Павлиночке.

Павлинка. А кто же он такой?

Криницкий. Пан Адольф му-у-у-у! Ну этот, как его, му-у-у! Быковский!

Павлинка. Э-э! тоже мне зятя нашли!

Крыницкий. А что, блин, да еще маслом падмазанный!

Павлинка. Ездит да вынюхивает, какое приданое за девушкой.

Крыницкий. Кохапенькая-родненькая! Если вынюхивает, значит, нос — при деле! И грамотный шельма. Вот календарь подарил. Завтра приедет, я пригласил его. Глянешь — и в обморок упадешь. Шляхетской породы, с усиками, и всякими деликатностями, и все такое прочее.

Входит Альжбета, вносит покупки. Павлинка тем временем вынула из печи горшок с кислой капустой, подала миски, ложки. Крыницкий хлебает щи.

Павлинка. Слыхала, мамка, про Быковского?

Альжбета. Как не слыхать — слыхала. Всю дорогу зудел! Наприглашал завтра гостей! С пьяных глаз...

Павлинка. Татка, вы же знаете, за кого я пойду! Или ни за кого!

Крыницкий *(трахнув ложкой об стол так, что та раскололась)*. За кого? За Якима? Кохапенькая-родненькая! За этого забастовщика? Я и видеть его не хочу в своей хате, хамуйлу. Мужика!

Павлинка. Татка сам такой.

Крыницкий. Кохапенькая-родненькая!!! Я запрещаю тебе и думать о нем! Запрещаю имя его поминать в моем доме!

Павлинка. Своими запретами вы учите меня обманывать!

Альжбета *(выпроваживает за дверь Павлинку)*. И замуж выйдешь — без обману не проживешь! Не серди отца. Выйди на минутку. Он пьяный, пускай успокоится.

В дверях Альжбета сталкивается с Пусторевичем. Опять летят на пол миски, горшки и ложки. Следом за Пусторевичем входит его жена, Агата.

Альжбета. Ай, что ж ты наделал!!

Пусторевич. Глупство, глупство, пане добродею!! Собственно, откупим, откупим, вось цо-да! Похвалены Езус!

Крыницкий и Альжбета. Навеки!

Альжбета. Раньше нас выехали и все едете?

Пусторевич. Собственно, вось цо-да! Кобыла заблудила, пане добродею!

Альжбета. Да присаживайтесь, кали ласка!

Агата. Тудэма-сюдэма, куда тут садиться: ночь на дворе, кобыла за плотом, полверсты до дому, а этот, тудэма-сюдэма, мачиляна, ночница косоглазая, не выдержал, чтобы людям не наделать среди ночи хлопот. *(Присаживается, за ней все остальные.)*

Пусторевич. Пане добродею, твое бабское дело — молчать. Вот что, собственно, вось цо-да!

Криницкий. Э-э, какие там хлопоты, выспимся.

Павлинка собирает черепки.

Пусторевич. Глупство, пане добродею. Глупство! Сейчас, собственно, поминки по горшкам справим.

Пусторевич достает из бокового кармана бутылку, потягивает из нее и прячет обратно.

Альжбета *(шутя)*. Дал бы и нам приложиться к этой соске.

Павлинка *(выходя)*. Дядька и умирающему не дал бы, не то что... *(Выходит.)*

Пусторевич *(вслед Павлинке)*. Глупство, глупство, пане добродею. Молодая еще! Лозы, лозы тебе надо! Собственно, вось цо-да!

Криницкий. Ахмистрыня! Дочушка моя, сокотушка! Быковский ей не под нос... Спуталася с этим... с этим безбожником, и хоть ты ей кипяток на голову!

Пусторевич. Молоденькая, собственно, березовой каши не мешало бы.

Альжбета. Ох, и трудно поладить с теперешней молодежью! Пошло такое распутство на свете, что не приведи господь. Вместо книжек да молитв читают всякие дриндушки... Ветер у них в головах. Мне когда-то сказали: «Иди за Степана» — я и пошла без разговора.

Агата. И мне ж так отец покойный: «Иди, говорит, за этого, все равно никто лучший тебя не возьмет». Я подумала, тудэма-сюдэма, и пошла.

Обе смотрят на своих мужей, потом друг на дружку и плюют в разные стороны.

Пусторевич. Собственно, тоже — тьфу! Что было, чтоб оно с водою сплыло! Выпьем, кум, все равно не перепначишь. *(Достает из кармана бутылку, выпивает, а потом дает Степану, но придерживает, чтобы тот не выпил лишнее.)*

Криницкий *(вытираясь рукавом)*. Щиплется, холера!

Пусторевич *(прячет горелку)*. Щиплется, собственно, потому, что чужая, пане добродею.

Слышна грустная песня Павлинки:

На капусту воду ношу,
На руту не буду.
Не аддайце жа вясною
За таго, другога,
З маім любым кавалерам
Расстацца не могу.
Не бі мяне, матуленька,
Бярозавым прутам,
Не разлучыш, дарагая,
З гэтым баламутам.

Все прислушиваются.

Пусторевич. Кобылу бы попоить надо. Баба, слышишь?

Агата. Отцепись! Не сдохнет твоя кобыла. Дай мне с кумой разговориться.

Пусторевич. А сдохнет — тоже не беда. Собственно, женка довезет. Правда, баба? Ну, пошла, пошла! *(Выталкивает Агату за дверь.)*

Криницкий *(прислушиваясь)*. Вишь, воет, голосит.

Альжбета. Со слезой поет дочушка.

Криницкий *(объясняет Пусторевичу)*. Завтра, коханенький-родненький, приедет Быковский обнюхивать, как и что, а она ревет.

Во дворе Павлинка в слезах, возле нее Агата.

Павлинка. Да я ведь люблю его, тетушка!

Агата. Мало что, детки мои, тудэма-сюдэма, что любишь его. А если батька не хочет, так подумай, что люди скажут.

Павлинка. А жить с ним не людям, а мне.

Агата. Смотрите, детки мои.

Павлинка. Да он ведь такой добрый, такой разумный, такой ласковый.

Агата. Все они добрые, пока не сцапают. А потом иной манер начинается: тудэма-сюдэма, как он заиграет, а ты пляши под его дудку.

Павлинка *(не слушая Агаты)*. Книжки мне приносил.

Агата. Да, говорят, очень уж, тудэма-сюдэма, разумный и хороший.

Павлинка. Третий год, теточка, ожидаем, надеемся, и ничего не выходит. Третий год дрожу и поджидаю ту минутку, только чтобы повидаться с ним. Повешусь, теточка, повешусь, если меня с ним разлучат.

Агата *(крестится)*. Мей ца, сына! Тудэма-сюдэма, что ты, Павлинка! Побойся бога такие речи говорить против ночи! Тьфу! Мать святая богородица. Тьфу!

Павлинка. Когда тут, теточка, так под сердцем болит, что и жить невмоготу.

Агата *(прижимая к груди Павлинку, сквозь слезы)*. Тише, детки мои, тише. Не горюй, не кручинься, миленькая. Бог милостив... Ах, ты милая моя, аж завидки берут... *(Целует Павлинку, уводит ее в хату.)*

Хата.

Криницкий. Зять подарил мне календарь. Спрашивал я — пишет ли он об погоде. А Быковский шельма, как паук, говорит: «Да, о погоде здесь написано больше, чем об чем другом». Вот давай посмотрим, какая завтра будет погода. Баба, где календарь?

Альжбета. А нечистый тебя ведает? За икону ты прятал.

Криницкий достает из-за иконы календарь. Оттуда падает на пол фотография. Павлинка хотела схватить ее, но не успела.

Криницкий. А это что такое?

Павлинка *(хочет отнять)*. Это моя! Отдайте мне, тата!

Криницкий. Я спрашиваю у тебя, кто это? А-э-э!!! *(Злорадно.)* Яким! Пропади ж ты пропадом совсем!

Павлинка. Отдайте, таточка, не рвите. Не глумитесь над ним!

Альжбета. Что такое там?

Криницкий *(тычет фотографией в лицо Альжбете)*. На! Любуйся, какие презенты получает твоя дочушка!

Альжбета. Что тычешь?! Такая она и твоя, как моя!

Криницкий. Смотри, сваток! Поздравляй меня с такой дочушкой. И с этим, этим, еретиком!

Пусторевич *(рассматривая)*. Да это ведь тот самый разумненький, ученый, грамотей... собственно, Сорока. Сорока-белобока. Сейчас мы над ним суд учиним. Суд правый и скорый.

Павлинка. Мамочка, отбери ее у таты!

Альжбета. Да он ведь биться будет.

Криницкий. А правильно, кумок! Суд — пересуд, суровым ладом над этим гадом. А какой суд?

Пусторевич. А такой, пане добродею, стражников позвать, урядников, справнику донести. Собственно, инквизиторский суд вершить — по половине — шасть — и готово, вось цо-да!

Криницкий. Приговорили. *(Рвет фотографию.)*

Пусторевич *(достает из кармана бутылку)*. А теперь, собственно, взбрызнем! Поминки справим по нем! *(Пьет.)*

Павлинка *(бросается к Пусторевичу)*. Дикари! Поминки по нем? *(Вырывает бутылку и разбивает ее об печь.)*

Пусторевич. Вось-цо-да! А-а?

Криницкий. А-а!

Пусторевич и Криницкий чуть не задохнулись. Все от неожиданности глаза зажмурили. Надолго зажмурили.

Стоп-кадр.

Свет меркнет. И еще до того как глаза открыли, увидели большое застолье во дворе Криницких, услышали звон посуды, бульканье горелки, пиликание музыкантов.

За столом шум, гомон, смех. Пьют, закусывают, жуют. А там дальше — на поляне, под дубами, на берегу реки, танцуют, веселятся, озоруют, поют парни и девушки.

Недремное око власти тоже тут, среди молодежи, прислушивается, присматривается, все щупает, нет ли еще царя на заду.

За столом Павлинка и Альжбета понуждают гостей. За столом и поп, наяривает на полную губу.

Павлинка *(переходя к другому концу стола)*. Может, Адэльке еще чашечку?

Адэлька. Спасибо, уже поилась.

Альжбета. Да бери, бери! А ты не спрашивай! Панна Адэля только две выпила.

Адэлька. А если больше не хочется?

Павлинка *(наливая чай)*. Выпьешь, выпьешь, Адэлька, вместится...

Альжбета *(придвигая гостям еду)*. Старайтесь, гостейки, старайтесь. Вот сыр, вот масло, вот копченья. Вы же сегодня потрудились около польки, кадрили да «Левонихи»...

Голоса жующих и хлебающих: «Спасибо, спасибо, мы стараемся».

Криницкий. Чем богаты, тем и рады. Хлеб — на столе, а руки свае. Не обижайтесь, кохапенькие-родненькие, что горелки нема. Хотел взять, да на ту беду монополька целый день была закрыта.

Музыкант *(тихо другому)*. Не солжет — жив не будет.

Второй музыкант. Только слушай его! Жмот, и все.

Павлинка все смотрит по сторонам, все кого-то ищет. Хоть и вежлива с гостями, но ей не до них.

Павлинка *(к одному из гостей)*. Может, Виицусь еще выпьет?

Виицусь *(вытирая губы и лоб)*. Оно бы и довольно, но если панна Павлинка так ласково просит, то можно и еще чашечку.

Павлинка *(наливая чашку, в сторону)*. А этот уже так пятую чашку бобохает.

Павлинка подаст чашку и, крадучись от отца и матери, убегает туда, где веселится молодежь: она ищет там своего Якимку.

Девчата и парни водят хоровод, подхватывают и Павлинку. Но она вскоре вырывается, бежит дальше. А там играют в фанты.

— А Януку за фант — догнать и поцеловать Павлинку.

И Янук рад такому приговору. Он догоняет Павлинку и целует ее — приводит приговор в исполнение. Павлинка отбивается от него, бежит дальше. Она стремится к своему Якиму.

Криницкий отводит в сторону Альжбету.

Криницкий. Что-то и Пусторевичей нету.

Альжбета. Верно, собственно, кобыла заблудила.

Криницкий. Да и зятя не видать, туды его растуды. А вчера лизался. Две дюрки в посе — и все скончалося!

Альжбета. Гляди за гостями. Не велика беда. *(К гостям, громко.)* Не хотите пить и есть — после будете жалеть!

Павлинка бегает среди молодежи, ищет Якима. Наконец находит его. Он грустный сидит на суку березы.

Павлинка. Якимка, миленький, где же ты пропал?

Яким (*соскакивает с сука*). Павлинка, ягодка ты моя!

Павлинка. Беда, Якимка, беда!

Яким. Слыхал, рыбонька, слыхал.

Павлинка. Спасай наше счастье, Якимка, спасай.

Приумолкли оба, погрустнели, опечалились.

Яким. Миленькая ты моя, давай мы сами свое счастье уладим... Не мы — первые, не мы — последние. Сегодня поп молебен тут служил, и с ним я переговорил уже. На ночь он остается у Макара. Вот мы к нему, раз — два, и готово.

Павлинка. Ой, страшно! Может, подождем немного? А то вдруг,— и так скоро.

Яким (*передразнивая*). Подождем, подождем... Дождешься, когда с Быковским окрутят.

Павлинка. А если словят? А-а, стыд-то какой.

Яким. Не бойся, золотце, не словят. Вот закончится вечеринка у вас. Старые натопаются. И спать будут как пшеницу продавши, хоть из орудий пали. Ты только собери в узелок, что понеобходимее, выбросишь через окошко, а через момент — ты моя навечно.

Павлинка. Не я — твоя, а ты мой — навечно. (*Будто отважилась нырнуть в холодную воду.*) Эх, согласна. Чему быть, того не миновать.

Яким. Давно бы так, счастье мое ясноглазое. Как только все улягутся спать, я буду у тебя под окном. Ты окошко откроешь и — фр-р. А я тебя — цап!

Мимо проезжает Быковский. Павлинка с испугом прижимается к Якиму.

Павлинка. Вон он!

Быковский подъезжает к подворью Криницких. Криницкий, завидя пана Адольфа, обрадовался, бежит встречать его, помогает распрячь лошадь, подбрасывает сена.

Криницкий. О, пан Адольф! Кохапенький-родненький. А мы вас давно ждем.

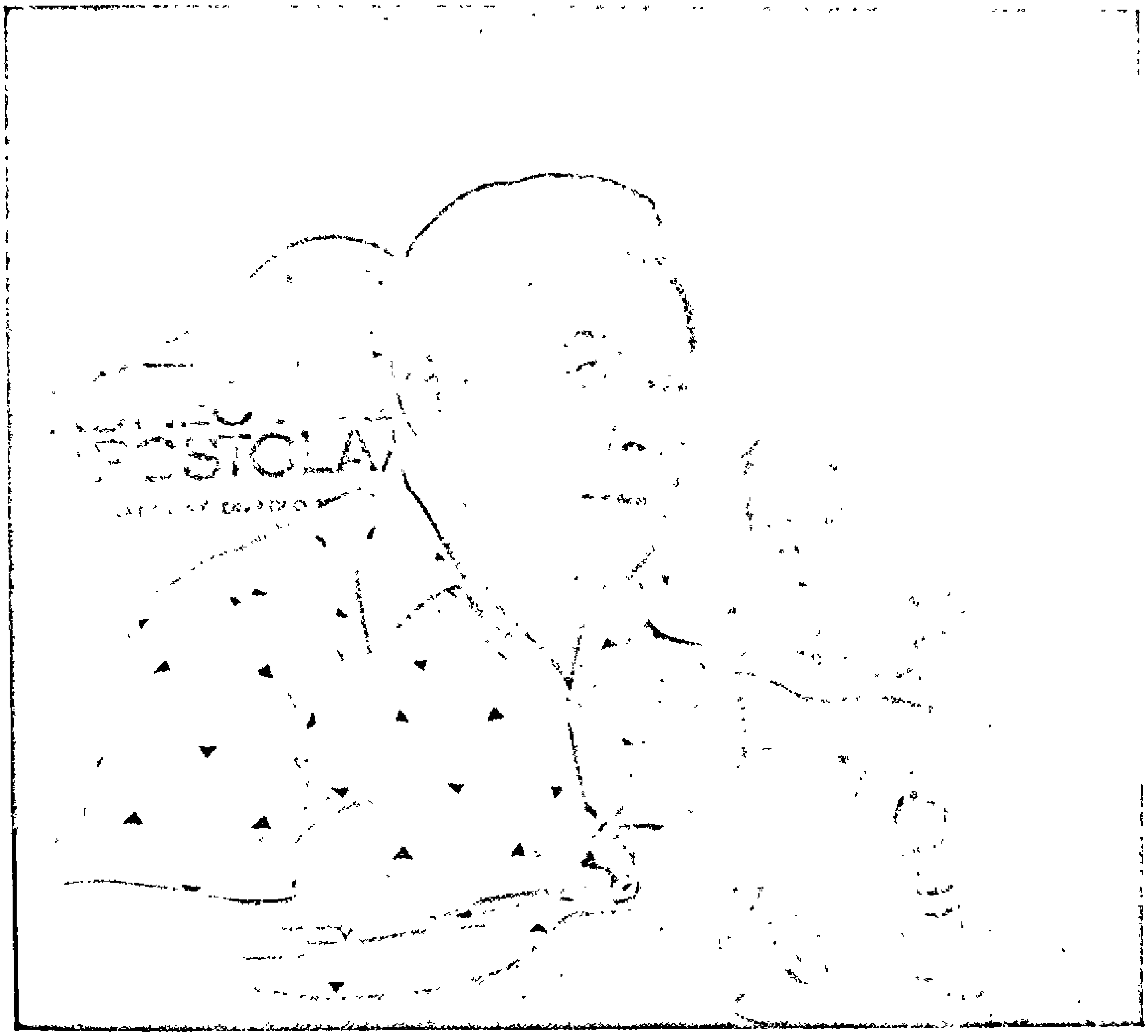
Быковский. Нех бэндзе похвалёны!

Голоса из-за стола. Навеки!

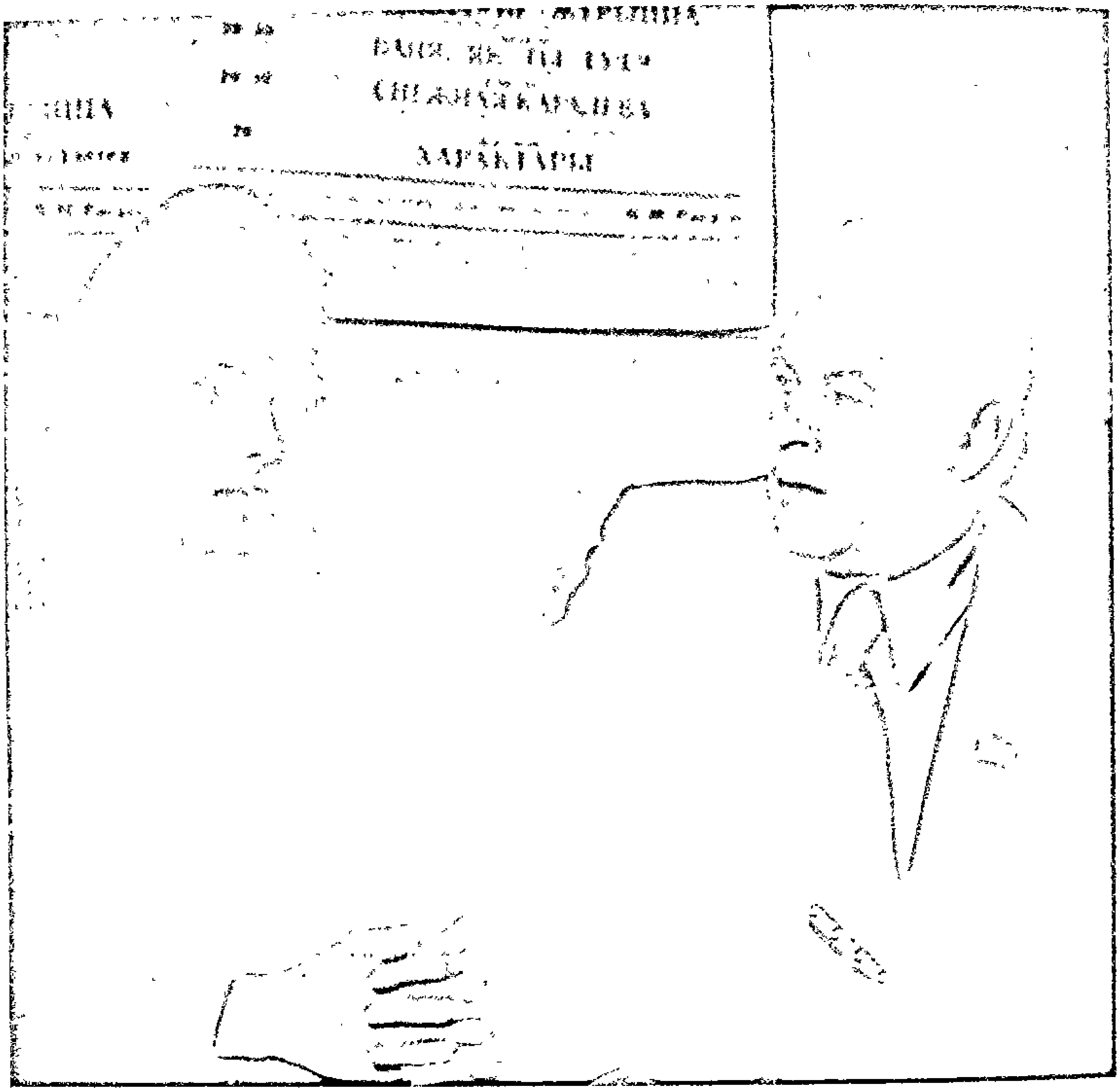
Криницкий. Проша, проша пана дальше, сюда, где ближе кут и все тут.

Криницкий ставит бутылку водки.

Андрэй Макаёнак з унучкай Дашай.
1980 год.



Андрэй Макаёнак з сынам Сяргеем.
1981 год.



Быковский. Дзенькуе, дзенькуе! Проша пана со мной столько хлопот не иметь.

Целует Альжбете руку, стоя к ней боком и не сгибаясь.

Альжбета. Проша, проша пана Адольфа за стол.

Криницкий (*Альжбете*). Подавай закуску! Павлинка, Павлинка! Где Павлинка?

Криницкий ищет глазами дочку, а ее нет.

Криницкий. Павлинка! (*Альжбете.*) Ухаживай за гостем, а я ее найду, кохатенькую-родненькую.

И бежит туда, где веселится молодежь.

Криницкий идет по следам Павлинки. Вытягивая шею, высматривает дочку. Проходит мимо хоровода. Хлопцы и девчата втягивают и его в круг. Стараются не выпустить.

Он даже сердится, вырывается, наконец.

А там, где судят за фанты, новый приговор:

— А Ганка пусть поцелует Гаврилу.

— Нет, уж лучше я дядьку Криницкого! — и Ганка подбегает и целует Криницкого. Он с удовольствием поглаживает усы, облизывается, старый кот. Даже на минутку забывает о своей цели. Идет дальше. Проходит под березой, на которой замерли Яким и Павлинка. Заметив внизу отца, притихли, не дышат. Криницкий, так и не заметив молодых, удаляется.

А за столом по-прежнему весело.

Быковский. А что же у вас хорошего слыхать, панове?

Кто-то из гостей. Да что у нас слыхать: старая баба не хочет подыхать, а молодая замуж идти.

Быковский. Хе-хе-хе! Старую надо пшидусить, а молодую — пшимусить.

Наконец Криницкий находит Павлинку с Якимом на березе. Они сидят на суку грустные, молчаливые, печальные.

— Кохатенька-родненькая,— орет Криницкий и пытается стащить дочку вниз.— Ах ты, забастовщик! Ну, я тебе дам дорогу! Я тебе дорогу дам!

Криницкий раскачивает сук, на котором сидят Павлинка и Яким. Стряхивает их. Хватает дочку за руку. Тащит ее домой мимо танцующих, поющих, веселящихся парней и девчат.

— Марш домой! А тому... Я ему!.. Гаду!..— и вдруг замечает станового пристава. Подталкивает дочь к дому. Приглашает пристава:

— Господин пристав! Прошу ко мне. Прошу, рад буду. По ма-а-аленькой. Будьте гостем!

Криницкий усаживает дочку рядом с Быковским, а пристава рядом с попом. *(Предварительно вытянув за шиворот кого-то из мужиков, освобождая место для пристава.)*

Павлинка перемигнулась с попом.

А шляхтюк Быковский в это время хвастает за столом.

Быковский. А у меня все так! Коровы мои — каждая стоит по сотне рублей. Как зазыкуют летом, так и на добром коне не догонишь!

Криницкий внимательно прислушивается к хвастовству Быковского.

Голоса. Верно и овцы у пана Адольфа тоже зыкуют!

Быковский. А то! И овец с полсотни купил!

Голоса. А земли сколько?

Быковский. И земли еще тоже прикуплю!

Голоса. А деньги есть?

Быковский. И деньги куплю. Я все куплю. О-о, у меня хозяйство — полон короб. У меня и жена тоже будет лучше всех!

Павлинка. А что, пан Адольф, сторговал себе жену?

Быковский. Это пока секрет.

Павлинка. А мне пан Адольф скажет?

Быковский. Да-а, конечно. Но раньше отцу и матери, а потом уж и вашей милости на ушко.

Павлинка *(поднося чашку чая)*. Пан Адольф как знал, что я глуховата.

Быковский. Глуховата?

За столом региональные беседы. Кто-то были рассказывает, кто-то небылицы сочиняет. А урядник Тарас рассказывает истинную правду. Как было на самом деле.

— Чтобы, значит, к утру вола освежевать и на базар мясо привезти еще тепленькое... Вот пришли мы с кумом в сарай... Темень — хоть глаз коли. Пилип взялся держать вола за рога, а я с кувалдой. Размахнулся. Г-ггах! Вдарил! Смотрю — что-то шатнулось, но не упало. Я второй раз

размахнулся — гтах! Опять хитнулась вроде голова вола, а не падает. Ну, я еще раз замахиваюсь... А Пилип и каже: «Як ты яще раз, куме, вдаришь меня по голове, то я уже вола не вдяржу».

Хохочет застолье. Только Быковский с удивлением смотрит на рассказчика:

— А почему пан пана бил по голове кувалдой?

Опять взрыв хохота.

Все застолье держалось за животы.

— Пан вол не хотел, а пана Быковского не было рядом,— отбрил урядник.

Криницкий наливает в кружку питье для станового и шепчет ему на ухо.

Криницкий. А вы знаете, кто царя повесил?

Становой. Что-о-о?!

Криницкий *(шепчет)*. Вам на зад.

Становой *(не поворачивая головы)*. Ну? Кто?

Криницкий. Яким Сорока.

Становой. Да ну?

Криницкий. Ну да!

Становой. Сорока?

Криницкий. Сорока! Заарестуй его, сделай доброе дело! Потому что он гад, крамольник и забастовщик. Царю-батюшке найпервейший враг!

Становой выпил, утерся, подмигнул уряднику.

Становой. Якима Сороку знаешь?

Урядник. Как не знать!

Становой *(Криницкому)*. Где он?

Криницкий. Там, у реки.

Становой в сопровождении урядника отправляется на поиски Якима Сороки.

Застолье.

Павлинка *(музыкантам)*. Подкрепились, музыкантики? А то ноги зачесались — так и хочется с паном Адольфом «Левониху» раскрутить!

Быковский. Фи-и, я таких мужицких танцев не признаю.

Музыкант. А мы можем любой врезать.

Павлинка. А что же вы танцуете?

Быковский. Герц-польку, поди-спать, мапчиз, поди-кварту. *(Выходит из-за стола, целует Альжбете руку и к Павлинке.)* Ну что ж? Попробуем?

Павлинка. Но я их никогда даже не видела.

Быковский. Не бойтесь. На все лады выучу панепку танцевать! *(Выводит ее на площадку.)*

Подойдя к первой кучке молодежи, урядник строго вопрошает:

— Кто там Яким Сорока?

Становой. Ду-урак!

И пошел к следующей группе молодежи.

Криницкий возвращается к гостям.

Быковский обучает Павлинку какому-то танцу.

Быковский *(показывая)*. Вот так, вот так! Правую ножку туда, а левую — сюда. Голову влево, а задом — к воротам. Да вот! Раз, два, три. То направо, то налево.

Все присматриваются и посмеиваются. Появляются Пусторевич с неразлучной Агатой.

Пусторевич. А это, собственно, что за выкрутасы? Как в цирке или в сумасшедшем доме.

Павлинка *(вырываясь)*. Нет, ничего не выйдет.

Пусторевич *(Криницкому)*. Собственно, пане добродею, кобыла заблудила. Но все это глупство, дай-ка мне чару.

Агата. Хватит тебе этой гари, ненасытная утроба, дырявая ты бочка!

Пусторевич *(гостям)*. А вы, молодички, не обращайте, собственно, танцуйте, пане добродею, танцуйте, пока ревматизма не скрутила.

Павлинка *(музыкантам)*. Да зайграйте такое, чтобы все колесом! Польку!

Но в поведении Павлинки чувствуется неестественное веселье, даже какое-то отчаяние. Музыканты играют. Гости дружно пошли танцевать. А Пусторевич за столом угощает из своей бутылки Криницкого. Танцуют молодые и старые, припевая.

Танцовала рыба з ракем,
А пятрушка з пастарнакем,
А цыбуля дзівовала,
Цо пятрушка танцовала.

А на печы, на лучыне,
Дзеўкі грошы палічылі;
Палічылі паўталера
Дый купілі кавалера.

Дзяўчынэчка суха, бляда,
Я да цябе ў госці яда,
І конікаў не жалую,
Ўшыстку ночку машырую.

У гародзе ячмень родзіць,
А да мяне Якім ходзіць.
Радзі, радзі, ячмень, гусцей,—
Хадзі, хадзі, Якім, часцей!

Сядзіць голуб на галіне,
Салавей на ветке;
С аднэй дзевушкай гуляю,
Другая в прыметке.

Ажаніся, не ляніся,—
Будзеш панаваці:
З аднэй будзеш свінні пасвіць,
З другой — загапяці.

Наша поле камяніста —
Ні праехаць, ні прайсці.
Нашы дзевачкі фарсісты —
Нельга к ім і падысці.

Я фарсуха, ты каталік,
Не руш мяне за падолік,—
Мой падолік шоўкам шыты,
Хто палезе, будзе біты!

Пусторевич *(потягивая из бутылки.)* Глупство, глупство, вось цо-да! Собственно, хоть в кармане пусто, ноги сыплют густо. Ему бы еще розум расторопный, то и совсем был бы порядок, пане добродею. А то му-у-у, му-у-у! *(Наставляет рога.)*

Быковского обидела реплика Пусторевича. Он подходит к столу, берет рюмку дамским манером — с оттопыренным пальчиком,— брезгливо понаблюдал за жующим Пусторевичем, в руках у которого здоровенный кусок телятины.

— А скажите, панове, есть разница между мужиком (кивок в сторону Пусторевича) и свиньей?

Все почувствовали себя неловко.

— Есть,— спокойно отвечает Пусторевич, пережевывая телятину.— Мужик ест сидя, а свинья (кивок в сторону стоящего Быковского) — стоя.

Криницкий закрывает ему ладонью рот:

— Коханенький-родненький! Не трожь его! — шипит

Криницкий на ухо Пусторевичу.— Вон, видишь, как ластится к моей Павлинке. Будешь дразниться, он может обидеться. А я его стараюсь приручить.

Криницкий подходит к Быковскому:

— Пан Адольф, а ты пройдись с Павлинкой, погуляй, поговори, тут только старики остались.

Быковский. И то верно! Панна Павлинка, пойдем до млодых. Что нам эти старые горшки!

Павлинка *(охотно)*. Пойдем, пойдем.

И они убегают к молодежи.

Незаметно наступает вечер.

Хороводы. Костры. Лодки. Венки. Танцы. Песни. Игры. «Гори-гори ясно». Чехарда. Фанты. Купания. И прочие эпизоды празднования Ивана Купалы.

Павлинка веселая, возбужденная, попала в свою родную стихию, яркую, цветастую, красочную. И она так органична здесь со своей красотою, молодостью, лучистостью. А вот пан Быковский кажется тут чужеродным, клетчастым, неуклюжим; все в нем иное: и цвет — серый, и пластика — угловатость, и фанфаронистость на фоне простоты и легкости. Любуется Быковский Павлинкой, как рыбкой на быстрине.

Павлинка надеялась встретить Якима, но разминулась она с ним в суете этих хороводов. Не увидела, как повел его, арестованного, урядник. И для остальной молодежи как-то незамеченным оказался арест Якима Сороки. Умыкнули его, уворовали.

На пригорке появляется Криницкий и высматривает свою дочь. Увидел, закричал в голос:

— Павли-инка! Марш домой!

Грустная Павлинка послушно идет к дому, следом за ней бредет Быковский.

Криницкий *(Павлинке)*. Иди, помоги матери посуду убрать со стола. *(Пропустив вперед Павлинку, задерживает Быковского.)* Ну, что? Как моя Павлинка? Подошла под мысли?

Быковский. О-о! Важная молодица! Хоть сегодня готов на ней жениться.

Криницкий. Ну, топай около нее. Только смелее: она девка податливая, может, и бывает, что щекочут мухи в носу.

Быковский. Хе-хе, я уж постараюсь подлизаться.

Криницкий. Ну, давай, кохапенький-родненький, действуй! Забавляйся...

Альжбета, Агата и Павлинка убирают посуду со стола. Пусторевич, философски созерцая беспорядок, оставленный гостями, глубокомысленно изрекает:

— Собственно, или тут свиньи ели, или шляхта наслась — стол этак выглядит, пане добродею, вось цо-да!

Агата повернулась к мужу:

— Ну, гостейки, а не надоели ли вам хозяева? Не пора ли нам домой собираться?

Пусторевич. Еще по глотку, пане добродею. А что вы думали? И пойдем. *(Поет.)*

> Распродавши все товары,
> Го-го-го,
> Пошли выпить черной гари,
> Го-го-го!

Пусторевич потягивает из бутыли сам, дает потянуть Криницкому, обходит мимо Быковского, сует бутылку Агате, та вырывает ее и лакает до последней капли. Пусторевичи кланяются, прощаются и оба, пошатываясь, направляются к телегам.

Павлинка и Быковский уносят в хату табуреты. Альжбета освещает им дорогу фонарем.

Альжбета. А ты, Павлинка, может, в карты сыграешь с паном Адольфом?

Быковский *(закуривает)*. Да и мне надо бы уж домой.

Криницкий *(раздеваясь, с порога в другую комнату)*. А чего вам торопиться? Это нам, старикам, одна речь: наелся — и на печь! *(Обнимает Альжбету и уводит в другую комнату.)*

Павлинка нетерпеливо выглядывает в окошко.

Быковский. Что паненка высматривает?

Павлинка. Месяц ясный не пришел.

Быковский. Сыграем в карты, панна Павлинка?

Павлинка. В дурака?

Быковский. Фи, мужицкая игра.

Павлинка. А я и есть мужицкого рода, как и сам пан Адольф — мужик.

Быковский *(удивился)*. И я?

Павлинка. А что? Адам и Ева и то были мужиками!

Быковский. Адам и Ева?

Павлинка. И Ной, и Езус.

Быковский. Что я слышу? Откуда это панна Павлинка все знает?

Павлинка. Не скажу!

Быковский. Проша сказать.

Павлинка *(нетерпеливо)*. Ну, хорошо! Спросите у Якима Сороки: он все вам расскажет.

Быковский. Панна Павлинка любит Сороку?

Павлинка. Любит сороку-воровку. А что, пан Адольф, жениться хотите?

Быковский. Ой, страшно хочу. А панне Павлинке замуж хочется?

Павлинка. Ого! Еще как хочется! Если удастся, то еще и сегодня, может, выйду.

Быковский. А я же еще с отцом и матерью ничего об этом не говорил!

Павлинка. О чем — об этом?

Быковский. Ну, о том, как я жениться буду, а панна Павлинка замуж идти. А панна Павлинка согласна?

Павлинка. Подожди, подожди малость.

Быковский. Жду, жду, панна Павлинка! Жду ответа, как соловей лета. Ну, до свидания, ясновельможная панна Павлинка! *(Хочет поцеловать, но Павлинка дала ему затрещину.)* О-о, какая строгая у меня будет жена! До видзення! *(Выходит.)*

Во дворе пьяные Пусторевичи.

Агата. Ну, ты скоро запряжешь, цедилка проклятая, костка непосвянцоная, мосёл старый?

Пусторевич. Ну-ну, прикуси язык, пане добродею.

Агата. Запрягай! «Распрягайте, хлопцы, кони...»

Пусторевич. Так запрягать или распрягать?

Агата. Поехали, поехали.

Баба попыталась проехать на муже до телеги и свалилась в солому на возу.

Пьяный Пусторевич отвязал свою кобылку. Хотел было запрягать, но споткнулся и упал. Полениился встать. Прислонился к колесу телеги. Устроился поудобнее.

Агата. Ну, запряг, погоняй!

Пусторевич зацмокал:

— Но-о-о-о... собственно... поехали...

Стеганул кнутом. Один раз по своей кобыле, другой — по кобыле Быковского. Лошадь, привязанная к повозке, дернула поводом, и телега заскрипела.

Пусторевич еле ворочает языком:

— Дед сел за папа.
Го-го-го,
А баба за фурмана,
Го-го-го...

Недопев, клюнул носом и заснул.

Павлинка торопливо собирает в узел свое приданое невесты-беглянки. Открывает окошко, выбрасывает, прислушивается. Тихо.

Яким Сорока сидит в клети за решеткой. Мечется. Дверь клети под замком и под охраной дремлющего урядника.

Быковский в темноте запрягает лошадь.

Телеги Быковского и Пусторевича стоят рядом. Быковский ставит лошадь между оглоблями и запрягает. Но одна оглобля — от телеги Пусторевича, другая — от его собственной. Быковский садится на воз и погоняет коня. Трогаются две телеги. Из-под колеса кричит Пусторевич:

— Караул! Бабу украли! Ловите злодея!

Телеги сцепились. Пусторевич бьет кнутом Быковского.

— Цо робиш, пся крев?!

Быковский уворачивается от кнута и падает на Агату. Та орет:

— Караул! Душат! Убивают! Ратуйте!

Из хаты выскакивает в исподнем Криницкий с ружьем, стреляет в воздух. Следом за ним — Альжбета с фонарем.

Пусторевич лупит кнутом налево, направо, куда попало. Быковский скатывается с воза, бежит мимо окна, спотыкается и падает на узел с барахлишком, выброшенный Павлинкой.

Тут его и настигает Криницкий, а потом и Пусторевич.

Пусторевич негодует:

— Собственно, пане добродею, злодей! Злодея словил, вось-цо-да!

Присмотрелись, узнали Быковского.

Криницкий. Кохапенький-родненький! Негодяй! Не мог по-христиански со сватами да с заповедями мою дочку взять?! А ты как злодей! Через окно выволакиваешь?! Ах ты...

Быковский попытался оправдаться:

— Да нет... да нет... я только хотел... я только...

Пусторевич тем временем развязал узел Павлинки:

— Собственно, злодей, ворюга, пане добродею! Подушки, платье, всякое женское... это самое. К уряднику его! К уряднику марш, проходимец!

Толкают его взашей. Собирается толпа. Шум, скандал, хохот. Появляется молодежь с факелами.

К Павлинке подходит студент и говорит:

— Горелка есть? Набирай! Там тебя Якимка ждет в кутузке. Неси ему передачу. Его арестовали.

— Якимка, соколик мой!

— Не кричи! Хватай побольше горелки. Мы его сейчас освободим. А там к попу — и свадьба.

Возле двери, запертой огромным замком, урядник. Он подпирает бревенчатую стену клети и с умилением слушает грустную лирическую песню Якима. А парень голосистый, душевный, умеет растрогать душу. И урядник оказался музыкальный. Встречались иногда такие.

Яким за маленьким окошечком поет так жалостливо, что у урядника слеза навертывается.

По улице идут двое молодых парней; они вроде бы подвыпившие. Останавливаются. Садятся напротив кутузки на траву.

— Возьмем?

— Возьмем!

Урядник вытирает слезу, навострил уши.

— По маленькой.

— По махонькой.

Это студент и еще один парень. Парень ставит гляк (глиняный графин, горшок с узким горлышком) на траву, обнимает его ногами, разворачивает ручник со снедью, ставит две кружки. Наливают. Чокаются. Пьют. Крякают от удовольствия. Уплетают закуску.

Урядник облизывается.

— Дядька Тарас! Прими причастие!

— Да оно бы... Да ведь не положено.

— Что не положено, то поставлено, дядька Тарас.

— Становой лаяться будет.

— А становой и сам пьет. Криницкий так его накачал сегодня...

— Пьет? И сегодня пьет? А не врешь, Янук?

— Пьет!

— Тогда что же?.. Пожалуй, и мне можно. Становой теперь не скоро остановится...

Парни радушно протягивают свои кружки, наполненные горелицей. Урядник выбирает одну из них, выпивает, возвращает студенту, принимает вторую, лакает. Пока он опорожняет вторую, студент наполняет первую, протягивает ему. Урядник, крякнув, покачал головой, будто отказываясь, но кружку принял.

— Куснуть бы...

Парень протягивает кусок мяса. Урядник кусает, жует и пытается проговорить похвалу Якиму:

— А? Гад! Поет как! Налейте ему!

— Соловей! Чистый соловей! — студент наливает в кружку.

— Неси, подай,— разрешает урядник.

Студент подходит к окошку и оттуда кричит:

— Не пролазит кружка! Тут решетка такая...

— Тогда... На ключ, открывай! Так поет, гад,— урядник выпивает четвертую кружку и вытирает слезу. Горелица выжала слезу или песня Якимова?..

Урядник по-хозяйски разливает в кружки питье, предлагает Якиму:

— Ну! Пей! И иди! А я за тебя посижу... Только это все (показывает на питье) вы мне оставьте.

Урядник сгребает закуску, берет гляк и отправляется в добровольное заключение.

Костры. Молодежь празднует купалье. Звучит свадебная песня.

— Сядай, сядай, каханне мае,
Ниц не паможа плаканне твае,
Ниц ни плаканне, ни туженне —
Пара каней заложана,
Час выязджаць.
— Табе час, а мне не пара,—
Яшчэ свайму татку не дзякавала.
Дзякуй табе, мой татку,
Што я ела хлеб, аладку —
Цяпер не буду.

К костру издалека подводят Павлинку и Якима...

К попу. Пьяному. Будущему расстриге.

Поп крестит молодых. Надевает на голову Павлинке венец.

А венец — всему делу конец.

Сакавік, 1972

БОЛЬШАЯ ОПАСНОСТЬ

КИНОСЦЕНАРИЙ ПОЛНОМЕТРАЖНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ФИЛЬМА

Неведомая страна, чужой край, незнакомый город с непривычными для нашего глаза рекламами, модами одежды горожан, разномастными автомашинами...

Мы не назовем этот город ни Женевой, где часто встречаются за столом переговоров дипломаты, ни Нью-Йорком, где отаборилась Организация Объединенных Наций. Мы не раскроем тайны — на каком уровне встреча дипломатов послужила поводом для нашего рассказа.

По улицам города отарами движутся легковые автомашины разных марок, разных фирм, разных стран. Встречаются машины з флажками на капотах: это дипломатические машины.

Вот маленькая копия государственного флага США. Машина плавно подкатывает к высокому зданию модернового стиля. Из машины выходят строгие, важные особы и, не удостоив вниманием фото- и кинорепортеров, чинно поднимаются по ступенькам в здание. Подъезжает машина с флажком Английской империи, за ней появляется флажок Французской республики, а потом и Федеративной Германии.

Подъезжает машина с красным флажком, на котором изображены скромные серп и молот. Делегаты выходят из машины. Они тоже серьезные и строгие, с чувством достоинства, с сознанием важности предстоящих переговоров: они будут обсуждать проблему, которая волнует каждого человека, каждую семью.

Делегаты разных стран шествуют по вестибюлю, держатся кучно, не рассыпаются. Поднимаются по лестницам

на второй этаж — туда, где предстоит им засесть за столы в зале переговоров.

Среди наших делегатов мы заметим одного, остановим на нем свое внимание: лицо у него простое, лицо труженика, волосы ершистые, непокорные, но уже пробивается в них седина.

Имя этому человеку — Кузьма.

Там, где лестницы с первого этажа сходятся на площадке перед маршем на второй этаж, встретились две делегации: СССР и Западной Германии. Немцы уступают дорогу нашим дипломатам. Но за то короткое время, когда делегации были на площадке, Кузьма встретился взглядом с одним из членов делегации другой стороны. Ему показалось что-то очень знакомое в обличье этого немца. Немец тоже проявил какой-то интерес к Кузьме.

Приличие не позволило Кузьме еще раз оглянуться назад, где следовали немецкие делегаты, чтобы вглядеться в этого немца, который напомнил ему что-то очень тревожное. Стараясь вспомнить, Кузьма нахмурил лоб, даже нервно сжал губы от досады.

(Титры.)

В зале переговоров за столом сидят делегаты. Они сосредоточенно слушают выступление советского представителя.

— Войны вписали немало печальных страниц в историю человечества. Наше поколение было свидетелем величайшей трагедии на нашей планете. Еще кровоточат раны недавней войны, еще свежи в памяти страшные развалины Сталинграда и Ковентри, ужасы Майданека, Бухенвальда и Освенцима. В сердцах своих люди всегда будут носить траур о погибших в Лидице, Орадуре и в сотнях сел России. Нет оправдания, нет прощения тем, кто считает войну средством разрешения международных споров. Во имя жизни, во имя счастья Советское правительство вносит предложение о полном и всеобщем разоружении, чтобы раз и навсегда покончить с войнами. Этого требуют миллионы семей, которые понесли невозвратные потери. Этого требуют вдовы и сироты, отцы и матери, старики и дети. Этого требуют жертвы, безвременно погребенные под развалинами разрушенных городов и сел, похороненные в безвестных могилах на дорогах, где проходили колонны военнопленных.

Будто током пронизало Кузьму. Он быстро повернул голову туда, где сидела делегация немцев. Он увидел, узнал, вспомнил...

С востока на запад бредет под конвоем колонна измученных, израненных плененных советских воинов. И среди них сыновья разных народов нашей страны: узбеки и грузины, татары и русские.

Но мы задержим свое внимание на двух из них. Это — Кузьма и Пашка. Они ведут, почти несут, раненого пожилого солдата. У него коренастая фигура, жилистые с мозолями руки, ясный, чистый взгляд. Он в плену, но не побежден, не сломлен, не оставлен в беде своими молодыми товарищами.

— Где же твое село, наконец? — спрашивает пожилой солдат Пашку.

— Совсем близко. Вот за этой горкой... И кто бы мог подумать, что придется по родной деревне идти в плен...

Колонна медленно поднимается по шоссе, на горку. Впереди виднеется село.

Конвоир оглянулся назад. Один из пленных выбился из сил, отстал, упал. Кто-то из его товарищей пытается помочь ему, поднимает. Но конвоир подходит и командует пленному, который пришел на выручку своему товарищу:

— Пошоль! Пошоль! Вэг! — и угрожает автоматом.

Пленный пятится, оставив товарища на дороге.

Конвоир хладнокровно пристреливает лежащего на дороге и переступает через труп.

Колонна пленных проходит по улице деревни.

На крылечке одной из хат стоит старик Никита и молодая девушка. Обхватив руками столбик, она прижалась к нему и с испугом смотрит на колонну несчастных людей. Ее добрая, чистая душа никак не может понять, воспринять то, что видит. В глазах ее смятение и страх переплетаются с жалостью, состраданием и желанием помочь этим людям.

— Что же это будет? Что же это будет? Дедушка? — шепчет она.

Оголив седую голову, старик угрюмо следит за мрачной процессией.

Рядом со стариком стоит молодая женщина с интеллигентным лицом и близорукими глазами всматривается в колонну пленных, пытаясь рассмотреть и понять происходящее на улице.

Уцепившись за юбку, пугливо прижимается к ногам пятилетняя девочка, а на руках притаился двухлетний карапуз. Он еще ничего не понимает, но, чувствуя тревогу матери, кривит губки, собираясь плакать.

— Оля! Оленька! — вдруг услышали они голос Пашки.

Встрепенулась женщина, метнулась к колонне.

Побежали следом за ней и старик с внучкой.

Пашка, расталкивая пленных, выбирается из колонны, с протянутыми руками он направляется к жене и детям. Но подбегает конвоир.

— Цурюк! — кричит он и хлыстом бьет Пашку по голове.

Остановилась и Ольга с детьми. Остановился и Пашка.

— Цурюк! — снова бьет конвоир Пашку и вталкивает его в колонну.

Женщина рванулась следом за мужем.

Тогда конвоир, направив автомат выше головы женщины, дал короткую очередь.

Старик подошел к женщине, взял ее за плечи.

— Пожалей деток.

Колонна медленно проходит мимо.

— Хлеба! Кусок хлеба! — просит кто-то из пленных.

Девушка побежала в хату и вынесла оттуда полбуханки хлеба. Подбежала к колонне и, не обращая внимания на наблюдавшего за ней офицера с овчаркой на ремешке, передает хлеб Кузьме.

— Спасибо, дочка,— поблагодарил за Кузьму старый солдат.

Кузьма уже начинает разламывать хлеб на куски и делится с товарищами.

Подошел офицер конвоя.

— Хальт! — скомандовал он, и пленные остановились.

— Бросайте это собаке! — строго распорядился он и указал на кусок хлеба в руках Кузьмы.

Кузьма и товарищи переглянулись, не решаясь расстаться с хлебом.

— Приказ надо выполнять! — уже строже и с ноткой угрозы потребовал офицер.

— Бросьте, ребятки,— просто и даже с лаской в голосе сказал старый солдат и первый бросил свою пайку собаке. Тогда это же сделали и остальные.

Собака, даже не понюхав, отвернулась от хлеба.

— Вы есть люди,— с укоризной разъяснил офицер,—

а люди не должны кушать то, для чего не имеет аппетит собака.

Свое издевательство офицер приподнес мягко, как поучение.

— Люди есть люшче, чем собака. Вы дольжен быть стыдно,— заключил офицер и подал знак двигаться дальше. Потом он повернулся к девушке, но не успел ничего сказать, потому что его опередил старик.

— Ленка! Марш домой! — строго прикрикнул старик.— Ты смотри у меня! Без дозволу, чтоб ни шагу! — строго процедил он сквозь зубы.

— Гут, гут! — одобрил старика офицер.— Без дозвола ни шагу!

Колонна военнопленных вышла за деревню.

В колонне один из пленных, раненный в ногу, еле передвигается, опираясь на длинную палку. Шаг за шагом он все отстает, пропуская мимо своих товарищей. Вот он уже отстал от Кузьмы и Пашки, поддерживающих с двух сторон старого солдата.

— Держись, дружок, держись, скоро привал,— подбадривает его пожилой солдат.

— Да, скоро привал... последний...— грустно, очень грустно соглашается пленный с палкой. Он уже совсем выбился из сил, но все еще продолжает прыгать. Наконец, он в хвосте колонны. К нему подходит конвоир, который бил хлыстом Пашку.

— Ты уже пришель? Больше не можешь? — с сочувствием спрашивает он пленного.

— Нет, нет, я пойду, я еще могу,— торопливо заверяет пленный и, напрягая последние силы, пытается догнать колонну.

— Найн, найн. Ты, русь, брось это,— немец указал на палку.

Пленный вдруг понял, что пришел его конец. Потом, как бы соглашаясь, кивнул головой и, отчаянно гикнув, ударил немца с размаху по голове. Немец свалился.

Офицер спустил с ремешка овчарку, и та бросилась на пленного. Колонна остановилась. Послышалось несколько выстрелов из пистолета.

Растерзанный пленный лежал рядом с убитым немцем.

Голова пленного уткнулась в холмик, на котором стоял верстовой столб.

Тесно сбитые в кучу пленные слушают речь того же лощеного молодого офицера СС. Гюнтер мягко говорил:

— Мы сделаем наказание, чтобы вы все поняли. Германии нужен много рабочий руки. Люди надо послушный, покорный, хороший. Кто есть непокорный, тот должен умирать. Такой мой честный разговор. Этот,— офицер указал на группу пленных, которые стояли напротив колонны под усиленной охраной автоматчиков,— будут умирать, чтобы вы все поняли и все были хорошие. Это есть наша наука вам. Аллес!

В этой группе обреченных мы видим Кузьму и Пашку.

Из колонны пленных выступил старый солдат, которого в дороге поддерживал Кузьма и Пашка.

— Господин офицер! — мягко обратился он к офицеру и указал на своих друзей.— Они ведь совсем молодые. А у того ведь жена и двое детишек в этой деревне. Отпусти ты его и возьми взамен меня.

— Да? — удивился немец.— Это очень хорошо. Идите,— согласился немец.

Старый солдат оставил колонну и пошел к группе, приговоренных к расстрелу. Он подошел к Пашке, и тот, виновато опустив голову, уступил ему свое место. Он несмело вышел из строя и сделал пару шагов к колонне пленных. Но офицер окрикнул:

— Найн, найн! — офицер жестом указал Пашке занять прежнее место и обратился к колонне с вопросом:

— Еще есть кто жалеет?

Колонна хмуро, враждебно смотрит на офицера.

Отобранная для расстрела группа военнопленных, окруженная немецкими автоматчиками, движется к противотанковому рву.

— Робятки вы мои, робятки...— старик не столько опирается на своих друзей, сколько крепко обнимает их.

— Почему здесь? Возле дома... Почему мы? Почему я? — Пашка уже не выдерживает нервного напряжения. Кусает губы, чтобы не заплакать от отчаяния.

— Пашка! Не хнычь! Все равно помирать, так хоть не рассыпайся перед гадами,— просто, по-товарищески советует Пашке Кузьма.

Старый солдат посмотрел на Кузьму, будто тот сказал глупость.

— Нет, нет, робятки! Врассыпную... врассыпную! Я начну, а вы врассыпную,— горячо заговорил он.

— Перестреляют, все равно перестреляют,— дрожащим голосом заговорил Пашка.— Перебьют ведь...

— Не разговаривайте! — крикнул конвоир.

— Я богу молюсь, богу, гот, гот,— нашелся солдат.

— А, то есть гут, гут,— понял и согласился конвоир.

И старик заговорил громче, но быстро и монотонно, будто и впрямь читал молитву:

— Робятки, послушайте! Считайте, что вы уже погибли... И нет вам никакого спасения. Будто вас уже нету... И потому ничего не бойтесь. Все равно ведь... Мертвому ничего не страшно... Я подам команду, а вы врассыпную, во все стороны. Я помогу,— и солдат демонстративно перекрестился.— Все ли слышите меня?

— Слышу! Слышу!

— А двум смертям не бывать! — старый солдат снова размашисто перекрестился.

— Хальт! — послышалась команда конвойного офицера, когда группа подошла к противотанковому рву. Конвоиры начали подталкивать пленных в более тесную кучу. Старый солдат неожиданно для конвоира ударил его в живот и крикнул:

— Соколики! Врассыпную! Робятки! Разлетайтесь! — и схватился с немцем.

Кто-то из пленных выкрутил из рук другого немца автомат, но не успел сделать выстрела, как был прошит автоматной очередью третьим немцем.

Пленные бросились бежать в разные стороны.

Немцы, боясь в суматохе подстрелить своих, какое-то время не стреляли. Потом, не целясь, стали строчить длинными очередями по разбегающимся. Кузьма и Пашка вскочили в ров. Старый солдат, боровшийся с немцем, наконец был свален выстрелом в упор другим немцем.

Один из конвоиров, ведя прицельный огонь, подстреливает военнопленного, который отбежал уже на приличное расстояние.

Падают, сраженные пулями, другие пленные.

Кто-то пытается подняться и ползет дальше, но конвоир тщательно прицеливается и пристреливает его.

И когда расправа была закончена, офицер начал подсчитывать жертвы.

— Айн, цвай...

Лежит старый солдат. Кажется, что он прощается с родной землей, обнимая ее.

— ...драй, фир, фюнф...— считает офицер.

И в это время из рва, подняв дрожащие руки, показался один из пленных. В его глазах страх и мольба.

— Не стреляйте, не стреляйте! Я не бежал...— лепетал он.

Немцы были удивлены и поражены. Кто-то из конвоиров поднял автомат, чтобы пристрелить пленного, но офицер остановил автоматчика.

— О-о! — удивленно воскликнул офицер, глядя на пленного.— Ты есть честный пленный.

— Я не бежал, я не бежал...— повторял пленный, переводя бессмысленный взгляд с одного немца на другого.

Зашевелился старый солдат, приподнял голову и пожалел его:

— Э-эх, дурачи-ина...

Пленный повернул голову в сторону солдата, но от выстрела вздрогнул, даже на мгновение зажмурился от страха и залепетал:

— Я не бежал, я не бежал...

— Хорошо,— похвалил офицер и смилостивился,— ты будешь жить.

По дну противотанкового рва бежит Кузьма. Вот он скрывается за поворотом. Наконец оглянулся и осторожно выползает наверх. Перебирается через вал на противоположную сторону рва и вдруг замечает впереди ползущего Пашку. Пашка ранен. Ползком догоняет его Кузьма.

— Ты? — обрадовался Пашка.

— Я...— еле переводя дыхание, ответил Кузьма.

— Меня подбили. В ногу попали,— сообщает Пашка.

— Ничего. Все-таки живой,— успокаивает Кузьма.

Кузьма помогает Пашке добраться до густой заросли конопляного поля. Как только они достигли этого укрытия, Кузьма с облегчением вздохнул и оглянулся. На лице тревога, глаза его расширились. Он увидел, что по его следу идет здоровенная немецкая овчарка.

— Ползи дальше,— торопливо приказал он Пашке,— я сейчас...

Кузьма спрятался поглубже в коноплю и приготовился встречать овчарку.

Овчарка по следу Кузьмы вползает в заросли. Судя по тому, как шатаются стебли конопли, там идет отчаянная схватка между человеком и зверем. Наконец взвизгнула собака, и стебли перестали шевелиться.

Пашка и Кузьма перебрались через небольшой ручей и спрятались в кустах.

В своем огороде дед Никита подвязывал к колышкам кусты помидоров. Сзади зашуршали кусты. Дед оглянулся. Раздвинув ветки кустов, из вишенника выглядывают Пашка и Кузьма. Старик узнал Пашку.

— Пашка?! — старик никак не ожидал этой встречи.

Кузьма прикладывает палец к губам:

— Т-с-с...

— Немцев в хате нету? — спрашивает Пашка.

— Пока бог миловал,— ответил старик.

По улице деревни идут трое вооруженных солдат в иностранной форме. Их ведет староста.

— Квартирка будет, во! — староста показывает большой палец.— Живут там старик и внучка. Девочка — что надо,— староста подмаргивает.

Тем временем в хате Лена за ширмой перевязывает рану Пашке. Тут же стоит Кузьма в одежде, изодранной овчаркой.

— Где же твоя Ольга с бинтами? — нетерпеливо спрашивает дед Никита.

— Дедушка, подай чистую простыню,— командует Лена.

Старик пошел к шкафу, но вдруг через окно заметил поднимающихся на крылечко трех солдат и старосту.

— Немцы! — крикнул он.

Лена только успела задернуть занавеску, как на пороге появились староста и солдаты.

— Слухай, старик! Вот тебе гости на постой. Отведи им половину хаты. Да почище чтоб,— распорядился староста.

Один из солдат, осматривая хату, замечает внизу под ширмой ноги Кузьмы, обутые в солдатские ботинки, без обмоток. Дед Никита с тревогой перехватывает этот взгляд.

— Хорошо,— говорит солдат и направляется в другую комнату.

Дед Никита торопливо распахивает перед ним дверь. Осмотрев вторую половину хаты, солдаты возвращаются.

— Хорошо,— говорит тот же солдат,— придем. И снова с явным интересом скользит взглядом по ширме вниз.

Ботинок уже не видно. Дед Никита заметил и этот взгляд.

Открывается дверь, и на пороге появляется Ольга с бинтами в руках.

— Вот, нашла,— говорит с порога. И вдруг с испугом замечает солдат и пятится назад.

— Чего оробела, учителька? — спрашивает староста.

Ольга спрятала за спину бинты, прижалась к стене у дверей, пропуская мимо себя солдат. Солдаты выходят из хаты. Староста задержался возле учительницы.

— И ты ступай домой. К тебе тоже определим квартиранта-офицера. Может, подружите,— хихикнул староста и пошел за дверь.

Старик подал знак Ольге, мол, ступай. Ольга ушла следом за старостой.

Дед Никита из-за стены настороженно следил через окно за уходящими солдатами. И когда, наконец, они удалились, старик повернулся к Лене, крутнул головой и осуждающе крякнул. Потом приказал тому, чьи ноги снова показались из-под ширмы.

— А ну-ка, служивый, снимай ботинки! — строго приказал он Кузьме, который вышел из-за ширмы, держа в руке ребрастую качалку.— Быстро снимай! — повторил старик и сам стал стягивать свои сапоги.— Обменяемся...

— Да они ведь негодящие у меня,— Кузьма перевел недоуменный взгляд с ботинок на старика.

— И жаль, что «негодящие»,— согласился старик и вдруг вспылил:— Выставил из-под ширмы ботинки... Любуйтесь, мол, тут я... А теперь меняй вот... Влипли мы, внучка, из-за этих дураков...

Из-за ширмы вышел Пашка с перевязанной ногой.

Старик взял у Кузьмы ботинки и поставил их точно на то место, откуда они виднелись, когда прятался за ширмой Кузьма.

— Ну, голубь, ты дома,— сказал старик Пашке,— а вот с тобой как? — спросил он у Кузьмы.

— Он тоже пойдет ко мне,— заявил Пашка.

— Да ведь слыхал небось, офицер у тебя на постое,— возразил старик.— Ты иди к детям, а его мы определим.

У кроватки сидит Пашка. Долго смотрит на спящих детей.

— Бедный ты мой,— жена берет его голову и прижимает к груди.— Как ты все это вынес?

— Я все еще и сам не верю...— Пашка поднимает глаза на жену, потом переводит взгляд на детей, осторожно притрагивается к спящему ребенку.

Разговаривают они тихо, шепотом, то ли боясь разбудить детей, а может быть, не желая, чтобы их услышал постоялец-офицер, который расхаживал за приоткрытой дверью в соседней комнате.

— А она,— женщина кивнула на девочку,— тогда тебя не узнала. И я не сказала ей, что это же тебя ударил офицер...

Тихо, молча переживают они свое счастье, вернее, беду, уже минувшую их. Ведь для человека счастье и тогда, когда страшная беда проходит мимо.

Из соседней комнаты выходит офицер.

— Мне было бы очень приятно поужинать вместе с вами,— офицер жестом приглашает их в «свою» комнату.— Нам нужно познакомиться.

— Спасибо, господин офицер. Мы уже поужинали... И потом... он... болен,— несмело отказывается женщина, придерживая руками мужа, будто его собираются отнять у нее.

— А что у него? Я — доктор, могу помочь,— поясняет офицер, видя, что жена и муж несколько смутились.

— Нет, ничего,— Пашка встал,— спасибо за приглашение. Пойдем,— говорит он жене и направляется в соседнюю комнату.

Офицер заметил, что Пашка хромает.

— Вы ранены?

— Да. Это старая рана,— отвечает Пашка.

На столе откупоренная бутылка вина, пара раскрытых банок консервов, хлеб, походные стаканчики.

— Давайте посмотрим вашу рану,— предложил офицер.

— Нет, нет, не надо беспокоиться, господин офицер,— торопливо и, как показалось офицеру, с испугом сказала женщина.

— Вы не доверяете мне, как молодому врачу, или...— офицер сделал паузу,— этому мундиру?

— Нет, нет! Что вы! — женщина была явно напугана.

Офицер налил рюмку Ольге, Пашке и поднял свою.

— Сегодня из-под расстрела сбежали двое пленных. Давайте выпьем за счастливую звезду, под которой родились эти люди,— предложил офицер.

Ясное, чистое, звездное небо. Светит луна. Под этим светом Лена кажется нереальной, символической, прозрачной. Она стоит, прислонившись к стожку сена в огороде, и смотрит вверх, в небо, изрешеченное звездами.

— Не верится, что в эту минуту люди страдают, люди умирают, кому-то грозит опасность,— говорит она грустно.

— Но тебя могут расстрелять, если узнают, что ты укрываешь пленного,— трезво говорит Кузьма.

— Да,— соглашается Лена.

— Не боишься?

— Боюсь, конечно, но... Я ведь комсомолка... А ты?

— Нет. Я уже один раз погиб.

— Как погиб? — Лена даже улыбнулась, глядя, как Кузьма жует на полный рот.

— Меня ведь расстреляли. Считай, что погиб. Теперь я ничего не боюсь...

— Да, ты видел самое страшное,— соглашается Лена.

— А ты знаешь, что самое страшное?

— Смерть.

— Нет. Фашизм. Это — самое страшное, что когда-нибудь было на земле. Помню: читал про Испанию — не верилось. Смотрел в кино — удивлялся: неужели такое может быть. И вот... На своей земле... Только теперь понял... Выходит, одну жизнь я прожил уже... Кончилась она, глупая, наивная. А вторая моя жизнь — ясная. Пока на нашей земле фашисты, я не успокоюсь. Пусть черви источат меня живого, пусть вороны выклюют мне глаза, пусть земля откажет мне в последнем глотке воды и кровь мою пусть вылакают собаки, если я успокоюсь.

Лена слушала Кузьму и любовалась им. Она верила в искренность этой клятвы. Лена развернула тряпку и подала Кузьме пистолет.

— Это тебе нужнее.

— Я тебя никогда не забуду,— Кузьма принял пистолет как дорогой подарок.— Так, говоришь, ты комсомолка?

— Да.

— Я тоже. Ты что, училась?

— Да.

— Ты хорошая, настоящая... Тебя любили хлопцы...

— Не говори так... Пошли, пора в лес.

— Если бы не было войны...— Кузьма не трогался с места.

— Да,— согласилась Лена,— но в моей хате чужие солдаты.

Они, оглянувшись, ушли от стога.

В хате, у каминка, сидит дед Никита. Подкладывая под чугунок дровишки, он с опаской поглядывает на солдата, который похаживает по хате.

— Прум, прум, прум пу-пу-пум...— солдат, подражая барабану, наигрывает губами какой-то незамысловатый военный марш. Вот он пристально посмотрел на старика и перевел взгляд на ботинки, стоящие под ширмой. Потом подошел к фотографии, висящей на стене.

— Это кто?

— Сын мой.

— Он где?

— На фронте,— неохотно отвечал старик.

— Прум, прум, прум-пу-пу-пум,— через минуту опять посмотрел на солдатские ботинки, потом в упор на деда Никиту. Старик невозмутимо выдержал его взгляд и принялся поправлять горящие головешки на каминке.

— Хм... А где же ноги? — как бы между прочим спрашивает солдат.

— Какие ноги?

— Тогда в этих ботинках стояли ноги,— сообщает солдат.— Они не придут сюда, когда мы ляжем спать? — спрашивает он.

— Померещилось вам, пан,— объясняет дед Никита.— Не в обиду будь сказано: пуганая ворона и куста боится.

— А дальше? — спрашивает солдат.

— Что дальше?

— А дальше в ваших листовках было написано: «Часто за кустами партизан таится».

— Это вам лучше знать,— спокойно отвечает старик.

И как бы в подтверждение этого разговора в окно плеснуло пламенем и издалека донесся огромной силы взрыв. Задребезжали стекла.

Группа немецких офицеров осматривает разрушенный железнодорожный мост. Бурлит, вихрится вода у затонувших ферм.

Старший офицер, бросив в воду окурок, позвал:

— Гюнтер!

К нему подходит знакомый нам эсэсовский офицер, конвоировавший военнопленных.

— Слушаю вас!

— В работе с пленными вы показали твердость характера, непреклонность воли и решительность в действиях. Эти качества пригодятся для борьбы с партизанами. Они срывают обеспечение фронта, нарушают наши коммуникации. Я поручаю вам навести порядок в этом районе.

— Слушаюсь!

Офицеры садятся в машины.

— К вашему сведению, Гюнтер,— продолжает старший офицер уже в машине,— за бесхарактерность и либерализм я отправляю на фронт в штрафную роту бывшего коменданта и всю его команду, охранявшую мост.

— Я поступил бы так же,— ответил Гюнтер.

Машина подъезжает к железнодорожной станции, забитой эшелонами с танками, орудиями, автомашинами на платформах. У вагонов солдатня.

— Технику снять и отправить своим ходом. На фронте ждут ее.

И вот мы видим, как танки, орудия, автомашины движутся по шоссейной дороге на восток.

Со своего двора дед Никита и Лена следят за проходящей по улице колонной автомашин и танков.

Колонна остановилась. Во двор заходит солдат, остановившийся у него на постой.

— Чего это они стали? — спрашивает дед.

— На почлег. Утром уедут,— объясняет солдат.— Трудно будет вашим на фронте, очень трудно,— добавил он, и в голосе его послышалась то ли поддельная, то ли настоящая озабоченность.

Солдат вошел в хату.

— Погоди, бабка надвое гадала,— сказал старик и, взяв из-под сарая грабли, направился через огород в поле.

Солнце садится за горизонт.

Перед партизанским командиром сидит дед Никита и с горячностью излагает свой план:

— Это же, понимаешь, товарищ секретарь, какая подмога туда идет. Сколько техники! Годами, видать, копили, ковали ее против людей. Ведь там, на фронте, сын мой. Ему же невмоготу будет, как попрут. А! Они теперь ночуют в селе. А за ночь по дороге накопать ямочек можно да минов туда навставлять. Глядишь, и опять же — стоп у них. Ну? Дорога теперь пустая, ночь темная... Ну?

— Хорошо, батя. Мы им накопаем ямочек,— согласился командир.

— Гитлер ведь со всей Европы себе союзничков набрал. Вот и ко мне привели на постой чехов.

— Чехов? — командир задумался.— Ну и что они?

— Не понял я их,— старик пожал плечами.

— Ты их прощупай осторожненько, проведай, чем они дышат. Если они не фашисты, они станут нашими союзниками.

— Ладно. Только... нечего щупать. Коль война, так война.

Рванулся с места и, набрав скорость, двинулся грозной громадиной танк. Колонна направлялась на восток. Борта грузовиков с солдатами ощерились автоматами и пулеметами в обе стороны дороги.

Первые лучи солнца серебрились в верхушках берез, которые склонились над шоссейной дорогой, образуя изумрудный шатер над ней.

Но вот где-то впереди один за другим громыхнуло несколько взрывов. Колонна остановилась, и солдаты, выпрыгнув из машины, залегли в кюветах. Но лес был тих и спокоен. И только где-то тревожно стрекотала сорока.

Лежали в кюветах солдаты и с грустью рассматривали чужую землю, где не одному из них придется сложить голову, вдали от кладбищенских могил своих предков.

Грустным напоминанием об этом были холмы курганов, видневшиеся вдали за редкими придорожными березами.

Наконец появился старший офицер, поднял одного из лейтенантов и приказал:

— Немедленно русских сюда. Много русских.

Лейтенант поднял взвод солдат, и все они двинулись назад, к деревне, осторожно всматриваясь себе под ноги. Они боялись этой земли, как проказы.

— Шнель! Шнель! Шнель! — подгонял их офицер.

Солдаты побежали. Офицер осмотрел вокруг. Стоят, не шелохнутся деревья, где-то чирикает пичужка.

Прячется за дерево Кузьма. Он сидит на суку, прикрывшись ветками, и наблюдает за дорогой.

Из деревни показалась толпа жителей: стариков, женщин, даже детей. Подгоняемые солдатами, они двигаются по обочине дороги, мимо машин и лежащих в кюветах солдат. Некоторые едут на подводе, а кто-то ведет на по-

воду лошадь, впряженную в борону. Никто из них не подозревает, куда и зачем их гонят. И только один старик Никита догадался о намерении фашистов.

Когда толпа остановилась перед группой немецких офицеров, один из них ткнул пальцем в деда Никиту и приказал:

— Ты пойдешь первым! Туда. Марш!

— Ну, что ж, и пойду,— старик взял повод лошади, впряженной в борону, и пошел впереди колонны.— Павел,— сказал он соседу,— ты отстань, у тебя детишки малые. Нас гонят на мины.

Вот он прошел метр, два, три...

С напряжением следят за стариком немцы...

Люди, предчувствуя беду, медленно движутся следом за стариком...

С тревогой наблюдает из своего укрытия Кузьма за происходящим на шоссе.

Раздается взрыв. Упала клячонка. Свалился старик.

Остановилась толпа. Но сзади послышалась команда фашистского офицера:

— Вперед! Вперед! Будем стрелять, если кто не пойдет!

И в подтверждение его слов автоматная очередь подкосила двух или трех человек из толпы.

Толпа снова медленно двинулась с места. Вот она проходит мимо Никиты. Он тяжело стонет. Над ним наклонилась какая-то женщина.

— Я сейчас пойду туда. Хоть десяток уложу,— Кузьма соскочил с дерева.— Разрешите, товарищ командир.

— Они перестреляют их всех,— не разрешил командир.— Надо взрывать мосты. А старика жаль...

Старик Никита лежит в кровати. Он бледен и слаб.

Милан — врач-чех закончил обработку и перевязку ран.

Тут же стоит Лена и солдат — постоялец в доме деда Никиты.

— Большое спасибо вам,— искренне благодарит Лена врача.

— Так, так, внучка... в ножки поклонись им... за их доброту... Они калечат, они же и лечат.

— На мины вас немцы погнали. А мы — чехи — славяне.

— Родственнички, значит? В гости пожаловали? А почему с оружием?

— Мы пришли сюда не по своей воле. Наша родина тоже оккупирована немцами.

— А теперь помогите им сесть на нашу шею?

— Дедушка! — Лена с укоризной посмотрела на старика.

Хмурый Милан умывает руки. Лена подает ему полотенце.

— От нашего поведения в России зависит судьба и жизнь наших семей,— говорит Милан.

— Вы простите его,— просит Лена.— Ему больно, и потому он так...

Милан ничего не ответил. Вытирая руки, он подходит к Дорику, который читает книгу.

— Интересная книга. Вроде бы про нас,— говорит Дорик.

— Про чехов? — спрашивает Милан.

— Нет, про негров. Как они помогали англичанам воевать против краснокожих.

Милан удивленно смотрит на Дорика. А тот, невинно улыбаясь, рассказывает:

— Вчера начитался, так всю ночь дурацкий сон снился. Будто я весь черномазый, тут, значит, не штаны, а такой веер из петушиных перьев, а в ноздре вот такое кольцо. Будто мы с вами, а у вас кольцо одно в носу, другое в ухе, а мы с вами зажарили деда и едим... Смешно? А?

— Ты умный парень, Дорик,— Милан улыбнулся и похлопал его по плечу.— Завтра поедешь к мосту, так постарайся выменять продукты для старика. Ему теперь нужно хорошее питание.

— Слушаюсь! — Дорик встал и даже козырнул.

Замаскировавшись в кустах, Кузьма наблюдает за мостом, за жизнью гарнизона, охраняющего мост, за движением на нем.

Проходили одинокие крестьяне, проверяемые часовым перед въездом на мост. Изредка мчались на мотоцикле немецкие связные. Проезжали по нескольку штук военные грузовики.

На мосту показалась подвода. На телеге двое вооруженных солдат. Это знакомые нам чехи, которые квартируют у деда Никиты. Вот они проезжают мимо часового на мосту, останавливаются у железобетонного дота, сбрасывают с телеги термос, мешок с продуктами и проезжают

дальше мимо окопчика с пулеметной точкой, изгороди из колючей проволоки, выезжают за шлагбаум.

Кузьма торопливо оставляет свое укрытие и пробирается по кустарнику, изредка поглядывая в сторону шоссе, по которому едет подвода с солдатами.

Подвода сворачивает в сторону и въезжает в деревню, останавливается возле одного двора. Один из солдат забирает какой-то узел и заходит во двор. Во дворе пожилая женщина и двое ребятишек. Женщина крутит ручную мельницу.

Солдат подходит к ней, здоровается:

— Соль надо? Мыло надо?

Женщина оставляет мельницу и, не поняв вопроса, испуганно отвечает:

— Нету соли и мыла нету.

— У меня есть. Менять будем. Даю соль, даю мыло, давай сало, яйки, масло...

Во двор заходит Кузьма. Солдат поворачивается к нему и повторяет: «Соль надо? Мыло надо?»

— Нет, не надо,— отвечает Кузьма.

Тогда солдат доверительно спрашивает:

— Патроны тоже меняем. Патроны надо?

— Патроны,— удивился Кузьма.— Это другой коленкор.

И вдруг Кузьма выхватывает из-за пазухи пистолет и наставляет его в лицо солдату.

— Руки вверх!

Опешивший солдат поднимает руки вверх. Кузьма отнимает у него винтовку и, прислонив к стене, жестом указывает солдату на завалинку в углу двора.

— Садись! — тихо командует Кузьма и, прижав палец к губам, подает знак молчать.

Нетерпеливо ерзает на подводе второй солдат. Это Дорик. Он злился.

— На свадьбу попал, что ли? — недовольно бурчит он. Наконец он, похлопав по крупу лошадь, сказал:

— Уверен, тут замешана женщина,— и, накинув на забор вожжи, направляется во двор, напевая песенку.

Дорик открыл калитку, заглянул во двор и увидел своего товарища, смирно сидящего в углу двора на завалинке. Кузьма кивком пальца подзывает Дорика к себе. Солдат подходит. Кузьма и ему подсовывает под нос дуло пистолета.

— Руки вверх!

Солдат вначале растерялся, а потом непонятно почему рассмеялся и поднял руки вверх. Кузьма и у него отнял оружие.

— Вверх так вверх,— не теряя юмора, говорит Дорик. — Лучше руки вверх, чем ноги кверху.

— Теперь поговорим откровенно,— сказал Кузьма, когда трое «друзей» уселись на завалинке, как перед фотоаппаратом.— Я — партизан...

— Очень похож,— согласился Дорик.— Рады познакомиться.

— Погоди радоваться,— предупредил его Кузьма.

— А мы чехи. Это совсем не немцы.

— Но вы с оружием и служите немцам. Так что я должен с вами делать? — спрашивает Кузьма.

— Даже не знаю, что тебе посоветовать. Ты попал в более трудное положение, чем мы,— попытался шутить Дорик.

— Ты не смейся! Разговор серьезный,— предупредил Кузьма.

— Если случится плохое, то плакать будут родственники. А зачем я?

— У вас есть два выхода,— начал Кузьма.

— По одному на брата,— продолжал острить Дорик. — Это уже хорошо.

И вот мы видим всех трех на телеге. Солдаты по-прежнему держат в руках винтовки. Кузьма сидит сзади.

Кузьма:

— Имейте в виду, что этой взрывчатки, в случае чего, хватит на нас всех.

— Только, ради бога, не торопись с этим,— просит юморист.

Подвода приближается к мосту.

По мосту прохаживается часовой. Узнав солдат, он продолжает идти дальше, к доту.

Подвода въезжает на мост. Все сидящие на ней заметно нервничают.

— Спокойно! — шепчет Кузьма и поправляет вылезший из-под полы пистолет.

Часовой останавливается и подозрительно рассматривает Кузьму на телеге. Он расценивает это как нарушение правил.

Когда подвода уже приблизилась к доту, из окошка, оставив пулемет, вылезает немецкий солдат и кричит:

— Айн момент. Их габе айн бриф нах хауз.

Подвода останавливается. С телеги спрыгивает Кузьма и стреляет в часового. Немец, вылезший из окопчика, бросается к пулемету, но соскочивший с телеги Дорик настигает его и схватывается с ним.

Маленький юркий чех и огромный верзила немец.

Кузьма подбегает к доту и, выхватив из кармана две лимонки-гранаты, бросает в раскрытую дверь дота одну, а потом другую.

Второй солдат, сидевший на подводе и вначале просто растерявшийся, прячась от взрыва, но, заметив, что Дорика подмял под себя и душит здоровенный немец, соскочил с телеги и побежал на помощь товарищу.

Кузьма вскочил в дот и несколько раз выстрелил из пистолета.

Выбежав из дота, он увидел, как двое чехов переваливают через перила здоровенного немца. И когда тот плюхнулся в воду, Кузьма командует:

— Давайте взрывчатку, а сами,— и он махнул рукой, дескать, сматывайтесь. Потом он снимает взрывчатку с телеги, а чехи, торопливо подгоняя лошадь, уезжают с моста. Вдруг они видят, что недалеко от моста один из немецких солдат, собиравший там дрова, бросил хворост и побежал. Чехи остановились.

Кузьма сбегает вниз под мост, прилаживает взрывчатку под сваи. Поджигает шнур и, прячась в дот, следит за горящим шнуром.

Через амбразуру дота Кузьма видит, что телега с солдатами-чехами отъехала от моста и остановилась. Солдаты, оживленно жестикулируя, что-то обсуждают. Один из них указал в ту сторону, куда убежал немец, собиравший дрова.

Кузьма, чтобы не терять время, снимает с убитых немцев пистолеты, собирает автоматы, патроны.

Ухнул взрыв, и мост осел в воду.

Кузьма, по-хозяйски осмотрев развалины моста, направляется в лес. Но чехи криками и жестами останавливают его, подзывают к себе.

Кузьма насторожился, на всякий случай взял автомат на изготовку и пошел к ним.

— Что такое?

— А мы?

— Свободны. Отправляйтесь своей дорогой.

— Но нас расстреляют немцы. Один из них удрал. Он видел нас.

— Со мной хотите? В лес?

— Теперь уже один выход.

Кузьма подумал и согласился.

— Одна дорога... Тогда поворачивайте лошадь.

Все трое торопливо погружают на телегу оружие и боеприпасы, находящиеся в доте и окопчике.

Вдруг заурчал зуммер полевого телефона, установленного в доте. Кузьма не решается снять трубку телефона. Переглянувшись с Кузьмой, трубку берет Дорик и абсолютно спокойно отвечает:

— Я-я! Я-я! Взрыв? Это мост взорвали. Кто? Партизаны. Нет, нет! Тут все в идеальном порядке. В живых остался один, он скоро прибежит к вам,— сообщает он «приятную» новость встревоженному начальству, поглядывая на убитых немцев.

Мрачный Гюнтер меряет шагами свой кабинет. У дверей стоит переводчик-секретарь.

— Нам нужно много полиции. В каждый деревня, каждый населенный пункт. Тогда всякий семья полицая будет нашим союзником и врагом партизан. Потом мы будем посылать в лес своих людей, своих агентов.

Гюнтер сел за стол и указал на стул переводчику.

— Зитц! Бери бумагу, пиши: «Объявление...»

На заборе висит объявление, только что приклеенное старостой. «Объявляется набор добровольцев для службы в полиции. Полицейские обеспечиваются обмундированием и высоким денежным жалованьем. Семьи полицейских пользуются всевозможными льготами.

Желающие должны явиться лично к коменданту района.

Комендант обер-лейтенант Гюнтер».

Возле объявления стоит Лена. Вдруг она слышит шум возле хаты Пашки. Из дверей выталкивают Ольгу с детишками.

— Где муж? — кричит староста.

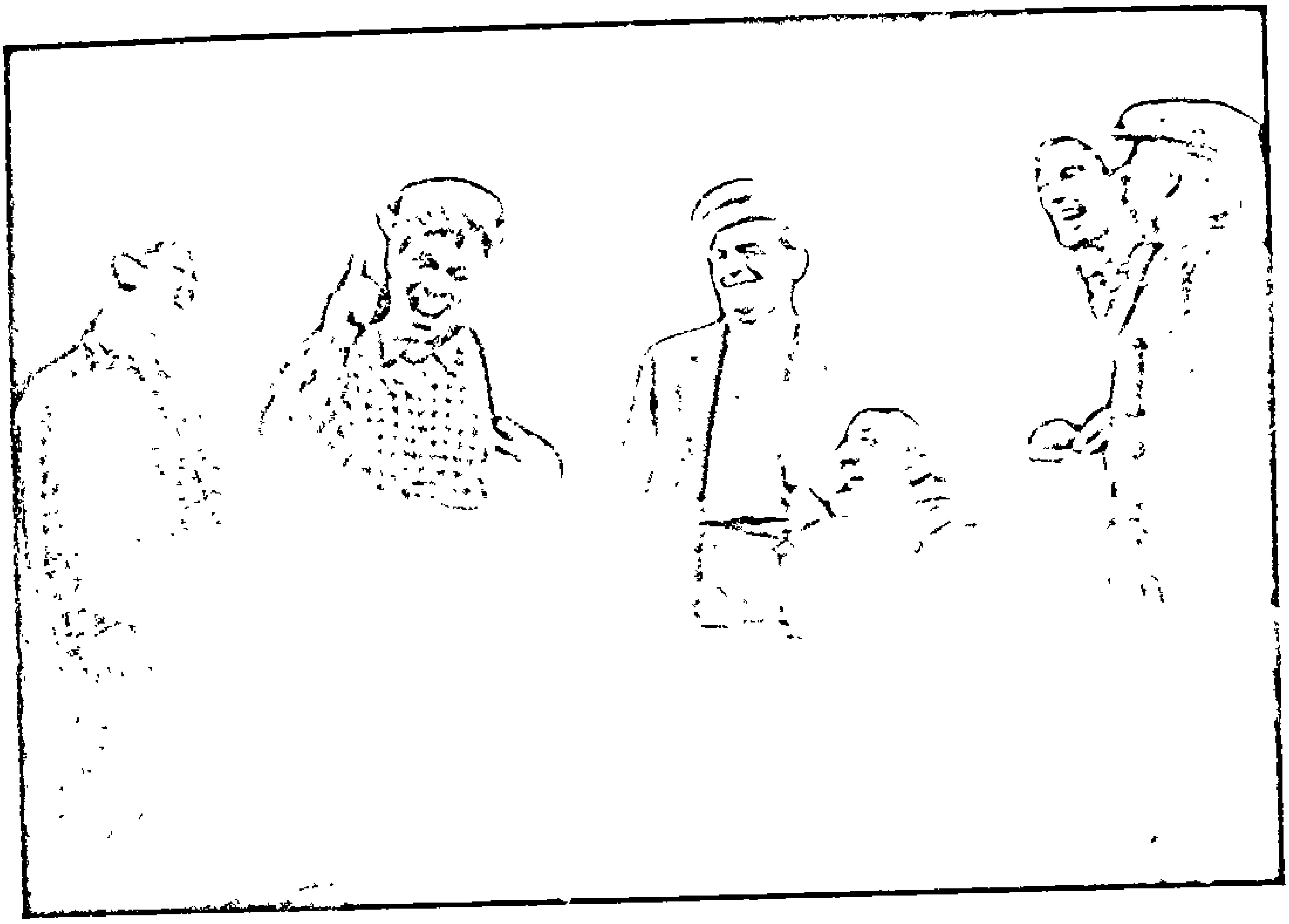
— Не знаю я...

Два гестаповца, схватив за воротники детишек, тащат их к машине. Мать старается отнять детей.

— Все равно изловим, не уйдет,— староста толкает Ольгу к машине.

Дэлегаты V з'езда пісьменнікаў СССР
Іван Шамякін, Пілін Пестрак, Андрэй Макаёнак.
Масква, 1971 год.

Сцэна са спектакля «Каб людзі не журыліся»
ў Беларускім акадэмічным тэатры імя Янкі Купалы.
1959 год.



Из хаты выходит Милан. Лена подбегает к нему.

— Почему вы не защитите детей? Вы же офицер!

— Это гестапо. Для них я — ничто,— оправдывается Милан.

— За что же его арестовали?

— Староста говорит, что их отец бежал из плена и ушел к партизанам.

— Но вы ведь знаете, что это неправда.

— Он сегодня не ночевал дома.

— А где же он?

— Не знаю.

Кабинет коменданта Гюнтера. Перед ним стоит Пашка. В стороне ожидает распоряжений староста.

— Да, это есть он. Я узнал,— говорит Гюнтер и, повернувшись к старосте, благодарит.— Спасибо. Идите получайте своя награда — махорка и соль.

Староста выходит.

— Да, судьба хотела, чтобы мы еще раз встретились.

Пашка молчит.

— А вы очень счастливый человек,— восхищается Гюнтер.

Пашка молчит.

— Вы еще раз хотел убежать от расстрела? — спрашивает Гюнтер.

Пашка молчит.

— Да, конечно, два раза невозможно,— размышляет вслух Гюнтер.— А где второй, который бежал?

— Не знаю,— отвечает Пашка.

— Он партизан? Да?

— Не знаю.

— Я буду тебя отпускать. Ты пойдешь служить полицай?

— Я больной, раненый,— Пашка опускает голову.

— Да, да,— соглашается Гюнтер.— А в партизаны хочешь пойти?

— Нет.

— Это плохо. Ни туда ни сюда. Ни рыба ни мясо. Нехорошо! Теперь идет большая война. Тихий куток сидеть нельзя.

Пашка с удивлением смотрит на Гюнтера.

— Это не шютка,— говорит Гюнтер.— Это серьезное предложение.

— Нет, я не могу,— отказывается Пашка.

— Тогда мы будем вас второй раз расстрелять.

Пашка понял, какую ловушку готовит для него Гюнтер.

— Я их не знаю! Я не могу! Это невозможно,— горячится Пашка.

— Возможно. Вы должен искать, находить, встретить свой лючший друг. А через неделю, нет, через две недели, в пятницу, ровно в 12 часов... Ровно! В 12,— Гюнтер показал часы.— Не позже! Вы придете сюда и скажете, где есть партизанский штаб.

— Я не могу! Я не пойду!

— Так просят ваша жена, ваши дети. Вы их любите?

Пашка забеспокоился. Это заметил Гюнтер.

— Да, я вижу, вы любите их. Вы есть нежный папа...

— Дети тут ни при чем. Вы не должны их трогать! — встревожился Пашка.

— Я сказал, идет большой война. Мы должны ловить победа! Для победа мы будем трогать все: дедушка, бабушка, папа, мама унд кляйне киндер.

Офицер встает из-за стола, берет за руку Пашку и подводит к окну.

Во дворе под присмотром немецкого автоматчика сидят на скамейке Ольга и детишки.

— Вот они, очень милые дети и красивая жена,— говорит Гюнтер.— Если вы не возвращаться из лесу, мы их... Вы понимаете?

Пашка долго смотрит в глаза Гюнтеру.

— Мы сделаем вот так,— Гюнтер раскрывает окно и дает знак своим солдатам. Солдаты щелкнули затворами автоматов и короткими очередями расстреляли двух женщин и группу детей, которые до этого прижались к стене каменного сарая.

— Это евреи и семья коммуниста,— объясняет Гюнтер.

Пашка обезумел от ужаса.

— Вот так. Я имею характер железный,— Гюнтер достал портсигар и закурил сигарету.

Пашка в хате деда Никиты. Плачет. Плачет навзрыд. Это производит тягостное впечатление на Лену и деда Никиту.

Наконец старик не выдерживает и кричит на Пашку:

— Перестань! Слезы не помогут! Будь мужчиной. Ведь не только твоей семье грозит большая опасность. Ты оглянись! Вся земля горит.

Пашка притих. Задумался.

— Уходи в лес, к своим,— советует старик.

— Я не знаю... Я не хочу...— почти шепчет Пашка.

— Ну и дурак!

— А потом что?.. Что потом? — вдруг громко кричит Пашка.

— Потом будет видно,— старик не знает, что сказать.— А пока уходи.

— Куда? — Пашка уже почти пришел в себя.

— Лена тебя отведет. В лес.

В лихую годину для нашего края лес был и надежной крепостью и родным домом.

В густых зарослях леса партизаны устроили лагерь: рядом с добротными и обжитыми землянками встречаются и легкие, наспех сложенные из веток шалаши; за ними стоят повозки; у коновязи — снаряженные лошади.

Люди заняты партизанским бытом: кто чинит видавшую виды одежду, кто-то меняет повязку на незаживающей ране, а некоторые чистят оружие.

У шалаша сидит Кузьма и Пашка.

— Уж лучше бы меня расстреляли тогда. Остались бы живы дети, семья,— говорит Пашка.

— Не отчаивайся,— успокаивает его Кузьма.

— Ты ничего не знаешь... Ты не можешь понять,— Пашка отводит глаза в сторону.— Они погибнут там.

— Погоди ты,— сердито бросил Кузьма. Он вынул из кармана кисет, развернул бумагу, чтобы оторвать на цигарку, и вдруг остановился. В руках у него было объявление о наборе в полицию.

— Посиди тут! — Кузьма быстро поднялся.— Я схожу к командиру.

У штабной землянки командир отряда беседует с Леной.

— Дедушка поправляется?

— Поправляется. Его лечит врач, чех.

— Милан?

— Милан. Вы знаете?

— Солдат, который у вас жил, Дорик, говорит, что он порядочный человек. Верно?

— Кажется, да.

— Дорик написал ему письмо. Сможешь передать?

— Да.

— Будь осторожна. Присмотрись. Посоветуйся с дедом.

— Хорошо.

— Не он Пашку выдал?

— Нет, он, кажется, не такой. Его староста выдал.

— Ты хорошо знаешь Пашку?

— Ну как же. Он сосед наш.

— Сама знаешь-понимаешь, мы должны знать, кого в отряд берем.

— И Кузьма его хорошо знает. Вместе из-под расстрела бежали.

— Еще какие новости?

— Вот,— Лена подает командиру объявление о наборе в полицию.

Подходит Кузьма.

— Товарищ командир, разрешите! А если я пойду в добровольцы? — предложил Кузьма.

— Тоже мысль,— подумав, соглашается командир.

Кузьма и Лена идут по извилистой стежке через луг, уставленный порыжелыми от дождей и солнца стогами.

Военные тревоги и человеческие страдания где-то за границами этого мирного пейзажа, иначе не стояли бы с таким олимпийским спокойствием пара аистов, философски созерцая мир.

Кузьма и Лена остановились у небольшого стожка. Залюбовались аистами. Потом посмотрели друг другу в лицо. Лена опустила глаза.

— Нам надо расходиться,— грустно сказал Кузьма.

— Будь осторожен,— попросила Лена.

— Ты тоже.

Они разговаривали просто, так близко, как свои.

— Ты очень хороший парень, Кузьма.

— Не знаю. Со стороны виднее,— попытался шутить Кузьма.

— Кузьма! — позвала Лена.

— Да,— отозвался он.

— Ты береги себя... потому что...— Лена опустила голову.

Кузьма бережно взял голову Лены и поцеловал девушку в губы. Так целуют детей. Отпустив Лену, Кузьма сразу же ушел.

— Прощай! Пойду.

— До свидания! Береги себя! — крикнула вслед уходящему Кузьме Лена. Она долго еще стояла, провожая его глазами.

Хата деда Никиты. Старик лежит в кровати.

Милан делает перевязку старику. Лена, помогая ему, напевает чешскую песенку: «А я сам, а я сам, я не верю чудесам...»

Песенкой заинтересовался Милан.

— Откуда вы знаете чешскую песенку?

— Научил Дорик. Он, кажется, ваш друг? — говорит Лена.

— Да. Мы с ним дружили. Погиб бедняга. И жалко — свои убили.

— Как это — свои? — спросил дед Никита.

— Ну, партизаны,— уточняет Милан.

— Вы их считаете своими? — допытывается старик.

— Мне они не враги,— признался Милан.

Лена и старик переглянулись. Дед Никита кивнул головой Лене.

— Дорик вам привет передал,— сказала она, внимательно глядя Милану в глаза.

— Привет? — удивился Милан.

— И письмо,— добавила Лена.

— Не может быть. Он жив? — Милана ошеломила эта новость.

Лена достала из-под блузки письмо и передала Милану. Он торопливо развернул письмо и прочел его.

— Спасибо! — Милан как-то по-новому, восхищенно посмотрел на Лену.

— Вы хотели бы что-нибудь передать ему? — Лена стала строгой, серьезной.

— Да,— так же серьезно ответил Милан.— Я рад, что он жив. Но если узнает гестапо, его семью убьют. Я буду молчать.

— И все?

— Больше я ничего не могу. Я не могу рисковать своей семьей.

Дед Никита и Лена переглянулись.

— А другие рискуют... ради чужой семьи,— задумчиво сказала Лена.

И пришел Кузьма к коменданту Гюнтеру наниматься на службу в полицию.

— Почему ты не служишь в Красной Армии? Почему не на фронте? — с пристрастием допытывается Гюнтер.

— Черта с два! Я — дезертир! — с гордостью отвечает Кузьма.— Защищать советскую власть? За что? Отца раскулачили, выслали в Сибирь. Сам сидел в тюрьме. Вот документ,— Кузьма оголил руку и выставил татуировку. Оказывается, мальчишеская глупость может иногда пригодиться.

Комендант внимательно рассматривает Кузьму.

— Кажется, мы есть немножко знакомый? — говорит он, что-то вспоминая.— Где мы видел друг друга?

— Во сне, пан комендант. Я вас во сне видел, ждал вас, как освободителей.

— Ошень остроумно. Хорошо. Иди начальник полиции, получай форма,— комендант подал Кузьме бумажку.

Кузьма, ловко щелкнув каблуками, вышел за дверь.

Гюнтер проводит его глазами, все еще пытаясь что-то вспомнить. Наконец он поворачивается к секретарю-переводчику:

— Ты есть местный? Знаешь его фамилия?

— Да, был тут такой кулак, пан комендант, но уже давно не проживает здесь,— с готовностью сообщает секретарь.

— Еще есть добровольцы?

— Один. Из лагеря военнопленных.

— Веди.

Секретарь впускает в кабинет исхудалого парня с глуповатым лицом и бессмысленной улыбкой. О таких в народе говорят — недопеченный. Это тот самый пленный, который при расстреле вылез из противотанкового рва с поднятыми руками. Комендант критически рассматривает этого добровольца.

— О, старый знакомый. Лагерь пленных? Да?

— Так точно!

— Доброволец? Хочешь полицай? Лагерь плохо?

— Мало кормят, пан комендант.

— Теперь будешь кушать много. Будешь жирный,— Гюнтер хохочет. Вдруг он умолк.— Постой! Постой! Где этот кулак? Он есть тоже хороший знакомый,— комендант повернулся к секретарю.— Догоняй этот кулак, я его узнал. Веди.

— Слушаюсь! — секретарь выбежал из кабинета.

Кузьма шагает по улице районного городка.

Его встречает Лена. Потрясенный Кузьма остановился.

— Ты?!

— Не могла я иначе... Боялась за тебя...

— Все в порядке,— успокаивает ее Кузьма.— Ты знаешь, кто тут комендантом?

— Гюнтер какой-то.

— Не какой-то, а мой крестный...

— Эй! Стой! Подожди! — услышал он сзади голос. Кузьма оглянулся, узнал переводчика-секретаря. Засунув руку за пазуху, зарядил пистолет и остановился.

— Комендант приказал, чтобы ты вернулся. Он тебя узнал,— еле переводя дыхание, проговорил переводчик.

— Узнал? — Кузьма насторожился.

— Говорит, что ты хороший знакомый,— сказал переводчик, чтобы обрадовать Кузьму.

— А-а, то-то же. Хорошо. Сейчас приду. Ее только отправлю.

— А кто она?

— Жена,— сказала Лена, видя, что Кузьма замялся.

— Жена,— переводчик оценивающим взглядом осмотрел Лену.— В воскресенье я тоже играю свадьбу. Моя краля не хуже твоей. Если хочешь, поедем вместе.

— Обязательно буду на свадьбе,— пообещал Кузьма.

— А теперь не задерживайся, комендант ждет,— переводчик ушел.

— Ну, жена, нам действительно нельзя задерживаться,— сказал Кузьма, когда переводчик отошел на приличное расстояние.

Оба завернули в ближайший переулок. Побежали.

Гюнтер бьет по лицу своего переводчика, приговаривая:

— Ты есть дурак! Ты есть болван! Ты отпустил партизанский лазутчик!

— Но вы же сказали, что он ваш знакомый,— робко оправдывался переводчик.

— Где он? Где мой знакомый? Я хотел видеть его! Я хотел угощать его! — неистовствовал Гюнтер.

Уже стемнело, когда Кузьма привел Лену к дому. Они остановились у стены хаты, разговаривали шепотом.

Напротив в окне горел свет. У окна сидит Милан. Кузьма, указав на окно, спросил:

— Он не выдаст тебя?

— Он сказал, что будет молчать.

— Трус.

— Он боится за семью.

— Он трус,— более убедительно сказал Кузьма,— интеллигентик.

Мимо освещенных окон проходят двое полицейских — патруль.

Кузьма и Лена присели.

— А я вчера в очко резался. Сапоги проиграл,— слышит она разговор полицейских.

— Отдашь? — спрашивает второй.

— Дело чести. Вот сейчас пойду и оштрафую этих, что поздно сидят, и сапоги будут,— полицейский поворачивается во двор, где светятся окна. Второй полицейский проходит дальше.

— Они в школе отаборились? — спрашивает Кузьма.

— Да. В одном классе немцы, а в другом полицаи.

— Все-таки я добровольно пойду в полицию,— шепнул Кузьма, и не успела Лена опомниться, как он перескочил через забор на улицу.

— Шумел камыш, деревья гнулись...— заорал Кузьма во все горло, подражая пьяному. Он пошел следом за полицейским.

— Стой! Кто идет? — окликнул его полицай.

— ...А ночка темная была,— продолжал Кузьма.

— Стой! — орет полицай.— Кто такой?

— Своих не узнаешь? Оболтус! — сердится Кузьма.

— Пароль! — требует полицейский и берет винтовку на изготовку.

— Дурак! А где тот, что сапоги мне вчера проиграл? — спрашивает Кузьма вместо пароля, подходит вплотную к полицаю и, взяв за ствол, отводит винтовку в сторону.

Полицейский пытается разглядеть лицо Кузьмы.

Кузьма подсовывает полицаю под нос пистолет.

— Молчать! — командует он и выдергивает из рук полицая винтовку.— Только пикни — пристрелю, как собаку. Пошли.

Полицай послушно пошел впереди Кузьмы.

У входа в школу стоит дневальный. Из темноты появляются две фигуры.

— Кто идет? — строго спрашивает часовой.

— Свои,— отвечает полицейский.

— А-а, это ты,— узнает часовой полицейского и пропускает его и Кузьму в школу.

Кузьма и полицай входят в коридор школы, превращенной в казарму.

— Где немцы?

— Здесь,— полицай указал на одну из дверей.

— А ваши?

— Здесь,— полицай ткнул в другую дверь, из-за которой слышалась похабная блатная песенка.

Кузьма вынимает из-под полы две гранаты-лимонки и выдергивает из них предохранители.

— Открывай! — Кузьма указал на дверь, за которой располагались немцы.— Веди.

Полицейский робко, опасливо открывает дверь. Кузьма толкает его в спину внутрь комнаты и с размаху бросает туда же гранаты.

Лена все на том же месте с тревогой смотрит на школу. Вдруг громыхнуло два взрыва, и она заметила, как в половине школы погас в окнах свет. Через минуту раздалось еще два взрыва, и свет погас в остальных окнах полицейской казармы.

Из темноты появляется Кузьма.

— Сумосброд ты! Я вся передрожала,— встречает его Лена.

— Я еще и на свадьбе у них побуду,— обещает Кузьма.

Звучит свадебная мелодия.

По улице деревни семенит старушка. Навстречу ей идет Кузьма, Дорик и Пашка.

— Со свадьбы, что ли, бабушка? — останавливает ее Кузьма.

— Какая там свадьба! Одни слезы.

— Отчего же?

— В Неметчину девку гнали, да этот... жених, что ли, переводчиком у них служит, вызволил ее... с уговором таким... Вот какая свадьба получилась. А потом детей нарожают... Какая ж там семья будет?..— старушка вдруг опомнилась, что откровенничает с незнакомыми, и заторопилась:— Ничего теперь не поймешь,— и ушла.

Возле хаты, где играется свадьба, группками стоят парни и девушки. К ним подходит Кузьма, а следом за ним — Дорик и Пашка.

— Что же вы, девчата? Подружка замуж идет, а вы такие грустные? — заговорил с девчатами Кузьма.

Девушки посмотрели на незнакомых людей и отвернулись, не ввязываясь в разговор.

Из хаты вышел заметно охмелевший немец-фельдфебель. Проходя мимо девушек, он попытался ущипнуть одну из них и, смеясь, пошел за сарай.

Кузьма проследил за ним. Потом переглянулся с Дориком и кивнул головой, приглашая его последовать за немцем.

Немец за сараем расписывался на стене. Заметив подходивших Кузьму и Дорика, он повернул к ним голову и, улыбаясь, сказал через плечо:

— Мне очень интересно видеть русский свадьба.

Кузьма подошел к нему вплотную и, приставив палец к губам, произнес: «Т-с-с...» — приставил дуло прямо в грудь немцу.

Немец часто заморгал глазами, не успев еще согнать с лица добродушную улыбку. Дорик быстро его обезоружил.

— Ни звука, если хочешь жить,— предупредил его Кузьма.

Затем Кузьма и Дорик взяли его с двух сторон под руки и повели со двора на улицу. Подражая пьяным, Кузьма и Дорик запели:

Зеленая роща весело шумела,
А я молодая у окна сидела...

— Улыбайся и пой! — приказал Кузьма немцу, проходя мимо окон, где игралась свадьба.

Хмель уже проходил у фельдфебеля, когда Кузьма и Дорик, усадив его на повозку, выезжали из деревни.

— Камрад! Камрад партизан! Я есть хороший немец! Не надо стрелять...

— Нам как раз хороший и надо. Кто ты?

— Я есть инспектор для полиции. Я есть честный немец.

— Сейчас проверим.

В лесу подвода остановилась. Партизаны устроили маленький военный совет.

— Если он не врет,— Кузьма указал на фельдфебеля,— то нам нельзя терять такой возможности. Другого такого случая не будет.

— А что с ним? — спросил Дорик.

Кузьма и Пашка рассматривают немца. Он понял, что сейчас решается его судьба.

— Русиш партизан гут! А Гитлер капут,— вдруг залепетал немец.

— Конечно, капут! С такими вояками, как ты, брат, действительно «Гитлер капут»,— согласился Кузьма.

Фельдфебель тычет себе в грудь пальцем и спрашивает:

— Мне капут нет? Я завтра отпуск, нах хауз, дома-дома, мамка... Ферштеен?

— Ферштеен, ферштеен,— отвечает Кузьма и, подумав, принимает решение.— Раздевайся!

Фельдфебель снимает с себя одежду.

— С немцем останется Пашка, поговорит с ним на международные темы, пока мы вернемся, а потом увидим.

Когда подвода с Дориком и Кузьмой уехала, Пашка и немец уселись на пнях друг против друга. Не похожи они были на врагов, которых свела в этом лесу война. Скорее можно было подумать, что это встретились два мирных человека, два дровосека и присели передохнуть, перекурить и потолковать о хозяйстве, о погоде. Немец достал из кармана сигареты, несмело предложил Пашке. Закурили.

— Что же мне с тобой делать, фриц?

— Найн, найн, я есть не фриц. Я — Пауль... Пауль, ферштеен? — добродушно уточняет немец.

— Пауль? — удивился Пашка.— Ишь ты, тезка, значит.

— Я, я, Пауль.

— Я тоже Павел,— сообщает Пашка.

— Ду Пауль? Даст ист ду наме? — обрадовался немец.— О, о! Очень хорошо!

— Чего ж тут хорошего, друг ситный!

— Ты человек, я человек,— философствует немец.— Мы имеем ум,— немец с трудом подбирает слова.— Ты дольжен жить, я дольжен жить...

— Но война этого не хочет,— возражает Пашка.— Ей на это наплевать, что ты человек и я человек.

— Их габе фамилие: мамка, фрау, айн киндер — семья,— немец вкладывает всю искренность, все душевные силы, чтобы убедить Пашку.— Ферштеен? Семья!

И вдруг Пашка вспомнил.

— Постой, постой. Ты ведь должен знать. Там, у вас, в полиции, в гестапо есть семья одна, фрау и цвай киндер,— Пашка показывает какого роста детишки,— девочка и мальчик.— Есть? Гюнтер арестовал. Ферштеен?

Немец согласно закивал головой.

— Да, да. Есть. О! Очень плёхо! — в голосе немца слышалось сочувствие.— Гюнтер — дер вольф! Гюнтер наци! Гюнтер очень плёхо.

— Что? Убили?! — Пашка даже вскочил с места.

Немец испугался и тоже встал.

И вот они стояли один против другого — два человека с одинаковыми именами. Один пылал гневом, ненавистью, а другой был испуган, растерян. Один из них был с оружием.

— Нет, нет, не убили,— поторопился сообщить немец.

— Как же мне быть? Что же мне делать? — проговорил Пашка.

— Это есть твоя семья? — несмело спросил немец.

— Да.

Оба долго стояли, молча размышляя о судьбе семьи одного из них. Наконец заговорил немец:

— Мы идем Гюнтер. Хорошо? Ты отпускал меня живой. Я просил Гюнтер — отпускал ты живой, твоя семья живой. Хорошо? Ферштеен?

Пашка заколебался.

— Шнель, шнель, шнель,— торопил Пашку немец. Он даже осмелился взять его за рукав и потянуть за собой. Пашка оглянулся в ту сторону, куда уехали Кузьма и Дорик.

На рысях мчится подвода. В повозке двое: Дорик в немецкой форме и Кузьма. Он правит лошадью. Вдали виднеется большое село. При въезде в село подводу останавливает часовой в полицейской форме. Он выскочил из бункера.

— Стой! Документы!

— Комен зи гир! — подзывает полицая Дорик, переодетый в форму немецкого фельдфебеля.— Во ист полицай штаб?

— Он спрашивает, где штаб полиции. Это инспектор из районной комендатуры,— объясняет Кузьма.

— Во-он там, как вам рассказать...

— А ты садись и покажи.

— Не могу. Я на часах.

— Зитц! — строго командует Дорик, и часовой садится в повозку.

Подвода останавливается у большой избы.

— Иди на место! — отпускает часового Кузьма, а сам с Дориком направляется в избу. На пороге часовой, увидев немецкую форму, даже не остановил их.

— Где есть начальник?

— Спит. Там,— с готовностью ответил полицейский и услужливо распахнул дверь в избу.

Дорик и Кузьма вошли в избу в сопровождении полицейского, стоявшего в дверях.

Вошли и остановились. Большущая комната была занята пирамидами, в которых стояли винтовки и ручные пулеметы, начищенные до блеска.

— Веди! — приказал Кузьма, и полицай распахнул дверь в следующую комнату.

На диване, спиной к вошедшим, лежал одетый в форму человек.

— Хальт! Доннерветтер! — гаркнул Дорик, и человек соскочил с дивана.

Как же удивился Кузьма и начальник полицейского гарнизона, узнав друг друга! Оказывается, начальником полиции стал тот долговязый военнопленный, который во время расстрела вылез из противотанкового рва с поднятыми руками.

— Руки вверх! — командует Дорик.

И руки поднял вверх не только начальник, но и полицейский, приведший их в комнату.

Через некоторое время из хаты Дорик и Кузьма выносят винтовки и грузят их на повозку. Когда все оружие было перенесено, Кузьма вывел начальника полиции. Лицо у него подвязано белым платком, чтобы замаскировать кляп во рту.

Все садятся на телегу и выезжают на улицу.

Проезжают мимо часового, который узнает своего начальника и отдает честь по всем правилам воинского чинопочитания.

Начальник вдруг заворочался и застонал. Кузьма, сунув ему тумака под бок, объяснил часовому:

— Страдает, бедняга, ваш начальник. Зубы болят.

И подвода трогается дальше.

По полевой дороге мчится подвода. Навстречу приближается повозка с бубенцами под дугой.

Лошади остановились храпа в храпу.

— Сворачивай! — орет кто-то со встречной подводы.

— Хальт! — скомандовал Дорик, направив на них автомат.

Полицейские, увидев «немца», сразу присмирели.

— Хэндэ хох! — командует Дорик.

— Кто такие? — строго спрашивает Кузьма.

— Мы полиция,— объявляет один из полицейских-шаферов.

— Почему с оружием?

— Охраняем жениха... вот, господина переводчика к попу возили,— полицейский указал на жениха, сидящего в повозке рядом с невестой.

Кузьма отнимает у полицаев оружие, затем подходит к жениху.

И вдруг жених узнает Кузьму.

— Не шевелись! Руки вверх! — командует Кузьма.

Опешили и сопровождающие жениха полицейские.

— Братцы! Простите! — вдруг взмолился жених.— Век не буду! Только пустите живым. Братцы, родненькие!

— Собака тебе брат! — оборвал его лепет Кузьма и обратился к невесте.— По своей воле или по принуждению берешь себе супруга? Отвечай!

— Он сказал, что, если не выйду за него, он отправит меня в Германию,— наконец осмелилась сказать невеста.

— Значит, по принуждению. В таком случае, венчание отменяется,— Кузьма перекрестил жениха и невесту пистолетом.— Ты свободна,— сказал он невесте.— А ты поедешь с нами... На покаяние,— и невеста слезает с повозки.

— А вы, молокососы? Будете служить немцам? — Кузьма повернулся к полицаям.

— Да мы... да нас силком мобилизовали...— всерьез перетрусили полицаи.

— Марш по домам, сопливые. И глядите, не попадайтесь другой раз на глаза. И другим закажите служить врагу. А ну, марш! — скомандовал Кузьма полицаям и указал им направление. Полицаи, пугливо оглядываясь, пошли в сторону от дороги по полю.

Осталась на дороге невеста, а повозка с партизанами умчалась вдаль.

По лесной дороге бредет Пашка и немец. Пашка замедлил шаг.

— Стой! — командует он фельдфебелю.— Стой!

Немец остановился.

— Быстро, быстро пошоль! Завтра будет поздно,— торопит он Пашку.

— Куда ж ты меня ведешь?

— Завтра плёхо. Завтра Гюнтер будет стрелять фрау, киндер. Завтра капут,— запугивает немец Пашку.

— Будь вы трижды прокляты! — крикнул Пашка.

Немец понял, что рушится его надежда на спасение. Он увидел, как в глазах Пашки опять зажглись огоньки злобы и ненависти. И немец решился на отчаянный шаг. Он бросился на Пашку, желая обезоружить его. Завязалась борьба. Немец вывернулся, ударил Пашку в живот ногой, вскочил и побежал. Пашка вскочил, схватил винтовку, погнался за немцем.

— Стой! Стой! Подожди! — кричал он. Но немец бежал, не оглядываясь. Пашка прицелился, выстрелил. Лесное эхо несколько раз повторило выстрел.

К Пашке подъехали Кузьма и Дорик с трофеями.

Партизанская землянка. На нарах сидят Кузьма, Дорик, второй чех и пожилой партизан. Они молча наблюдали за Пашкой, который мечется по землянке. Снаружи доносится песня: мелодия грустная, хватающая за душу.

Слова наивной, как детская сказка, песни приобретали особый глубокий смысл в сознании Пашки.

К Пашке подходит пожилой партизан, назовем его Василием, кладет на плечо руку и сочувственно советует:

— Не изводи себя... Иди поужинай.

Пашка непонимающе посмотрел на Василия и прилег на нары.

Вот он подхватывается и спрашивает:

— Сегодня какой день?

— Четверг,— отвечает Кузьма.

— Завтра пятница?

— Завтра пятница,— с удивлением посмотрел на него Кузьма.

Пашка снова падает на нары. Василь ставит котелок с кашей перед Пашкой.

— Покушай,— Василь тронул Пашку за плечо.— Это каша...

Пашка вздрогнул, посмотрел на Василия, на котелок, но есть не стал.

— Я ухожу на пост,— Василий взял винтовку и вышел из землянки.

Пашка лежит на нарах. Он слышит, как часы на его руке торопливо отсчитывают время. За землянкой все еще слышится та же грустная песня.

Трепечет пламя в коптилке, сделанной из снарядной гильзы.

Пашка видит своих детей. Он видит, как они испуганно

прижимаются к матери. Видит молящие глаза девочки и грустный взгляд жены. Он видит ту группу женщин и детей, которых гестаповцы расстреляли на его глазах. Он слышит голос убитого фельдфебеля: «Быстро, быстро пошоль. Завтра будет поздно...»

Пашка вскочил с нар. Долго смотрит в одну точку. Наконец встает и направляется к двери.

— Ты куда? — останавливает его Кузьма.

— Не могу я...— почти стонет Пашка.

— Ну иди, подыши и успокойся...

Пашка идет по лесу, спотыкаясь на корнях.

Затихает мелодия песни.

Пашка идет по лесу. Наткнулся на Василия, стоявшего на посту. Минуту постоял в нерешительности и пошел в обход поста. Исчез в кустарнике.

Вот он бежит по шоссейной дороге.

Появились первые лучи солнца.

В немецком гарнизоне слышится сигнал боевой тревоги.

В комендатуре Гюнтер отдает последние распоряжения подчиненным:

— Через час быть на местах, развернуться и занять боевые позиции.

Командиры подразделений спешно уходят.

В штабе остается Гюнтер и еще один офицер. Они склоняются над картой.

Карта. По ней ходит карандаш и делает пометки. Слышится голос офицера:

— Они постараются прорваться в этот лесной массив. Здесь поставлен надежный заслон. Сюда они не осмелятся. Здесь открытая местность. До лесов далеко. А если выйдут, то явное преимущество у нас.

Та же карта, но другой карандаш и другая рука делает пометки на карте. Это командир партизанского отряда со своим штабом обсуждает сложившуюся обстановку.

— Конечно, наша цель — достигнуть этой пущи. Сюда — нельзя. На этом открытом пространстве нам появляться опасно. У них явное преимущество в вооружении. Выход один — просачиваться из блокады мелкими группами. Для этого надо выиграть время. Будем имитировать прорыв в пущу.

На опушке леса притаился за пнем Василий с ручным пулеметом. Он наблюдает, как подкрадываются солдаты противника. Открывает огонь. В ответ затрещали пулеметные и автоматные очереди. Шквал огня. Звенят пули.

По соседству с Василием другой партизан-чех, тщательно прицеливаясь, бьет из винтовки перебегающих фашистов.

Тишина. Вдруг в стороне вспыхивает яростная перестрелка.

Небольшая группа партизан выходит на опушку леса. Впереди идут Кузьма и Дорик. За ними — командир отряда и группа партизан-автоматчиков.

Это по ним открыли огонь из засады фашисты. Группа партизан залегла. Вот они отползают, возвращаются в глубь леса, спускаются в лощину и пробираются по кустарнику. Вдруг Кузьма и Дорик замерли на месте. Остановились и остальные. Кузьма и Дорик присели. Прислушиваются. Впереди, на возвышенности, окопчик. Оттуда доносится громкое пение: «А я сам, а я сам, я не верю чудесам...»

— Это наши,— обрадовался Дорик и громко позвал:— Милан!

— Я. Кто там? — отозвался Милан.

— Иди сюда,— позвал Дорик.

Милан поднялся и направился к Дорику.

И когда он подошел совсем близко, Дорик встал из-за куста.

— Дорик, ты?

— Да, Милан, я. Ты нам пел? Да?

— Да. Вам,— подтвердил Милан.

Меняя огневые позиции, ведет огонь Василий и его напарник-чех. Вот чеха ранило. Василий перевязывает его. Но появляются фашисты. Их заметил напарник.

— Бей! — кричит он.— Я сам...

Василий оставляет товарища и снова ведет огонь.

Милан ведет группу партизан.

— Там наш последний пост,— сообщает он.— Дальше можете спокойно двигаться. Никого нет.

— Спасибо вам, товарищ,— командир крепко жмет руку Милану.

Партизанская группа ушла. Милан провел их глазами и повернулся, прислушиваясь к выстрелам, доносящимся из лесу.

Василий тащит на себе раненого чеха. Отдыхает, прислонившись к дереву. В стороне появляется немецкий автоматчик. Замечает Василия и его товарища.

И когда Василий снова берет товарища, чтобы сделать очередную перебежку, немец прицеливается и стреляет. Василий падает.

— Вася! Вася! — тормошит его товарищ. Василий не отвечает. Он убит наповал. Тогда его напарник вынимает из-за пазухи гранату и приготавливается к броску. Но длинная очередь из автомата скосила и его. Из-за кустов осторожно вылазят солдаты. Они несмело приближаются к убитым партизанам.

Наступает ночь. Где-то горит деревня.

Трупы партизан лежат во дворе гестапо.

— Узнаешь? — спрашивает Гюнтер Пашку, указывая на труп Василия. Пашка съежился, молчит.

— Ну, узнаешь?

— Да... Он кашу приносил...— и потом, как бы вспомнив, спрашивает офицера:— А где дети мои?..

— А-а, да, да... Приведите! — распорядился он, и гестаповец побежал в помещение.

— Нам нужно знать фамилии, имена, адреса,— говорит Гюнтер.

Из дверей выходит во двор Ольга и с нею дети. Она подходит к офицеру и мужу. Пашка со страхом глядит жене в глаза.

— Вы свободны,— сообщает офицер женщине.— Ваш муж, мадам, очень любит вас, очень. Вот это доказательство,— Гюнтер указал на трупы партизан.

Женщина недоуменно посмотрела на мужа.

— Вы свободны. До свидания,— офицер козыряет женщине.— А муж будет через полчаса.

Женщина торопливо подхватывает ребенка и, взяв за руку девочку, пошла, почти побежала прочь.

Офицер и Пашка провожают женщину глазами.

— А это кто? — Гюнтер указывает на другой труп.

— Это... чех... там есть и чехословаки...

— Чех? — эта новость поразила офицера.— Ты видел их?

— Да. Их было двое.

— С оружием?

— Да.

— Ты его знаешь?
— Он жил у соседа.

Дом Пашки, где квартирует Милан. Он подходит к окну и через окно смотрит на хату Никиты.

Там у окна стоит Лена. Он, дружески улыбаясь, наблюдает за ней. Вот они встретились глазами: девушка тоже улыбнулась ему. Потом она вдруг стала серьезной и исчезла. Через какое-то мгновение она появилась во дворе и бросилась на улицу.

Скрипнула дверь, Милан быстро повернулся, выпрямился. В дом кто-то вошел. Милан надеялся, что вошла Лена, но в другую комнату вошла Ольга с детьми. Тут же вбежала в хату Лена и бросилась обнимать соседку.

— Ты?
— Я!
— Тебя отпустили из гестапо?
— Да.
— Бедные вы мои! — Лена присела и обняла детей.— Вас там... обижали?
— Нет.
— Нет? — удивилась Лена и этому ответу, и тому, как странно ведет себя женщина. Заметно было, что она перенесла какое-то страшное потрясение.
— А где папа? — спросила девочка.
— Не знаю, доченька,— ответила мать и заплакала, прижимая к себе девочку.
— Не бойтесь, он жив, он цел,— стала успокаивать женщину Лена и по секрету сообщила:— Он в лесу, в партизанах.

Женщина покрутила головой.
— Да, да! — настаивала Лена.— Я сама его туда отвела.

Женщина подняла голову и посмотрела на Лену.
— Он так переживал без вас,— успокаивала Лена.
— Уж лучше бы мы погибли,— в голосе женщины слышалось отчаяние.
— Ну что же вы... Ну зачем вы так,— ничего не понимая, говорила Лена.

Милан из своей комнаты слышал весь этот разговор. Потом, почувствовав неловкость за невольное подслушивание, он подошел к окну и увидел, как во двор деда Никиты вошли группа гестаповцев во главе с Гюнтером, Пашка и

староста. Они вошли в хату. А между тем за перегородкой продолжался разговор.

— Как же вас выпустили?

— Муж выкупил.

— Выкупил? Как выкупил? — удивилась Лена.

— Не спрашивай, Лена, ничего не спрашивай,— умоляла женщина.

Милан через окно видит, как гестаповцы из хаты выволакивают старика Никиту. С него сорваны бинты. Он в одном белье.

Вдруг старик заупрямился, и заметив на крылечке у двери топор, схватил его и замахнулся на Пашку, но офицер несколько раз выстрелил в деда из пистолета.

Эти выстрелы услышали Ольга, Лена и дети. Они метнулись к окну и увидели убитого старика и возле него гестаповцев, старосту и Пашку. Пораженная увиденным, Лена отпрянула от окна. Ольга отвернулась от окна к Лене.

— Вот так он выкупил нас.

Лена рванулась к выходу, но женщина ее задержала:

— Они и тебя убьют! Стой! Я тебя спрячу.

Милан из своей комнаты заметил, как мимо окна промелькнула фигура гестаповского офицера, а следом за ним плелся и Пашка. Милан побежал в другую комнату.

— Они вас ищут! Прячьтесь! — Милан схватил Лену за руку и увел в свою комнату.

— Хайль Гитлер! — приветствовал офицер.— Я привел вашего мужа в цельности и сохранности.

Женщина молчала. К ней со страхом прижались детишки.

— Ах, какие милые дикари! — офицер тронул мальчика за подбородок, и мальчик заревел.

— Ну-ну, не бойся! — и потом серьезно спросил женщину: — У вас посторонних нет?

Милан приготовил пистолет.

— Никого нет! — твердо ответила женщина.

— Хорошо! До свидания! — попрощался офицер и вышел из хаты.

Женщина с ужасом смотрела на мужа, который как вкопанный стоял посреди хаты. Наконец он сделал пару шагов к ней. Она подняла руку, как бы защищаясь от него.

— Ты выслушай...— Пашка сделал еще один шаг к жене.— Я ради тебя...

— Не подходи!

— ...Ради детей...

— Не трогай детей!

— Они хотели убить тебя, убить детей... Вам грозила большая опасность. А что я мог сделать? Они заставили...— взглянув на жену, Пашка умолк. Она стояла прямая, непреклонная, как перед казнью. И наступила та продолжительная пауза, которая яснее слов говорила, что эти люди, бывшие когда-то близкими и родными, стали чужими. Они понимали, что оборваны, обрезаны те нити, которые связывали их в семью. Нет, ничего уже не могло породнить их, даже дети.

— Как ты теперь жить будешь?! — и это был не вопрос, заданный мужу, а скорее раздумье, размышление, последнее проявление заботы о человеке, который недавно был ее мужем.

Лена приникла к окну и смотрит во двор, где лежит убитый дед Никита.

— Дедушка, милый... прости меня! — плачет она.

Милан взял Лену за плечи и отвел от окна.

— Не подходите к окну, вас могут увидеть.

— Как он смел, как он смел...

— Тише, ради бога, тише. Постарайтесь успокоиться.— Милан налил из пузырька несколько капель лекарства и подал Лене:— Выпейте.

— Ведь мы его спасали... Ради него, ради его семьи Кузьма рисковал жизнью, а он... предал... убил... Жалкий ничтожный трус, подлец...

Лена подыскивала самые уничтожающие эпитеты в адрес Пашки.

— Он спасал своих детей, свою семью,— неуверенно объяснял Милан.

— А у тех, кто погиб, нет семей?

— Да, это что-то страшное... непостижимое...

— Я верила ему... Я завела его к своим... А он... Я во всем виновата...

— Виноваты фашисты. Они пришли сюда... Любовь к детям они подло, коварно используют против человека. Этот слабый человек не выдержал такого испытания.

— Вы его оправдываете?

— Нет, что вы, что вы!.. Вы только поймите меня...

У меня есть мать. Я ее очень люблю. Она очень хорошая женщина. Она для меня — самое дорогое существо... Я давно бы ушел к партизанам вместе с Дориком, вместе с вами. Но они убьют мать... Я ненавижу фашистов, но вот... Я вынужден им служить...

— Я подвергаю большой опасности и вас, и вашу мать. Мне лучше уйти.

— Нет, нет. Вы не поняли меня. Моя мать никогда не простила бы мне такой поступок,— Милан удержал Лену, которая действительно собралась уходить.— Вы побудете здесь до вечера. А когда стемнеет, я выведу вас за деревню. Сейчас я ухожу на службу, а вы... обязательно ждите меня. Прошу вас, как сестру, не рискуйте без меня жизнью.

В соседней комнате, у окна, сидит Пашка. Возле детей на кровати — Ольга. Милан выходит из своей комнаты, закрывает ее на ключ. Выходит из хаты.

— Неужели я все-таки потерял вас? — тихо говорит Пашка.

— Ни я, ни дети не имеем права принять твою жертву. Нас никто не оправдает,— глухо, как на молитве, говорила Ольга.

— Один раз я уже расстался с жизнью, меня расстреляли. Но почему из-за меня... из-за трупа должны были погибнуть еще и вы? — искал ответа Пашка.

— Мама, мне холодно,— жалуется девочка.

— И мне тоже холодно,— вторит ей мальчик.

— Потерпите, детки,— Ольга укутывает их одеялом.— Вот я схожу в лес, принесу дровишек.

В хате, видимо, действительно холодно. Пашка, съежившись, сидит у стола и с жалостью наблюдает за семьей. Потом, как бы очнувшись, встает, выходит на двор. Снимает веревку с гвоздя под крышей, берет топор, двуколочку и выходит со двора.

Понуро опустив голову, Пашка тянет самотяжки по улице. Из-за заборов, из окон домов и встречающиеся на улице односельчане провожают его неприязненными взглядами. Это видит, понимает, чувствует Пашка. Он убыстряет шаг.

— Ка-ин! — кто-то громко крикнул вслед ему.

По глухой лесной дорожке движется подвода. На телеге Кузьма и Дорик.

Как бы навстречу им в лес входит Пашка. Свесившись с тележки, тянется по дороге конец веревки. В лесу стоит глухая тишь, Пашка остановился, закинув голову, рассматривает дерево, сухое, суковатое.

— «Капи... Капи...» — мерещатся в лесной тишине голоса.

Неторопливой рысью тянет повозку лошадь. Дорик тихонько напевает какую-то чешскую песенку.

Вдруг лошадь остановилась, фыркнула, настороженно навострив уши. Кузьма выглянул вперед. На дороге стояла тележка Пашки. Взяв на изготовку оружие, с повозки соскочили Кузьма и Дорик. Подозрительно оглянулись вокруг...

Встретились Кузьма и Пашка...

На дереве висит человек. Неестественно склонив голову, он высунул язык, как бы подразнивая Кузьму.

— Какая неудачная судьба,— философствует Дорик.— И от земли оторвался и на небо не попал.

— Значит, он предал и их,— рассуждал Кузьма.— Поехали туда.

— Не торопись, Кузьма. Пока не стемнеет, мы не сможем войти в деревню.

Когда сумерки все гуще и гуще начали затушевывать очертания хат, во двор вышла Лена. Она с опаской оглянулась вокруг и повернула в свой двор. Подойдя к деду Никите, упала на колени.

— Прости меня, что я так тебя оставляю... Прощай, дедушка...— шептала Лена, сжимая в руках холодное лицо деда Никиты.

Из черного проема двери хаты Никиты появилась фигура старосты. Осторожно ступая, чтобы не вспугнуть Лену, он подкрался к ней сзади и схватил девушку за руки.

— А-а, голубушка, ты пришла все-таки! — обрадовался он.

— Пусти! Пусти! — начала отбиваться Лена.

— Нет, пташечка! Не могу я тебя отпустить! — с ловкостью опытного тюремщика, староста стал заламывать Лене руку за спину. Вынул из кармана пистолет.

Навстречу им выбежала со двора Ольга.

— Пусти, гад! — Ольга бросилась на старосту.

Но он наотмашь ударил Ольгу рукояткой по голове. Ольга распласталась на земле.

В импровизированном приемном покое сидит Милан. Поглядывает на часы. Он ждет наступления темноты.

В дверь постучали.

— Да.

Входит унтер-офицер Войтех.

— А, Войтех! Входи. Заболел?

Войтех мнется с ответом.

— Что беспокоит?

— Многое. Ночами не сплю.

— Раздевайся.

Войтех неохотно повинуется.

Милан начинает выслушивать пациента.

— Дышите...

Войтех шепчет склонившемуся Милану:

— Среди убитых партизан обнаружен труп нашего товарища.

— Знаю.

— Гюнтер лично допрашивает всех солдат. Он считает, что мы связаны с партизанами. Если мы не будем решительны сегодня, завтра будет поздно.

— Что ты предлагаешь? Я верю, что ты не провокатор.

— Уйти в лес.

— Нашим семьям грозит опасность, расправа.

— Знаю. Так же нам говорят и нацисты. Этим они держат в страхе всех нас. Но поймите, наше поколение должно быть самоотверженным, если мы хотим освободить свои семьи от опасности навсегда.

Милан задумался.

— Если мы не трусы, у нас выбора нет,— резюмирует Войтех.

— Ты коммунист?

— Мне они по душе.

В дверь постучали. Входит посыльной.

— Пан доктор, вас вызывает Гюнтер.

— Хорошо.

— Вам письмо из дому,— посыльной отдает письмо и выходит.

Милан читает письмо. Войтех одевается.

— Это от матери,— сообщает Милан.

В одной из классных комнат сельской школы, где разместился немецко-полицейский гарнизон, сидит Гюнтер. Он сердит и нетерпелив, часто затягивается сигаретным дымом.

— Где этот врач, где этот чех? — спрашивает он унтер-офицера, стоящего в углу, как изваяние.

— За ним послали...— ответил унтер.

Перед Гюнтером на полу лежит без сознания избитая, истерзанная Лена.

В дверях появляется Милан.

— Врач? — спрашивает Гюнтер.

— Да.

— Посмотрите,— приказывает Гюнтер Милану и кивнул головой в сторону лежащей на полу Лены.

Милан подходит к Лене, присматривается к ней, затем поднимает глаза на Гюнтера. Милан не понимает: на допрос он вызван, на очную ставку или на опознание.

— Что вы смотрите, как цыпленок, только что вылупившийся из яйца? Осмотрите ее, если вы врач. Можете вы ее привести в сознание?

Милан торопливо склонился над Леной, взял ее руку, послушал пульс.

— Ей необходима инъекция для поддержания работы сердца,— констатировал Милан.

— Делайте,— разрешил Гюнтер.

— Я не взял с собой медикаментов и инструментов,— признался Милан.

— За каким чертом вы сюда шли? — рассердился Гюнтер.— Быстро!

Милан выбежал из комнаты.

Гюнтер устало вздохнул, потер виски.

— Проследите за этим чехом. Она должна жить. Потом доставите ее ко мне, в гестапо. Я чертовски устал. Только смотрите в оба. Она мне очень нужна,— распорядился Гюнтер и вышел.

Через минуту с улицы послышалось, как завелся мотор автомашины, как она отъехала.

Унтер-офицер сел на стул и уставился безразличным взглядом на безжизненно лежащее тело девушки.

На небольшом крылечке у входа в сельскую школу скучает часовой. Он через окно видит, как солдат ставит на патефон пластинку. Послышалась музыка — полонез Огинского.

Из темноты появляются две фигуры.

— Хальт! Вер коммт? — останавливает часовой.

— Дас ист артцлихе хильфе,— отвечает Милан.

— Битте,— разрешает часовой и открывает дверь перед Миланом.

Как только Милан прошел в коридор, следовавший за ним Дорик схватил часового и зажал ему рот. Блеснуло в темноте лезвие ножа. Сейчас же к крылечку подбегает Кузьма и Войтех. Войтех занимает место часового, а Кузьма исчезает внутри помещения.

Милан делает укол Лене. Возле него — Кузьма. Дорик стоит у двери с автоматом наготове.

Лена открывает глаза, приходит в сознание, узнает Милана и Кузьму. На лице появляется болезненная улыбка.

— Я знала, что ты придешь,— говорит она.— Ты пришел,— потом повернула глаза к Милану:— И ты, Милан, иди с ними. Мать... Ради матери...— прошептала она и снова впала в забытье. На этот раз навсегда.

Это понял Милан. Это понял Кузьма.

Кузьма наклоняется над Леной, берет ее на руки, поднимает, несет. Изо рта девушки сочится струйка крови.

Потрясенный Кузьма медленно ступает, несет на руках тяжелую ношу: он идет к людям, чтобы поведать им свою великую печаль.

Мы слышим его голос:

— Пусть прокляты будут те, кто убил тебя!

И пронес он ее в сердце своем, в памяти своей сквозь огненные годы войны...

Кузьма несет Лену, а из наплыва в наплыв, сквозь это изображение мы видим Кузьму в героических фронтовых атаках, мы видим артиллерийские залпы, штурм Берлина, мы слышим позывные московского радио, предвещавшие победы советских войск, мы видим салюты, символы, победы...

И в мыслях своих он принес печальную ношу свою в зал, где заседали дипломаты, и поднял ее на трибуну, чтобы сказать огненно-страстные слова.

Кузьма на трибуне. Кажется, что и теперь на руках его — его печальная ноша...

— Мы никогда не забудем эту кровь, кровь, пролитую близкими и дорогими людьми. Наши отцы и матери,

наши невесты и сестры, наши братья и дети — наши семьи — выстрадали право требовать: прекратите гонку вооружений! Не допускайте новой войны!

С нескрываемой злобой слушает выступление Кузьмы Гюнтер.

— ...Кто выступает против предложения Советского правительства о всеобщем и полном разоружении? Кто пытается утопить эту великую гуманную идею в потоке оговорок и фальшивых слов? Присмотритесь к ним! На их совести тяжкие преступления! На их руках — людская кровь!

1960

НЕ ПАКІНЕШ МЯНЕ

ЛІТАРАТУРНЫ СЦЭНАРЫЙ
ТЭЛЕВІЗІЙНАГА ВЯСЁЛАГА ФІЛЬМА

АД АЎТАРА

Быў многасерыйны фільм пра Тарзана. Былі пра шпіёнаў. Пра воінскія подзвігі, здаецца, таксама былі.

А што, калі пра вёску, пра сённяшнюю? Многасерыйны? Вясёлы! Нават забаўны! А? Задума такая ёсць. Матэрыялу хапае. Навукова-тэхнічная рэвалюцыя, якая крочыць па планеце, зайшла і ў нашу вёску. І цяпер там адбываюцца цікавыя працэсы. Пачынаецца нешта вельмі новае. Вось аб гэтым бы некалькі серый, а? Пакуль што прапануецца сцэнарый толькі на першую серыю.

Аўтар

Вясною ў сяло прыбыла новая тэхніка. Новенькая. Як кажуць, толькі што з-пад малатка. Яшчэ фарба пахне. Блішчыць. І не адна-дзве машыны, а цэлая калона. Розных машын: і бачаных, і яшчэ нябачаных. Тут і трактары — гусенічныя і «Беларусы» з плугамі, культыватарамі і іншымі навяснымі прыладамі — стагакідамі, пагрузчыкамі, тут і касілкі, і камбайны, два грузавікі і іншыя жалезныя памочнікі селяніну. Але сярод усіх вылучаецца адна — Вялікая Машына — каналакапальнік з вялікім колам, якое стаіць не роўна, а коса...

Раней каня хто-небудзь купляў, дык усё сяло збіралася паглядзець, а тут... Вядома, і тут сабралася шмат народу — паглядзець, падзівіцца, ацаніць дый парадавацца: як-ніяк — свої набытак.

Каля машыны тупае з кійком дзядок, пасмейваецца сабе ў вусы, хекае, пастуквае кійком па машынах, пакручвае галавой, пакрэктвае. Па ўсім відаць — задаволены.

За ім назірае старшыня калгаса Уладзімір Апанасавіч і таксама радуецца, на дзеда гледзячы, радуецца. Паляпвае сябе па жываце. Дарэчы, яму ёсць па чым ляпаць. Старшыня — мажны, поўны, грузны, туга напакаваны, з жвавымі чорнымі вочкамі, энергічны, рухавы, нягледзячы на паўнату, добры, абаяльны, рэзкі, але не злы.

— Прымай, дзед, прымай тэхніку.

— А чаго яе прымаць, калі яна тут ужо,— дзед нават не азірнуўся на старшыню.— Дый не па майму пачяццю, старшыня, уся гэтая амуніцыя. Каб хамут які ці сядзёлка...

— А ведаеш, што гэта такое, дзед?

— Нібыта машыны...

— Не, дзед, гэта твае парабкі.

— Мае?

— Твае.

— Парабкі?

— Парабкі.

— Тэк-тэк-с... Разбагацеў, Нічыпар, акулачыўся,— і дзед хехекнуў ад задавальнення.— Хе, хе... А гэтая — што за дзіва, з колам крывым?

— Сцяпан! — гукнуў старшыня механіка.— Ну, пакажы ім, прагані баразёнку тут.

— Не так хутка, Уладзімір Апанасавіч. Трэба прыладзіць.

— Прыладзь ды пусці. Хай паглядзяць людзі. А мы з дзедам пакурым.— Старшыня ўзяў у дзеда капшук з махрой.

— І скажы ты, старшыня, адкуль тое ўзялося. Помню, ці даўно тое было... Усім сялом пісьмо пісалі самому Леніну, каб, знацца, гваздзей прыслаў і лемяхоў паўсотню... Каб заводу каманду даў такую. А мы хлебам расквітаемся. На каляды пісьмо пісалі. Паслалі, а ён... нябога, відаць, і не палучыў. Памёр. Самі потым ездзілі ў Бабруйск, хто як мог. Я, помню, шворан... Ну, што такое шворан? Кусок жалеза! Пруцік! А цэлы пуд пшаніцы аддаў. Ну і дралі ж тады з нас... А што? Калёсы былі, а без шворна — не паедзеш. А тут не шворан. Скажы, старшыня, прызнайся — многа ўпёк грошай? — і не дачакаўшыся адказу, сам адказаў: — Многа. Яно, канечне, усе разбагацелі: і мужык і дзяржава. Ды які ты мужык? Купец ты першай гільдзіі! Мільянер! А? Што? Не так?

— Гатова! Можна пускаць? — спытаўся Сцяпан.

— Давай! — скамандаваў старшыня.

І пайшла машына. Угрызаючыся ў грунт, яе кола рабіла такі канал, што ўсе толькі ахалі. Праўда, цягнулі гэтую машыну два гусенічныя трактары.

Грунт з-пад вялізнага кола з нажамі-каўшамі трапляў на лентачны транспарцёр, які адносіў на пэўную адлегласць ад канала, і ўзбоч утвараўся насып — вал зямлі.

— Во гэта, браткі, штука! А? Што? Не? Ай-я-я-яй! — аж заякатаў дзядок.— Во прэ! Во лепіць! Во дзярэ!

Натоўп калгаснікаў ішоў следам за машынай. І толькі старшыня застаўся стаяць на месцы і пазіраў на сваіх аднасяльчан, слухаў іх гаворку. Слухаў і па вус матаў.

— Во гэта плужок! Сі-іла! Савецкі плужок! — захапляўся дзед.— Усю зямлю пераверне! — дзед нават кулаком патрос. Ці ён адчуў у сябе прыбаўку сілы, ці ён гразіў каму...

— Хана цяпер усім балотам! — заключыў нехта.

— Каб такі канал рыдлёўкамі...

— Тысяча чалавек капала б...

— Думаеш, тысяча? — пачалася спрэчка.

— А думаеш, меней?

— Такая машына тысячу чалавек заменіць.

— Заменіць?

— Заменіць.

— Такіх, як ты, дзед, дзве тысячы з гакам заменіць.

— Такіх, як я? Мяне ўжо нечага замяняць. Я ўжо заменены — на пенсіі. А вось цябе, Іван, яна заменіць. Лічы, ужо замяніла. А? Што? А-а-а, то-та ж... Куды ты такі перад ёй? Хоць і здаравяка, а перад ёй — нуль. Вот так, Ваня. Нуль без палачкі. А пра мяне не клапаціся.

І раптам людзі прыціхлі, вельмі ж ужо сур'ёзную думку выказаў стары. Было чаму прызадумацца. А дзед тым часам не сціхаў.

— Цесна людзям будзе ў сяле, калі на полі такая тэхніка будзе. Цесна. Выцісне яна не аднаго з сяла. Асабліва тых, што каля яе хадзіць не ўмеюць. Яна, браткі, строгая будзе. Калі не спец — пайшоў вон, скажа, і крышка, і аблізніся. Папяў? А? Што? Не? Нашто ты тут? Такі, брат, спосаб работы пачынаецца.

— Глядзі ты, а Сцяпан наш і гэтую машыну забрытаў ужо. Ну, малайчына.

— Во табе і самавук! Во табе і дамарошчаны!

— Калі новая, калі ўсё гладка, дык і ён справіцца. А калі што якое, то, брат...

— Не кажы. Галава трэба, адукацыя, дыплом...

— Спяшаюцца сюды з дыпломамі, аж падаюць.

— Плаціць трэба, тады і з дыпломамі.

— У гразь гэтую? Вясной ды восенню па самыя ноздры.

— Але, але. Там, у горадзе, што-о!.. Тратуар, у штыблецках, цыгарку ў зубы, рукі ў кішэні, і ўсё. Адрабіўшы, канечне, свае сем гадзін і дванаццаць хвілін,— папраівіў ува ўсім дасведчаны дзядок.

Прыціх, прызадумаўся Іван. Павёў вокам па машынах, пашкроб патыліцу, аж шапка з'ехала на лоб, уздыхнуў.

Не той голас у жаўрука. Не чуваць яго. Хоць і трапеча крыламі і, пэўна, залівaецца ў чыстым блакіце паднябесся, але не чуваць яго. Не той голас. Не можа ён спаборнічаць з голасам трактароў, бульдозераў, кустарэзаў і каналакапальнікаў.

Злева бульдозер згортвае зрэзаныя кусты, карчы ў вал, раўняючы асушанае балота, рыхтуючы яго для ворыва. Адыходзіцца бульдозер, нібы для разгону, паднімае, грабе, штурхае, і чым бліжэй да вала, тым больш азвярэла раве матор.

Справа па асушаным летась участку сеюць. Маторы трактароў гудуць роўна, спакойна.

Следам за сеялкамі вялізны цёмны шлейф пылу. На тарфяніках, калі зверху падсохнуць, такое бывае.

У трактарыстаў і сейбітаў толькі вочы блішчаць, ды зубы, калі засмяюцца, а так — чыстыя негры. Пад'язджаюць па край поля. Там стаяць мяхі з насеннем і фурманка з бочкай вады. На фурманцы Іван. Ён вадавоз. Трактарысты і сяўцы падбягаюць да бочкі з вадой. П'юць з прагнасцю, нагбом, з вядра.

— Ну, чэрці! Ну чыстыя чэрці! — дабрадушна пасмейваецца Іван.— Такога цябе падкласці жонцы ў пасцель, то абавязкова заіку родзіць.

Па дарозе віхрам імчыцца матацыкл. За ім, не зважаючы па пыл, гоніцца газік. Сігналіць, але матацыкліст паддае хуткасці. Параўняўшыся з трактарыстамі, матацыкл рэзка затармазіў, аж занесла задняе кола. Неўзабаве пад'язджае і газік.

З газіка выскачыў сярдзіты старшыня і тут жа напусціўся на матацыкліста.

— Чаму не спыніўся? Я табе сігналіў.

— З-за пылу не відаць. Я не думаў, што вы... Я думаў абагнаць: хоча, а... не люблю, калі мяне абганяюць,— апраўдваўся брыгадзір.

— Паўдня ганяюся за табой. А ты носішся як чорт.

— Пад ляжачы камень вада не цячэ.

— Здаровы, хлопцы! — павітаўся старшыня з трактарыстамі.

— Добры дзень, таварыш старшыня,— адказалі тыя.

— Пагода бачыце якая?

— Сеем. Сеем.

— Стаіцё.

— Толькі што сталі. Папіць ды морды апаласнуць.

— Ну-ну, цяпер...

— Чулі,— перапыняе трактарыст,— дзень год корміць. Чулі.

— Колькі ў цябе бульбы асталося?

— З трыццаці гектараў. Тон пяцьсот.

— Як неразімавала?

— Цэлая, правяраў.

Трактарысты і сяўцы пайшлі запраўляць свае агрэгаты.

— Пяцьсот?

— Пяцьсот. Ну, можа, лішак які будзе,— усміхнуўся брыгадзір.

— Купец ёсць. Па восем капеек за кілаграм дае. Абяцае. За тыдзень перавязеш? На прыстані.

— Сваімі сіламі? Не. Дзён за дзесяць. Сею ж...

— За тыдзень трэба. За горла бярэ. Няўстойка вялікая. Можна зняць двух «Беларусоў»?

— З пасяўной? — здзівіўся брыгадзір.

— Грошы трэба. Не валяюцца. Цераз грэблю пераеду?

— Сёння можна, а заўтра наўрад. Вада прыбывае.

— Я магу правесці вас. Я знаю, як дзе там,— Іван паказвае рукой павароты-завароты.

Старшыня накіроўваецца да сваёй машыны.

— Уладзімір Апанасавіч! Настаўніца вельмі прасіла, каб зайшлі. Цяжка ёй. У першым класе толькі двое. Зайдзіце,— просіць брыгадзір.

— Заедзем,— згадзіўся старшыня.— Залаты чалавек. Другая б даўно збегла.

Газік загурчэў. Якраз у гэту хвіліну да старшыні падбег Іван, паспешліва выхапіўшы з кішэні пейкую паперку.

— Таварыш старшыня, падпішыце мне спраўку.

— Якую спраўку?

— Што я — Іван Швед...

— А хто табе сказаў, што ты Іван?

— Як хто? Усе так завуць,— Іван азірнуўся.

— У горад хочаш?

— У горад.

— Вучыцца?

— Дзе там вучыцца! Правалюся. Працаваць буду.

— Та-ак.. Ніякі ты не Іван. Не дам табе спраўку.

— Як — не Іван? Таварыш брыгадзір, скажы старшыні, што я Іван.

Іван хлапчына-здаравяка, бамбіза, а зараз выраз твару ў яго сіроцкі. Як кажуць: на вачах сірата, а на баб разбойнік.

— Не, Іван,— не прызнае старшыня, не чакаючы, што скажа брыгадзір. Уключае перадачу, а паперку вяртае Івану.

— Іван я! — хлопец забег наперад газіку. Якая рашучасць! Які гераізм! Ён нібы грудзьмі сваімі закрывае амбразуру дота.

— Ты казкі дзіцячыя чытаў?

— Калі?

— Калі-небудзь.

— Ну, чытаў...

— Помніш, які там Іван? Хоць і дурак, а вакол пальца абводзіў і папа, і купца, і пана, і нават самога цара.

Хлапчына сумеўся, але ненадоўга.

— Дык то ж пана, цара ды купца. А ты ж наш, савецкі. Не магу я цябе вакол пальца... Героя сацпрацы.

— І не ўдасца,— усміхнуўся задаволены адказам старшыня.

— Адпусці, старшыня, дабром прашу, адпусці.

— Грозіш?

— Не гражу, а пакуль што прашу.

— Пакуль што? Саступі з дарогі машыне. Яна жартаваць не любіць.

— Я і саступаю, а вы не пускаеце.

— Не магу. Не магу я цябе адпусціць у горад.

— Ну, чаму? Другіх дык адпусцілі, а мяне...

— Другіх адпусціў, а цябе не магу.

— А я што? Дык што мне? Вечна ваду вазіць? Па рублю ў дзень зарабляць?

— А які ты спец? Ты ж нічога болей не ўмееш. Сорамна такога адпускаць.

— Каму сорамна?

— Каму? Мне. Калгасу нашаму, усёй вёсцы сорамна. Сорамна такога выпускаць на людзі.

— А што я ўжо такі?

— Ды ты ніякі. Ну хто ты? Ну што ты? Токар? Пекар? Слесар? Трактарыст? Механік? Бульдазерыст? Што ты ўмееш? Нічога. Толькі... Вынь палец!! Паламаеш! Толькі і навучыўся за дваццаць гадоў у посе калупаць.

— Я і другому навучуся,— засаромеўся хлапчына.

— Ты ж разявень. Ты ж вуліцу не сумееш перайсці. Цябе тралейбус задавіць.

— Не задавіць. Як упруся, дык пабачым яшчэ, хто каго.

— Ну во, я ж і кажу: засмяюць нас.

— Хай паспрабуюць...

— «Адкуль, спытаюць, такі?» — «З Любані».— «З якой Любані?» — «Ды з той, дзе калгас «Маяк».—

«Ды быць такога не можа. Там жа старшынёй Герой Сацыялістычнай Працы...»

— Ну, дык што? — Іван пачынае крыўдаваць.

— А тое, што выклікаюць мяне туды, у горад, паваляць і зорачку адбяруць. Скажуць: не заслужыў, калі такіх у горад выпускае. Рабочы клас павінен быць перадавы, вядучы. Разумееш? А які ты перадавы? Які ты вядучы? Ну, паедзеш ты ў горад і што ты будзеш там рабіць?

— Знайду што.

— Ну што? Што цябе туды цягне?

Іван рагатнуў.

— Там кожны вечар у цырк можна хадзіць. Не тое, што тут. У тэатр, у оперу. А то толькі па тэлевізару ды ў кіно яшчэ бачыў тых, што танцуюць у «Лебядзіным возеры». А я жывую хачу паглядзець.

— Паглядзець ці пагладзіць?

Іван зноў рагатнуў.

— А што? Мо і пагладзіць пашанціць.

— Вунь яно што! Куды гне! Я думаў, ён едзе ў горад навучыцца чаму людскаму, прафесію набыць. А ён — у цырк хадзіць, балерын гладзіць едзе.

— Ды не толькі гладзіць. У газеце аб'ява: патрабуюцца ўсякія... нават без спецыяльнасці. Інтэрнат даюць добраўпарадкаваны і вучыць абяцаюць... Будаўнікі там, муляры, тынкоўшчыкі... На радыёзавод...

— Ну-тка, Іван, калі ты і праўда Іван, давай заглянем у школу. Сядай,— запрасіў у машыну хлопца.

Невялікая вёска. Гэта самая далёкая брыгада ў калгасе. Хаты стаяць рэдка. Садкоў няма. На пагорку бялее каменная школа. Светлая, чыстая, пад сонцам проста ззяе. Дрэўцы, што абступілі школу, толькі што выпусцілі першыя лісточкі — бледна-зялёныя, далікатныя, свежыя.

На вуліцу ўязджае газік. Спыняецца насупраць хаты, у якой вокны накрыж забіты дошкамі. Хата яшчэ моцная, бярвенні як звон. Жыць бы ды жыць у гэтай хаце, а вось жа — вокны забіты. Закрэслены...

Старшыня вылез з машыны, пачакаў, пакуль падыдзе брыгадзір. Паказаў яму на хату.

— А гэты дзе?

— На аўтазаводзе. Кватэру ўжо атрымаў.

— Не вернецца. Чаму ж не прадае?

— А каму яна тут трэба? Яна не адна тут...

І ўсе трое накіраваліся да школы.

На дзвярах таблічка: «1-шы клас». Старшыня стукае ў дзверы і, не чакаючы дазволу, адчыняе іх, уваходзіць у клас. За ім брыгадзір і Іван.

— Добры дзень!

У класе настаўніца і двое вучняў: хлопчык і дзяўчынка. Настаўніца — жанчына ў гадах. Хлопчык і дзяўчынка ўстаюць, вітаюцца.

— Добры дзень!

Павіталася і настаўніца мяккім, грудным, добрым голасам:

— Сядайце, дзеці.

— Толькі царскіх дзяцей так вучылі. На двух адна настаўніца, ды шчэ якая — лепшая ў рэспубліцы.

— Гэта я — лепшая? — засмяялася настаўніца. Ці жанчына ўстаіць перад кампліментам?

— А шпінгалеты чые?

— Дзяўчо — мая. А матрос — Настасін. Ну... гэтай...— брыгадзір хацеў яшчэ нешта шапнуць на вуха старшыні, але той адмахнуўся.

— Дзеці! Ідзіце пагуляйце. Перапынак,— загадала настаўніца.

— А яшчэ званка не было,— далажыў матрос. Дзецям, вядома, хочацца паслухаць дарослых. З дня ў дзень удваіх — сумнавата. Дзеці ёсць дзеці. Яны заўсёды цікаўныя.

Настаўніца бярэ на акне званок і звоніць. Парадак ёсць парадак. Дзеці выбягаюць на вуліцу. Неахвотна.

— Ну і як жа будзем, таварыш старшыня? Налета ў першым класе будзе толькі адно...

— А колькі ўсіх?

— У другім сем, у трэцім дванаццаць, у чацвёртым адзінаццаць.

— Ну во, а ты хочаш махнуць у горад. Бачыш, зусім на звод пайшла вёска. Дзяцей няма, адны дзяды ды бабкі. Аставайся, Іван, хоць на развод. Экстэр'ер у цябе... А?

— Уладзімір Апанасавіч! — засаромелася настаўніца.

— Трэба забіраць вас туды, у цэнтральную школу.

— Я не прападу. Самі сказалі — лепшая на ўсю рэспубліку.

— А дзеці як? Хоць і мала іх, але... Інтэрнат трэба там, у цэнтральнай...

— Не будзе школы — збягуць і гэтыя... бацькі,— палохае брыгадзір.

— Вось табе і сціранне граней між горадам і вёскай. Сціраецца вёска ўся... цалкам...

— Ну якая гэта вёска,— грэбліва махнуў рукой брыгадзір.— Не шкада.

— Шкада толькі такога памяшкання. Дзесяць гадоў, як наставілі, і вось табе... Пуставаць будзе,— пашкадаваў старшыня, па-гаспадарску акінуўшы вокам памяшканне.— Ну, Мікалаеўна, будзем думаць.

Развітваюцца. Настаўніца праводзіць да дзвярэй, дзякуе.

— Дзякую, што зайшлі, Уладзімір Апанасавіч.

І ўжо на вуліцы старшыня, змерыўшы Івана з ног да галавы:

— Шкада адпускаць такога, ды ні храна не зробіш. Такі ўжо спосаб работы пачынаецца, як той дзед сказаў. Толькі спецыяльнасць там выбірай...— і ўжо са злосцю: — Не на панчошную фабрыку ніткі сукаць. А такую набывай, каб... Калі вернешся, каб карысць нейкая была ад цябе. Чуеш?

Старшыня падпісаў паперку.

— Дзякую, старшыня. А ўсё ж я — Іван, старшыня,— пахваліўся Іван.

— Не адразу ўцякай. Адсеемся, тады...

Газік пераязджае ўброд. Вада вялікая. Вясковая паводка разлілася на кіламетры. Палессе...

На беразе асталіся брыгадзір і Іван. Яны сочаць за старшынёвай машынай, каб у выпадку чаго — выцягнуць трактарам.

— Цяпер падоўга — пакуль вада спадзе — адрэзаны мы...

У кабінеце старшыні сцены абвешаны дыпломамі і граматамі, якія калгас атрымаў на шматлікіх выстаўках за многа год; тут і за кок-сагыз, за кукурузу, за травы, за мяса, за малако, за яйцо, за шэрсць і за многае іншае. У куце, на пачэсным месцы, пераходны чырвоны сцяг. Усё так, як у перадавіка. Толькі на адной сцяне самаробны плакацік: «Хто рана ўстае, таму і калгас дае».

Зараз у кабінеце заканчваецца цырымонія падпісання гандлёвага дагавора паміж старшынёй і нарыхтоўшчыкам. Калгас прадае, а нарыхтоўшчык купляе 1500 тон

бульбы. Вясною такая здзелка ўзаемавыгадная. Калгасу — не прадасі — прападзе ці стравіш жывёлай. Нарыхтоўшчыку — купі і перапрадай — у горадзе есці хочуць. А сабе камісійныя. Відаць, таму высокія бакі пры падпісанні пагаднення трохі залішне паспешлівыя, хапатлівыя, нібы ці той, ці другі раптам перадумае і адмовіцца ад дагавора.

Старшыня і нарыхтоўшчык сядзяць за сталом поруч. Перад імі па экземпляру дагавора. І той і другі хуценька падпісвае свой экземпляр і тут жа замацоўвае подпіс пячаткай. Потым зноў жа хуценька мяняюцца экземплярамі і паўтараюць тыя ж маніпуляцыі.

Ім памагае — падстаўляе штэмпельную падушку, прамакаткай падсушвае подпісы — Юрый Мікалаевіч — малады чалавек з юрыдычнай адукацыяй, хоць афіцыйная пасада ў яго — загадчык клуба. Аднак пры старшыні ён часта выконвае ролю юрысконсульта. За такую неадпаведнасць адукацыі і пасады віна ляжыць на адной дзяўчыне, з якой, спадзяюся, мы хутка пазнаёмімся.

— Падпісана, і з плеч далоў! У сейф!

Старшыня выцер хустачкай лоб, нібы і праўда работа была цяжкая.

Нарыхтоўшчык акуратна склаў дагавор і засоўвае яго ў свой вялізны партфель.

— Прадзешавілі мы з табой, Юрка. А? Не?

— Калі ласка, пакуль не позна, можна парваць.

Нарыхтоўшчык выцягнуў паперку з партфеля.

— Можна было капеек па дзесяць...

— Уладзімір Апанасавіч! Пры вашай свядомасці... Бульба куды пойдзе? У горад. Драць з рабочага класа? Не вам, не вам...

— З рабочага класа драць не будзем, а з вас можна. Толькі з вывазкай не вельмі строга. Калі на дзень, па два спознімся, дык... Пасяўная.

— Не, не! Тут я няўмольны. Няўстойка, і крышка. Рабочы клас карміць трэба своечасова. Ні на дзень, ні на два пазней нельга.

— Слухай, друг. А можа, замачылі б здзелку? А? Юрка! Ану, арганізуй.

— Каньячком? — пацікавіўся нарыхтоўшчык.

— Пліскай. А?

— Дні па два, па тры?

— Калі ласка. Во з Юркам — па насеку, на востраў. А?

— Не,— нарыхтоўшчык шчыра смяецца.— Мой метад. Я ім карыстаюся часта. Яшчэ машыністку часам пускаю ў ход. Не-е, калі ўжо мачыць рэпутацыю, то не тут, а на моры ці ў Адэсе. Дзякую за прапанову і за ўсё. Шчыра! Ад душы. Бывайце. А ў той, пятай, брыгадзе, дзе пяцьсот тон, я заўтра сам паеду, усё арганізую...

І знік. Чалавек дзелавіты. Наш бізнесмен.

Раённая гасцініца. Нарыхтоўшчык са знаёмым партфелем лёгка ўзбег па прыступках і знік за дзвярыма.

У вестыбюлі ён спыніўся каля парцье.

— Ну, як ён?

— Падняўся апоўдні. А да гэтага стагнаў. Расолу просіць.

— Дай.

— Даў. З вядро выжлукціў.

— Стагнаў?

— Стагнаў.

— Значыць, парадак.

— А морда ў яго такая, нібы ўсю ноч сядзеў у сціральнай машыне. А машыну забылі выключыць.

— Скажы там, на двух чалавек добры абед.

— У нумар?

— У нумар.

— З тым пілі?

— З тым. Машыністка рана пайшла.

— Колькі з мяне?

— Дваццаць восем.

— Па-чэснаму яшчэ.

— Каб не мой кантроль, то...

Нарыхтоўшчык адлічыў грошы парцье — і пайшоў па калідоры. Заходзіць у нумар. У нумары на ложку сядзіць чалавек гадоў за сорак, расхлістаны, нячэсаны і вельмі сумны. Яму, відаць, «маральна цяжало» пасля ўчарашняга. Ён зараз у такім стане, як той, што ў анекдоце: пасля перапою ляжыць чалавек у ложку, а міма па мякенькіх лапках асцярожна праходзіць кот. А чалавек сіпіць:

— Не тупай, сволач, не тупай!

— Усэ! Гаразд! Хопіць!

— Ну, хопіць дык хопіць. У нас госць — гаспадар.

— Нэ можу більш...

— А казаў: Энэй, парубак маторны, запарожскі казак...

— Мне бульба трэба.
— Калі ласка. Па пятнаццаць капеек кілаграм, як я і казаў. Заўтра ж пачынаем адгружаць.
— Нэ можу я... Права нэ маю. Па трынаццаць.
— Ды ты што? Са сваёй кішэні, ці што? Дагавор падпішам, і ўсё.
— Не зацвердзяць.
— Не залівай, ведаю. Падпісвай,— парыхтоўшчык выцягвае з партфеля падрыхтаваны дагавор.
— Пачакай. Пазваню сёння. На гэта згода трэба,— купец паказаў пальцам угору,— ад майго шэфа.
— Патрабуй пятнаццаць, і ніякіх там. На насенне не наскупіцца.
— Ну і абдзірала ты! З брацкага народа так лупіць? За дружбу пілі? Пілі. Цалаваліся? Цалаваліся. Яка ж цэ дружба?
— У слоўніку Даля я вычытаў: «Дружба дружбой, а табачок врозь». І потым, крыўдзіш мяне. Я цябе прыняў, як госця дарагога. За свой кошт. Са сваёй кішэні. Авансам. А ты...
— Шо? Папракаеш? Га?
— Не папракаю. Напамінаю пра ўдзячнасць. Пятнаццаць коп. І мы зноў сябры. Зараз абед прынясуць, паправіш галаву. За дружбу па сто...
— Ні! Конкретно! Ні! Мэні бульба трэба. А то голову відзірвуць і скажуць, шо й зовсім нэ було. Піду шукаць бульбу... бараболю.
— Ну ідзі, ідзі! Толькі заўтра я запрашу з цябе па шаснаццаць капеек.

Віхор жыцця ў калгасе звычайна зачынаецца рана — з усходам сонца. Каля канторы збіраюцца брыгадзіры, механікі, заатэхнікі і іншыя актыўныя часціцы калгаснага цыклафазатрона.

Чакаючы старшыню, яны снуюць каля ганка ці ў калідоры, кураць, гамоняць, расказваюць анекдоты — каракцей кажучы, існуюць як бы ў стане хаосу, хоць у кожнага ёсць свой зарад, свая мэта, свая ідэя. І толькі прасіцелі ці прасіцелькі па сугуба асабістых справах трымаюцца звычайна ў староньцы, як вунь тая жанчына з дачкой, што сядзяць на лавачцы пад кустом, нібы нейтрыно, нібы без зарада, хоць у душы прынасена такая выбуховая сіла, што таго і глядзі раструшчыць шкло на стале старшыні.

З паяўленнем старшыні ўсе гэтыя актыўна заражаныя

часціцы нібы пад уздзеяннем магніта выстрайваюцца ў пэўны парадак і пасля ранішняй парады набываюць дабавачную энергію, хуткасць, вылятаюць з канторы і пачынаюць дзейнічаць бурна, актыўна, мэтанакіравана.

Вось і старшыня пад'ехаў на сваім газіку. Ён, як звычайна, сам за рулём. Ставіць машыну ў цень, пад дрэвам. Ледзь толькі вылез старшыня з газіка, як насустрач яму выскачыла жанчына, што сядзела з дачкой на лавачцы пад кустом.

— Старшыня, даражэнькі, памажы, бяда ў мяне.

— Пойдзем у кантору. Не на вуліцы разбіраць бяду тваю.

— Старшынька! Там народ у канторы. А ў мяне такое гора, што з вока на вока трэба,— жанчына ўчапілася ў рукаў старшыні.

— Ну, пайшлі, пайшлі. Зачынімся ў кабінеце. Ідзіце туды.

На ганку канторы розны люд. Вітаюцца. Некаторыя такія, што хочуць без чаргі вырашыць сваё пытанне. Жанчына з дачкой, схіліўшы галовы, нібы саромячыся, нібы вінаватыя, праходзяць міма людзей проста ў кабінет.

— Таварыш старшыня! Я другі дзень не магу злавіць галоўнага агранома. Можа, вы самі?..

— Я сказаў,— адказвае старшыня,— без агранома не магу. Усё! А ты чаго?

— Не дае трактара галоўны механік.

— Ведаю. Заўтра дасць.

— Да заўтрага засмокча балота. Трэба выцягнуць, там жа ўсе скавародкі, чыгункі, каструлі.

— Не трэба было лезці ў балота.

— Нячысцік завёў.

— Гарэлка, змій зялёны завёў!

— Дык жа наваселле...

Збоку гэтую сцэну здымае ручной кінакамерай нейкі гарадскі хлюст. Старшыня заўважыў гэта і заспяшаўся.

— Таварышы! Не на вуліцы. Парадак трэба. Да дванаццаці прымаю сёння.

І знік за дзвярыма.

У кабінеце сядзяць панурыя жанчына і дачка. Не паспеўшы зачыніць дзверы, проста з парога старшыня пытаецца ў бабы:

— Ну, што за бяда з табой прыключылася?

— Не са мной. З ёй,— тыцнула пальцам на дачку жанчына.

— Захварэла?

— Горай! Горай за хваробу...

Дзяўчына яшчэ ніжэй апусціла галаву.

— Што такое?

— Швед Іван, Аксюткін сынок, пагалоску пусціў... Усё сяло гудзе, што ён з ёй... што ён яе... ну... У саломе быццам, каля гумна, калі ўсе абедаць пайшлі.

— Сярод бела дня?

— Ды ўжо ж.

Старшыня моўчкі ацэньвае сітуацыю.

— Ну, значыцца... Хай жэніцца, калі прызнаўся.

— Дык жа не хоча.

— Як гэта не хоча? Разбойнік! Прымусім! Пазаву сюды, прыцісну ў куток, дык захоча,— абяцае старшыня.

— Яна не хоча, дурніца гэта во... Наадрэз...

— Чаму? — тут ужо і старшыня разгубіўся. Пытае ў дзяўчыны мякка, зацікаўлена, шчыра: — Чаму ўсё-такі?

— Знайшлі мне жаніха! — з пагардай адвярнулася дзяўчына.

— Хто табе знайшоў? Ты сама знайшла! — пайшла ў наступ маці.— А цяпер — нехарошы?

— А ў саломе быў харошы? — цікавіцца не без уедлівасці і старшыня.

— Нічога ў саломе не было,— дзяўчына вачэй усё ж не паднімае.

— Як не было? Штаны ён табе парваў? — выкрыквае маці.

— Ну парваў... І ўсё роўна не было.

— А... а...— не ведае, як і спытаць старшыня.— Як жа тады...

— Выкруцілася, і ўсё,— ухіляецца ад дэталей дзяўчына.

— Я не пра тое. Не было дык не было. Але як жа ён славу пусціў?

— У клубе.

— Пазаўчора.

— Хлопцам пахваліўся.

— Можа, п'яны,— сумняваецца старшыня.

— П'яных у клуб не пускаюць,— паведамляе дзяўчына.

— Правільна,— пахваліў парадкі ў клубе. Потым ад-

чыніў дзверы і паклікаў: — Юрка! Дзе тут быў загадчык клуба? Юрку да мяне!

І праз якую хвіліну Юрка ўжо стаяў на парозе.

— Слухаю вас, Уладзімір Апанасавіч.

— У цябе пад началам клуб ці пункт па распаўсюджванні плётак? — старшыня кіўнуў галавой у бок дзяўчыны.

— А-а... гэта Швед Іван. Было,— пацвердзіў Юрка.

— Швед, Швед,— перадражніў старшыня.— А ты хто? Турак? Не мог заткнуць яму ляпу?

— Не пры мне было. Калі я падышоў, усе ўжо ржалі, як жарабкі. Я, праўда, папярэдзіў Івана...

— Ну, і што цяпер? Як лакалізаваць? Пакрыўдзіў ён яе.

— Калі ўзяць спраўку ад доктара, то можна і пад суд,— растлумачыў закон Юрка.

Дзяўчына ўпершыню тут падняла вочы на Юрку. А потым з цікавасцю паглядзела на старшыню, але сустрэўшыся позіркамі, яна зноў апусціла вочы долу.

— Ну, значыць, трэба ўзяць спраўку,— старшыня зірнуў на дзяўчыну.

Чакаюць ад яе слова і маці, і Юрка.

— Не буду я браць такую спраўку,— нарэшце сказала дзяўчына, як аб даўно прадуманым і вырашаным.

— Дык што ж гэта ты? Яго шкадуеш? А ён з табою так...— накінулася маці.

— Як? — акрысілася дачка.— Ён мне нічога не зрабіў. А што языком, дык... За гэта не трэба ў турму. Ён проста дурань.

Як проста і будзённа выяўляецца велікадушша і высакароднасць дзяўчыны. Хвала! Хвала ёй!

— Ніякай праблемы няма,— Юрка развёў рукамі і падміргнуў старшыні.

— Ідзі,— адпусціў Юрку старшыня.

— Уладзімір Апанасавіч! Там прыехаў з кінастудыі аператар. Хоча з вамі пагутарыць.

— Потым. Ідзі. Пасля іх,— старшыня выправадзіў Юрку за дзверы.— А можа, ён хоча ажаніцца і, каб адбіць другіх, пусціў такую хвалу?

— І я так думала. Гаварыла з ім. Не вельмі і ён ірвецца,— у голасе жанчыны ўжо цёплае слязінка.— Матрос, кажа, хай па ёй жэніцца.

— Які матрос?
— Паехаў ён. Адпускнік быў. Наталлін сын,— растлумачыла дзяўчына.— З ім я пайшла танцаваць той вечар, а не з Іванам. Вот...
— Так... Ну, дык што ж мы цяпер?.. Што мы павінны рашыць? — думае ўслых старшыня.
— І розуму не падбяру,— маці ўжо гатова заплакаць.— Як жа ты цяпер пры такой славе? А? Ты ж ведаеш, як без бацькі гадавацца. У маці, кажуць, пайшла. А ці тады тое было? Маіх жа хлопцаў на вайне пазабівала, жаніхі мае,— заплакала жанчына,— зямельку параць... На ўсё сяло — сем мужыкоў было.
— І цяпер іх не болей,— заўважае дзяўчына.— У горадзе ўсе. Спачатку ў салдаты, а адтуль — у горад.
— Але ж ты пераборлівая! — папракае дачку жанчына.— Пры такой справе ты цяпер звякуеш у дзеўках. А то і горай... Будуць хлопцы... стажыравацца,— захліпала мнагавопытная маці.
— Ну, ты не перагібай! — засаромеўся старшыня.— І то праўда — з такой славаї... Ну, а сама што думаеш?
— У горад паеду. Спраўку толькі трэба... на пашпарт.
— І ты ў горад? — пасцярожыўся, натапырыўся старшыня.
— Ну, а што ты цяпер зробіш, старшынька? — бядуе маці.
Старшыня раптам успомніў.
— Дык гэта ж той самы Швед! Іван! Што ўчора адпрасіўся ў горад. Ну, брат... Усё-ткі ён — Іван! Іван!
— Ну, але, але — Іван, Іван,— згаджаецца і маці.— Ён такі, ён можа.
— Ну і сітуацыя, скажу я табе,— старшыня шкрабе загрывак.— Толькі запомні — тут ты выкруцілася ў саломе, а ў горадзе саломы няма, там не выкруцішся.
— А там і выкручвацца не трэба. Там ніхто не выкручваецца,— ці дзяўчына пахваліла горад, ці яна паказала сваё пахабства.
— Я табе дам! Я табе пакажу, кошка ты! — закрычала жанчына на дачку.
— Не крычы. Там за дзвярамі людзі,— папярэдзіла дачка.
— Будзем думаць. Ты ідзі,— адпусціў старшыня дзяўчыну.
А як толькі за ёй зачыніліся дзверы, ён звярнуўся да жанчыны:

— Падумай і ты. А дні праз два-тры прыходзь. Адпускаць яе цяпер з вачэй таксама... Можа па руках пайсці... без прыгляду... Калі праўда, што паспытала... На сабе ведаеш...

— Ды ўжо ж, ды ўжо ж... Крый нас божа...— жанчына ігрыва зірнула на старшыню. Яна і плакала, і смялялася, і сарамелася, нібы між ёй і старшынёй была нейкая шчыкатлівая тайна. Раптам яна заспяшалася да выхаду.— Дзякуй табе, старшыня. Не кідай нас без парады.

І выйшла.

Тут жа ўламіўся ў дзверы кінааператар з камерай. Нахабнаваты, патлаты.

— Я ад кінастудыі. Вось,— аператар падае камандзіровачнае пасведчанне.— Маю заданне зняць у вас сюжэт: «Праца і адпачынак моладзі ў калгасе». У вашым, перадавым, так сказаць, маяку. Ад вас патрабуецца: дазвол, парады, рэкамендацыі.

— У мяне, браток, дзялоў хапае. Як-небудзь без мяне. А кансультацыі табе дасць...— старшыня падыходзіць да дзвярэй, адчыняе і выклікае адтуль Юрку...— вось ён. Культурная сіла наша і юрыдычная.

У кабінет заходзіць не адзін Юрка. Ён прыводзіць з сабой дзяўчыну. Апранута яна па-гарадскому, з выклікам, шык-мадэрн. Дарэчы, дзяўчына мае рацыю — такім ножкам не трэба спаднічка.

— Юрка! Будзеш кансульціраваць кіношніка па ўсіх...— і старшыня не дагаварыў. Вельмі ж ужо экзатычная дзяўчына. Ён, нібы папярхнуўся дзяўчынай, уважліва разглядае яе, усе дэталі яе вопраткі — зверху ўніз, знізу ўверх. Яна ж, нібы пераймаючы яго манеру, таксама разглядае старшыню гэтак жа прыдзірліва і ўважліва. Але ёй, відаць, раней падакучыла такая звышувага старшыні, і, каб пакпіць з яго, яна дагадзіла — расхінула свой плашчык — на, маўляў, паглядзі і так. А можа, і зусім раздзецца? Старшыня ўсё зразумеў і крыху засаромеўся. Дзяўчо, а ў чырвань увагнала. Бываюць.

— Што гэта? — спытаў ён у Юркі. Але адказала сама дзяўчына.

— Не што, а хто,— папраўіла яна.— Я адушаўлёная.

Кінааператар ужо стракатаў кінакамерай.

— Вось дыплом. Вось пакіраванне аддзела культуры. Буду ў вас працаваць бібліятэкарам. Не ў вас асабіста, а ў калгасе.

— А ці надоўга?

— Пазаўсёды.
— А ты што?.. Сама? Сваёй ахвотай?
— Сама! Сваёй! А што яшчэ?
— Дзіва! Ты, можа, з дэфектам якім?
— А ў вас што? Усе дэфектыўныя?
— Якая ж ты злая... Проста дзіва. Звычайна такія ў горад ірвуцца, а ты...
— Дык гэта звычайныя. А я — незвычайная. Як вы. Толькі зорачкі няма. Шкада, што ніколі і не будзе.
— Чаму? Табе яшчэ...
— Бібліятэкарам не даюць,— перапыніла дзяўчына.
Кінаапаратар не зяваў. Эпізод быў зняты на плёнку, а за спіной магнітафон запісаў дыялог.
— Ну, сюжэт! Проста шэдэўр! — радуецца кіношнік.
Старшыню нібы пчала ўджаліла.
— А-а, дык ты гэта падстроіў! Інсцэніроўку сачыніў? Машэннікі! Ачкаўцірацелі! Вон!!
А кінаапаратар і гэта здымае. Старшыня затыкае аб'ектыў шапкай.
— Ды што вы, таварыш старшыня,— ледзь не хрысціцца кінаапаратар,— ніякага ашуканства.— Я яе першы раз бачу...
— Уладзімір Апанасавіч! Ніякага падману. Я правераў. Дакументы, накіраванне. Гэта не інсцэніроўка,— запэўніў старшыню Юрка.
А дзяўчына смяецца, аж залівaецца.
— Што значыць — быць каля знамянітасці! Яшчэ нічога не паспела зрабіць, а ўжо слава — у кіно будуць паказваць.
Старшыня з падазронасцю пазірае то на аднаго, то на другога.
— Ну, глядзіце ў мяне! А то так праўду з сяла, што... Сабакамі зацкую! — пагразіў старшыня і тут жа падабрэў.— А дзе ты будзеш жыць? Юрка! Прыстрой ты яе... А бацькі твае дзе, хто яны?
— Няма іх у мяне. Дзетдомаўка я,— нібы па анкету адказала дзяўчына.
— Чуеш, Юрка? Ці табе паўтарыць?
— Я мог бы... і ў нас. Маці ды я — двое нас... Але ж...
— А што? Маці ў цябе спагадлівая, а хлопец ты рахманы.
— Але ж яна завельмі бойкая. Яна сама можа...
— Я ўсё магу! — палохае дзяўчына.— А калі ўхажорка ёсць, то абяцаю — раўнаваць будзе.

— Есць. Чаго ён і пабойваецца. Вунь яна якраз ідзе,— старшыня піхнуў фортку і крычыць на вуліцу: — Юлія! Эй! Курыны начальнік! Зайдзі сюды, павачка! Зайдзі! Сядзь, кіно, а то павалішся.

— Я? Чаму? — не зразумеў кінаапаратар.

— Убачыш яе і павалішся, абамлееш. У кіно такіх не ўбачыш.

У кабінет заходзіць Юлька. Не дзяўчына, а — сапраўды пава. Не, не дзяўчына, а — рыбінка! Ды што я кажу?! Ягадка-сунічка! Такая красуня! Такая чараўніца! Колькі ласкі ў яе вачах?! А колькі строгасці! Якое хараство. Сапраўды ні ў кіно, ні ў тэатры такіх цяпер не ўбачыш. Ну што тая Афрадзіта? Гэтая ж з рукамі. Ды з якімі! Дакраніся да яе, зачапі — так пляснe па мордзе — тры дні будзеш далікатна гладзіць тое месца.

Кінаапаратар і сапраўды абамлеў, сеў і толькі вачамі лыпае. Бібліятэкарка таксама міргае вачаняткамі — не чакала такой прыгажосці.

Старшыня. Юля, просьба ў мяне... Прыехала да нас хар-рошая дзяўчына, а жыць ёй пакуль што няма дзе. Вазьмі да сябе. Упэўнены, што падружыце. А за гэта такога жаніха табе знайду... Са сталіцы выпішу.

Юля. Во такога? — паказала на кінаапаратара.

Старшыня. А што? Кепскі?

Юля. Нішто сабе, толькі... Паношаны ўжо. І моль пабіла.

Юля паказала на добры лапік лысіны ў кінаапаратара.

Тамара-бібліятэкарка так і пырснула ад смеху.

Кінаапаратар. Няпраўда! Я пранафталінены.

Юля. Ну, значыць, доўга ў шуфлядзе трымалі. Без ужытку, пацёрты.

Старшыня. Не чапайся, кіно! А то — абстрыгуць і голым у Афрыку пусцяць.

Юля. А дзе яна? Гэтая, ці што? — паказала на Тамару.

Старшыня. Яна.

Юля коратка, але прыдзірліва агледзела дзяўчыну.

Юля. А бацька мой... во ўжо будзе рады-ы... Ну, хадзем.

Дзяўчаты пайшлі.

Кінаапаратар. Ну і дзяўчына! Ох і дзяўчына! — аж вочы зажмурыў.— Толькі для адпачынку...

Старшыня. Што-о-о?!

К і н а а п е р а т а р *(спалохаўся, апраўдваецца)*. Вы не так зразумелі! Я...

У дзверы заглядвае сакратар-машыністка.

— Уладзімір Апанасавіч! Тут вас чакае прадстаўнік з Украіны.

— Адкуль?

— З Украіны.

— Мінутачку. Папрасі, хай пачакае мінутачку. Я зараз. Во толькі выправаджу кіно...

Машыністка знікае.

К і н а а п е р а т а р. Вы не так зразумелі! Я меў на ўвазе сюжэт!

С т а р ш ы н я. Сюжэт?

К і н а а п е р а т а р. Сюжэт! Ну, разумееце... Яна на адпачынку — танцуе... у клубе... спявае... На пляжы, напрыклад, плавае. А? Што? — нават зацмокаў.

— Па вачах тваіх бачу, які сюжэт маеш на ўвазе. Але зарубі на носе: як толькі ўбачу, што ты каля яе пачынаеш чыркаць крылом,— тут жа ў камандзіроўцы — прыбыў і выбыў. А следам і пісьмо жонцы: так і так, Маруся, глядзі за ім, на шворцы трымай. Знаю я вас, самае масавае мастацтва.

— Ну, што вы, таварыш старшыня! Якім крылом? — у вачах кінааператара столькі наіўнасці, чысціні, бязгрэшнасці, быццам ён ніколі, нічога, ніякага і нават не разумее, аб чым гаворку вядзе старшыня.— Вы толькі скажыце, а дзе яна працуе?

— Ну, кыш! У мяне справы. Юрка! Забірай яго і не спускай вока. У сваіх інтарэсах.

— А я хацеў здымаць вас,— заікнуўся кінааператар.

— Здымаць мяне будзе райком, а не ты,— пажартаваў старшыня.

Ён расчыніў дзверы, выпусціў кінааператара і Юрку, а тады ўжо запрасіў новага госця.

— Ну, Украіна! Прашу! Калі ласка! Вельмі рады! Як гэта? «Белоруссия родная, Украина золотая...» Так?

Вітаюцца. Моцна трасуць рукамі.

— Сінявока сэстра Україны...

— Слухаю вас!

— Выручайтэ!

— Чым? Калі змагу, то з вялікай радасцю.

— У райкоме параілі. У яго, кажуць, цэ ў вас, усяго хапае. Нават птушынае малако можна купіць.

— Сёлета не — птушкі пярэдайкі, ялаўкі. І далыны

апарат сапсаваўся. А рукамі... сам ведаеш, якое вымя ў вераб'іхі...

Госць дзеля далікатнасці засмяяўся, нібы і праўда смешна.

— Мэні нэ молоко, мэні бульба трэба, бараболя. На насіння.

— Ах, ах, ах, ах... Прадаў. Учора прадаў. Як шкада. Нарыхтоўшчыку. Раённаму. Пад мятлу. Усю. Толькі насенфонд.

— Учора? — вельмі здзівіўся ўкраінскі прадстаўнік.

— Учора. Дагавор падпісалі ўчора.

— Ну, гад! Ну, паразіт! А?

Старшыня і вочы вытрашчыў. Далікатны госць!

— Цэ я того... Тры дні паіў мэнэ, а сам... тым часам абцяпаў... От об'іхаў! От абвёў! Напуваў! По ноздры...

— Каньяком?

— Каньяком.

— І машыністка была?

— Була. Учора була.

— Яго метад.

— Пылы, пісні співалы... украінскі... Народні... За дружбы пылы, цілувалыся. Цьфу! Грошы не шкадуваў...— як на споведзі прызнаваўся і каяўся чалавек. Такое часам бывае з людзьмі. Асабліва ў хвіліны вялікага ўзрушэння, крыўды, адчаю ці расчаравання.

— Ён такі, можа аблапошыць,— спагадліва зазначыў старшыня.

— Ды яшчэ як аблапошыў! А тэпэр хоча здэрты з мэнэ па п'ятнаццаць копіек за кілаграм. Прадае! Гад!

— Што-о? — прыйшла чарга здзівіцца старшыні. Ён так гаркнуў, што ў кабінет прыбеглі напалоханы Юрка і машыністка.

— Ото ж і воно! Я даваў дванаццаць. Ні ў якую! Трынаццаць. І слухаць нэ хоча. П'ятнаццаць — і ўсэ! Хоць са скуры лізь! А вам він кількі дае, за кілограм?

— Ты чуў? — старшыня аж задыхаецца ад гневу.— Ты чуў, кажу? А-а-а... А-а...— задыхаецца, заходзіцца старшыня.— Ну, гад печаны. Ну, машэннік. Ну, разбойнік! Грабіцель! Злодзей! Сярод бела дня скуру лупіць! І з каго-о-о? — старшыня быў раз'юшаны.

— З брацкага народа! Га? А цілувалыся! — дуэтам гневаюцца ўкраінскі купец і старшыня.

— З мяне? Са сваіх? Так мяне аб'ягорыць! А? Юрка! Ты чуў? Юрыст!

— Не, такога яшчэ не чуў.

— І не пачуеш! Каб мяне? Не будзе гэтага! Не дапушчу! Дваццаць пяць тысяч кур'ераў пасляць!!! Але знайсці, злавіць, даставіць!! Жывога і з партфелем!! *(Хапае тэлефон.)* Ало! Ало! Раён? Мне галоўнага раённага жуліка. А іх хіба два? Ну, правільна, нарыхтоўшчык! Ало! А дзе сам? Дзе? *(Заціскае трубку і радасна паведамляе Юрку.)* У нас! Тут! Там! У пятай брыгадзе.

Юрка *(шэптам)*. Спытайце, дзе дагавор!

— Галубка! Дагавор на бульбу ён падпісаў з «Маяком»? Ага. А дагавор ён у сейфе ці пры сабе трымае? Ну, паглядзі, паглядзі, золатка. Ага, пры сабе.

Старшыня кінуў трубку, не падзякаваўшы галубцы.

— Шафёра! Машыну! Юрка! Афармляй новы дагавор. *(Да ўкраінца.)* Колькі даеш?

— Дванаццаць! Без торгу!

— Афармляй!

— На прададзеную бульбу? — напамінае Юрка.

— На крадзеную. Ён злодзей! Выцягнуў з кішэні ў мяне шэсцьдзесят тысяч рублёў!

— Па дагавору. На законных падставах.

— Ён калгас аграбіў!

— На законных падставах. Па дагавору.

— Ты што? Адвакатам у яго?

— У вас юрысконсультам.

— Няма дагавора! Не было дагавора! Ён прысніўся табе і яму! Ясна? Быў дагавор? Ты яго бачыў?

— Не! Не было, не бачыў.

— Прысніўся?

— Прысніўся. Учора. Пад раніцу. Як трэція пеўні спявалі. Чорна-белы сон.

— Шафёра! Машыну!

— Не праедзеце ўжо. Паводка! Разліў.

— Лодку! Маторку!

— Аграном у раён паплыў!

— Чорт вазьмі! Бакеншчыка з маторкай!

Старшыня выскачыў з кабінета, але тут жа яму напярэймы цэлы гурт прасіцеляў.

— Таварыш старшыня!

— Уладзімір Апанасавіч!

— Не магу! Дарагія! Залатыя! Няма часу! Бяда ў мяне! Трэба ратаваць! Шэсцьдзесят тысяч!

Пойма. Разліў. Як вокам кінуць — вада, кусты. Натужна раве матор. Булькоча вада. Не! Гэта не лодка. Гэта

шматпакутны газік спрабуе пераадолець уплаў гэтае мора. У машыне апроч старшыні шафёр і кінаапаратар. Ён на ходу здымае гэтыя дзівосныя палескія вясеннія пейзажы.

— Харошы ты работнік! Старанны...— хваліць старшыня апаратара.

— І вы таксама,— не астаецца ў даўгу кіношнік.— На цеплаходах плаваў, па лодках, на плытах. А па газіку па моры — упершыню.

— Не праедзем,— хмура прарочыць шафёр.

— Трэба! — камандуе старшыня.

— Хочацца...— удакладняе шафёр.

Машына выехала на выспачку і лёгка пакацілася па сухой дарозе.

— Ну во і выбраліся,— радуецца старшыня.

— А там? Рана весяліцца.

Не паспеў шафёр накаркаць, як машына ўскочыла ў выбоіну, загрузла і забуксавала ў чорнай балотнай жыжы.

Па вуліцы ідуць Юля і Тамара. Відаць, што дзяўчаты адна адной падабаюцца.

— Я начальніца вялікая! Пад маёй уладай тры тысячы курачак,— хваліцца Юля.

— А пеўнікаў?

— Мала. Як хлопцаў на сяле. Толькі ў мяне пеўнікі — прыгажуны. Вось і наша хата.

Дзяўчаты праз веснічкі заходзяць у двор, а адтуль і ў хату.

— Хто-о та-ам? — пачуўся хваравіты голас з другой палавіны.

— Я, о, свет вачэй маіх,— азвалася Юля.

— Вады падай.

— Ты так з самага ранку і не піў?

— Не піў.

— Пакутнік ты наш,— аднак у голасе Юлі ні шкадавання, ні спагады, ні жалю. Яна вядзе гэтую размову, прымаючы госцю: вешае Тамарын плашчык, ставіць у кут яе чамаданчык. А потым прыхарошваецца, папраўляе прычоску перад люстэркам.

— А хто... там? — Тамара паказала на сумежны пакой.

— Бацька,— трымаючы ў зубах прыколкі, адказвае Юля.

— Падай вадзічкі, а то памру,— просіць бацька.

— Пачакай. Хутка маці прыйдзе з фермы. Яна і падасць.

— Ну, пашкадуй,— моліць бацька.

— Ён што? Хворы? — у вачах Тамары ўжо іскаркі непрыязні.

— Хворы. Даўно. Колькі сябе помню — хворы.

— То як жа ты? Чаму ж ты хвораму і...

А Юля смяецца з варожасці Тамары.

— А ты сама падай вады і паглядзі на яго, няшчасненькага.

Тамара паспешліва хапае кружку, чэрпае з вядра ваду і нясе хвораму ў сумежны пакой. Перад вачыма Тамары паўстала такое, што яна ад нечаканасці спынілася каля парога з разяўленым ротам. На вялікім ложку пад палогам з чорнага шоўку, вышытым золатам і срэбрам на фоне ўзорчатага чырвонага дывана, як намаляваны, сядзеў прыгожы вусаты мужчына. Сядзеў па-турэцку і раскладваў перад сабой пасьянс. Мужчына — да пояса голы, твар пагалены, сыты, гладкі, вочы з паволокай, томныя. Справа і злева белыя, як снег, падушкі. Перад ложкам хатнія тапкі з зялёнага сукна. Яны таксама расшыты жоўтым. На сцяне фатаграфіі кінаактрыс — і нашых, і замежных. Не менш за дзяўчыну здзівіўся і Юлін бацька.

— О, луналікая! Адкуль ты? Ці не алах паслаў цябе, каб аблегчыць мае пакуты? — мужчына ўзняў рукі ўгору.— О, чароўны фінік! Уратуй мяне ад смагі! — ён дакрануўся адной рукой да лба, потым да грудзей, а другую працягнуў да кварты з вадой.

Дзяўчына нясмела паднесла яму ваду. А ззаду на парозе стаяла Юля і бязгучна смяялася.

— А сёння ты кім прыкідваешся? — спытала яна.

— Сёння я — турэцкі султан, о яснавокая! — сур'ёзна адказаў бацька.

— Тата! Яна думае, што ты ненармальны.

— Тым прыемней будзе яе расчараванне.

Тамара, нічога не разумеючы, пазірае то на бацьку, то на дачку.

Машына загрузла ў калдобіне. Буксуюць колы, пырскаючы гразёю. Машына засела не на жарт. Даўно, відаць, мудохаюцца тут старшыня і шафёр. Абое заляплены гразёй па вушы, абое мокрыя па пахі. Знізу ад гразі, зверху ад поту. А кінааператар здымае і гэтыя пакуты старшыні і шафёра. Ён выбраўся на выспачку і стараецца зняць на

плёнку гэтых небаракаў з розных ракурсаў. Нарэшце старшыня не стрываў. Ён павярнуўся да кінааператара і са злосцю закрычаў на яго:

— Ты што круцішся тут? Што верцішся? Не бачыш, што трэба памагчы? Сам не дагадаешся? Ці баішся белыя ручкі запэцкаць? Га?

Кінааператар, не зважаючы на словы старшыні, здымае і гэты кадр — раз'юшанага старшыню, ды нават прыблізіўшыся да яго, каб атрымаўся буйным планам.

— Ідзі, падпіхні! Чуеш? Калі не выберамся адсюль да вечара, то... на корм рыбам пойдзем. Бачыш, як вада прыбывае? Ну? Доўга цябе прасіць?

— Цудоўны! Цудоўны кадр! Ні адзін акцёр так не сыграе! Арганіка — во! Дарагі Уладзімір Апанасавіч! Я вам памагаю! Ды так, як ніхто і ніколі не памагаў вам выцягваць з гразі вашу тэхніку.

Старшыня аж рукамі пляснуў па ляжках.

— Ну ці чуў ты? Ён памагае...

— Ды яшчэ як! Гэтыя кадры пойдуць у фільм. А фільм будзе прымаць начальства — рэспубліканскае. Вось я ім і пакажу вашы пакуты.

І мы бачым кінакадры, толькі што знятыя кінааператарам. Праўда, тэкст чытаецца другім голасам і словы другія. У кіно старшыня, а дакладней, за старшыню пехта гаворыць:

— Как же можно вести хозяйство? Как можно руководить хозяйством при таких дорогах? Мы же гробим первоклассную технику. Мы используем ее только наполовину. Дайте нам хорошие дороги! Мы завалим вас хлебом, мясом, молоком, овощами, фруктами! Помогите нам построить дороги!

— Вось так будзе,— абяцае кінааператар.— І быць не можа, каб начальства не адгукнулася.

Старшыня смяецца, аж залівaецца. А кінааператар і гэта здымае.

— Ну, лаўкач! Ну, машэннік! Я ж так не гаварыў.

— Але не раз так думаў. Думалі? Верна?

Над галовамі ў іх гудзе верталёт. Усе трое задралі ўгору галовы. Кінааператар няcмела падзывае жэстам верталёт. І, во дзіва, ці там заўважылі гэты жэст, ці, можа, зразумелі, што людзі сярод разліву ў бядзе, але верталёт развярнуўся і стаў набліжацца да нашых гаротнікаў.

— Ды я ж — член павадкавай камісіі,— успомніў старшыня,— па барацьбе з навадненнем...

Палессе, затопленае паводкай, з кабіны верталёта. У кабіне старшыня і кінаапаратар.

— У што ўпіраецца справа? — пытаецца старшыня.
— У гразь?
— Не.
— У дарогі?
— Не.
— У транспарт?
— Не. У сувязь. Сувязь паміж людзьмі. Цесную, аператыўную, пастаянную, бесперапынную сувязь. Тады і дарог меней, гразь — чапуха, і транспарту меней. Сувязь паміж начальнікам і падначаленым. Знізу ўверх і зверху ўніз. А не аднабакова, як у паўправадніках. Без слупоў сувязь. Прыйшла ў галаву добрая думка — тут жа яе і перадаў па прызначэнні.
— Дык што вам — цяжка паставіць тэлефоны ў кожным кутку калгаса? Вы ж не бедненькія, слава алаху.
— Тэлефоны? Не бедныя, не буду грашыць, але з тэлефонам можам вылецець у трубу. На адных слупах прагарым. А дроту колькі трэба, каб аблытаць усе службы? Ды і ў полі тэлефон не паставіш. Тут другое трэба.
— Тэлепатыя, ці што? Во дармавінка!
— Ды хоць бы звычайнае радыё...— старшыня выглянуў за борт.

У полі, каля раскрытага капца бульбы стаяць пад пагрузкай тры грузавікі. Жанчыны пасыпаюць кошыкі, ставяць на аўтапагрузчык, адтуль бульба паднімаецца ў кузаў аўтамашыны.

Тут жа, непадалёку, убаку стаяць брыгадзір і нарыхтоўшчык. Абое злыя чамусьці.

— Ты сёння павінен адгрузіць пяцьдзесят тон. А з заўтрашняга — па семдзесят — восемдзесят тон у дзень. А што ты мне цыркаеш, што ты мне цыркаеш? Ты за месяц не перавязеш мне бульбу...
— Не гані мяне ў шыю! — агрызаецца брыгадзір.— Бульба някрадзеная. Паспеем. А сёння не магу — паслаў машыны па селітру. Сеяць трэба. Не гані,— і парэшце раззлаваўся.— Не камандуй! Не камандуй! Я тут гаспадар! Сам ведаю, што мне рабіць. Ясна?
— Ну, мілок, дорага табе будзе каштаваць твая гэта... упартасць! — грозіць нарыхтоўшчык.

— Што, што? — насцярожыўся брыгадзір.— Ах, так?.. Тады, дарагі мой, чакай...— і закамандаваў шафёрам:— Машыны не адпраўляць! А то... Ведаем мы і такіх. Спачатку саставім акт, што бульбу ты ад мяне прыняў гатунковую. А то летась адгрузілі бульбу, а потым прыслалі свой акт, што дваццаць працэнтаў гнілой. Пакуль не падпішаш акт, ні грама не адгрузім. Пішы!

Гурчыць у небе матор верталёта. Машына нібы птушка выглядае — дзе сесці. І вось яна набліжаецца, зніжаецца і садзіцца непадалёку ад канца. Усе, хто быў ля канца, кінулі працу і ўтаропіліся ў новую машыну. Хоць верталёт і не дзіва тут, але не такі часты госць. З кабіны верталёта выходзяць старшыня і кінаапаратар.

Старшыня, убачыўшы нарыхтоўшчыка, шчыра радуецца, ну нібы той і сапраўды найдаражэйшы прыяцель. А нарыхтоўшчык нават і не здагадваецца, што тоіцца за гэтай ветлівай, нават ласкавай ухмылачкай старшыні.

— Ну, як жа тут у вас дзялішкі?

— Не возіць,— скардзіцца нарыхтоўшчык.

— Як так не возіць? — па-царску строга пытаецца старшыня.

— Грубіяніць. Кажа: «Не гані. Някрадзеная».

— Як так някрадзеная? Хто табе сказаў, што някрадзеная? А? Цьфу, ты чорт! Ты дагавор чытаў? — напусціўся старшыня на брыгадзіра.— Чытаў ці не? — і да нарыхтоўшчыка: — А ты яму паказваў дагавор?

— Не.

— Пакажы! *(Брыгадзіру.)* Чытай! Бачыш, якую няўстойку мы заплацім, калі ў час не вывезем? Ну? Бачыш?

Брыгадзір уважліва чытае дагавор.

— Дай сюды паперку!

Старшыня адбірае ў брыгадзіра паперу, тут жа рве яе на шматкі і кідае іх на вецер. Ашаломлены нарыхтоўшчык спрабуе яшчэ лавіць тыя шматкі.

А старшыня ўжо сур'ёзны, нават грозны, пытаецца ў нарыхтоўшчыка:

— Слухай! А ты хто такі? Ты чаго тут?

— Гэта ж дагавор... гэта ж дакумент,— ніяк не можа апамятацца нарыхтоўшчык.

— Які дагавор? Ты што? З перапою? Га? Табе прысніўся дагавор. Ніякага дагавора не было. *(Звяртаецца за пацверджаннем да брыгадзіра.)* Ты бачыў дагавор?

Брыгадзір разумее свайго старшыню з паўслова.

— Не! І не чуў нават. Ніякага дагавора і быць не магло, і бульбы ў нас няма... і яна ў нас ракавая... і вазіць яе нельга...

— Ну, ну, ты не загібай, панё-ёс ужо лухту,— перапыняе брыгадзіра старшыня.— Не, брат! Не нарадзіўся яшчэ такі, каб абдурыць мяне. *(І са злосцю да нарыхтоўшчыка.)* А ты — вон! Зараз жа! Каб і духу твайго не было! Ні ў калгасе, ні ў раёне! Не трапляйся на вочы! Чуеш? Спекулянт!

Нарыхтоўшчык, утуліўшы галаву, пашкандыбаў з поля.

Брыгадзір вельмі задаволены такім паваротам справы.

— А то прыстаў к горлу — вазі! За пяць дзён!

— І вазі! І за пяць дзён! Толькі не яму, а Украіне,— старшыню нарэшце праняллі дрыжыкі — ён жа да пояса мокры.

— Дзе ж гэта вы так? Там жа суха,— брыгадзір паказаў на неба.

— Зараз бы грамаў сто пяцьдзесят,— старшыня ад азнобу пацірае рукі.— Ах, машэннік! Хацеў выцягнуць з кішэні шэсцьдзесят тысяч!.. А?!

Цудоўнае Палессе з вышыні птушынага палёту. Раздолле. Мора. Безліч астраўкоў і купін, якія асвойваюць птушкі. Вясна. Паводка. Усхваляваны кінааператар Ліхаманкава здымае чароўныя пейзажы з борта верталёта. А вось старшыня неяк скіс, ён безуважны, нецікаўны. Вот ён пахіснуўся, нібы задрамаўшы, а можа, і губляючы прытомнасць. Яго зноў праняллі дрыжыкі.

— Прастыў, праняло...— у голасе з'явілася хрыпатлівасць.

А ў небе ясна, пагодліва. Унізе на выспах снуюць трактары з сеялкамі. А вунь паказалася і птушкаферма, яе двор нібы засыпаны бялюткім снегам — гэта вырвалася на волю гаманлівае птушынае царства — легорны.

— Там наша Юлька, красуня наша,— паказаў уніз старшыня. Кінааператар здымае і ферму.

— Птушыная ферма з птушынага палёту,— радуецца ён,— Фрайман будзе задаволены такой дасціпнасцю.

— Кох, кох, кох...— певень знайшоў нешта і падзывае на гасцінец курачак. Тыя ахвотна збягаюцца да яго. Певень жа, апусціўшы адно крыло да зямлі, чыркануў паўкруга вакол сімпатычнай курачкі з нэўным намерам. Але

другі — раўнівец, ну чысты Атэла, натапырыўся, падскокнуў і стаў у баявую пазіцыю, выдавіўшы з горла сваё абурэнне і гнеў.

Так пачынаўся бытавы курыны скандал.

Юля залівіста смяялася з гэтых задзір і, нібы для параўнання, кідаючы позірк на кінааператара і Юрку. Кінааператар здымаў Юлю, а Юрка пядобразычліва касавурыўся па кіношніка.

— Слухай, ты! Што ты прывязаўся да курынай фермы, нібы ў пашым калгасе, апроч курэй, нічога і няма. Дасць табе старшыня прыкурыць. Чэспае слова, як далажу яму...

— Яго нельга хвалявацъ, ён — хворы.

— Механізатараў трэба, тэхніку, майстэрню, даярак вунь,— ледзь не за рукаў цягнуў Юрка аператара.

— Не! Пляж! Заўтра — пляж! Калі будзе такая пагода,— пляж. Юлінька! Заўтра з падружкамі на пляж! — кінааператар нібы не заўважаў Юрку.

— Механізатары ў нас галоўная сіла,— не адступаўся Юрка.

— І механізатараў — на пляж. Яны галоўная сіла, а жанчына...— кінааператар наблізіўся да Юркі нос у нос,— жанчына ў калгасе вя-лі-кая сіла! Яшчэ Сталін так сказаў.

А вялікая сіла тым часам рогам хусткі выцірае слёзы. Гэта тая жанчына, ну — маці той дзяўчыны, якую нібыта Іван Швед у саломе... Плача жанчына. А поруч з ёй крывіцца і таксама выцірае слязу другая прадстаўніца вялікай сілы — жонка старшыні.

— І трэба ж было яму захварэць? І ў такі час? — шкадуе жанчына.

— Ды так цяжка хварэе. Трызніць, кідаецца ў гарачцы. Усхопіцца з пасцелі і бяжыць, гоніцца... Тысячы, кажа, укралі... з калгаснай касы.

— Во які ён!.. І без памяці, а ў галаве адно — калгас.

— Тэмпература — сорак... А ягадзіцы так папаролі, што жывога месца няма. Гляпеш, дык...— і шчыра заплакала жонка, успамінаючы мужавы ягадзіцы. Зрашэчаныя ягадзіцы.

З сумежнага пакоя выходзяць у халатах доктар і медсястра. Жанчыны падхапіліся, глядзяць у рот доктару, чакаюць — што ён скажа.

— Ну? Што з ім? — не хапіла ўсё-ткі цярплівасці ў жанчыны.

— Пнеўманія. Двухбаковая,— доктар скідае з сябе халат.— Крупозная.

Жанчыны пераглянуліся.

— Запаленне?

— Ага.

— Дык во ўжо глядзіце, доктар, каб... А то...

— А вы што? Народны кантроль ці... Хто вы яму?

— Я? Яму? Калгасніца я яму,— нібы гэта азначала, што яна і ёсць самая бліжэйшая сваячка.

— А-а...— доктар павярнуўся да старшынёвай жонкі.— А вы нікога не пускайце да яго. Яму патрэбен спакой. Паспеюць з семкамі па торг. А калі не, дык... я магу забраць яго ў бальніцу. Вам спакайней будзе.

— Не, доктар, дзякуй, хай дома будзе. Я падзяжуру ўжо. А калі што, дык...— прасіла жонка.

— І праведаць ужо нельга...— пакрыўдзілася жанчына.— Можа, ён ад таго на папраўку хутчэй пойдзе.

Доктар нават не ўдастоіў яе адказам. А старшыні паабяцаў:

— Вечарам зайду.

І медперсанал пайшоў з хаты.

— Строгі які...

— Старая! Хто там у цябе? — пацікавіўся старшыня з другога пакоя.

— Ды гэта...

— Гэта я, старшынька,— паспяшыла далажыцца жанчына.— Во прачула, што ты захварэў, дык прыйшла праведаць.

— А-а, ты. Ну, заходзь, заходзь, ласкавая.

Не паспела жонка як-небудзь зрэагаваць на гэтае запрашэнне, а жанчына, вільнуўшы спадніцай, знікла за дзвярыма. Пайшла на адведкі.

Старшыня ляжаў на высокай падушцы, калі ўвайшла жанчына. А яна акурат як пісаў некалі Катлярэўскі:

«Прийшла Венера, іскривилась, заплакала і завіскрилась і стала хлипать перед ним...»

— Ну, чаго ты, чаго ты? — стаў суцяшаць старшыня спагадлівую жанчыну.— Я ж не паміраю.

— Дык жа шкода цябе...

— Ну, як ты там? Як дачка? Што рашылі?

— Ды ў горад хацела, а тут...

— У горад усё-ткі?

— У горад, старшынька.

— Ну...— памарудзіў трохі старшыня.— То давай... Дзе там ты яе схавала? За пазухай? Давай падпішу табе даведку. Вымай.

— Уй, які ты, старшыня, дагадлівы,— жанчына хуценька вымае з-за пазухі паперку.— Скрозь зямлю ўсё бачыш.

— Не скрозь зямлю, а скрозь кофту ўсё бачу.

Жанчына нібыта і сапраўды засаромелася, як дзяўчо якое.

— Ай, ідзі ты, старшыня,— і бліснула вочкамі.— На папраўку хутка, калі так жартуеш.

Старшыня падпісаў паперку і вярнуў бабе. У другім пакоі прыглушана гудзеў бас.

— Ды мне на мінуту толькі...

— Ды хворы ён, забараніў доктар,— не ўпускала жонка кагосьці.

— Дык я пайду, старшыня. Папраўляйся, любы...

— Ну, ідзі, ідзі, і заві таго — хто там.

А ў пакой ужо сам уваходзіў галоўны механік.

— Ну, што ў цябе?

Механік камячыў у руках шапку.

— Стала,— трагічна паведаміў механік.

— Хто?

— Яна. Вялікая машына. Стала.

— Ста-ала-а? — старшыня аж прыўзняўся з падушкі.

— Як укопаная.

— Ды ты ведаеш... Калі яна працуе, колькі чалавек замяняе?

— Тысячу.

— А яна стаіць? — здзіўляецца старшыня.— Ты ведаеш, што гэта такое?

Механік апусціў галаву.

— Гэта ж забастоўка! Забаставала тысяча чалавек! І ты арганізатар забастоўкі! Ты — галоўны механік!

— Не механік я...

— А хто ты?

— Самавук... Дамарошчаны. А тут інжынер трэба. З дыпломам. Шукайце другога — не спраўляюся я. А мяне ў горад адпусціце, давучыцца трэба. Давучуся, вярнуся.

— І ты?.. І ты?.. І ты? — старшыні зрабілася блага.— А я? Вот цябе... Толькі даганю. Шэсцьдзесят тысяч хапнуў... Лодку! Маторку мне!!!

Механік спалохаўся. Ён спачатку кінуўся да старшыні, а потым паклікаў яго жонку.

— Ён жа хворы! Ён жа зусім хворы! — адкрыў механік.

— Я ж казала, я ж казала! Доктар забараніў,— скрозь слёзы папракала жанчына; прысеўшы на ложак, яна супакойвала мужа. Ён пачаў трызніць.

Перад вачыма бяжыць, бяжыць чорная зямля. Ці гэта гразкая дарога, ці ралля? Не, гэта лентачны транспарцёр гоніць, гоніць грунт, зямлю, чарназём з балота. Гэта транспарцёр з тое самае Вялікай машыны — каналакапальніка. Раптам гэты лентачны транспарцёр чамусьці павялічваецца, павялічваецца, расце ўшыркі і ўдаўжыню... І ўжо на ім не толькі зямля, але і людзі. Яны па адным, па два, а то і групкамі ад'язджаюць, аддаляюцца, аддаляюцца. І людзі гэтыя — свае, знаёмыя, аднавяскоўцы. Старшыні стала страшна. Ён хоча крыкнуць, а не можа.

І раптам перад ім ужо не транспарцёр, а эскалатар, як у метро — чысты, прыгожы, акуратны. Ён вязе людзей уверх, уверх, уверх... Сваіх, знаёмых, з калгаса... Старшыня азірнуўся, а вакол — нікога, астаўся адзін. На ўсё поле, вялікае, бязмежнае — адзін. А эскалатар забірае людзей, заграбае і вязе туды, у неба.

І старшыня закрычаў.

— Стойце! Куды ж вы? Стойце! Назад! — крычыць старшыня ў пасцелі.

Але эскалатар няўмольны. І старшыня заплакаў. І ў гэты час аднекуль узялася Юля. Яна суцяшае старшыню. Выцірае яму слёзы духмянай хустачкай. Людзі на эскалатары свае, знаёмыя, спагадлівыя, заўважылі слёзы старшыні і рынуліся назад па ступеньках эскалатара. Але машына прыбаўляе ход, ступенькі імчацца з шалёнай хуткасцю, так што людзі хоць і бягуць уніз, аднак машына іх паднімае ўгару. Яны аддаляюцца і аддаляюцца.

— Не пакідай мяне, не пакідай мяне,— шэпча Юльцы старшыня.

— Не, не! Не пакіну! Ты супакойся,— адказвае Юлька жончыным голасам.

Старшыня расплюшчыў вочы і, убачыўшы, што каля яго ложка сядзіць не Юлька, а жонка, зноў закрыў вочы. З-пад павек выціснулася сляза.

— Не пакідай, Юлька! — яшчэ раз папрасіў старшыня.

На вокладцы часопіса «Беларусь» — каляровае фота Юлі. Малаічына кінааператар. Гэта яго работа. Ён здолеў выявіць усе чары дзяўчыны.

На гэты партрэт кладзецца падпісаны канверт, потым другі, трэці, яшчэ пяць, яшчэ восем, яшчэ, яшчэ... І на стале вырастае кіпа пісем. Юлі, Юлі, Юлі... Розныя канверты, розныя маркі, розныя почыркі.

— Адразу стала знамянітай! Столькі пісем! — шчыра радуецца Тамара.— Кінаарцісткі, можа, столькі не атрымліваюць... І ўсе ад хлопцаў...

Разам з Тамарай радуецца і Юля. А вось Юрка сядзіць хмуры, нездаволены, нават злы. Сур'ёзны і засяроджаны сядзіць на ложку ўсё ў той жа турэцкай позе Юлін бацька. Ён уважліва разглядае партрэт дачкі: то бліжэй паднясе, то далей адставіць — любуецца.

— Можа, пачытаем? Разам. А? Уголас. Тут жа пакуль што ніякіх сакрэтаў няма. Цікава, што яны пішуць. А? — Тамара проста гарыць ад цікаўнасці, аж млее.

— І так можна здагадацца, якія гэта хлопцы пішуць. Чаго іх там чытаць?! У печку іх усіх, на падпал,— Юрка па-свойму рашае.

— Чаму ж іх на падпал? — спакойна пярэчыць бацька.— Так можна і шчасце сваё спаліць. Там, можа, кампазітар, які піша ці кандыдат у вучоныя, а можа, пісьменнік які сур'ёзны. Навошта ж іх паліць. Тут цяпер не празяваць! Усё жыццё можна ашчасліўціць. Тут, можа, не толькі яе шчасце, а і маё.

— Няўжо табе шчасця мала? Жывеш, як султан, і яшчэ нечага хочацца. Ну што табе яшчэ трэба? Я ўсё, усё дам табе, усё зраблю,— у дзвярах з кухні стаяла Юліна маці. У вачах яе было столькі вернасці, столькі пакорлівасці і рабскай гатоўнасці служыць мужу...

— А што ты мне можаш даць? Усё, што магла, ты зрабіла. І не думай, што султаны — самыя шчаслівыя.

— Самая шчаслівая я! А вы — такія старарэжымныя. У мяне ёсць Юрка, і нікога мне больш не трэба.

Юрка ведае цану такім адкрытым прызнанням Юлі.

— А чаму ж ты замуж за яго не выходзіш? А-а-а? Яго трымаеш пры сабе, на запас, а сама чакаеш — ці не падвернецца які-небудзь лепшы. А? Ці не так?

— Ай, мама! Пры чым тут замуства? Ай, ды ну вас... Юра, прачытай некалькі пісем, прачытай.

Юрка неахвотна ўзяўся за пісьмы. Але калі стаў чытаць, то ўжо так здзекаваўся з аўтараў гэтых пісьмаў,

строіў з іх такіх дурняў, такіх ёлупаў, ахламонаў і шыбздзікаў, што дзяўчаты рагаталі, аж за жываты хапаліся.

— «Я офицер Советской Армии. Находясь в отпуске, познакомился с вами в кино и в журнале на каком-то белорусском языке. Вы мне очень понравились. Вопрос ставлю по-военному просто и ясно: согласны вы стать женой офицерского состава за границей, в Германии? Ответ шлите на почтовый ящик номер...»

Тамара аж залівацца.

— Женой офицерского состава...

А Юрка распячатаў другі канверт.

«Я тоже красивый и просто удивляюсь, почему вы сидите в диревне в то время как в городе у нас вы были бы на расхват и на вичеринки, и на загородние прогулки, и просто так. Приизжайте и я вам гарантирую шикарную жизнь с кем хотите... А адрес мой это адрес моего лучшего друга...»

— Ласкавы які! — шчыра паверыла і пахваліла маці.

А далей ужо Юрка яўна здзекаваўся. Чытаючы наступны ліст, ён рабіў прыпынкі там, дзе яму ўздумаецца, не ў адпаведнасці са знакамі прыпынку. Вядома, атрымлівалася нейкая неверагодзіца:

«Я — чалавек. Сур'ёзна, а вот пішу. Несур'ёзна хачу з вамі пазнаёміцца. Канечне, прыехаць к вам адразу не магу. Так. Як — я не знаю. Ці трэба наогул. Мая прафесія ў калгасе... Я — першакласны муляр».

Дзяўчаты весяліліся.

— Напішы, хай прыедзе,— раіць Юрка.— У нас у пажарнай бочцы шпунта няма. Шпунтам прыстрою.

Тамара, разарваўшы адзін з канвертаў, сама ўзялася чытаць ліст.

«Вы — самая прыгожая дзяўчына. Такую я яшчэ не бачыў. Напішыце мне некалькі слоў. Хай будзе Ваш аўтограф мне на памяць ад самай прыгожай дзяўчыны. Аб іншым не мару. Не думайце, што я такі ўжо несур'ёзны. Я — студэнт політэхнічнага інстытута. Атрымліваю павышаную стыпендыю. Абы-якому дурню яе не даюць. Напішыце абавязкова. Чакаю. Не падвядзіце!»

— А чаму ён «не падвядзіце» — падкрэсліў? А? — здзівілася Тамара.

— Паспрачаўся на бутэльку каньяку з хлопцамі,— разгадаў Юрка.

— Тады трэба напісаць яму. А ў канцы спытаць: «Ну, што? Выйграў?» І падкрэсліць. А? — прапанавала Юля.

— Во здорава! — захапляецца Тамара.

— А тут яшчэ інжынер-электрык... А гэта... Радыётэхнік...

— Уй, глядзіце! Падпяўся! — усклікнула Тамара, выглянуўшы ў акно.— Сам! Старшыня!

Усе кінуліся да акна.

— Нарэшце! — радуецца і Юліна маці.— А схуднеў, бедны. Хвароба не красіць.

— Цэлы месяц качаўся ў пасцелі,— не дзіва.

— Ну-у, цяпер заверціцца ўсё! А то было закісла без яго,— і Юрка радуецца не менш іншых.

На вуліцы старшыню перастрэў дзядок.

— Адпакутаваў?

— Адпакутаваў.

— Але ж уратаваў шэсцьдзесят тысяч?!

— Уратаваў.

— Ну, нічога! На курорт цябе адправім. На цёплыя воды. Заслужыў.

— Думаеш — заслужыў? — хоча ўпэўніцца старшыня.

— Заслужыў, не сумнявайся. Вінца пап'еш там. Слабенькага, бабскага, для здароўя. А то — зблажэў.

— А ты куды гэта столькі пісем?

— Ды во етай... Юлі ўсё пішуць. Кашамі пісьмы з пошты прывозяць. Як напячаталі ў журнале ды ў кіно паказалі... У жаніхі, пэўна, набіваюцца. Зманяць дзеўку. Як піць даць — зманяць. Яны ж, красуні гэтыя, такія: памані салодкім, і пабяжыць. Шчіблеты наваксі, цукерку пакажы — і вядзі яе куды хочаш. А калі яшчэ матацыклет з каляскай, дык... На край света вязі смела. Яны цяпер такія, адчаяныя. Зманяць дзеўку, я так думаю.

— А Юрка?

— Што Юрка? Тут такія, можа... Можа, нават і касманаўт які...

— Яны, дзед, усе жанатыя.

— А ці доўга цяпер разжаніцца?

— Ану, пойдзем, дзед, да яе. Нельга яе адпускаць. Сон такі мне прысніўся. Ніяк нельга!

— Ой! Ідуць! Да нас ідуць,— страпянулася Юліна маці.

— Ну, во, зноў будзе мяне крытыкаваць,— зажурыўся гаспадар.

— Не бойся, не будзе. Я яго папрашу, і ён не будзе,— супакоіла яго жонка.

— Дачушка! Прыбяры са стала.

— Не трэба! Хай бачыць! Хай знае нашых! — запярэчыў бацька.

У хату ўваходзяць старшыня, а за ім нясмела і дзядок.

— Добры дзень вам! — вітаецца старшыня.

— Добры дзень, добры дзень! О-о-й, які ж рэдкі госць да нас... Заходзьце, Уладзімір Апанасавіч, заходзьце! — запела, ну проста запела гаспадыня.— Хадзі і ты, дзед, хадзі, не бойся.

— Ды цябе я не баюся. Я вунь таго баюся, мандарына твайго баюся, пад балдахінам.

— Дачушка! Хуценька! Збегай! Вазьмі там за люстэркам.

— Дзякуй, дзякуй, гаспадынька! Нічога не трэба. Я не магу,— шчыра адмаўляецца старшыня.— Я яшчэ хворы, не магу.

— А гэта якраз на папраўку. Як гэта не магу? Людзі цябе прывеціць хочуць, а ты...— ушчувае дзед.— Дый мне каля цябе... глядзіш во... перападзе кропля якая.

— Ну, хіба што дзеля-радзі твайго інтарэсу...— старшыня вешае свой капялюх на крук, дзе ўжо вісіць ручнік вышываны.

А Юлін ужо і след прастыў. За дружбу і Тамара з ёй.

— Ну, а як жа ты пажываеш, мандарын? — старшыня падсунуў табурэт бліжэй да ложка, на якім застыў, як статуя, гаспадар, падкурчыўшы па-турэцку ногі.

— А ён не мандарын ужо. Ён цяпер у нас султан турэцкі, Аж Гірэй,— гаспадыня і насміхаецца, і любуецца мужам. Адначасова.

— Значыць, у султаны падаўся?

Гаспадар нібы акамянеў. Маўчыць. Не адказвае.

— Ну спізайдзі, уваж хоць словам, уладар,— насміхаецца старшыня.

Гаспадар велічна павярнуў галаву да жонкі.

— Я ж казаў, што ён будзе мяне крытыкаваць,— а ў голасе трымціць сляза.

— Ай, старшыня, не чапай ты яго. Пакрыўдзіцца, яшчэ і заплакаць можа.

— А ты соску яму...

— Не-е, старшыня, ён супакойваецца толькі, як цыцку дасі,— падколвае і дзед.

— Марыя! Ты ж абяцала,— нагадвае жонцы султан.

— Ай, не чапайце яго. Лепей мяне крытыкуйце, колькі вам улезе. А яго...

— А цябе за што? Ты ў нас ударнік камуністычнай працы.

— Ды цябе — грэх. Ты ў нас, як святая,— нахвальвае і дзед.

— Во, бачыце, самі сказалі — камуністычнай працы. Я колькі ўмею, столькі і раблю, на ўсю сілу. А ён не можа, ну і хай сабе. Я за яго зраблю. А што? А ён у мяне для акрасы. А што? Ён жа такі харошы, такі ласкавы. Ён жа ніколі мяне не крыўдзіць. А што з дзівацтвамі, ну дык што? Усякія з ваўны напрыходзілі... А ён такі. Ну і хай сабе. Бачыце, якую дачку выгадавалі? А без яго і звекавацъ адзіночкай.

— Ды мужчына ён, відаць, спраўны,— памеркаваў дзед.

— Добры ён у мяне. Не буяніць, не шуміць, ласкавы.

— Ды ён болей прыкідваецца перад табой,— не давярае старшыня.

— Ну, хай сабе. Калі яму так хочацца. Мне ён харошы. А што каму да яго? Я так скажу, старшыня. Адны купляюць сабе для акрасы — каўняры з лісы, другія — завушніцы ці там браслеткі розныя. А ў мяне ён для акрасы. Ён жа ў мяне як карцінка,— жанчына падышла да мужа і пацалавала, не саромячыся, проста ў губы, ды звонка, сакавіта.— Туга ты мая спрадвечная!

— Што? З'еў, старшыня? Во якая ў мяне баба! — во і паспрабуй тут разабрацца — дзе тут дзівацтва, а дзе што.

— Шчаслівы ты чалавек, брат, султан,— а што мог сказаць старшыня?

Разгарачылася, расчырванелася ад бегу, яшчэ больш пахарашэла Юля. З лёту ставіць на стол дзве бутэлькі віна.

— Ух ты, ластаўка быстрая,— хваліць дзяўчыну дзед.

— Славу займела, Юля. Пішуць? — старшыня кіўком галавы паказаў на кіпу пісем на стале.

— Ану іх! Пішуць,— Юля нібы і сапраўды нездаволена.

— Завуць?

— Адны завуць, а другія абяцаюць самі прыехаць.

— Самі? А хто?

— Ды розныя там.

— Можна глянуць?

— Калі ласка.— дзяўчына ахвотна падсоўвае і распячатаныя і нераспячатаныя канверты.

Старшыня з цікаўнасцю праглядае пісьмы. Адны ён

пагардліва адкідвае ўбок, а другія падкладвае сабе пад локаць.

— Адсюль я цябе нікуды не пушчу. Прывяжу, прыкую. Правільна, Юрка? А сюды хай едуць. Паглядзім. Можа, каторы чаго і варты.

— І сюды не трэба. Нашто яны тут? Хлюсты! Распуснікі! — Юрка нават адвярнуўся да акна.

— Чаму хлюсты? Во, адзін — першакласны муляр, другі — радыётэхнік. Такія могуць спатрэбіцца ў гаспадарцы. Во — яшчэ электрык. Можа, спец па даільных апаратах.

— Ведаем мы гэтых спецаў,— Юрка нават злуецца.

— А ведаеш, Юля? Дай ты мне некалькі пісем. Мы з Юркам з тваіго дазволу некаторым напішам. А? — старшыня, здаецца, не жартуе.

— Ай, ну што вы! Навошта яны тут? — упіраецца дзяўчына.— Лішні мне клопат.

— Можа, для гаспадаркі прыдбаем што. Нашы разбегліся некаторыя. А тут людзі могуць трапіцца з прафесіямі, умельцы.

Дзяўчына глянула на Юрку і неяк нясмела запрапанавала.

— Як хочаце, бярыце... Калі разам з Юркам, то... ну бярыце.

А маці Юлі тым часам ставіла на стол чаркі, падавала відэльцы, скорую закуску...

— А ў кіно вы бачылі, старшыня? Наша Юлька там — ну чыстая арцістка. А вы такі вясёлы там.

— Не, не бачыў.

— І па целявізару паказвалі ж,— пашкадаваў дзед.

— Відаць, без памяці тады ляжаў.

— А Юлька наша, ну проста... Толькі, бессаромная, голая навошта ля ракі? — папракае маці.

— Ды не голая. У купальніку.

— Усё роўна што голая. Я аж вочы заплюшчыла.

— Адно вока заплюшчыла,— паправіў муж.

— Да-а-а,— закрактаў і дзед.— Апецітная дзеўка. Недарма пішуць,— і, глянуўшы на бутэльку, аблізнуўся.

Ужо даўно за поўнач, а старшыня і Юрка пацеюць над пісьмамі. Цяжкавата з непрывычкі пісаць лісты за дзяўчыну. Старшыня дыктуе, а Юрка за пісара.

— Пішы далей. «Абяцаць вам я нічога не абяцаю, а прыедзеце — пазнаёмімся, тады...»

— Не буду так пісаць,— пратэстуе Юрка.

— А як?

— «прыедзеце — пазнаёміцеся з нашым калгасам, і калі спадабаецца...»

— Ну хай сабе так. Хацелася б, канечне, цяплей.

— Не замерзне і так,— Юрка ўсё-такі бывае злы.

— Ну, добра, добра. Канчай па стандарту.

— Ды кладзіцеся вы ўжо спаць! Ты ж пасля хваробы яшчэ не акрыяў,— праяўляе клопат старшыніха.

— Зараз, зараз. Во яшчэ пару пісем, і ўсё.

— Ды ну іх...— Юрка нават кінуў ручку.— Хопіць.

— Не, не, Юрка! Во яшчэ гэтаму. Рэдкая спецыяльнасць, пазарэз трэба... Пішы. Дарагі... як яго? Юра! Якраз цёзка твой! Пішы. Дарагі Юра!

— К чорту! Які ён дарагі? Не буду так пісаць!

— Ну дзівак ты! Не бойся!

— Нічога я не баюся!

— Ну і ўсё.

— Ну і ўсё.

— Яшчэ адно, вось гэтаму. Толькі трошкі ласкавей.

— Ды што гэта вы, Уладзімір Апанасавіч, ды вы ж сур'ёзны чалавек! Маўчаў, маўчаў, а болей не буду. Ды вас жа ў камедыю могуць уставіць. Амаральна гэта!

Старшыня проста разгубіўся ад нечаканасці.

— Стоп! Пачакай!.. Слухай, а яно... відаць, што... Пасля хваробы, брат... Як ты думаеш... Во такі заскок у мазгах можа быць пасля запалення лёгкіх?

— Бывае. Праўда, на ваша шчасце — ненадоўга. Хутка праходзіць...

— Калі праходзіць, то яшчэ не бяда. Ну, добра. Давай-ка я цябе правяду трохі дый сам перад сном дыхну свежым паветрам.

А на вуліцы-ы — вясна ў поўным разгары: салаўі, духмяная квецень, недзе далёка маркотна-лірычная песня. А на небе месяц зззяе, як начышчаны гузік на генеральскім мундзіры.

— А ты малайчына, Юрка. Ты ў мяне як бы намеснік па маралі. А? А ведаеш, я ўстанавіў бы такую пасаду — намеснік па маралі — кожнаму прэзідэнту, прэм'ер-міністру. Дый у нас нават — кожнаму сакратару — райкома, абкома і нават вышэй. Каб напамінаў часам.

— Ну мне вы так сказалі тут, у цемнаце. Гэта нічога. А так не заікайцеся, а то... давядзецца апраўдвацца і каяцца.

Пастаялі, падзівіліся зоркам ясным, хараству ночы вясенняй ды лягушачаму стогну ад любоўнай страсці.

— Не заскок гэта, Юрка... з пісьмамі гэтымі. Клопат у мяне вялікі... ідэя ёсць. Вось мы часам лаем тых, хто разбягаецца з вёскі... Моладзь бяжыць. А падумаўшы? Не, брат, Юрка! Працэс гэты заканамерны... За што іх лаяць? Не любяць зямлю? А чаго там яе любіць? За што? За тое, што яна спрадвеку чалавека цягнула да сябе, гнула, гарбаціла? Што жылы з яго выматвала? Пот і кроў смактала? Карміцелька? Чапуха! Мазоль, чалавечая праца — карміцелі, а не зямля. Не прыкладзі працы, умельства, не дай угнаення — накорміць яна цябе? З'ясі! Абліжашся! Некаторыя рассусольваюць, нават пішуць... Прачытаў надоечы, пакуль хварэў... Шкадуе адзін... Ах, ах, ах... «Эта истинно русская тяга к земле, эта глубочайшая мечта и тоска по ней...» Клікуша! Хай бы успомніў песні народныя... жніўныя песні... Уборка, ураджай, здаецца б, весела пець трэба, а там... столькі гора, столькі тугі, плач, рыданні, а не песні... Гэта ад любові? Не-е, брат... Ты скажаш: а за зямлю, за волю колькі ваявалі. Пугачоў, Сцепька Разін, дзевяцьсот пяты, семнаццаты, грамадзянская вайна... Верна. За зямлю? Не зусім! Пачакай, не спяшайся, дай сказаць... За кавалак хлеба. Каб не пухнуць з голаду. За хлеб. А хлеб расце на зямлі. А зямля была ў паноў ды цароў. Ваявалі за тое, каб не з панскіх рук хлеб свой есці. А цяпер ужо хлеб не праблема. А значыць, і на зямлю цяперашні мужык другімі вачмі глядзіць. Зямля, канечне... Яе ведаць трэба, цаніць трэба, дагледзець... Для таго, каб максімум ад яе ўзяць, меншай працай, а ўзяць болей. Дзе ўчора дзесяць рабіла — сёння адзін павінен справіцца. Во дзе корань! Замест дзесяцёх — адзін! З тэхнікай, вядома. Во той дзядок наш, хоць Маркса і не чытаў, сам дапяў, а сказаў так, што і Маркс падпішацца: «Такі ўжо, брат, спосаб работы пачынаецца». Во!! «Способ производства!» Во як, Юрка! І нам гэта зразумець трэба і не адставаць ад способа «производства», не замінаць яму, а ў ногу крочыць, прыспасабліваццa... да тэхнічнай рэвалюцыі. А калі адзін замест дзесяці, то... трэба, каб ён быў спецыяліст паўнацэнны. Майстар! Інжынер сваёй справы. І галава варыла за дзесяцёх...

— А зарплата?

— І кватэра! І машына! І тэлевізар! І ў кішэні радыётэлефон! Ясна! А мы ж зямлю абрабляем як? Як і сем тысяч год назад. Мала чаго новага. А як мы кіруем? Бе-

гаем адзін за другім, ганяемся на полі... Усё трэба на новыя рэйкі... Я пакуль хварэў — многае перадумаў... Спецыялісты трэба. Тэхпікі. Інжынеры. Во чаму і пісьмы гэтыя...

Юрка слухаў гэтую споведзь старшыні, і ў вачах яго было столькі захаплення, столькі прыязні і спачування, столькі вернасці і прыхільнасці, што, здаецца, скажы яму зараз старшыня — дастаць зорку,— Юрка дастаў бы.

— Уладзімір Апанасавіч! Не пісьмы... Тады ў горад трэба ехаць... Паедзем... І я!.. А?

— А з пісьмамі як? Можа, пашлём? А? Толькі так, для смеху...

— Ну, для смеху можна.

Па вуліцы імчыць трактар. Развясёлы трактарыст усміхаецца — рот да вушэй. Куры — нібы пырскі — шарахаюцца з-пад машыны. Смяецца трактарыст, спявае. Заўважыў наперадзе старшыню і брыгадзіра, прыбавіў хуткасці, дагнаў іх, рэзка затармазіў і стаў як укопаны.

— Ты чаго за курамі па трактары ганяешся? — напусціўся старшыня на ліхога трактарыста.

— Я не за курамі. Дазвольце далажыць? Я за брыгадзірам,— трактарыст узяў «пад казырок», у яго яшчэ не выветрылася армейская хватка.

— А чаго за мной ганяцца?

— Дазвольце далажыць! На шостым полі культывацыю закончыў.

— Закончыў?

— Закончыў.

— А чаго ты машыну сюды прыгнаў?

— Не ведаю, што далей рабіць. Давайце распараджэнне.

— На суседняе поле трэба... А ты шэсць кіламетраў машыну гнаў... Эх, ты-ы...— абурыўся брыгадзір.

— Тэк-с-тэк-с-тэк-с...— старшыня сярдзіта змерыў брыгадзіра з ног да галавы.— Значыць, прагуляначкі на трактары? Па дванаццаць кіламетраў?

— А я адкуль ведаў? Мне ж не сказалі,— апраўдваўся трактарыст. Дзе падзявалася яго весялосць?

— Прагулянанкі не за кошт калгаса,— грозіць старшыня.

— Ну, а што мне? Сядзець на полі? Пастаўце мне, як у арміі на танку, рацыю... Тады...

— Можа, тэлевізар яшчэ? — паабяцаў старшыня. Брыгадзіру не падабаецца такое нахабства трактарыста.

— Я табе пастаўлю рацыю,— паабяцаў старшыня.

Трактарыст так і не зразумеў — ці то пагроза, ці то сапраўды абяцанне. Ён толькі пацісну ў плячыма.

— Распарадзіся! — загадаў брыгадзіру старшыня і пайшоў.

Насустрач амаль бяжыць замурзаны, запэцканы механізатар. І твар, і рукі, і камбінезон у плямах.

— Стой, стой, стой! — спыняе яго старшыня.— Адкуль ты? Хто ты?

— Ды гэта... гэта я, таварыш старшыня, Аркадзь я,— шафёр здагадаўся, што старшыня не пазнае яго, мурзатага. Ён выціраецца і яшчэ больш размазвае па твары мазут.

— Што ты людзей палохаеш? Што ты... Дзеці вунь заікацца будуць...— ушчувае старшыня.

— Ат, толькі б тае бяды... Таварыш старшыня, можа, вы бачылі кладаўшчыка ці механіка галоўнага? Во, дробязь, клапан ад бензанасоса,— шафёр паказвае невялічкую дэтальку,— а машына паўдня стаіць. Тры кіламетры не даехаў. Паўдня бегаю, шукаю іх. Старшыня моўчкі глядзіць у вочы шафёру і думае аб нечым сваім. Потым, нічога не сказаўшы, рашуча накіраваўся да канторы.

Пасяджэнне праўлення калгаса. Усе сур'ёзныя, слухаюць. Грыміць старшыня — ну чысты пярун. А ў вачах маланкі бліскаюць.

— Дзе кладаўшчык? Дзе механік? Няма! Паўдня шафёр бегае, шукае, паўдня машына стаіць на абочыне. У нас трыццаць шэсць аўтамашын, сорак трактароў, дваццаць два камбайны. Што мы ведаем пра іх? Нарад далі, і клопат увесь. А можа, непаладкі якія, можа, дробязь якая, цьфу — гайка, і машына стаіць. Ці на ферме. З каровай што... Дзе ветэрынар? Шукай, бегай. Дзе аграном? Дзе брыгадзір? Дзе бухгалтар? Дзе старшыня? Тэрмінова трэба.

— Відаць, рана ён падняўся пасля хваробы. Трызніць...— пехта злосна пажартаваў,— сябе шукае.

— Так! Шукаю! Каб аператыўна кіраваць, трэба кожную хвіліну ведаць, дзе хто і што робіць. На поўную катушку выкарыстоўваць тэхніку — трэба ведаць, дзе яна, што з ёй, дзе яна зараз больш патрэбна. Ці не стаіць дарэмна. Трэба сувязь, сувязь, сувязь між намі. А то чорт ведае што! Цэлыя брыгады лётаюць на спутніках вакол

зямлі, да месяца дабіраемся, навучыліся па такой адлегласці пульс вымяраць, тэмпературу, дыханне... А мы тут сядзім і чакаем, пакуль хто падкажа. Самі не дагадаемся. Вам ясна — што нам трэба? Мне ясна! Горад нас павінен выручыць!

Перадсвяточны горад: цераз вуліцу наразвешаны гірлянды і яркія арнаменты з рознакаляровых лямпачак, сцяжкі, вымпелы, па баках на слупках — партрэты герояў. І людзі крыху ўзрушаныя, клапатлівыя, адны некуды спяшаюцца, а другім і спяшацца не трэба — яны ўжо з учарашняга дня гатовы святкаваць.

У парку таксама разнастайнасць: прабегла стайка дзяўчатак; а вось павольна снуе тройка пенсіянераў і, як звычайна, абмяркоўваюць сусветнай важнасці палітычныя справы:

— Што дэ Голь? Дэ Голь гэта... Тут, брат...

— Насер — завадатар... Пачакай, Насер яшчэ сябе...

— Канечне, Ізраіль... А куды Ізраілю...

— Што Ізраіль? Ізраіль — цьфу і расцёр. Тут, брат, Амерыка... Без Пентагона Ізраіль — на трэсачку і выкінуў...

Сустракаюцца маладыя, адны развітваюцца, другія знаёмяцца, недзе спяваюць, а тут ужо вядуць пад ручкі п'яненькага,— ён прызнаецца ў любві міліцыянеру. А язык заплятаецца.

— Я чаму люблю вашага брата? Таму, што вы... ніколі не пакідаеце мяне ў бядзе. Вот часам ну так набяруся, а... яшчэ ні разу не начаваў пад плотам. Абавязкова... культурна вось так... падбіраеце і... Ну як жа вас не любіць. Давай я цябе пацалую. Ну, у губкі твае алыя... Ад душы пацалую,— і п'яны ад паўнаты і шчырасці пачуццяў аж заплакаў.

Але міліцыянер аказаўся «жеманный». Ён манерна адхіляе такую асалоду.

— Не, мы лепей гэта на мясцкоме зробім. Пасля...

На лавачцы сядзіць Іван Швед з новым — гарадскім — сябруком. Абое пасмейваюцца з п'яненькага. І раптам Іван насцярожыўся, штурхае пад бок сябрука.

— Глядзі, глядзі, якая! — Іван у захапленні.

— Ну і ідзі знаёмся... Толькі смялей!

— А што я ёй скажу?

А дзяўчына ўжо параўнялася з імі. І тут ініцыятыву бярэ сябрук Іванаў.

— Выбачайце, чарнавокая! Вы згубілі нешта. Азірніцеся!

Дзяўчына і праўда азірнулася.

— Я нічога не згубіла,— дзяўчына ўсміхаецца.

— Як нічога? — усур'ёз настойвае Іванаў таварыш.— А гэта?

Сябра паказвае на Івана. Дзяўчына ўважліва разглядае знаходку.

— Хай паляжыць тут. А буду ісці назад, падбяру... Калі ніхто не возьме,— дзяўчына адбрыла і пайшла.

А хлопцы ўздыхнулі і зноў цікуюць.

— Ну, можа, з тымі пазнаёмімся?

— Не-е,— паморшчыўся Іван.— Гэта, відаць, якая-небудзь генеральская дачка. Такая нам не па кішэні.

— Наадварот! — сябрук быццам бы і сапраўды меў справу з генеральскімі дочкамі.

— Ану іх...— адмахнуўся Іван.

— Не-е,— сябрук не адступае,— давай, пачынай.

І калі хлопцы сустрэліся з дзяўчатамі, Іван усё-ткі зачапіў іх. Хоць бы прыдумаў што-небудзь новае, а то...

— Дзяўчаткі! Вы азірніцеся! Вы нешта згубілі.

Дзяўчаты нават не азірнуліся. Бітыя, відаць.

— А калі вы такія джэнтльмены, то падніміце і падайце.

Іван напачатку разгубіўся, але ненадоўга.

— Як жа я яго падніму, калі ён бачыце які...— Іван паказаў на сябра.

— Ах, дык гэта мы яго выранілі?

— І мяне,— дадае Іван.

— І цябе?

— Ну, вядома. Мы ж разам.

— Дык вось што, мілыя. Мы вас не згубілі і не выранілі. Мы выкінулі. А прыбіральшчыцы прыйдуць і падмятуць. Каб у парку чыста было.

Хлопцы ад нечаканасці аж за вушы ўхапіліся. А дзяўчаты адбрылі і пайшлі сабе.

— Во даюць! Ну і даюць!

— Я ж казаў,— спахмурнеў Іван.

— Брыгадным метадам тут, брат, нічога не зробіш. Трэба індывідуальна. Будзь! — хлопец адсалютаваў і, наметаўшы новую цэль, рушыў у наступ. Іван астаўся адзін. Невясёлы, хмуры, кіслы... Калі ён узняў галаву, міма праішлі ўжо дзве дзяўчыны. Ды такія фігурыстыя, а спаднічкі кароценькія, а ножкі стройненькія, а прычоскі...

Ідуць не спяшаючыся, паволыпа, нібы чакаючы, каб пехта зачапіў ці дагнаў. А мо спатканне ўжо прызначана, і ім нечага спяшацца... Ну во — адна глянула на гадзіннік і азірнулася па баках. І тут жа ажывілася: з горкі наперарэз бег хлапец з ухмылкай да вушэй. Дзяўчына з такім вінаватым выглядам пакідала сяброўку, нібы і сапраўды яна ў нечым правінавацілася.

— Не крыўдуй, мы ўжо і так позпімся,— і пабегла насустрач хлопцу. Той схапіў дзяўчыну за руку, і яны некуды пабеглі. Пэўна, у кіно, на карціну «Чакай мяне, Ганна».

Іван назіраў усю гэтую сцэнку. Ён рашуча ўстае з лаўкі і накіроўваецца да дзяўчыны: эх, была — не была! Дагнаўшы яе, Іван далікатна загаварыў з ёй:

— Вас пакінула сяброўка, і я астаўся адзін...

Дзяўчына прыцішыла хаду, амаль спынілася, але не аглядваецца. Насцярожылася, нават крыху ўтуліла галоўку ў плечы. Яна не ўпэўнена, што звяртаюцца да яе.

— Давайце будзем маркоціцца разам,— прапанаваў Іван. Дзяўчына неяк вельмі запаволена павярнула галаву, і, сустрэўшыся позіркамі, абое бадай што ахнулі. Гэта была Каця. Ну, тая дзяўчына, што ў саломе... На гумне. Ну, тая, што гэты ж Іван і абняславіў яе. Па вачах дзяўчыны можна было заўважыць, што ў душы яе цэлы каскад пачуццяў: ад насцярожанасці да здзіўлення, збянтэжанасці, а потым да лёгкай няпэўнай ветлівасці і нарэшце шчырай прыхільнасці і нават радасці.

— Іван...— ці то дзяўчына спалохалася, ці не паверыла сваім вачам.

— Ка-а-ця-я? — апешыў Іван.

— Ну,— неяк вінавата кіўнула галавой дзяўчына.

Хлопец вельмі збянтэжыўся, ну проста апупеў.

— А... ты... што?.. Тут...— не ведае Іван, што сказаць.

— Ну. На радыёзаводзе. А ты... Ты куды?

— Я? Я... Я нікуды.

— І я нікуды.

Стаяць адно супраць аднаго — вінаватыя, разгубленыя, баяцца нават позіркамі стрэцца. Нарэшце Іван наважыўся загаварыць аб галоўным.

— Ты, канечне, злая на мяне. Ты даруй. Дурны быў.

— Ну, канечне,— дурны,— ахвотна згаджаецца дзяўчына.

— Ляпнуў, не падумаўшы.

— Канечне, падумаўшы, не ляпнуў бы.

— А словы — не верабей...

— Каб не верабеї. А то...
— Па дурасці ўсё... а цяпер няёмка.
— Канечне, няёмка.
— Дык ты ўжо не злуйся.
— А чаго тут злавацца, калі па дурасці?
І Іван зразумеў, што дзяўчына даравала яму.
— Ну, здраствуй! — Іван падае дзяўчыне руку, тая ахвотна вітаецца.
— Здраствуй!
— А ты, можа, куды?
— Не, я нікуды.
— І я нікуды. То, можа, у кіно? А? Там наш калгас паказваюць.
— Можна і ў кіно. Я ўжо разоў чатыры глядзела.
— І я — можа, шэсць разоў. Пойдзем. Усё роўна як у гасцях пабываем... Дома пабываем.
— І праўда. Паглядзіш, а потым аж пад ложачкай смокча.

Насустрач ідзе дзяўчына і на хаду цалуецца з хлопцам. (Гэта тая самая, што Іван прыняў за генеральскую дачку.) Каця аж аслупянела, спынілася.
— Яна ж жанатая! Во гадаўка! — абурылася Каця.
— Во гэтая, генеральская?
— Якая генеральская? Яна з нашай брыгады. І муж у яе харошы. Сёння, відаць, у другой змене.
— Дык гэта ты яго падабрала, Кацюша? А то валяўся такі кавалак. А ён нічога сабе: правады можна вешаць,— і грэшніца засмяялася разам са сваім хлюстам.— Кацюша! Ты толькі глядзі,— і яна пагразіла пальчыкам Каці.
— Усё роўна раскажу мужу, як ты тут цалуешся.
— А ён не паверыць табе, ён у мяне такі! — упэўнена заявіла верціхвостка і зарагатала.
Разышліся.
— Во паразітка! — не перастае здзіўляцца Каця.

І яны пайшлі. У кіно. Панірыўшыся. Знайшлі нарэшце адно аднаго. Не дома, не ў вёсцы, а ў горадзе. А? Во як бывае.

Зала кінатэатра. На экране кадры кінанарыса пра калгас «Маяк». *(Дарэчы, сцэнарый кінанарыса давядзецца распрацаваць больш падрабязна потым. Але вельмі неабходна, каб нарыс атрымаўся звычайны, якія мы бачым на нашых экранах, так сказаць — банальны. Але ў ім будуць і іграўыя кадры, знаёмыя нам з папярэдняга матэрыялу.*

Праўда, некаторыя кадры будуць пададзены ў зmененай інтэрпрэтацыі.)

У зале старшыня — Уладзімір Апанасавіч. Поруч наш кінааператар. Яны перашэптваюцца:

— А чаму пра дарогі няма? А?

— Паўлёнак выкінуў. Наш начальнік.

— Чаму?

— Мы вам далі другія словы. А ён кажа: фальсіфікацыі не дапушчу. Па губах бачу — ён жа не тое гаворыць, па артыкуляцыі. Не даў.

— Бач ты! Па губах разумее. Ён што? З глуханямымі працаваў?

— І цяпер працуе,— бог яго ведае, што меў на ўвазе кінааператар.

— Цішэй вы! — сусед у старшыні аказаўся сур'ёзны.

А непадалёку сядзелі Іван і Каця. І хоць глядзелі яны на экран, але ўвага іх была там, дзе перапляліся пальцамі іх рукі. І радасна ім было, вельмі радасна. І ад таго, што на экране была іх вёска, такая прыгожая, мілая, свая родная, і знаёмыя людзі, таксама свае, блізкія, родныя, і ад таго, што рукі іх былі ўзаемпаласкавымі.

(Канец І серыі)

1969

КАМЕНТАРЫІ

У трэці том Збору твораў Андрэя Макаёнка ўвайшлі кінасцэнарыі. Арыгінальныя («Твой хлеб», «У адзінай сям'і», «Кандрат Крапіва», «Большая опасность», «Не пакінеш мяне»); напісаныя на аснове ўласных («Рогатый бастион») і чужых («Счастье надо беречь», «После ярмарки») твораў. З іх толькі сцэнарый «Твой хлеб» друкаваўся пры жыцці аўтара. Здымаліся таксама не ўсе: «У адзінай сям'і», «Счастье надо беречь», «Кандрат Крапіва», «Рогатый бастион» і «После ярмарки».

Узаемаадносіны Андрэя Макаёнка з беларускім кінематографам складваліся надзвычай драматычна. Яшчэ ў юнацтве, як вядома, ён быў неабыякавы да яго, пра што сведчыць спроба ў 1938 годзе паступіць у Маскоўскі інстытут кінематаграфіі. Спроба, праўда, аказалася няўдачнай. І хоць сам пісьменнік пра яе расказваў заўсёды з гумарам, тым не менш адчувалася, што горыч ад няўдачы нават з гадамі цалкам не страцілася. Тым больш што і пазнейшыя яго кантакты з кіно не надта адрозніваліся ад папярэдняга. У гэтым градацыйна-лагічным радзе спробу паступіць у інстытут кінематаграфіі можна ўмоўна разглядаць як заляцанне. А былі яшчэ залёты, заручыны і, нарэшце, кароткатэрміновы шлюб. Маецца на ўвазе горка-кур'ёзны выпадак з уладкаваннем А. Макаёнка на пасаду начальніка сцэнарнага аддзела кінастудыі «Беларусьфільм» у сакавіку 1956 года. Не паспеў яшчэ з'явіцца загад аб яго назначэнні, а ўжо на імя міністра культуры БССР Р. Я. Кісялёва паляцела адчайнае пісьмо драматурга з просьбай аб адстаўцы. Гэта не быў звычайны дэмарш, прычыны пратэсту мелі глыбокія і прынцыповыя вытокі. Максім Лужанін прыгадвае:

«Папраўляю даведнікі: успамінаюцца Макаёнкавы сцэнарыі, а штатную работу на кінастудыі абмінаюць. Незаслужана. Ён быў начальнікам сцэнарнага аддзела, праўда, усяго адзін дзень. Разышоўся ў поглядах і пайшоў. Чакалі, чакалі — дарма, не вярнуўся. Не захацеў крывіць мастацкім сумленнем, так і растлумачыў сваю адстаўку» («Неман», 1986, № 1, с. 132).

Калі перавесці гэтае сведчанне на мову канкрэтыкі, то здарылася наступнае. Калегія Міністэрства культуры БССР зацвердзіла запуск у вытворчасць кінасцэнарый «Высокая пасада», які быў напісаны аператарам Гінцбургам. Зацвердзіла насуперак думцы сцэнарнага аддзела. А. Макаёнка ўзбурыла не столькі тое, што сцэнарый прымаўся недапрацаваным (у ім адсутнічалі скраз-

ное дзеянне, цэласныя праўдзівыя характары, логіка паводзін персанажаў і г. д.). Усё гэта агульнымі намаганнямі можна было направіць. Адмовіўшыся ад пасады кіраўніка сцэнарнага аддзела, драматург усё ж не парваў сувязей з кінастудыяй і як член рэдакцыйнай калегіі неаднойчы кідаўся ратаваць сыраватыя сцэнарыі, у якіх заключаўся хоць нейкі намёк на мастацкае адкрыццё. Пра гэта таксама ўспамінае Максім Лужанін:

«Адхіліць сцэнарый — няма нічога лягчэй. А вось разгледзець у ім нешта сваё, сапраўднае, знайсці цікавае зерне, з чаго можа вырасці фільм, не так проста. Макаёнак быў майстар на падтрымку, не горшы за Аркадзя Куляшова, які заўсёды пяньчыўся, вылузваючы з пялёнак чарговае кінадзіця. Памыляліся яны абодва рэдка: без промаху цалялі ў кожную, хай невялікую фальшывінку і бязлітасна адсоўвалі драматургічна граматнае, але «сераднянцкае» варыва» («Неман», 1986, № 1, с. 132).

У выпадку з «Высокай пасадай» усё было нашмат складаней. Сцэнарый не дацягваў нават да сярэдняга ўзроўню, пра што з абсалютнай пэўнасцю, нават катэгарычнасцю і заявіў Андрэй Макаёнак. У пісьме да міністра і на пасяджэннях калегіі ён назваў сцэнарый Гінбурга «нядобрасумленнай работай», у якой аўтар, спекулюючы на важнай і патрэбнай тэме, прапанаваў сумбурны матэрыял без якой-небудзь ідэйна-мастацкай каштоўнасці. Зрэшты, не адны толькі слабасці сцэнарыя вывелі Макаёнка з раўнавагі. Яго трывожылі самі парадкі, якія скаладіся на кінастудыі і вакол яе.

«Вымушае мяне,— пісаў ён міністру,— прасіць так званай «адстаўкі» і яшчэ адзін факт. Пры абмеркаванні сцэнарыя на калегіі выступаў намеснік міністра т. Садковіч. Мяне здзівіла тое, што ён так хваліў гэту цалкам прымітыўную і некваліфікаваную работу. Маючы на ўвазе, што т. Садковіч вопытны літаратар, які напісаў ужо не адну кнігу, валодае дастатковым густам і ўпаўне разбіраецца ў літаратурных творах, я лічу, што пры ацэнцы сцэнарыя Гінцбурга ён безумоўна кіраваўся прыяцельскімі інтарэсамі, а зусім не ідэйна-мастацкімі вартасцямі сцэнарыя, якія там і не начавалі. Бачачы такую беспрынцыповасць з боку кіраўніка, які займаецца пытаннямі кінематаграфіі, я абсалютна не жадаю ісці працаваць на студыю, дзе я па абавязку службы абавязаны быў бы выслухоўваць і выконваць кіраўнічыя ўказанні гэтага таварыша... У сувязі з гэтым здаецца дзіўным той факт, што студыя не без уплыву т. Садковіча адвергнула і забракавала сцэнарый пісьменніка Івана Шамякіна на калгасную тэму, матывуючы, што ў сцэнарыі расказваецца пра падзеі і жыццё ў калгаснай вёсцы да верасцёўскага Пленума ЦК КПСС 1953 года. А сцэнарый Гінцбурга закранае гэту тэму толькі да аб'яднання калгасаў і чамусьці прымаецца, зацвярджаецца і запускаецца ў вытворчасць, хоць напісаны ён, безумоўна, беспапаможна. Апрача таго, нельга не заўважыць і таго, што за пасляваенныя гады многія пісьменнікі Беларусі спрабавалі напісаць сцэнарыі для студыі «Беларусьфільм», аднак спробы пісьменнікаў Лынькова, Крапівы (акрамя экранізацыі спектакляў), Віткі, Губаревіча, Кулакоўскага, Шамякіна, Васілеўскага і іншых аказаліся марнымі. Чым усё гэта растлумачыць? Які начальнік сцэнарнага аддзела пасля ўсяго гэтага здолее прыцягнуць пісьменнікаў да напісання сцэнарыяў?» (Цытуецца па машынапісе пісьма).

Драматург быў надзвычайна ўрушаны, занепакоены тым ста-

навінчам, якое склалася на кінастудыі «Беларусьфільм». Магутную па ідэалагічных магчымасцях установу некаторыя спрытнюгі паспрабавалі ператварыць у прыватную лавачку. Менавіта таму ён не абмежаваўся пісьмом міністру культуры, а яшчэ і ў газеце «Літаратура і мастацтва» выступіў з артыкулам «Аб адным сцэнарыі і яго рэдактарах». З'едліва раскрытыкаваўшы мастацкія «вартасці» сцэнарыя «Высокая пасада», закрануў і праблему рэдагавання на кінастудыі. Рэдагаваў кінасцэнарый А. Кучар. Зрэшты, аўтар артыкула аргументавана даказаў, што рэдактарскай работы ў поўным сэнсе не было, а былі толькі замены рускіх слоў на беларускія — для надання фільму нацыянальнага каларыту. Па-за ўвагай рэдактара засталіся сур'ёзнейшыя мастацкія і ідэйныя пралікі сцэнарыя. Роўна праз дзесяць год — у маі 1966 года А. Макаёнак на V з'ездзе пісьменнікаў БССР зноў з той жа заклапочанасцю будзе гаварыць пра стан беларускага кінематографа. Адзначыўшы некаторыя пазітыўныя зрухі (пазіцыі беларускіх пісьменнікаў умацаваліся, у выніку чаго публіка змагла пазнаёміцца з многімі цікавымі фільмамі, знятымі па іх сцэнарыях: «Дзяўчынка шукае бацьку» і «Пушчык едзе ў Прагу» К. Губарэвіча, «Крыніцы» І. Шамякіна, «Трэцяя ракета» і «Альпійская балада» В. Быкава і інш.), дакладчык канстатаваў усё тыя ж не вельмі зразумелыя, далёкія ад прынцыповых арганізацыйна-творчыя ўзаемаадносіны на кінастудыі «Беларусьфільм». Слаба растуць нацыянальныя кадры рэжысёраў, па-ранейшаму кепска праходзіць адбор сцэнарыяў. Камітэт па справах кінематаграфіі пры Савеце Міністраў СССР навязаў «Беларусьфільму» некалькі відавочна слабых сцэнарыяў, а «Не той гонар» І. Шамякіна, «Сярэбраныя дарогі» Я. Васілёнка, «Галя» Я. Брыля, «Залатыя россыпы» М. Матукоўскага так і не трапілі ў вытворчасць. Механізм «прасоўвання» сцэнарыяў усё яшчэ застаецца таемным.

Як і дзесяць год назад А. Макаёнак зноў рэзка крытыкаваў А. Кучара. На гэты раз не як рэдактара, а як сцэнарыста. Аб'ектам крытыкі стаў сцэнарый «Усходні калідор», але гаворка вялася шырэй, на метадалагічным узроўні.

«Апошнія гады,— гаварыў дакладчык,— А. Кучар распрацоўвае ў кіно гераічную тэму з гісторыі беларускага народа. Намер высакародны, пахвальны. Але якія ж вынікі?

У свой час А. Кучар падаў заяўку на напісанне сцэнарыя аб гераіні беларускага народа Веры Харужай. Добры намер кінастудыя з энтузіязмам падхапіла. Умову падпісалі — весяліліся, фільм паглядзелі — праслязіліся. Аўтар, скарыстаўшы некаторыя факты з біяграфіі гераіні, дапоўніў сюжэт пікантнымі сцэнамі, а Вера Харужая, яе подзвіг, яе імя з фільма зніклі.

Прайшоў некаторы час, і А. Кучар, на гэты раз ужо з Вінаградавым, ізноў падаў заяўку на сцэнарый аб героях-падпольшчыках горада Мінска ў часы фашысцкай акупацыі. Увесь свет ведае аб гераізме нашага народа ў гады Вялікай Айчыннай вайны! І сябры, і ворагі прызналі, што Беларусь была краінай класічнага партызанскага руху.

А хто яны, тыя героі? Як іх завуць? Імёны іх? Сцёрты іх імёны ў сцэнарыі! Не названы. Скарыстаны толькі эпізоды з жыцця герояў, іх гераічныя подзвігі.

Чэснае, праўдзівае мастацтва павінна называць іх імёны, народ хоча іх ведаць, моладзі вельмі важна іх ведаць.

Гэтыя людзі смерцю сваёй, крывёю сваёй, пакутамі страш-

нымі ў фашысцкіх засценках, мукамі сваімі, бессмяротнымі подзвігамі сваімі, гарачай любоўю да радзімы заваявалі сабе права на славу!

А ў нас жа былі свае Чапаевы, Шчорсы, Катоўскія, Матросавы, Зоі Касмадзям'янскія!

Навошта ж абкрадваць гераічную гісторыю беларускага народа? Гэта надзвычайная, недаравальная несправядлівасць з боку А. Кучара да людзей, якія крывёю сваёю ўпісалі слаўную старонку ў гісторыю Савецкай Беларусі.

Недаравальна на гэты раз таму, што з удзелам А. Кучара гэта ўжо чацвёрты фільм аб нашых героях, і ўсе яны зроблены па такому прынцыпу: сцерці імя» (Макаёнак Андрэй. Выбраныя творы: У двух тамах, т. 2, Мн., 1980, с. 356—357).

Аб праблемах беларускага кіно драматург гаварыў заўсёды горача, зацікаўлена, выкарыстоўваючы любую нагоду. Чалавек актыўнай грамадзянскай пазіцыі, ён не мог не разумець, якія выдатныя прапагандысцкія, выхаваўчыя магчымасці заключае ў сабе кіно, таму не пераставаў турбавацца аб паляпшэнні творчай атмасферы на студыі «Беларусьфільм». У апошнія гады свайго жыцця А. Макаёнак непакоіўся аб стварэнні беларускім кінематографам нацыянальнайЛенініяны. П'еса пра гэтага вялікага чалавека была ў яго бліжэйшых планах. Не супраць быў ён і напісання кінасцэнарыя, бо ведаў, што кіно мае свае перавагі нават перад тэатрам. Будучы ў Амерыцы, драматург паглядзеў фільм пра Ісуса Хрыста, на які пастаноўшчыкі не паскупіліся 60 мільёнаў долараў, запрасіўшы выдатных акцёраў.

«Прыкладзена максімум намаганняў,— пісаў А. Макаёнак,— каб стварыць мастацка-пераконаўчы фільм, у аснове якога рэакцыйная ідэя — найвялікшая дабрачыннасць — цярплівасць, непрацiўленне. Дзесяткі вякоў прапаведуецца ў народных масах гэта ідэя, убіваецца ў галовы подкупам, ашуканствам, запалохваннем пеклам, карамі, кастрамі, катаваннямі і нават фільмамі.

Каб прыкрыць бесчалавечную эксплуатацыю чалавека, вякамі ахмураюць працоўнага чалавека негатыўнымі запаведзямі: «не ўбій, не ўкрадзі, не пожелай добра бліжнего, ни жены его, ни осла его» і таму падобныя. І ў той жа час забіваюць, грабяць, бамбяць і бліжняга і дальняга.

Але прыйшоў чалавек, сапраўдны месія, Ленін, і для яго запаведзяў, простых, ясных, пазітыўных: «Мір народам, хлеб галодным, зямля сялянам, уся ўлада рабочым» — даволі было і 50 гадоў, каб авалодаць масамі на ўсіх кантынентах нашай планеты. Яго ідэі сталі неперамо;жнай матэрыяльнай сілай.

Вось аб гэтым месіі мы павінны стварыць фільм, спектакль, аддаць гэтаму лепшыя хвіліны свайго натхнення, сваё сэрца, шчырасць пачуццяў, сілу праўды, свой талент, каб увасобіць гэту велічную фігуру ці то ў вобразе самога Ільіча, ці ў вобразе мускулістага, мудрага, справядлівага, усемагутнага пралетарыя, селяніна» (Макаёнак Андрэй. Выбраныя творы, т. 2, с. 363).

У асобе А. Макаёнка беларускія акцёры (пра што сведчаць шматлікія яго выступленні ў перыядычным друку, на нарадах у Міністэрстве культуры і г. д.) мелі самага заўзятага абаронцу і прыхільніка. Драматург паслядоўна выступаў за тое, каб студыя «Беларусьфільм» толькі ў крайніх выпадках звярталася да паслуг «прывазных» кіназорак: акцёрскі корпус рэспублікі дастаткова вялікі і кваліфікаваны, каб вылучыць са сваіх шэрагаў

выканаўцу любой ролі. На жаль, яму не заўсёды ўдавалася пераканаць рэжысёраў. Нават тых фільмаў, якія здымаліся па яго сцэнарыях.

У сваёй творчасці для кіно А. Макаёнак прытрымліваўся тых жа мастацкіх прынцыпаў, якія выспаведваў і ў драматургіі. Папершае, пастаноўка ў цэнтр твора значнай сацыяльнай праблемы. Па-другое, праблема гэта павінна мець актуальны характар. Патрэцяе, твор павінен не пацяшаць, а працаваць на прагрэс, на лепшае заўтра.

ТВОЙ ХЛЕБ (с. 7—55)

Сцэнарый «Твой хлеб» А. Макаёнак завяршыў у студзені 1954 года. Гэта была першая яго спроба непасрэднага супрацоўніцтва з кіно. І калі драматург на V з'ездзе Саюза пісьменнікаў БССР крытыкаваў кінастудыю «Беларусьфільм» за няўвагу да творчасці беларускіх аўтараў, то зыходзіў і са свайго ўласнага вопыту. За доўгія месяцы вандравання сцэнарыя з кабінета ў кабінет, з адной шуфляды ў другую аўтару ніхто нічога пэўнага так і не сказаў. Сцэнарый, маўляў, добры, але не знаходзіцца рэжысёра, які загарэўся б яго паставіць. Пісьменнік і сам не лічыў сцэнарый слабым, пра гэта сведчыць хоць бы тое, што «Твой хлеб» адзін з усіх сцэнарыяў быў уключаны ім у двухтомныя «Выбраныя творы». І калі б аўтар праявіў крыху больш настойлівасці, то, магчыма, здолеў бы прабіць сцяну адчужанасці. Аднак на настойлівасць проста не хапіла часу, які цалкам выдаткоўваўся на пастановачныя клопаты сатырычнай камедыі «Выбачайце, калі ласка!». П'еса шырока пайшла па тэатрах Савецкага Саюза, і маладому драматургу даводзілася кансультаваць рэжысёраў з братніх рэспублік, ездзіць на прэм'еры і г. д.

Кола праблем, якія асэнсоўваюцца ў сцэнарыі, традыцыйнае для творчасці А. Макаёнка. Чалавек на зямлі, адносіны да асабістага і грамадскага, сацыяльныя вытокі прагрэсу і «анатомія» рэгрэсіўных з'яў... І нязменная зацікаўленасць лёсам простага працаўніка. Сцэнарый «Твой хлеб» — яскравы аргумент у спрэчцы аб некаторых светапоглядных аспектах творчасці А. Макаёнка. Па выхадзе камедыі «Лявоніха на арбіце» за драматургам пачала замацоўвацца слава праціўніка ўсякай асабістай уласнасці ў сённяшняй калгасна-саўгаснай вёсцы. І зачэпкі нібыта для такой славы былі: вунь як раскрытыкаваны Лявон Чмых за сваю прыхільнасць да ўласных кароўкі, курак, свінак ды прысядзібных сотак! Пра беспадстаўнасць падобнага абвінавачвання пісалася ўжо неаднойчы (падрабязней гл. пра гэта: Макаёнак Андрэй. Збор твораў: У пяці тамах. Т. І, Мн., 1987, с. 356—360). Не паўтараючы сказанага, варта ўсё ж зазначыць: рэзка крытыкавалі Лявона, не менш рэзка крытыкаваў і ён. І ні з чаго не вынікае, што аўтарскія сімпатыі на баку апанентаў Лявона. Што ж датычыцца сцэнарыя «Твой хлеб», то гэтыя сімпатыі яўна не на баку старшыні калгаса Цеслі, які рабіў усё магчымае і немагчымае, каб звесці нанішто асабістую ўласнасць калгаснікаў. І гэта не дзіўна: А. Макаёнак не толькі добра ведаў сельскую рэчаіснасць, але абвострана рэагаваў на кожную акцыю, якая ўшчамляла інтарэсы калгасніка. Вось і ў сцэнарыі «Твой хлеб» кожная рэпліка, кожны паварот думкі скіраваны супраць няўмек і дэма-

гогаў, якія перашкаджалі сапраўдным сельскім працаўнікам адчуць сябе гаспадарамі зямлі. Нават у практычным плане многія вывады, якія вынікаюць з развіцця сюжэта (аб матэрыяльным стымуляванні вытворчасці, актывізацыі працоўнай самадзейнасці і г. д.), не згубілі сваёй актуальнасці і сёння. Сцэнарый не згубіў цікавасць і ў чыста мастацкім плане: зграбна выбудаваны сюжэт, многія сітуацыі драматургічна распрацаваны вельмі дасканала, дзеянне развіваецца дынамічна, імкліва... Да таго ж большасць персанажаў абмалявана на добрым прафесіянальным узроўні. І хоць «Твой хлеб» не стаў фактам кінематаграфіі, але ў творчай біяграфіі А. Макаёнка яму належыць не апошняе месца.

У АДЗІНАЙ СЯМ'І (с. 56—62)

Дакументальна-хранікальны фільм «У адзінай сям'і» быў прымеркаваны да саракагоддзя Вялікай Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі. А. Макаёнак ахвотна ўзяўся за напісанне сцэнарыя, хоць асаблівага разгарнення творчай фантазіі яно і не давала. Драматурга прывабіла магчымасць бліжэй пазнаёміцца з буйнейшымі заводамі і фабрыкамі, вышэйшымі навучальнымі ўстановамі і калгасамі, помнікамі гісторыі і культуры, наогул з рознымі славутасцямі заходніх абласцей Беларускай ССР. Праўда, ён не адразу згадзіўся абмежаваць сферу сваёй увагі толькі Заходняй Беларуссю: у адзінай сям'і народаў СССР значных поспехаў у розных галінах сацыяльнага і культурнага жыцця дасягнулі і іншыя рэгіёны рэспублікі. Але потым мусіў пагадзіцца, што ў кароткаметражным фільме нельга ахапіць увесь матэрыял. Жанр фільма дазваляў сцэнарысту абысціся газетна-рэпартажнай канстатацыяй цікавых фактаў, пералічэннем дасягненняў працоўных былой Заходняй Беларусі за гады савецкай улады. Тым больш што дасягненні гэтыя былі відавочныя, неаспрэчныя. Аднак А. Макаёнак не пайшоў па шляху найменшага супраціўлення, справядліва мяркуючы, што бяскрылае каментатарства прывядзе да павярхоўнасці. І якія б уражліва-грандыёзныя ні былі панарамы новабудоўляў, гмахі індустрыяльных гігантаў, аднак без чалавека ўсе яны — не больш чым цікавыя малюнкі. Вось чаму сцэнарыст пастаянна скіроўвае ўвагу аператараў, а тым самым і гледачоў на людзей заходнебеларускага краю. Вядома ж, ён не мог абысціся без згадкі актывістаў КПЗБ. Буйным планам выступаюць Міхаіл Трафімавіч Анішчык, Іван Якаўлевіч Дабрыян, Міхаіл Раманавіч Скок... Тут жа прапануецца гледачу пазнаёміцца з прывабнай постаццю Паўла Арсеньевіча Жалезняковіча, былога падпольшчыка, а цяперашняга сакратара Карэліцкага райкома партыі. Галерэю кінапартрэтаў працягвае даярка Соф'я Сап'янік, ткачы Іван, Пётр, Міхаіл, Жанна і Тамара Купрашэвічы, народны ўмелец Іосіф Бохан, студэнты Вера Дзенісюк і Пётр Сідарчук, чыгунпачніца Антаніна Шчэрба і іншыя. Толькі праз лёсы людзей можна ўражліва раскрыць лёс краю. Стваральнікам фільма гэта задача скарылася, глядач фільм прыняў. У рэцэнзіі на фільм гаварылася:

«Фільм расказвае пра людзей заходніх абласцей Беларусі, пра іх барацьбу за сваё вызваленне з-пад прыгнёту белапольскай Польшчы, пра радасныя дні ўз'яднання ў адзінай шматнацыя-

нальнай сям'і братніх народаў Савецкага Саюза, пра патхнёную працу рабочых, хлебаробаў і інтэлігенцыі, пра іх вучобу і адпачынак...

Цікавы фільм стварыла студыя «Беларусьфільм». Яго нельга глядзець без хвалявання» («Гродненская правда», 1958, 31 студзеня).

Над фільмам працавалі рэжысёры І. Вейняровіч і П. Шамшура, аператары В. Цяслюк і М. Бераў, гукааператар В. Усціменка, музычнае афармленне Я. Буніна.

А. Макаёнак сваю працу над фільмам «У адзінай сям'і» ацэньваў вельмі сціпла. Ні ў анкетах, ні ў спісах уласных твораў няма пра гэта нават упамінання. А між тым паездкі па рэспубліцы з кіназдымачнай групай мелі для яго не толькі пазнаваўчае значэнне, яны прывучалі глядзець на аб'екты мастацкага адлюстравання «вачамі» кінематографа. А такое пашырэнне дыяпазону ўспрыняцця надзвычай карыснае для тэатральнага пісьменніка.

СЧАСТЬЕ НАДО БЕРЕЧЬ (с. 63—120)

Кінасцэнарый напісаны на аснове вядомай аповесці А. Кулакоўскага «Нявестка». Ініцыятыва экранізацыі аповесці зыходзіла з боку кінастудыі, а выбар сцэнарыста падказаў яе аўтар. Сцэнарый паступіў на кінастудыю 1 сакавіка 1957 года, хоць дагавор быў падпісаны яшчэ ў студзені 1955 года. А. Макаёнак шмат працаваў над творам, рабіў шматлікія ўдакладненні, стараўся пры пераводзе аповесці на мову кіно пазбегнуць па магчымасці страт.

«Экранізацыя «Нявесткі»,— сцвярджаюць гісторыкі кіно,— была справай яўна нялёгкай. А. Кулакоўскі, выкарыстоўваючы магчымасці празаічнага жанру, па ходу развіцця сюжэта аповесці шырока каменціраваў выказванні і ўчынкі герояў. Адмовіўшыся ад закадравага аўтарскага голасу, сцэнарыст А. Макаёнак павінен быў кампенсаваць адсутнасць аўтарскіх каментарыяў больш дэталёвай распрацоўкай характараў і сітуацый.

Сюжэтная лінія першакрыніцы падверглася ў сцэнарыі некаторым зменам, з'явіліся новыя эпізадычныя персанажы, пераразмеркаваліся функцыі асобных герояў. Сцэнарысту ўдалося пазбегнуць фрагментарнасці і ілюстрацыйнасці, якія часта спадарожнічаюць экранізацыі» («История белорусского кино». Мн., 1970, с. 52—53).

Сапраўды, у сцэнарыі з'явіліся новыя героі: кладаўшчык, Каця, культасветработнік Вася, але ўвядзенне іх не супярэчыла логіцы развіцця сюжэта першакрыніцы, не парушала яе сістэму вобразаў. Затое сцэнарый набыў большую грунтоўнасць, абагаціўся чыста сцэнічнымі выяўленчымі дэталямі.

На адным з першых пасяджэнняў мастацкага савета кінастудыі «Беларусьфільм» адзначалася, што А. Макаёнку ўдалося стварыць глыбокі, вострадраматычны твор пра людзей калгаснай вёскі, намаляваць каларытныя характары большасці дзейных асоб. Ухвалена таксама задума сцэнарыя, якая, на думку членаў савета, заключалася ў тым, што кожны чалавек заўсёды, пры любых абставінах павінен быць сумленным як у адносінах да працы, так і ў сваіх узаемадачыненнях з людзьмі. Першы прагляд чарнавога мантажу адбыўся 23 лістапада 1957 года. Камісія ста-

поўна ацаніла работу і сцэнарыста, і пастановачнай групы. Разам з тым былі выказаны і пэўныя заўвагі і прапановы:

1) Актывізаваць ролю станоўчых герояў сцэнарыя (сцэна камсамольскага сходу, сцэна клуба).

2) Узмацніць канфлікт паміж Данілам і Шандыбовічам, зрабіўшы акцэнт на супрацьстаўленні іх адносін да грамадскай працы і спраў калгаса.

3) Вызначыць матывы паводзін Шандыбовіча, мэту яго ўчынкаў.

4) Зрабіць больш пэўнымі ўзаемаадносіны Віктара і Шандыбовіча ў фінале сцэнарыя.

5) Заматываваць вяртанне Віктара дамоў у фінале сцэнарыя.

6) Сюжэтна завяршыць гісторыю з «трыма гектарамі льну».

7) Не акцэнтаваць увагі на сцэнах, якія паказваюць беднасць Данілы, і не згушчаць цёмных фарбаў быту калгаснай вёскі (самагон). Звярнуць большую ўвагу на светлыя моманты жыцця калгаснікаў (ЦДАМЛМ, ф. 112, в. 1, адз. зах. 341, с. 9—10).

На заключных абмеркаваннях аўтара папракалі за тое, што вобразы станоўчых герояў атрымаліся менш яркія за адмоўныя. Праўда, пасля выхаду фільма на экраны папрокаў паменела. Гледачу фільм спадабаўся. Крытыка таксама прыняла яго амаль без агаворак.

«А. Макаёнак,— пісаў В. Буран,— не пайшоў слепа за аповесцю і не абмежаваўся веданнем калгаснага жыцця, пачэрпнутым толькі з аповесці, а, маючы шмат уласных жыццёвых назіранняў, пераплавіў і адліў матэрыял аповесці ў новую форму.

У фільме шмат творчых знаходак, запамінальных дэталей: дзеянне яго разгортваецца імкліва і востра. Першыя ўжо кадры прыцягваюць увагу гледача» («Літаратура і мастацтва», 1958, 17 мая).

Фільм «Счастье надо беречь» расцэньваўся публікай і крытыкай як значны поспех кінастудыі «Беларусьфільм». Тамара Бушко невыпадкова назвала сваю рэцэнзію «З удачай вас, беларускія кінематаграфісты». «Трэба аддаць належнае пастановачнаму калектыву,— у прыватнасці, пісала яна,— фільм атрымаўся ўдалы, нягледзячы на асобныя пралікі, і гледачы цёпла прымаюць яго. Хвалюючая тэма барацьбы за ўздым сельскай гаспадаркі арганічна пераплятаецца ў карціне з асабістай драмай герояў, выклíканай рознымі пазіцыямі, якія займаюць яны ў гэтай барацьбе. Такім чынам, галоўная вартасць фільма ў тым, што ў ім асабістае неадрыўна звязана з грамадскім, адно абумоўлівае другое, прычым спалучэнне асабістых і грамадскіх інтарэсаў тут выступае, не ў прыклад некаторым схематычна-ілюстрацыйным фільмам мінулага, у шчаслівым аднінстве, зусім так, як гэта бывае ў жыцці» («Чырвоная змена», 1958, 17 мая).

Над фільмам працавалі рэжысёр І. Шульман, аператар Г. Удавенкаў, кампазітар Д. Лукас, мастак Ю. Булычоў, гукааператар В. Дзёмкін. Ролі выконвалі: Даніла — К. Скорабагатаў, Віктар — Ю. Саранцаў, Ларыса — Д. Сталярская, Шандыбовіч — В. Палінаймака, Вольга — Н. Дарошына, стары калгаснік — Б. Кудраўцаў, Вася — В. Іваноў, Кацця — Д. Рытэнбергс, нямы — С. Хацкевіч, Мікіта — А. Барановскі. У эпізодах таксама здымаліся: С. Станюта, К. Кулакоў, І. Дабралюбаў, А. Дзянісава, А. Клімава, Н. Гейц, Г. Макарава.

Драматург з задавальненнем успамінаў работу над сцэна-

рыем. Прычыны гэтага пачуцця шукаць далёка не даводзіцца, дастаткова толькі параўнаць ідэйна-тэматычныя параметры «Нявесткі» А. Кулакоўскага з тымі праблемамі, якія вырашаў А. Макаёнак у сатырычнай камедыі «Выбачайце, калі ласка!». А пячэ ж у сцэнарыста была камедыя «Каб людзі не журыліся», у якой маральна-бытавыя, сацыяльна-псіхалагічныя праблемы тагачаснай сельскай рэчаіснасці паказваліся не менш драматычна, абвострана-праўдзіва, чым у «Нявестцы». Наяўнасць у творчым багажы такіх твораў, як «Выбачайце, калі ласка!» і «Каб людзі не журыліся», вытлумачвае, чаму А. Макаёнак так настойліва змагаўся супраць пераводу фільма ў сферу даследавання сямейна-бытавых узаемаадносін. Так, сямейнае шчасце таксама трэба берагчы, але ці можа чалавек да канца адчуваць сябе шчаслівым нават у сям'і, калі ў сферы яго працоўнай дзейнасці пануюць разлад, безгаспадарчасць, валюнтарызм. А. Макаёнку імпанавала ў аповесці тое, што яе аўтар мог за прыватнымі, «камернымі» праявамі жыцця разгледзець праблемы вялікага сацыяльна-палітычнага гучання, напаўнення. Адной з такіх праблем была праблема барацьбы з п'янствам. І зусім невыпадкова антыалкагольная тэндэнцыя была фарсіравана А. Макаёнкам у сцэнарыі. Вядома, у сярэдзіне 50-х гадоў п'янства яшчэ не захліснула беларускую вёску, але мастак тым і адрозніваецца ад звычайнага чалавека, што ён празорліва бачыць пэўную з'яву ў перспектыве. Апрача блізкіх праблем сцэнарыста прываблівалі ў аповесці характары, іх драматургічная выразнасць, стэрэаскапічнасць, рухомасць. Ён добра разумеў, што менавіта адкрыццё такіх цікавых жыццёвых тыпаў, як Шандыбовіч, Даніла, Віктар, Ларыса і іншыя забяспечыла аповесці шырокі поспех у чытача. Таму адну са сваіх задач сцэнарыста ён бачыў у тым, каб мовай кінематографа раскрыць рагэтыя характары, а праз іх дапесці болі і турботы, клопаты і радасці тагачаснага сельскага працаўніка. Крытыкуючы непарадкі, ён думаў пра адно — каб людзі не журыліся, каб жыццё наша рабілася лепшым.

Напісанне сцэнарыя «Счастье надо беречь» хоць і не стала вяхой у творчай дарозе А. Макаёнка, але адыграла тым не менш несумненную пазітыўную ролю, пашырыўшы яго мастакоўскія далягляды.

КАНДРАТ КРАПІВА (с. 121—138)

Фільм меркавалася зняць да 65-годдзя з дня нараджэння Кандрата Крапівы. Аднак з тэрмінамі атрымалася няўвязка. Нават сцэнарый быў здадзены амаль праз тры месяцы пасля юбілею пісьменніка: пад апошнім радком чарнільнай ручкай стаіць подпіс аўтара сцэнарыя і дата — 1.IV.1961 года. Пачатковая назва — «Народны пісьменнік». Пастаўлены Мінскай студыяй навукова-папулярных і хранікальна-дакументальных фільмаў у 1961 г.

У заключэнні сцэнарнага аддзела кінастудыі, у прыватнасці, гаварылася: «Беларускі драматург Андрэй Макаёнак добра ведае творчасць і жыццёвы шлях народнага пісьменніка Беларусі Кандрата Крапівы. Акрамя таго, ён асабіста добра знаёмы з нашым вядомым драматургам і сатырыкам. Усё гэта дало магчымасць А. Макаёнку стварыць праўдзівы і ў асноўным цікавы сцэнарый хранікальна-дакументальнага фільма аб народным пісьменніку. Вельмі ўдалы, па нашу думку, пачатак сцэнарыя, у якім перада-

юцца любоў і павага народа да свайго любімага пісьменніка, умела паказвасцца першае знаёмства гледача з героямі фільма. Удала падабрана і выкарыстана ў сцэнарыі творчасць пісьменніка, вядомыя байкі, урыўкі з п'ес» (ЦДАМЛМ БССР, ф. 163, в. 1, адз. зах. 17, с. 394). Запушчаны ў вытворчасць сцэнарый 19 жніўня 1961 года. Праз два месяцы здымкі цалкам былі завершаны. У акце прыёмачнай камісіі, ад 31 кастрычніка 1961 года, чытаем:

«Гэтага чысла прыняты закончаны вытворчасцю двухчасткавы чорна-белы фільм «Кандрат Крапіва».

Аўтар сцэнарыя і дыктарскага тэксту А. Макаёнак. Рэжысёр — С. Браудэ. Аператар — Ю. Іванцоў. Рэдактар — П. Прыходзька. Музычнае афармленне — І. Лісневіч. Дыктар Л. Валодзін. Дырэктар — С. Гурэвіч.

В. а. дырэктара Мінскай кінастудыі Ф. Руцкі» (ЦДАМЛМ БССР, ф. 163, в. 1, адз. зах. 17, с. 270).

Фільм не толькі здымаўся гэтак аператыўна, але не затрымаліся і водгукі на яго. Не прайшло і месяца пасля яго прыёмкі, а газета «Літаратура і мастацтва» змясціла рэцэнзію пад назвай «Старонкі творчага жыцця». Рэцэнзія цалкам ухвальная, новая работа Мінскай кінастудыі ацэньвалася вельмі высока. Адзначаны ўдалы падбор ілюстрацыйнага матэрыялу. «Значна ўзбагачаюць фільм,— пісаў рэцэнзент,— урыўкі з п'ес К. Крапівы ў выкананні артыстаў тэатра імя Янкі Купалы. Майстэрства Г. Глебава, Л. Рахленкі, Б. Платонава, Л. Ржэцкай, В. Пола, Ул. Дзядзюшкі і іншых майстроў беларускай сцэны ў спалучэнні з талентам драматурга надало дакументальнаму парысу прывабныя якасці мастацкага ігравога фільма: дакладнасць перадачы самых тонкіх пачуццяў, наяўнасць унутраных канфліктаў і г. д. Тут аўтары не паскупіліся на паказ драматургіі Крапівы. Ад сарказму да тонкай іроніі, ад публіцыстычнай просталінейнасці да мяккага спачування — увесь гэты багаты арсенал сродкаў мастака раскрывае задуму аўтараў фільма. Гэта, бадай, самыя эмацыянальныя эпізоды парыса. Зроблены яны з густам і пачуццём меры. Яны ні ў якім разе не разрываюць плынь асноўнай лініі фільма, не вырываюцца з дакументальнай тканіны жыцця сатырыка.

На высокім прафесіянальным узроўні зроблена тая частка парыса, дзе гаворыцца аб творчасці К. Крапівы ў гады Вялікай Айчыннай вайны» («Літаратура і мастацтва», 1961, 24 лістапада).

Сам А. Макаёнак фільмам у цэлым быў задаволены, аднак лічыў, што лёс старэйшага таварыша па пяру мог бы стаць асновай вялікай мастацкай кінакарціны. Неаднойчы прызнаваўся, што задума такой карціны моцна непакоіць яго.

РОГАТЫЙ БАСТИОН (с. 139—204)

Сцэнарый поўнаметражнага, шырокаэкраннага, каляровага фільма «Рогатый бастион» напісаны на аснове папулярнай камедыі «Лявоніха на арбіце». Першае яго абмеркаванне адбылося 2 студзеня 1961 года, на якім сцэнарый хвалілі за актуальнасць праблематыкі, за цікавае вырашэнне тэмы, за наяўнасць яркіх сацыяльных тыпаў. Крытыкавалі ж яго за рудыменты тэатральнага твора, пэўную невыразнасць фіналу. 16 лютага 1962 года мастацкі савет кінастудыі «Беларусьфільм» прыняў сцэнарый з добрай ацэнкай. Праўда, запуск у вытворчасць зацягнуўся па розных прычынах да 29 лістапада 1962 года. Дарэчы будзе ска-

зацъ, што пяўвязак, пакладак і непаразуменняў пры пастаноўцы «Рогатого бастиона» з'яўлялася столькі, што іх хапіла б на здымкі добрых дзесяці фільмаў. Спачатку меркавалася, што над фільмам будуць працаваць два рэжысёры: П. Васілеўскі і С. Сплашноў. Але праз два месяцы апошні з іх адмовіўся ад супрацоўніцтва, выразіўшы такім не вельмі радыкальным чынам сваю нязгоду з агульнай пастановачнай канцэпцыяй фільма, працу над якім працягвалі апрача П. Васілеўскага аператары В. Акуліч і В. Арлоў, кампазітар М. Марутаеў, гукааператар В. Дзёмкін.

Гэта была першая самастойная работа рэжысёра П. Васілеўскага, і яму не заўсёды ўдавалася трымаць пад сваім кантролем увесь вытворчы працэс. Часта незадаволенымі аказваліся рэдактары, аўтар сцэнарыя, кіраўніцтва кінастудыі. А да ўсяго яшчэ дадалася неабходнасць пераздымаць значную колькасць адзнятага на няякасную плёнку матэрыялу. Зусім натуральна, што планавы тэрмін здачы ў студзені 1964 года быў безнадзейна сарваны. Паспрабавалі прыняць фільм у красавіку гэтага ж года, але беспаспяхова. Прычыны гэтага збольшага прачытваюцца ў радках заключэння Мастацкага савета:

«Апавядальная манера выкладання прывяла да простая лінейнасці мантажных рашэнняў, а гэта пацягнула за сабой страту дынамікі развіцця дзеяння і рытму фільма. Пагэтаму, нягледзячы на тое, што па карыснаму метражу фільм склаўся ў прымальных нормах для камедыйнай ленты, ён здаецца зацягнутым.

Трапіўшы ў палон шматлікіх і супярэчлівых парад, пярэдка прадыктаваных чыста густавымі меркаваннямі, а таксама прамых указанняў, якія зыходзілі з боку рэдактуры, аўтара і ведамасных асоб, што праглядвалі матэрыял, рэжысёр-пастаноўшчык заблытаўся, страціў правільную арыентацыю ў сваіх спробах выканаць усе патрабаванні і парады» (ЦДАМЛМ БССР, ф. 112, в. 1, адз. зах. 416, с. 442).

Фільм ратавалі, як хто мог. Прапаноўвалі запрасіць на дапамогу рэжысёра Л. Гайдая, які ў гэты час набліжаўся да зеніту сваёй славы майстра кінакамедыі. Запрашалі шматлікіх кансультантаў. Сам П. Васілеўскі слаў адчайныя пісьмы на імя старшыні Дзяржкамітэта па кінематаграфіі пры Савеце Міністраў БССР В. Паўлёнка і дырэктара кінастудыі «Беларусьфільм» І. Дорскага, у якіх прасіў даць яму большую свабоду, фармуляваў канкрэтныя прапановы, планы паляпшэння фільма (ЦДАМЛМ БССР, ф. 112, в. 1, адз. зах. 365, с. 46—49). Рэжысёра можна было зразумець. Кансультанты, у тым ліку і Л. Гайдай, былі людзьмі староннімі, не ўсім ставала жадання глыбока прапікаць у творчую задуму, дакопвацца да прычын мастацкіх пралікаў. Было б намнога лягчэй, калі б П. Васілеўскі ва ўсім знайшоў агульную мову з аўтарам сцэнарыя. Але паміж імі рознагалоссі пачаліся яшчэ на стадыі выбару акцёраў на ролі. А. Макаёнак лічыў, што лепш за беларускіх акцёраў ніхто не ўвасобіць, не перадасць, не адлюструе праблемы беларускай рэчаіснасці. А тым не менш у фільме былі заняты П. Канстанцінаў (Глуздакоў) і В. Харкова (Лушка) з Малога тэатра; А. Грыбаў (Мікалай Сяргеевіч) і С. Блінпікаў (Буйкевіч) — з МХАТа; Г. Обручава (Соня) — з тэатра імя Маякоўскага; У. Ратамскі (Максім) — з тэатра Савецкай Арміі; У. Ферапонтаў (Міхаіл) — са студыі кінаакцёра; М. Крыпіцына (Клава) — са студыі імя Даўжэнкі. І толькі дзве ролі: Лявона і Цесакова выконвалі артысты тэатра імя Янкі Купалы

Павел Кармунін і Раман Філіпаў. Ды і то П. Кармунін стаў купалаўцам толькі ў 1964 годзе.

У рэшце рэшт 30 мая 1964 года з пэўнымі агаворкамі фільм быў прыняты. У заключэнні сцэнарнай рэдакцыйнай калегіі Галоўнага ўпраўлення мастацкай кінематаграфіі, у прыватнасці, гаварылася:

«У фільме «Рагаты бастыён» у востракамедыйнай форме аўтары імкнуцца выразіць актуальныя маральна-этычныя праблемы жыцця сённяшняй вёскі. Сваім вастрыём фільм накіраваны супраць прыватнаўласніцкіх памкненняў, грамадскай інертнасці і кансерватызму.

На жаль, у кінематаграфічным рашэнні пастаўленай тэмы аўтарам не ўдалося дасягнуць поўнай мастацкай перакананасці знайсці дакладнае ўвасабленне асноўных вобразаў п'есы. Не заўсёды ўдалы падбор акцёраў, у асаблівасці на ролі маладых калгаснікаў. Рэжысёрскае рашэнне фільма часцяком грашыць павярхоўнай трактоўкай эпізодаў і характараў персанажаў. Камедыйнага эфекту ў шэрагу сцэн рэжысёр імкнецца дасягнуць чыста знешнімі сродкамі, не заўсёды вытрымліваючы пры гэтым пачуццё меры і густу» (ЦДАМЛМ БССР, ф. 112, в. 1, адз. зах. 365, с. 20).

Думаецца, фільм «Рогатый бастион» так абвострана крытыкаваўся яшчэ і таму, што ён прайграваў у параўнанні са спектаклем. Пастановачных агрэхаў у ім і сапраўды хапала, але іх было не так і многа, каб цалкам перакрэсліць твор. Пэўнага ўзроўню рэжысёр усё ж дасягнуў, пра што і гаварылася ў заключэнні мастацкага савета кінастудыі «Беларусьфільм»:

«І тым не менш фільм у цэлым уяўляецца творам арыгінальным, у многім удалым, а ў сэнсе асваення новых відаў кінематографа для беларускага кіно і павучальным. Яго безумоўнай вартасцю з'яўляецца праўдзівы паказ некаторых бакоў побыту сучаснай калгаснай вёскі. І ў гэтай сувязі вобраз Лявона — несамавітага прыхільніка ўласнасці, неабходнай або непатрэбнай, але ўласнасці, якога таленавіта сыграў артыст П. Кармунін, уяўляецца безумоўным поспехам сцэнарыста, рэжысёра і ўсяго творчага калектыву фільма. І нават той факт, што артыст не заўсёды дакладны ў перадачы нацыянальных рысаў характару, якія раскрываецца ім, не можа прыменшыць гэтага галоўнага поспеху камедыі.

Побач з Лявонам і іншыя персанажы — яго антыподы — успрымаюцца, як вобразы ў аснове сваёй жыццёвыя і праўдзівыя. Праўда, і тут маюцца грашкі, якія ідуць ад недакладнасці рэжысуры. Гэтыя персанажы тыпажна недастаткова верагодныя, іх моўная характарыстыка і манера паводзін недастаткова дакладна ўскрываюць характар жыхароў беларускай вёскі.

Галоўная думка твора зводзіцца не да праблемы прысядзібнага ўчастка ці наяўнасці каровы ў асабістай гаспадарцы калгасніка, а да таго, што пачуццё ўласнасці ў Лявона аказалася да смешнага неадпаведным, што яно пазбавіла яго нармальных кантактаў з аднавяскоўцамі і па сутнасці адлучыла ад калгаснай вытворчасці. У гэтай сувязі меркаванне сакратара абкома (гэта роля дасталася А. Грыбаву) аб тым, што змяншэнне памеру прысядзібнага ўчастка ёсць «лінія», гэтак жа, як і канцоўка фільма, якая нясе тую ж думку, уяўляюцца недакладнымі.

Да некаторых слабасцей фільма могуць быць аднесены і мно-

гія дыялогі, якія аказаліся недастаткова дынамічнымі, выразнымі, слаба гарманіруючымі з выяўленчым матэрыялам шэрагу кадраў і сцэн» (ЦДАМЛІМ БССР, ф. 112, в. 1, адз. зах. 416, с. 430).

Прыведзеныя вышэй вытрымкі з заключэнняў розных камісій не могуць, вядома, адлюстраваць у падрабязнасцях характар абмеркаванняў, сутнасць усіх прэтэнзій, выказаных у адрас фільма. І ўсё ж нават з гэтых скупых урыўкаў можна скласці дастаткова поўнае ўяўленне, чым не задавальняў фільм апанентаў. Перш за ўсё — канцэптуальнай расплывістасцю, якая была абумоўлена рэжысёрскім імкненнем да шырокіх, ледзь не глабальных абагульненняў. Менавіта па жаданні рэжысёра ў канчатковым варыянце сцэнарыя з'явіўся такі пачатак:

«Древний, сказочный лес, с древними, уму современного цивилизованного кинозрителя непостижимыми и потому почти неправдоподобными зверями, птицами, ящерями и иной млеко- и не млекопитающейся чертовщиной...

Громовым эхом разносится по лесу надрывное мычание коровы.

Звери в страхе разбегаются.

Посреди лесной поляны стоит корова (первобытная!), лианами привязанная за ноги, рога и даже хвост к деревьям. Распятая таким образом, она беспомощно косится злобными глазами на человека, прикрытого в основных местах шкурами, обнявшего ее за шею...

Это наш герой. Пока что безымянный — в те древние времена имен еще не было. (Но чтобы кинозритель XX века смог приметить его с тех доисторических времен, оставим ему... заурядную, купленую в сельпо шапку-ушанку с оборванными тесемками и потешно обвислыми ушами.) Наш безымянный герой неумело бормочет только одно понятное современному цивилизованному человеку слово:

— Муя! Муё! Моя!

Услыхав уже явственное и отчетливое: «Моя!» — корова замолкает и покорными, печальными глазами обреченно смотрит на своего покорителя. Покоритель победно ухмыляется... И в ответ ему раздается, как бы доносящийся из тьмы веков, голос:

«Эта смешная и немного грустная история началась еще в глубокой древности...»

Можна зразумець рэжысёра: без дадатковай падсветкі гісторыя Лявона Чмыха на экране магла б выглядаць занадта камернай. Але, надаўшы ёй такую глабальную абагульненасць, глыбокую рэтраспекцыю, ён не здолеў адшукаць надзейных кантрапунктаў, якія перакінулі б масткі да тых вельмі канкрэтных, пэўным чынам абумоўленых праблем, над вырашэннем якіх ламалі галаву героі п'есы і сцэнарыя. Парадокс заключаецца ў тым, што, замахнуўшыся на шырокае абагульненне, аўтары фільма звузілі «спектр» разумення, асвятлення некаторых праблем. Думаецца, залішне шчодрай была ў сваіх ацэнках І. Вішнеўская, калі сцвярджала:

«І вельмі правільна, здаецца мне, пабудаваны тыя сцэны фільма «Рогатый бастион», якія зроблены па п'есе «Лявоніха на арбіце», дзе карова гэта, прадмет асаблівай любві Лявона, зроблена ў выглядзе мультыплікацыі. Нейкая мультыплікацыйная карова з вялізнымі, па-дурному расстаўленымі ў розныя бакі рагамі мітусіцца па экране, нібы адлучаючы, «адбіваючы» сур'ёзныя эпізоды камедыі. Карова тут несур'ёзная, яна жарт, яна «муль-

цяшка», япа дзіцячая прыдумка, цацка, забава, з якой носіцца даросле дзіця, чым бы ні цешылася, абы не плакала. А калі мультыплікацыйная бела-ружовая карова знікае, на экран выступаюць рэальныя сур'ёзныя-смешныя людзі з макаёнкаўскай камедыі, якіх турбуе, непакоіць, прымушае пакутаваць нешта, нашмат больш важнае, істотнае, чым тоўстая ўласная карова» (Вишневская И. Комедия на орбите. М., 1979, с. 138).

Што праўда, то праўда: карова ў фільме і сапраўды выглядае несамавіта, але гэтак жа выглядае ў ім і Лявон. А ў п'есе ён — фігура ў нечым маштабная, таму і праблемы, да якіх ён дачыняецца, выглядалі адпаведна. У пісьмах, якія згадваліся вышэй, рэжысёр выказваў крыўду на аўтара за тое, што ён, маўляў, упарта не згаджаецца на скарачэнне «размоў» у сцэнарыі. Драматурга ж па сутнасці папракаць не варта было: для яго гэтыя «размовы», дыялогі — адзіная магчымасць прасвятліць уласную пазіцыю, вытлумачыць характары герояў. Можна з поўнай упэўненасцю сказаць, што далёка не ўсе змяненні, якія атрымаў сцэнарый у параўнанні з п'есай, пайшлі яму на карысць.

Праўда, некаторыя з іх былі арганічнымі: сцэна на рыбалцы, у сельскім клубе і іншыя. Арганічным было і пашырэнне колькасці дзейных асоб. У сцэнарыі з'явіліся наступныя персанажы: бібліятэкар, жонка Глуздакова, сяброўка Соні, кіраўнік танцаў, парыхтоўшчык у прыёмнай, калгаснік фермы, баяніст, даярка на сватаўстве, наведвальнік райвыканкома, медсястра палікінікі, артыст самадзейнасці, пажылы калгаснік на сходзе, калгасніца на сходзе. Уносіліся змяненні і ў сам сцэнарый. Напрыклад, сцэны ў бібліятэцы ў пачатковым варыянце атрымалі наступны выгляд:

«Левон вошел в вестибюль клуба. В вестибюле шли занятия хореографического кружка. Девушки, которых мы уже видели на колхозных фермах, на сватовстве у того же Левона, под руководством тощей, пожилой женщины, видимо специально приглашенной из города, разучивали народный танец.

Левон покосился на знакомых доярок и телятниц и машинальным жестом пригладил свои редкие, недосмотренные усы. Под монотонную команду руководительницы «раз-два-три» девушки выполняли упражнения. Заметив Левона, некоторые из них застеснялись. Тогда тощая руководительница грозно посмотрела на Левона, и он, предупредительно выставив ладони, торопливо засеменил...»

Некалькі разоў вар'іраваўся фінал сцэнарыя. На адным з этапаў яго дапрацоўкі тая несур'ёзная, мультыплікацыйная карова мусіла самахоць рушыць на ферму. І ніякіх праблем! А яны былі. Ды яшчэ якія! Для параўнання прывядзём урывак яшчэ з адной драмы — жыццёвай. Даярка падмаскоўнага саўгаса «Пятроўскае» Герой Сацыялістычнай Працы Лідзія Мікалаеўна Міронава ўспамінае мінавіта той час, пра які ідзе гаворка ў сцэнарыі «Рогатый бастион»:

«Мы мелі свае ўчасткі, вырошчвалі кукурузу, гародніну. Такі вялізны гарбуз аднойчы вырасцілі — на ВДНХ трапілі! Мае бацька і маці заўсёды ў павазе хадзілі. Сумленна ўсякую работу выконвалі...

Іншае памятаю. Як зводзілі са двара нашу карову Зорку (дарэчы, і Лявонаву карову звалі гэтак жа.— *С. Л.*). Карміць не было чым. У пачатку шасцідзесятых. Калі аналчыліся супраць

асабістых надсобных гаспадарак... Як плакала Зорка, якія буйныя слёзы каціліся. І як плакалі, крычалі мы, дзеці... З таго самага дня і кіпіць ува мне нянавісць да ўсякага бюракратычнага нахрапу, галавацяпства, бяздушнасці» («Правда», 1986, 22 лістапада).

Вось тыя пачуцці, якіх не хапіла стваральнікам фільма і дэфіцыт якіх не дазволіў фільму стаць падзеяй беларускага кінематографа. Асобныя ўдалыя моманты, яркія мастацкія знаходкі — у тым ліку і рэжысёрскія — не здолелі выратаваць фільм у цэлым.

ПОСЛЕ ЯРМАРКИ (с. 205—235)

Сцэнарый поўнаметражнага тэлевізійнага каляровага мастацкага фільма «После ярмарки» напісаны па матывах славутай камедыі Янкі Купалы «Паўлінка». Першае абмеркаванне на мастацкім савеце ВТА «Тэлефільм» адбылося 13 сакавіка 1972 года. «Мастацкі савет,— гаварылася ў заключэнні гэтага абмеркавання,— з задавальненнем адзначае, што аўтар насычае сцэнарый новымі эпізодамі (кірмаш, свята Івана Купалы), імкнецца максімальна напоўніць іх дзеяннем, народнымі танцамі, народнымі абрадамі і звычаямі, уводзіць новыя асобы, якія ўвасабляюць сабой самадзяржаўе. Напрыклад, гратэскавая, велічная і тупая фігура гарадавога. Аўтар выпісвае яго са здзекам і разам з народам пацяшаецца над яго дурнотай.

Перайшоў у сцэнарый галоўны матыў п'есы — разрыў з патрыярхальным бытам, імкненне герояў да свабоды. Захавана сацыяльна-палітычнае гучанне, узмоцнена галоўная тэндэнцыя — паказ выспявання сіл рэвалюцыі ў Беларусі. Гэта выяўлена не толькі ў вобразах Якіма Сарокі і Паўлінкі, але і ў вобразе студэнта і ў паводзінах народа на кірмашы.

У поўнай меры адлюстраваны быт беларускіх сялян, іх духоўная і маральная перавага над шляхцічамі» (ЦДАМЛМ БССР, ф. 112, в. 1, адз. зах, 727, с. 27).

У час абмеркавання адзначалася, што А. Макаёнак удала выкарыстаў прыёмы камічнага, што ўсе выйгрышныя камічныя сітуацыі ён здолеў размясціць у пэўным інтэнсіўным рытме. У параўнанні з п'есай у сцэнарыі уведзена нямала вострых сатырычных момантаў (сітуацыя з партрэтам цара, з пераблытаным Агатай абозам і інш.).

На фоне агульных высокіх ацэнак амаль згубіліся крытычныя заўвагі ў адрас сцэнарыя, хоць і былі яны дастаткова сур'ёзныя. Быў выказаны, напрыклад, папрок, што сцэнарыст змяніў некаторыя характары п'есы, ды, на жаль, толькі ў бок іх павярхоўнага завастрэння. Вобразы галоўных герояў згубіліся сярод другарадных. Не ўсё дакладна прасветлена ва ўзаемаадносінах Паўлінкі і Якіма. Выказваліся таксама заўвагі наконт трактоўкі вобраза Быкоўскага. У п'есе ён яркі камедыйна-сатырычны персанаж, тупы, пыхлівы і нікчэмны шляхцюк, жаніх-няўдачнік, над якім усе пацяшаюцца. У сцэнарыі з-за скарачэння сцэн с танцамі, дыялогаў паміж Быкоўскім і Паўлінкай, Быкоўскім і музыкантамі яго вобраз набыў хутчэй рысы знешняй гратэскавасці, чым унутранай значнасці характару.

Было заўважана, што не ўсе новыя эпізоды арганічна ўплятаюцца ў агульны рытм сцэнарыя. У сувязі з гэтым крытыкаваўся і яго фінал. Зрэшты, адзначаныя недахопы, на думку мастац-

кага савета, мелі прыватны характар, таму на дапрацоўку аўтару вызначылі вельмі кароткі тэрмін — два тыдні. У пачатку красавіка 1972 года пачалася непасрэдная падрыхтоўка да здымкаў фільма. Узніклі некаторыя праблемы з выбарам акцёраў-выканаўцаў асноўных ролей. Яшчэ на абароне пастановачнага праекта была выказана незадаволенасць тым, што не змаглі, дакладней, не захацелі адшукаць беларускіх акцёраў. Самі па сабе вельмі цікавыя акцёры Б. Новікаў і М. Пугаўкін не маглі спасцігнуць нацыянальны каларыт увасабляемых характараў. Больш таго, яны не здолелі нават пераадолець маскоўскі «гаварок». І ўсё ж пасля многіх проб ролі былі размеркаваны наступным чынам: Паўлінка — Л. Сенчына, Крыніцкі — Б. Новікаў, Альжбета — Г. Макарава, Пустарэвіч — М. Пугаўкін, Агата — Л. Маліноўская, Быкоўскі — А. Мілаванаў, Сарока — І. Гаўрылюк, Студэнт — В. Турмовіч, Станавы прыстаў — С. Чэкан, Ураднік — Г. Аўсяннікаў, Поп — С. Хацкевіч. Апрача іх над фільмам працавалі: рэжысёр — Ю. Цвяткоў, аператар — М. Браудэ, гукааператар — Г. Басько, кампазітар — Я. Глебаў, мастак — С. Бжастоўскі.

Фільм у асноўным здымаўся ў Смалявічах, толькі сцэны кірмашу здымалі ў Браславе. Здымкі па розных прычынах зацягнуліся, спатрэбілася так званая пралангацыя. Некалькі эпізодаў давялося здымаць у Ленінградзе, бо Л. Сенчына катэгарычна адмовілася прыязджаць у Беларусь звыш ліміту, абумоўленага дагаворам. Здавалі фільм 23 снежня 1972 года. На яго прыёмцы думкі падзяліліся. Калі фільм у аснове сваёй прызнаваўся ўдалым, то па многіх выяўленчых аспектах выказваліся крытычныя заўвагі. Часам дастаткова вострыя. Не ва ўсім задаволіла рэжысёрская работа, былі заўвагі па касцюмах, па акцёрскім выкананні. Сур'ёзна крытыкаваўся Б. Новікаў, які, на думку многіх выступаючых, стварыў не жывы, паўнакроўны вобраз, а задаволіўся характарнай маскай, іграючы толькі п'яніцу, і больш нічога. А вобраз Крыніцкага багаты не толькі ў плане індывідуальна-псіхалагічным, але і ў сацыяльным. Акцёр здолеў бы адшукаць у характары героя шмат цікавых рысаў, калі б паспрабаваў, напрыклад, дакапацца да вытокаў палкага жадання Крыніцкага з панамі знацца, над шэрым мужыком узняцца. Шмат заўваг было выказана ў адрас А. Мілаванава, выканаўцы ролі Адольфа Быкоўскага. Нечакана прыязна была ўспрынята работа Л. Сенчынай над вобразам Паўлінкі. Абаяльная, лірычная артыстка Ленінградскага тэатра музыкальнай камедыі хутчэй інтуітыўна, чым усвядомлена (для грунтоўнай падрыхтоўчай працы проста не ставала часу) пранікласа адчуваннем вобраза сваёй гераіні, здолела заглыбіцца ў яе складаны духоўны свет. Па астатніх ролях выказвалася таксама шмат цікавых заўваг. Гэтыя рабочыя абмеркаванні мелі на мэце палепшыць (што магчыма) фільм, перад тым як пускаць яго на публіку. А пазнаёміцца з ім глядач атрымаў магчымасць у пачатку 1973 года. Грамадскасць фільм прыняла. Перыядычны друк цёпла вітаў выхад яго на шырокую глядацкую аўдыторыю. Мікола Прашковіч свае адносіны да фільма выразіў ужо і ў самой назве рэцэнзіі: «Добры дзень, Паўлінка».

«Драматург А. Макаёнак,— пісаў рэцэнзент,— выкарыстаў літаратурны тэкст Янкі Купалы, можна сказаць, далікатна. Толькі ў адным месцы заўважаеш значную змену ў параўнанні з першакрыніцай — гэта эпізод вянчання Якіма і Паўлінкі.

Прыгадаем, што і раней пазіралася тэндэнцыя змяняць кан-

цоўку славутай п'есы, хоць гэта прыводзіла да адхілення ад задумы пісьменніка. У сцэнарыі «Пасля кірмашу», які напісаны па матывах п'есы, такі адыход зусім натуральны. Магчымасці экрана значна шырэй за сцэнічныя...

Янка Купала пісаў камедыю ва ўмовах жорсткай царскай цэнзуры. Таму некаторыя матывы ім нібы прыхаваны ў «падтэксце». Экран мог больш ярка выявіць іх, паказаць герояў на багатым гістарычным фоне тагачаснага жыцця.

Спроба зрабіць гэта адчуваецца і ў тым, як «перакладаў» на экранную мову п'есу А. Макаёнак, і ў рэжысёрскіх распрацоўках масавых сцэн Ю. Цвяткова («Літаратура і мастацтва», 1973, 3 ліпеня).

Ацэнкі фільма ў перыядычным друку мала адрозніваліся ад ацэнак яго на мастацкім савеце, прыёмачных і іншых камісіях. Высока ацэнены рэцэнзентамі і гледачамі выкананне ролі Альжбеты народнай артысткай СССР Г. Макаравай, Агаты — артысткай Л. Маліноўскай. Сур'ёзныя закіды рабіліся артыстам Б. Новікаву, М. Пугаўкіну, А. Мілаванаву. Стварыўшы па-свойму яркія, каларытныя вобразы, яны не раскрылі сваіх герояў як сацыяльныя тыпы. Адзначаліся пэўныя акцёрскія знаходкі Г. Аўсяннікава ў вобразе ураднікa і С. Хацкевіча ў вобразе папа.

Фільм «После ярмарки» перыядычна дэманструецца па Беларускім і Усесаюзным тэлебачанні.

БОЛЬШАЯ ОПАСНОСТЬ (с. 236—283)

Сцэнарый спачатку пісаўся па-беларуску і меў назву «Сем'ям пагражала небяспека». Потым у заяўках для кінастудыі паслядоўна ўзнікалі новыя назвы: «Война и семья», «Если дать им оружие», «Ты помнишь, товарищ», «Внимание, опасность»... Сцэнарый цалкам не друкаваўся. Урывак пад назвай «Сем'ям пагражала небяспека» змяшчаўся ў газеце «Літаратура і мастацтва» (1960, 7 мая). Ва ўрэзцы да гэтай публікацыі гаварылася: «Драматург Андрэй Макаёнак закончыў кінасцэнарый, прысвечаны баявой дружбе чэхаў і беларускіх партызан у гады Вялікай Айчыннай вайны. Аўтар скарыстаў сапраўдныя факты баявой дзейнасці партызан Гомельшчыны». А яшчэ раней у дзень трыццацідзевяцігоддзя пісьменніка газета «Чырвоная змена» надрукавала яшчэ адзін урывак, які называўся «На адной дарозе» з уступным словам аўтара сцэнарыя. У ім А. Макаёнак паведамляў: «Навекі праславілі наш народ самаадданыя савецкія патрыёты ў гады Вялікай Айчыннай вайны не толькі на фронце, але і на акупіраванай тэрыторыі, дзе ішла цяжкая і жорсткая барацьба супраць фашысцкай навалы... У першых радах смелых і мужных, адважных і непахісных патрыётаў былі камсамольцы і моладзь. Аб іх гераічных справах, аб цяжкасцях барацьбы ў тыле ворага, аб маладых партызанах, сувязных, разведчыках і расказваецца ў маім кінасцэнарыі, дзе галоўным героем будзе камсамолец Кузьма.

У час вайны гітлераўскае камандаванне выкарыстоўвала вайсковыя часці розных еўрапейскіх краін, акупіраваных фашыстамі, для абслугоўвання сваіх тылоў на нашай зямлі. Былі тут вайсковыя часці і чэхаў. Аднак сімпатыі чэхаў былі на баку нашага народа. Салдаты-чэхі і славакі пры першым выпадку пераходзілі да нас у партызаны. І потым пляча к плячу змагаліся за вызваленне сваіх народаў ад фашысцкіх акупантаў.

Ніжэй друкуецца ўрывак са сцэнарыя, дзе расказваецца аб першай сустрэчы партызана Кузьмы з салдатамі-чэхамі» («Чырвоная змена», 1959, 12 лістапада).

Публікуючы урыўкі са сцэнарыя, аўтар спадзяваўся, што які-небудзь рэжысер загарыцца жаданнем зняць фільм. Але спадзяванні аказаліся марнымі.

Першы варыянт сцэнарыя паступіў на кінастудыю яшчэ ў верасні 1959 года. Ен меў зусім іншы пачатак.

Апрача некалькіх экземпляраў тэкстаў сцэнарыя ў архіве пісьменніка захавалася няшмат дакументаў, якія раскрывалі б гісторыю яго напісання. Есць, праўда, на асобным аркушы паперы спіс дзейных асоб: Кузьма, дзед Мікіта, Лена, Мілан, Дорык, Гюнтэр, Пашка, Васіль, настаўнік, жонка Пашкі, стараста, камандзір, немец-фельдфебель, Ганна. Складзены ён, відаць, у самым пачатку работы над сцэнарыем, бо не ахоплівае ўсіх персанажаў, якія ёсць у канчатковым яго варыянце. У гэты ж час, мусіць, складаўся і план сцэнарыя з васьмі пунктаў: у палоне /у няволі/; дзвюм смярцям не бываць; жывыя; дома /родныя людзі/; зноў са зброяй; помста; бесчалавечнасць; палонныя-саюзнікі; капкан /у сецях/; здрада; браты-славяне; адплата. Несумненную цікавасць уяўляе заключэнне мастацкага савета кінастудыі, падпісаны начальнікам сцэнарнага аддзела М. Гарулёвым:

«Представленный студии первый вариант сценария «Семьям угрожает опасность» раскрывает очень важную и актуальную тему борьбы за мир. Сюжет сценария интересен. Автору в известной мере удались образы главных героев и, в первую очередь, центральный образ Кузьмы. Однако сценарий нуждается в серьезной доработке.

Художественный совет рекомендует автору:

1. Усилить центральный образ Кузьмы, как одного из характерных представителей партизанского движения, наделив его индивидуальными чертами. Это дает возможность сделать ярче поединок Кузьмы и Гюнтера. Следует также отметить, что многие свои героические поступки Кузьма совершает без особых трудностей, слишком легко побеждает врага, действует в одиночку.

2. Более очерченным должен выглядеть комендант Гюнтер, как опытный и сильный противник Кузьмы. Пока что этот образ не получил в сценарии достаточной драматургической и сюжетной нагрузки.

3. Партизанская война должна предстать масштабной, как народная война за свободу и независимость своей Родины.

4. Необходимо продумать в сценарии образы предателей. Видимо, акцент должен остаться на образе Пашки, а полицаи и старосты должны играть в сюжете второстепенные роли...

5. Сильнее надо сделать образ жены Пашки — Ольги, подчеркнув ее честность, преданность Родине, непримиримость к мужу-предателю».

Трэба паставіць сябе на месца аўтара, каб цалкам зразумець усю няпэўнасць заўваг, абстрактнасць патрабаванняў. Чаго варта хоць бы заўвага-пажаданне: «Партызанская вайна павінна прадстаць маштабнай, як народная вайна за свабоду і незалежнасць сваёй Радзімы». Менавіта такой яна і прадстаўлена ў сцэнарыі. З самага пачатку, з самых першых варыянтаў. А патрабаванне «ўзмацніць» вобраз жонкі Пашкі, падкрэсліўшы яе сумленнасць, адданасць Радзіме, само па сабе рацыянальнае. Але падкрэс-

ліванне гэта, аказваецца, патрэбна для таго, каб фарсіраваць пачуцці непрымірымасці Вольгі да мужа-здрадніка. Такое патрабаванне аўтар ні ў якім разе прыняць не мог, бо гэта прывяло б да відавочнай схематызацыі вобразаў, збедніла б не толькі самі характары, але і драматызм барацьбы з фашысцкімі акупантамі.

Зрэшты, рэагаваць на заўвагі аўтару даводзілася абавязкова. Іншая справа — у якой меры. А. Макаёнак быў не з тых, хто ішоў на любыя пераробкі, толькі б паставіць свой сцэнарый. Працуючы над удасканаленнем «Большой опасности», ён ні ў чым не паграшыў супраць сваіх мастакоўскіх прынцыпаў. Канчатковы варыянт сцэнарыя аўтар здаў на кінастудыю 16 студзеня 1960 года. Больш года працягваліся перагаворы, удакладненні, узгадненні, пакуль новыя творчыя задумы не прымусілі драматурга, як гаворыцца, махнуць на сцэнарый рукой. І ўсё ж у творчым плане работа над такім матэрыялам не прапала марна. Без яе А. Макаёнку было б і складаней і, прынамсі, не так вольна і ўпэўнена працаваць над трагікамедыяй «Трыбунал».

НЕ ПАКІНЕШ МЯНЕ (с. 284—331)

Сцэнарый быў завершаны ў студзені 1969 года. Цалкам нідзе не друкаваўся. Урывак пад назвай «Не пакінеш мяне» публікаваўся ў часопісе «Вожык» (1970, № 21). Гэта была апошняя спроба А. Макаёнка супрацоўніцтва з кінематографам. На кінастудыі адбылося традыцыйнае абмеркаванне сцэнарыя, былі зроблены адпаведныя заўвагі, дадзены тэрмін на дапрацоўку. Аднак драматург больш на кінастудыю не прыйшоў. Навучаны горкім вопытам ранейшага супрацоўніцтва з «Беларусьфільмам», ён вырашыў перарабіць сцэнарый у п'есу. Атрымалася вясёлая і вельмі сур'ёзная па праблематыцы камедыя-рэпартаж «Таблетку пад язык». Сцэнарый таксама задумваўся як своеасаблівы рэпартаж. У некалькіх серыях пісьменнік збіраўся паказаць жыццё сучаснай вёскі, асэнсаваць вынікі навукова-тэхнічнай рэвалюцыі ў сельскім побыце. І не яго віна, што гэта задума не рэалізавалася. Калі чытаеш уступ да сцэнарыя, то без цяжкасці ўлоўліваеш сумненні пісьменніка ў магчымасці падобнай рэалізацыі.

«Быў многасерыйны фільм пра Тарзана. Былі пра шпіёнаў. Пра воінскія подзвігі, здаецца, таксама былі. А што, калі пра вёску, пра сённяшнюю? Многасерыйны? Вясёлы! Нават забаўны! А? Задума такая ёсць. Матэрыялу хапае. Навукова-тэхнічная рэвалюцыя, якая крочыць па планеце, зайшла і ў нашу вёску. І цяпер там адбываюцца цікавыя працэсы. Пачынаецца нешта вельмі новае. Вось аб гэтым бы некалькі серый, а?»

Вось гэта запытальна-рытарычнае «аканне» ішло не ад позы, не ад рысоўкі, а ад шчырай няўпэўненасці. Таму і спыніўся пісьменнік на «першай серыі», пераплавіўшы матэрыял сцэнарыя ў п'есу. У сюжэтна-фабульным плане фільм задумваўся маштабным, шырокапанарамным. Зусім натуральна, што ў п'есу ўвесь матэрыял змясціцца не мог. Давялося адмовіцца і ад некаторых герояў: механік-самавучка Сцяпан, загадчыца птушкафермы Юля, бацька і маці Юлі, шафёр Аркадзь і іншыя. Рэканструяваны многія дыялогі, а сентэнцыі аб прыродзе любві і ляласкі да зямлі прамаўляе не дзед Цыбулька, а сам Каравай. Па-іншаму выглядаюць у сцэнарыі некаторыя героі і г. д.

Сцяпан Лаўшук

ЗМЕСТ

КІНАСЦЭНАРЫІ

Твой хлеб. *Сцэны сельскага жыцця* 7

У адзінай сям'і. *Сцэнарый дакументальнага кінафільма* 56

Счастье надо беречь. *Литературный сценарий по повести А. Кулаковского «Невестка»* 63

Кандрат Крапіва — народны пісьменнік. *Сцэнарый дакументальнага фільма* 121

Рогатый бастноп. *Киносценарий по пьесе «Левониха на орбите»* 139

После ярмарки. *Литературный сценарий полнометражного художественного цветного музыкального телефильма (по мотивам пьесы Янки Купалы «Павлинка»)* 205

Большая опасность. *Киносценарий полнометражного художественного фильма* 236

Не пакінеш мяне. *Літаратурны сцэнарый тэлевізійнага вясёлага фільма* 284

Каментарыі 332

Макаёнак А.
М 15 Збор твораў. У 5 т. Т. 3. Кінасцэнарыі. /Уклад і камент. С. С. Лаўшука.— Мн.: Маст. літ., 1989.—351 с., [4] л. іл.
ISBN 5-340-00096-6.
Макаенок А. Собрание сочинений. Т. 3. Киносценарии.

У трэцім томе Збору твораў Андрэя Макаёнка чытачы пазнаёмяцца з кінадраматургіяй. Прапануюцца літаратурныя сцэнарыі фільмаў «Твой хлеб», «У адзінай сям'і», «Шчасце трэба берагчы», «Кандрат Крапіва», «Рагаты баставён», «Пасля кірмашу», «Вялікая небяспека» і «Не пакінеш мяне».

ББК 84Бел7

М $\frac{4702120203-053}{М 302(03)-89}$ 95—89

Литературно-художественное издание

Макаенок Андрей Егорович

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ПЯТИ ТОМАХ

Том 3

Киносценарии

Минск, издательство «Мастацкая літаратура»
На белорусском и русском языках

Літаратурна-мастацкае выданне

Макаёнак Андрэй Ягоравіч

ЗБОР ТВОРАЎ
У ПЯЦІ ТАМАХ

Том 3

Кінасцэнарыі

Рэдактар *М. І. Котаў*. Мастак *Ю. М. Цюрын*. Мастацкі рэдактар *Л. Я. Прагін*. Тэхнічны рэдактар *Т. М. Сокал*. Карэктар *Л. Т. Калюжная*.

ІБ № 2700

Здадзена ў набор 17.06.88. Падп. да друку 29.12.88. Фармат 84×108 1/32. Папера друк. № 1. Гарнітура звычайная новая. Высокі друк. Ум. друк. арк. 18,48+0,42 укл. Ум. фарб.-адб. 19,32. Ул.-выд. арк. 19,80. Тыраж 7000 экз. Зак. 1564. Цана 1 р. 60 к.

Выдавецтва «Мастацкая літаратура» Дзяржаўнага камітэта БССР па справах выдавецтваў, паліграфіі і кніжнага гандлю. 220600, Мінск, праспект Машэрава, 11.

Мінскі ордэна Працоўнага Чырвонага Сцяга паліграфкамбінат МВПА імя Я. Коласа. 220005, Мінск, Чырвоная, 23.